Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

№1 (19) февраль 2016

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Лоскутов Владимир Анатольевич –
доктор философских наук, профессор, директор Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ирина Дмитриевна Тургель *(заместитель главного редактора)* – д.э.н., профессор, заместитель директора, заведующая кафедрой экономики и управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Наталья Ринатовна Балынская – д.полит.н., профессор, директор института экономики и управления Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова;

Сергей Николаевич Большаков – д.полит.н., д.э.н., профессор, декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

Игорь Вячеславович Выдрин – д.ю.н., профессор, директор института муниципального развития, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Юрий Геннадьевич Ершов – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Наталия Борисовна Костина – д.с.н., профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала РАНХиГС;

Владимир Яковлевич Любовный – д.э.н., главный научный сотрудник Института макроэкономических исследований Министерства экономического развития Российской Федерации, академик (действительный член) Российской академии архитектуры и строительных наук;

Игорь Николаевич Молчанов – д.э.н., профессор, заместитель заведующего кафедрой экономики социальной сферы экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Василий Николаевич Руденкин – д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социально-политических и психологических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, действительный член Российской академии политических наук;

Тамара Керимовна Ростовская – д.с.н., профессор, профессор кафедры социологии и организации работы с молодежью; Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова;

Яков Петрович Силин – д.э.н., ректор Уральского государственного экономического университета;

Вячеслав Васильевич Скоробогацкий – д.ф.н., профессор, заместитель директора Уральского института управления – филиала РАНХиГС, Заслуженный работник высшей школы РФ;

Наталия Геннадьевна Чевтаева – д.с.н., доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геннадий Эдуардович Бурбулис – к.ф.н., Первый заместитель руководителя Центра мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центра мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, действительный государственный советник 3 класса;

Патрик Грей – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания);

Кармин Скаво – д.полит.н., директор программы подготовки магистров в сфере государственного управления Университета Восточной Каролины (США);

Джеффри Хайнс – профессор, факультет права, государственного управления и международных отношений, Университет Лондон Метрополитен (Великобритания).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал включен в новую редакцию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим направлениям: социология, экономика, политология, юриспруденция.

© РАНХиГС, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКИМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Гончаров Г. А.
Управление институциональными изменениями: сложности и их решение на пути к успеху . . . **7**

Токарева П. В.
Управление устойчивым развитием территории на основе концепции meta-governance. **12**

Джахбаров Ю. А.
Социальное управление как обеспечение стабильности и предупреждение преступного деяния . . **19**

Ваторопин А. С., Семина М. С.
Управление формированием имиджа губернатора как лидера общественного мнения **24**

Винокурова Е. И.
Управление социально-экономической адаптацией и интеграцией внешних мигрантов в российский социум **28**

Бабошин О. А.
Конституционно-правовые основы организации муниципальной власти в Российской Федерации **35**

Семченко О. Р.
СМИ и Интернет как управленческие инструменты обеспечения политической стабильности . **42**

Гусев В. В., Гусева Я. В.
Государственно-частное партнерство в инновационной сфере как основа консолидированного управления современной экономикой **53**

Фельдман М. А.
Система социального партнерства на предприятиях Свердловской области и проблема эффективности ее регулирования **59**

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ

Разорвин И. В., Шарапова В. М., Усова Н. В.
Сегментация потребительских рынков крупных городов Урала как инструмент формирования маркетинговых приоритетов их развития . . . **66**

Бодрова Ж. А., Логинов М. П.
Опыт использования инструментов маркетинга для повышения инвестиционной стоимости территории **77**

Рожков Е. В.
Совершенствование управления и распоряжения собственностью в условиях приватизации (на примере Пермского края) **86**

Медведев П. С.
Доходы населения Ямало-Ненецкого автономного округа как объект регионального управления в сложных экономических условиях **96**

Махмудова М. М.
Современные трансформации управления инвестиционной деятельностью предприятий в условиях экономической нестабильности (на примере Свердловской области). **104**

Гуляев П. В.
О специфике систем управления экономикой в ресурсных регионах России **110**

Аюрзанайн А. Б., Галданова Е. В.
Повышение эффективности управления сельским хозяйством на основе пространственного потенциала (на примере Республики Бурятия) **123**

Молчанов И. Н., Молчанова Н. П.
Финансовый аспект в управлении формированием и развитием территориальных кластеров . . . **132**

Киселева Н. Н., Боровикова Н. В.
Управление структурными изменениями в промышленности регионов Северо-Кавказского федерального округа. **142**

Ковбасюк А. А.
Зарубежный опыт государственной поддержки производства зерновых культур. **148**

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Богунов Л. А.
Методы управления экономического мышления менеджера. **156**

Старцев Ю. Н., Тараданов А. А.
Сетевой механизм компетентного управления персоналом **165**

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Бутко Г. П., Поротников П. А.
Маркетинговые исследования: управление конкурентоспособностью предприятия **170**

Витик С. В., Риттер И. В.
Роль КСО в формировании социально-трудовых отношений современной организации **177**

Костко Н. А., Ковригина Т. А.
Сравнительный анализ корпоративной социальной ответственности российских и иностранных нефтегазовых компаний на территории Арктической зоны Российской Федерации (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) **182**

Воронина Л. П., Алексеева К. С.
Особенности управления качеством рабочего места в органах государственной власти **191**

Костина Н. Б., Елагина Р. Х.
Менеджеры и собственники бизнес-организаций об ориентациях студентов Башкортостана на труд в сфере малого и среднего предпринимательства **199**

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в журнале . . 204

CONTENTS

CONTROL OF SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES

Goncharov G. A.
Control of institutional changes: problems and their solution on the way to success **7**

Tokareva P. V.
Managing the sustainable development of the territory on the basis of the meta-governance concept. **12**

Dzhakhbarov Yu. A.
Social governance as ensuring stability and preventing a criminal act **19**

Vatoropin A. S., Syomina M. S.
Monitoring the governor's image development as a leader of public opinion **24**

Vinokurova E. I.
Management of Socio-economic adaptation and integration of external migrants in the Russian society **28**

Baboshin O. A.
Constitutional and legal framework of the Organization of municipal authorities in the Russian Federation **35**

Semchenko O. R.
Media and Internet as management tools for political stability **42**

Gusev V. V., Guseva Ya. V.
Public-private partnership in the innovation sphere as a basis for consolidated management of modern economy **53**

Feldman M. A.
The social partnership system in enterprises of the Sverdlovsk region and the problem of the efficiency of its regulation **59**

MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Razorvin I. V., Sharapova V. M., Usova N. V.
Segmenting consumer markets of major cities in the Ural region as a tool of formation of marketing priorities for their development **67**

Bodrova Z. A., Loginov M. P.
Experience of using marketing tools to enhance the investment value of the territory **77**

Rozhkov E. V.
Improving the management and disposal of property in the context of privatization (examplified by Perm territory) **86**

Medvedev P. S.
Incomes of Yamalo-Nenets Autonomous area as an object of regional governance in challenging economic environment **96**

Makhmudova M. M.
Modern transformations in managing investment activity of enterprises under the conditions of economic instability (exemplified by the Sverdlovsk region) **104**

Gulyaev P. V.
On specifics of economy management systems in resource-based regions of Russia **110**

Ayurzanain A. B., Galdanova E. V.
Improving agricultural management efficiency on the basis of spatial potential (exemplified by The Republic of Buryatia) **123**

Molchanov I. N., Molchanova N. P.
The financial aspect in managing formation and development of territorial clusters **132**

Kiseleva N. N., Borovikova N. V.
Managing industry structural changes in the regions of the North Caucasian Federal District. . . . **142**

Kovbasyuk A. A.
Foreign experience of the state support of grain crop production **148**

CORPORATE MANAGEMENT

Bogunov L. A.
Administrative methods of economic thinking of managers **156**

Startsev Yu. N., Taradanov A. A.
Network mechanism of competent personnel management **165**

Butko G. P., Porotnikov P. A.
Marketing research: corporate competitiveness management **170**

Vitik S. V., Ritter I. V.
The role of CSR in the formation of social-labor relations in modern organizations **177**

Kostko N. A., Kovrigina T. A.
Comparative analysis of corporate social responsibility of russian and foreign oil and gas companies in the Arctic zone of the Russian Federation (exemplified by the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) . . . **182**

Voronina L. P., Alekseeva K. S.
Specific features of workspace quality management in public bodies **191**

Kostina N. B., Elagina R. H.
Managers and owners of business-organizations about the orientation of the Bashkortostan students to work in the field of small and medium business **199**

Requirements to publication of articles in the journal 207

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

УПРАВЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ: СЛОЖНОСТИ И ИХ РЕШЕНИЕ НА ПУТИ К УСПЕХУ

Гончаров Г. А.

консультант, Администрация Правительства Кировской области (Россия), Вятский государственный университет (Россия), 610019, Россия, г. Киров, ул. Карла Либкнехта, д. 69, каб. 402, gr.goncharov@mail.ru

УДК 316.334:35
ББК 60.82

Цель. Выявление причин низкой результативности институтов и проблем эффективности институциональных изменений. Формулировка рекомендаций, касающихся управленческих воздействий на институты.

Методы. Осуществлялось изучение теоретико-методологической базы, использовались методы сравнительного анализа, синтеза, производилась оценка социально-экономических явлений.

Результаты. Благодаря изучению работ представителей разных научных школ и дисциплин, описаны и объединены в группы вероятные причины институциональных ошибок, обозначены возможные последствия ошибок в работе институтов, высказано предположение о возможных векторах управленческих усилий по корректировке функционирования и организации институтов.

Научная новизна. Представлен один из возможных алгоритмов управления институциональными изменениями. Подчеркнута необходимость построения организационно-логической структуры института как залога успеха воплощения институциональных преобразований.

Ключевые слова: институциональные изменения, формальные и неформальные правила, институциональные ошибки, управление, развитие экономики.

CONTROL OF INSTITUTIONAL CHANGES: PROBLEMS AND THEIR SOLUTION ON THE WAY TO SUCCESS

Goncharov G. A.

Consultant, Administration of the Government of Kirov region (Russia), Vyatka State University (Russia), off. 402, 69, Karl Liebknecht str., Kirov, Russia, 610019, gr.goncharov@mail.ru

Purpose. To determine the causes of low efficiency of institutions and problems of the effectiveness of institutional changes. The formulation of recommendations concerning the management impact on institutions.

Methods. The author carried out a study of the theoretical and methodological framework, used methods of comparative analysis, synthesis, assessed socio-economic phenomena.

Results. Through the study of research papers of different scientific schools and disciplines the author described and combined in groups possible causes of institutional errors, outlined consequences of errors in the work of the institutions, suggested possible vectors of management efforts on adjusting the functioning and organization of the institutions.

© Гончаров Г. А., 2016

Scientific novelty. The author presented one of the possible algorithms of institutional changes control; emphasized the need to build organizational and logical structure of the institute as collateral success of institutional changes embodiment.

Keywords: institutional changes, formal and informal rules, institutional errors, management, economic development.

Дискуссии о степени влияния институтов на мировую экономику ведутся с начала XX века. Почти полвека назад экономист и будущий нобелевский лауреат Дуглас Норт выдвинул лозунг: Институты имеют значение [1, с. 24], а эта фраза и по сей день является своеобразным девизом институциональной экономической теории. Более чем за 100 лет исследований накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, существенно расширен круг ученых изучающих данную проблематику, но границы проникновения новых подходов и механизмов в экономическую среду еще не очерчены.

Глубина падения нашей страны в период экономических кризисов последних десятилетий наглядно демонстрирует необходимость перемен понятийного и организационно-управленческого подходов в экономике. Каждый год – падения и взлеты финансовых рынков на десятки процентов. Три кризиса, три шоковых девальвации (1998, 2007–2008, 2014 г.). Самая высокая волатильность среди 40 крупнейших стран в кризис 2007–2008 гг. [2, с. 197]. Для России, как и для Европы, остается только инновационная модель развития. Но ее применение упирается в необходимость изменения институтов и культуры, которые могут повысить до максимума деловую активность [3, с. 9]. Таким образом, с точки зрения институциональной экономики на повестке дня один из важнейших вопросов – вопрос формирования и изменения институтов, в целях повышения продуктивности и устойчивости экономики и создания условий для научно-технического и социокультурного прогресса.

Научным сообществом, изучающим вопросы институциональной экономической теории, сделан вывод о том, что экономические, политические и социальные процессы, проистекающие в мире намного сложнее, чем было принято считать. Выдающимся американским ученым, нобелевским лауреатом по экономике Гербертом Саймоном описан феномен ограниченной рациональности, который служит вероятной причиной упрощения предпосылок, причинно-следственных связей и гипотез при принятии тактических и стратегических решений [4]. Кроме того, на мышление и действия индивида и групп людей накладывают свой отпечаток законодательные нормы, культурно-нравственные и религиозные ценности, национальные традиции и уклады, образование и профессиональная деятельность, а также личные интересы, выступая своего рода ограничителями (в некоторых случаях драйверами) мыслительного процесса. Все это отдаленно напоминает игру в шахматы, где набор правил регулирует поведение игроков, а ограниченная рациональность наряду с профессиональными компетенциями характеризует возможности гроссмейстера. Функционирование институтов ассоциируется с траекторией движения шахматных фигур, а комбинации с тем, как эти институты взаимодействуют друг с другом.

Развивая аналогию с шахматной партией стоит сказать о значимости институтов и миссии гроссмейстера, в роли которого может выступить государство. Представим, что гроссмейстер придумал комбинацию и просчитал ее на несколько ходов вперед, но в процессе игры выяснилось, что фигуры ходят не так как он предполагал. Следствием такого просчета может являться проигрыш в партии. Переводя на язык экономики: институты в силу тех или иных причин сработали не так, как предполагалось при стратегическом планировании. С точки зрения развития страны мы имеем потерю времени, не достижение желаемого социально-экономического эффекта, а, возможно, и более негативные результаты.

Попробуем же разобраться в истоках появления ошибок в функционировании институтов. Виной тому могут быть внутренние причины: некорректные принципы, положенные в основу структурно-логической организации института, несоблюдение общепринятых правил отдельными лицами или группами. Кроме того, вывести систему из равновесия могут внешние факторы, такие как: стремительное существенное изменение внешней среды и неадекватное управляющее воздействие со стороны властных кругов.

Предпосылками возникновения внутренних причин появления ошибок, наряду с ограниченной рациональностью, выступает преследование акторами личных целей. В экономической литературе это явление получило название оппортунизм. В общем случае оппортунизм означает предоставление неполной или искаженной информации, особенно когда речь идет о преднамеренном обмане, введении в заблуждение, искажении и сокрытии истины или других типах запутывания партнера. Он обусловливает возникновение действительной или мнимой информационной асимметрии, которая существенно усложняет задачи экономической организации [5, с. 43].

Негативные эффекты от влияния оппортунизма на функционирование институтов выражаются в неисполнении в полном объеме институциональных целей,

в торможении или противодействии институциональным изменениям, в извлечении личной выгоды в ущерб общему благу, в искажении целей, ради которых институт был создан. Искоренение оппортунистического поведения крайне интеллектуальный, затруднительный и трудоемкий процесс и, к сожалению, не исследованный до конца. При этом, если попытаться пойти по более понятному пути – пути ликвидации малорезультативных институтов, то можно понести существенные затраты и не получить желаемого результата. Так как устранение неэффективных институтов требует довольно серьезных затрат: это трудная работа, поскольку любое правило, каким бы плохим оно ни было, несет не только издержки для одних, но и выгоды для других. И заинтересованные группы далеко не всегда готовы расстаться с выгодными для себя и неэффективными для страны в целом институтами [1, с. 130].

Справедливо будет отметить, что сопротивление изменениям не во всех случаях есть проявление оппортунизма. Н. А. Ильина выделяет три компонента, из которых складывается отношение работников к нововведению: познавательный, эмоциональный и поведенческий (от энтузиазма и поддержки до явного сопротивления). При этом выводы ученого весьма значимы с точки зрения изменения общественных институтов. Выявлено, что при достаточно благоприятном отношении к технико-технологическим нововведениям фиксируется явно негативное отношение к организационно-управленческим и особенно социально-экономическим новшествам. Чем всеобъемлюще нововведение, тем хуже отношение к нему. Это явление получило название психологического барьера по отношению к новшествам [6]. Учет данной особенности позволит скорректировать информационную политику, проводимую в связи с институциональными преобразованиями.

Преодолеть проблему психологического барьера гораздо проще, нежели бороться с оппортунизмом. Достаточно подготовить общество к нововведению, избегать неожиданных решений, сопровождать действия соответствующими комментариями и разъяснениями. Зная о сути грядущих перемен, часть людей свыкнется с мыслью о неизбежности новаций, кто-то осознает необходимость изменений до их наступления и, в итоге, психологический барьер к новшествам будет сломлен.

Не менее интересным представляется рассмотрение внешних причин институциональных пробуксовок. При существенном изменении внешней среды незрелые формальные институты начинает лихорадить, обостряется негативный эффект от недоработок в институциональной организации или же вовсе институт демонстрирует свою несостоятельность. Не дают эффекта десятки созданных в последние годы институтов развития. Продолжается деградация системы подготовки кадров. Административная реформа, монетизация льгот, введение ЕГЭ, пенсионная реформа, закон о закупках, создание государственных корпораций – этот перечень неудачных реформ далеко не полон [7, с. 170].

Сильные институты как формальные так и неформальные могут справиться менее болезненно и в течение определенного временного промежутка адаптируются к новым реалиям. В периоды любых экономических трудностей и потрясений значительно возрастает роль качества управления. С целью сглаживания негативных кризисных явлений государство принимает тактические решения, в той или иной степени корректирующие социально-экономическое поле деятельности. Но в зачастую таких действий недостаточно, и несмотря на старание государства институты не могут работать более качественно. Это похоже на симптоматическое лечение болезни. Незнаем как воздействовать на причину болезни и лечим лишь проявляющиеся симптомы. Кардинальное переформатирование институтов весьма рискованный шаг, поэтому правящие элиты пойдут на него только в самом крайнем случае.

Процесс управления институтами очень сложен и малоизучен, требует самого широкого междисциплинарного подхода и управленческого профессионализма. Создание сильных институтов связано с адекватной системой государственного управления, имеющей необходимый набор органов и процедур не только моделирующих новую нормативную среду, но и рефлексирующих существующие ценности и социальные практики [8, с. 2].

Кроме того, при обсуждении вопросов, касающихся управления институтами необходимо сказать пару слов о термине социальных дилемм. Он был сформулирован выдающимся американским ученым Элинор Остром, получившей нобелевскую премию по экономике. Социальные дилеммы возникают тогда, когда в ситуациях взаимозависимости индивиды сталкиваются с выбором, при котором максимизация каждым из них своего краткосрочного интереса, приводит к результатам, оставляющем всех в худшем положении, чем это было бы при иных возможных вариантах поведения. Социальными дилеммами пронизаны все стороны жизни человеческих обществ; в общественных науках они фигурируют под множеством различных названий – проблема общественных благ, проблема безбилетника, дилемма заключенных, проблема коллективных действий и другие [9, с. 16].

Феномен социальных дилемм позволяет нам несколько иначе взглянуть на управление созданием и изменением институтов и предположить, что добиваться преобразований в формальных институтах целесообразно также через воздействие на неформальные родственные институты. Введение новых формальных

правил не решает социальных дилемм. Индивиды по-прежнему предпочтут максимизировать реализацию своих интересов, не взирая на интересы других групп людей и общества в целом, а высокие трансакционные издержки контроля за выполнением новых правил не добавят им эффективности. Совсем иная ситуация может сложится, если правильным образом ввести неформальные правила, не закрепляемые статусом нормативно-правовых документов, а принимаемые людьми как моральные нормы, принципы вежливости, нормы делового общения, которые разделяют подавляющее большинство индивидов. Суть неформальных правил заключается в воздействии на сознание людей, на понимание пользы коллективного действия, его стратегической выгоды, по равнению с краткосрочными выгодами для себя, ведущими к истощению ресурсного потенциала страны, потенциала межличностного доверия и взаимодействия.

В работе американского экономиста Джеймса Коулмана Капитал социальный и человеческий описан механизм общественной саморегуляции на примере функционирования рынка оптовой торговли алмазами. Одним из важнейших условий работы данного рынка является экспертиза камней. В процессе обсуждения цены один продавец передает другому мешочек с камнями для их исследования в спокойной обстановке. Делается это без всяких формальностей (страховки товара), которые бы гарантировали, что эксперт в процессе оценки не заменит камни на более низкие по качеству или на поддельные [10, с. 124]. Несмотря на высокую стоимость товара сделки проходят честно, без махинаций. Если какой-либо член сообщества заменит, украдет или даже присвоит камень на время, то он утратит семейные, религиозные и общественные связи [10, с. 124]. Потеря репутации и общественных связей повлечет экономическую гибель актора. Понимая это, участник рынка подстраивает свое поведение и свои цели под интересы сообщества.

После определения всех феноменов экономических взаимодействий в обществе, попробуем описать последовательность действий при попытке трансформации институтов. Первым шагом на пути изменения института будет проектирование желаемой модели формального института и определение родственных неформальных институтов. Следующий этап – введение неформальных правил, которые должны дополнять формальные правила, но не противоречить им. Это позволить сблизить формальные и неформальные институты, что, безусловно, сыграет на пользу экономике и обществу. Если удастся достичь результата по внедрению неформальных правил, минимизирующих эффекты социальных дилемм, то мы получим экономию на трансакционных издержках. Пропадет необходимость осуществлять контроль за исполнением правил. Регулирование отклоняющегося поведения и санкции будут исходить от самих членов общества, как показано на примере рынка оптовой торговли алмазами.

Затем необходимо подстроить организационно-логическую структуру института, каналы внутреннего и внешнего взаимодействия под новые правила и, если потребуется продолжить корректировку правил. После чего ключевую роль будет играть координация действий всех элементов институциональной системы до достижения ею гомеостаза, при возможности сочетания как прямых так и опосредованных методов воздействия.

Новая институциональная экономическая теория ориентирует на долгосрочную перспективу, на построение эффективной системы правил, взаимоотношений, кооперации, управления, а не на ситуационные попытки корректировки экономики по принципу тушим, там где горит. Высказанное в данной работе предложение косвенного или мягкого влияния лишь определение одного из возможных подходов к управлению изменениями институтов, попытка расширить спектр приложения управленческих усилий. Конкретные механизмы могут служить предметом дальнейшего исследования.

В заключение уместно привести мысль известного отечественного экономиста Александра Аузана: Необходимо найти неповторимое сочетание формальных институтов, которые мы можем вводить более или менее сознательно, с институтами неформальными, которые свойственны ровно этой стране, связаны с ценностями этой страны [1, с. 130–131]. Такое умозаключение, несмотря на краткость, можно представить как уравнение с огромным числом переменных, в котором известен результат, но не описаны переменные, не известны методы решения и не достаточно вспомогательных формул. Важно то, что подобраться в плотную к решению нужно было еще вчера.

Литература:

1. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 160 с.
2. Миркин Я. М. Внезапный поворот // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 196–201.
3. Ясин Е. Г. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 4–29.
4. Simon H. A. Models of Man: Social and Rational. Mathematical Essays on Rational Human Behaviour in a Social Setting. New York: Wiley, 1957.
5. Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. № 3. С. 39–49.

6. Ильина Н. А. Отношение к нововведениям в производственном коллективе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Л., 1985.
7. Полтерович В. М. Почему реформы терпят неудачу // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. №3 (23). С. 169–173.
8. Купряшин Г. Л. Сильные институты и координация политики на федеральном уровне // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. №29. С. 1–16.
9. Капелюшников Р. Н. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике – 2009 // Экономический журнал ВШЭ. Т. 14. 2010. №1. С. 12–69.
10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 122–139.

References:

1. Auzan A. A. Total Economy. How institutions shape our lives. M: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 160 p.
2. Mirkin Ya. M. Quick turn // Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsiyi. 2015. №2 (26). P. 196–201.
3. Yasin E. G. Modernization and society // Voprosy ekonomiki. 2007. №5. P. 4–29.
4. Simon H. A. Models of Man: Social and Rational. Mathematical Essays on Rational Human Behaviour in a Social Setting. New York: Wiley, 1957.
5. Williamson O. I. Behavioral preconditions of modern economic analysis // THESIS. 1993. №. 3. P. 39–49.
6. Ilyina N. A. Attitude towards innovation in the production team: Abstract of the Candidate's Dissertation (Pedagogy). L., 1985.
7. Polterovich V. M. Why reforms fail // Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsiyi. 2014. №3 (23). P. 169–173.
8. Kupryashin G. L. Strong institutions and policy coordination at the Federal level // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronniy vestnik. 2011. №29. P. 1–16.
9. Kapelyushnikov R. N. Institutional plurality of worlds: the Nobel Prize for Economics – 2009 // Ekonomicheskiy zhurnal VShE. V. 14. 2010. №1. P. 12–69.
10. Coleman J. Social and human capital // Obshchestvenniye nauki i sovremennost. 2001. №3. P. 122–139.

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ META-GOVERNANCE

Токарева П. В.

ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Вятский государственный университет (Россия), 610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, д. 36, poullinka@mail.ru

УДК 351
ББК 67.401.0

Цель. Изучение современных стилей государственного управления (governance) и их комбинаций для формирования наиболее перспективных подходов для координации действий акторов в поле устойчивого развития

Методы. Посредством системного и институционального анализа проанализированы идеальные типовые стили государственного управления (governance), их комбинации и особенности применения, проанализированы основы взаимодействия акторов в процессе поиска путей к устойчивому развитию территории.

Результаты. Так как устойчивое развитие территории является очень сложной и слабо структурированной проблемой для достижения синергетического эффекта необходимым и обязательным является возвращение государства на регулирующие позиции и сочетание идеальных стилей управления, которые лежат в основе концепции meta-governance

Научная новизна. Автором было осуществлено наложение концепции meta-governance на проблему скоординированности действия акторов в поле устойчивого развития территории

Ключевые слова: Meta-governance, стиль государственного управления, сетевое управление, взаимодействие между акторами, устойчивое развитие территорий.

MANAGING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY ON THE BASIS OF THE META-GOVERNANCE CONCEPT

Tokareva P. V.

Lecturer at the Department of State and Municipal Management, Vyatka State University (Russia), 36 Moskovskaya str., Kirov, Russia, 610000, poullinka@mail.ru

Purpose. Study of the modern styles of governance and their combinations for the formation of the most promising approaches to coordinate actors in the field of sustainable development

Methods. Through a systematic and institutional analysis analyzed the ideal standard styles of governance (governance), their combinations and features of the application, basics are analyzed the interaction of actors in the quest for sustainable development of the territory.

Results. Since sustainable development is a very complex and poorly structured problem to achieve the synergy, it is necessary and compulsory to return the State to regulating positions and combination of the ideal management styles, which underlie the concept of meta-governance.

Scientific novelty. The author carried out by overlaying the concept of meta-governance on the problem of coordination between the actions of the actors in the field of sustainable development of the territory.

Keywords: Meta-governance, public management style, network management, interaction between actors, sustainable territorial development.

© Токарева П. В., 2016

В зарубежной (L. Meuleman, E. Sorensen, J. Torfing, G. Peters, E-H. Klijn, J. Koppenjan, R. Rhodes, B. Jessop, S. Osborne и др.) и отечественной (Г. Л. Купряшин, Л. В. Сморгунов, А. И. Соловьев и др.) литературе последних десятилетий наблюдается значительный интерес к комбинациям различных стилей (форм)

управления (governance), позволяющим решить проблемы координации акторов в различных специализированных социальных системах, каких как экономика, законодательство, политическая система и другие. Одной из наиболее актуальных и наименее структурированных задач последнего времени является устойчивое развитие территорий, подразумевающее под собой активное взаимодействие различных подсистем общества, направленное на достижение общей цели.

На наш взгляд, наиболее перспективным в процессе поиска путей к устойчивому развитию территорий является применение концепции meta-governance, позволяющей максимально эффективно сочетать идеальные стили управления и решать проблемы координации различных акторов за счет усиления (по отношению к сетевому стилю управления) позиций государства (других публично-правовых образований).

Для того чтобы раскрыть значение meta-governance необходимо обратиться к концепции governance и трем основным стилям управления.

Методология современного управления формируется под влиянием постнеклассического этапа, для которого характерно введение в контекст научных исследований и проблематики управления полисубъектной среды [1]. Под полисубъектной средой понимается саморазвивающейся система, базовыми объектами управления которой выступают открытые человекоразмерные саморазвивающиеся системы (например, к таким системам, согласно работам В. Е. Лепского, можно отнести сложные развивающиеся комплексы: человек технико-технологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию). Основным типом управления становится полисубъектное управление, для которого характерны мягкие формы управления, такие как формирование условий для развития (формирование рамок), модерирование, стимулирование, поддержка и другие.

В последней четверти XX века в теории государственного управления происходит смещение акцентов от формальной организации государственного управления (от понятия government) к организации процесса государственного управления или организации рамок, в которых взаимодействуют различные акторы в поле государственного управления (к понятию governance). Начинается становление концепции governance, которая официального перевода на русский язык не имеет. Исследователи концепции отмечают, что слово governance в последнее время набирает все большую популярность как среди ученых, так и среди практиков, что не способствует уточнению его значения, а лишь размывает границы концепции. М. Уайтхед в работе In the shadow of hierarchy: meta-governance, policy reform and urban regeneration in the West Midlands [2] понимает под governance процесс, в соответствии с которым формальные управленческие структуры меньше фокусируют свое внимание на политической сфере публичного сектора управления (парламенте, администрациях муниципальных образований, гражданских служащих), а расширяют повестку дня за счет инкорпорирования различных интересов частных акторов и других представителей гражданского общества. Кеттл понимает под governance способ осуществления государственными органами их функций. Р. Родес в книге Understanding Governance выделяет шесть возможных случаев, когда употребление термина governance возможно:

- как минимальная государственная структура – использование рынков и квазирынков для предоставления государственных услуг;
- как корпоративное управление (с точки зрения контроля важными качествами являются открытость, полнота предоставления информации и подотчетность);
- как NPM (новое государственное управление) – применение частных методов управления и стимулирования, таких как рыночная конкуренция в публичном секторе;
- как good governance (добросовестное управление, *официального перевода на русский язык понятия good governance не существует, некоторые источники используют словосочетание добросовестное управление, другие добропорядочное управление, третьи хорошее управление*) – союз NPM и либеральной демократии;
- как социо-кибернетическую систему – governance это результат интерактивных форм общественно-политического руководства;
- как самоорганизующиеся сети (сети самостоятельно определяют и развивают свои направления своей деятельности, формируют внешнее окружение).

М. Ли в своем исследовании новых институций социальной координации [3] отмечает, что подходы к понятию governance можно представить в виде трех крупных направлений – как механизм решения общих проблем, механизм решения общих публичных проблем и новый вид публичного управления (new governance) являющийся способом организации демократической администрации. Каждое из этих направлений является зонтичным и раскрывается в рамках других теоретических исследований.

Таким образом, под governance можно понимать процесс решения (крупных, общественных, социальных) проблем через координацию действий различных акторов по средствам трех основных моделей: рынка, иерархии и сети [4] (демократии [3]). Данные модели считают идеальными (типовыми) стилями управления, которые обладают индивидуальным набором инструментов, позволяющим оценить взаимозависимость между акторами. В практике государственного управления идеальные стили управления не встречаются,

наблюдается сочетание двух стилей с преимущественным доминированием одного из них, например, Л. Мулеман [4] выделяет такие промежуточные комбинации (гибридные формы governance) как олигополии, государственно-частное партнерство, цепной менеджмент, открытый метод координации в Европейской Комиссии, взаимосвязанные концепции саморегулирования и самоорганизации, базарное управление.

Эффективное комбинирование идеальных стилей управления стало возможно с появлением концепции (нового стиля управления [4]) – meta-governance, которую рассматривают как консенсус между конкурирующим, властным и кооперативным управлением.

Понятие meta-governance в научных исследованиях появилось в конце XX века благодаря Дж. Куиману [5], который понимал под ним особый тип управления – управление третьего порядка. Согласно его точке зрения, управление управлением задает рамки для управления институциональной системой государства, которая, в свою очередь, определяет условия, в которых решаются конкретные политические проблемы.

Текущие исследования в управленческой литературе постоянно поднимают вопросы о способности традиционного демократического государства управлять в динамично изменяющихся условиях окружающего мира и о необходимости возвращения государству статуса актора, наделенного более широкими полномочиями по отношению к другим участникам фрагментированного управления [6, 7]. Поэтому тематика meta-governance стала весьма распространенной среди исследователей. Б. Джессоп [8] понимает под meta-governance организацию условий для управления,

Рис. 1. **Уровни управления по Дж. Куиману**

Е. Соренсен [9] – способ повышения координации управления в условиях фрагментированной политической системы, основанной на высокой степени автономии сетей и институтов, Л. Мулеман [4, 10] основываясь на определениях исследователей Б. Джессопа, Дж. Куинмана, Е. Соренсен формулирует свой подход, целью которого является создание и управление наборами ситуационных предпочтений различных акторов, состоящих из элементов, входящих в состав основных стилей руководства –иерархии, рынка и сети, а также в некоторых случаях самоорганизации.

В соответствии с концепцией meta-governance, акторы, вступающие во взаимодействие, обладают уникальными и совместными функциями. Так, публично-правовые образования обладают такими уникальными функциями как формирование (дизайн) и модерирование управленческих сетей, установление основных правил (рамок для взаимодействия всех акторов), институтов, форм отчетности, условий для расширения прав и возможностей слабых акторов, правил для скоординированных действий акторов. Частные акторы (коммерческие организации) обладают такими уникальными функциями как создание (участие в создании) нормативной базы, норм, кодексов поведения внутри организации, каналов распространения и получения информации и оказание помощи неправительственным (некоммерческим). В свою очередь НПО и другие общественные объединения принимают участие в создании информационного капитала, а именно готовят представления о специфических областях знания, проводят мероприятия по повышению осведомленности об особенностях конкретной территории, принимают участие в разработке нормативных актов и мониторинге реализации существующих.

В то же время все выше представленные участники выполняют общие функции, направленные на формирование ресурсного пула, представление доступа к информации и знаниям, посредничество, выявление злоупотреблений (например, оппортунизма участников, эффекта безбилетника со стороны внешних по отношению к сети контрагентов и среди участников самой сети) и защиту слабых акторов, требующие изменения общих условий, обсуждение различных альтернатив в процессе выработки и реализации публичных решений и проведение интерактивных процессов обучения.

Озабоченность устойчивым развитием территорий прослеживается во всех странах, которые ставят цель повышение уровня благосостояния нации. Еще в 1997 в программе развития ООН, в докладе Государственное управления в поисках устойчивого роста и справедливости выделены основные элементы концепции meta-governance. Наиболее важным из них является замена прямого государственного

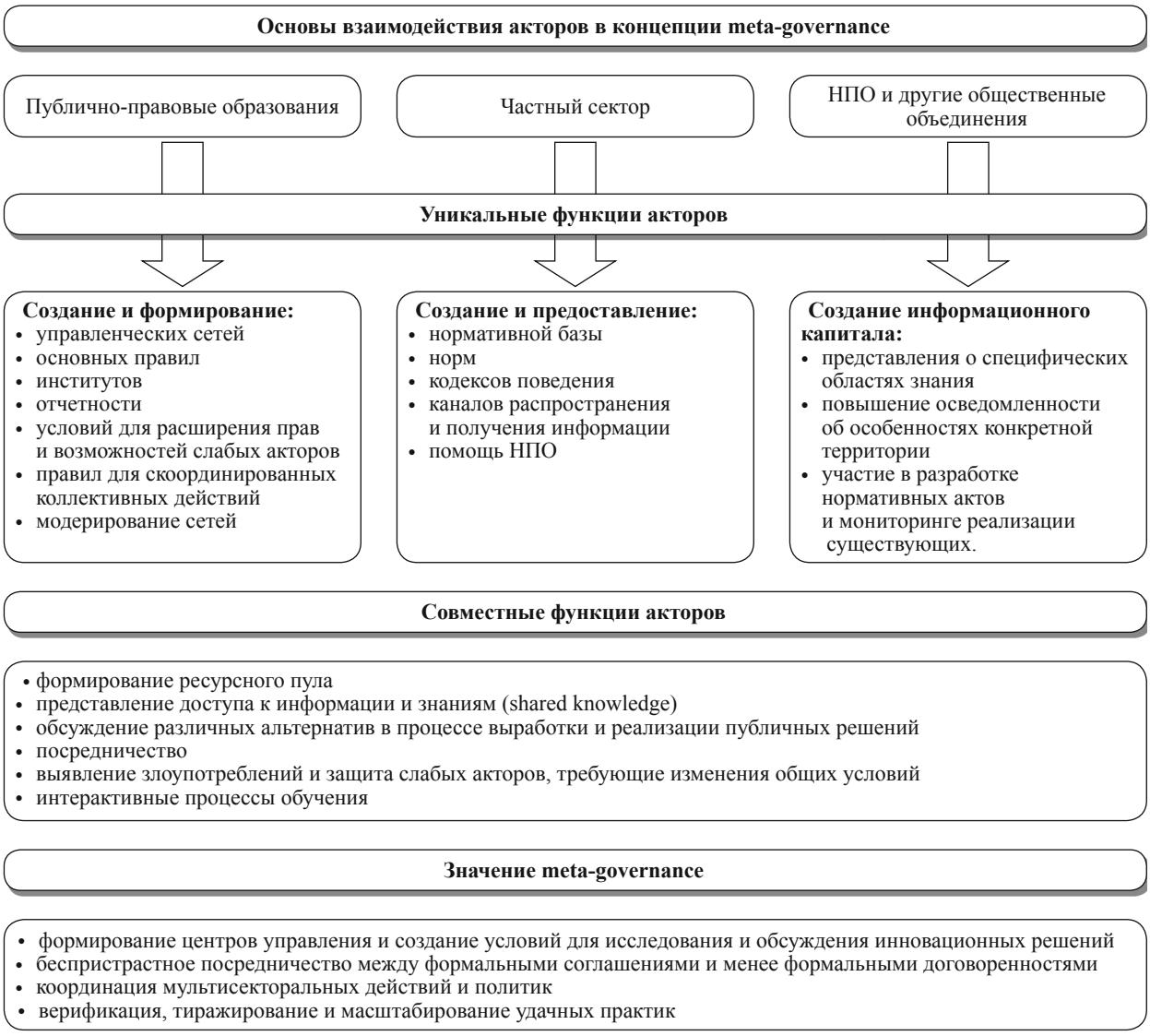

Рис. 2. **Основы взаимодействия акторов в концепции meta-governance**

вмешательства регулированием рамок. Т.е. государству необходимо перейти от жестких методов управления к мягким, расширяя тем самым возможный круг контрагентов и меняя их статус по средствам делегирования некоторых полномочий. В связи с этим государство и другие носители государственной власти, в рамках концепции meta-governance, являются регулятором мощности управления и координаторами коллективных действий. В обобщенном докладе Генерального секретаря ООН по повестке дня в области устойчивого развития на период после 2015 года Дорога к достойной жизни к 2030 году: искоренение нищеты, преобразование условий жизни всех людей и защиты планеты указано, что скоординированные поиски решений в целях устойчивого развития должны быть научно обоснованы и направлены на практическое применение, при условии сбалансированного развития 4 основных составляющих – экономики, окружающей среды, социума и управления [11].

Включение принципов устойчивого развития в работу национальных и международных институтов, привело к фрагментации управления, так как в рамках сетевой организации общества органы государственной власти больше не являются единственными управляющими институтами. В настоящих условиях частные организации и другие неправительственные акторы, являются частью управления, воздействуя через различные частные формы регуляции.

Наличие множества частных и государственных методов регуляции и политики не всегда приводит к синергетическому эффекту, а имеет скорее антагонистический характер [12]. Причинами этого явления можно считать отсутствие единого подхода и систематичности при выборе, подготовке и реализации тех или иных программ, направленных на устойчивое развитие [13].

Не всегда методы, разрабатываемые и реализуемые частными акторами в поле устойчивого развития, носят глобальные цели. Так, частное регулирование можно рассматривать как корпоративную стратегию, направленную на сохранение репутации и защиту рыночных позиций.

Разнообразие частных регуляторов можно рассматривать как рынок, который отсекает самые странные (или несущественные) практики и продвигает наиболее успешные. Нельзя отрицать, что некоторые частные практики значительно влияют на политику государства. Они могут, с одной стороны, корректировать, дополнять и уравновешивать существующую практику государства, а, с другой стороны, могут конкурировать с ней.

В связи с чем перед государством возникает задача поиска новых путей взаимодействия между государственными и частными обязанностями. Metagovernance в данном случае концентрирует внимание на процессе структуризации взаимодействия отношений между классической управленческой практикой государственных органов, частной практикой и государственно-частным регулированием, при этом metagovernance создает уникальную инклюзивную среду для слабых акторов через механизмы расширения прав и обязанностей, медиации и посредничества между различными сторонами [12].

Основными задачами государственных органов становятся задачи по выявлению, формированию управленческих сетей (*В работах Е. Соренсен и Я. Торфинг называют сети управленческими, однако существуют и другие названия, например, стратегические альянсы, политические сети и т.д.)* и управлению ими для достижения каких-либо общих целей устойчивого развития территории.

При формировании сетей государство (органы публично-правовых образований) осознает, что основой для взаимодействия акторов в сети – выступает ресурсная взаимозависимость. Поэтому формируя ресурсный пул, в который входят материальные ресурсы, властные полномочия, авторитет, человеческий капитал, модератор сети должен учитывать индивидуальность акторов и степень их зависимости от ресурсов других участников сети. Так как факт включения акторов в сеть не свидетельствует и не гарантирует репрезентацию интересов актора.

С целью недопущения дисбаланса между акторами возникающих при поиске путей к устойчивому экономическому развитию, публично-правовым образованиям необходимо:

- заменить установление повестки дня поиском проблемных мест через дебаты;
- выявлять интересы заинтересованных сторон, определить, какие ресурсы необходимы для сетей включаю информацию;
- самое главное с точки зрения государства, определить какие полномочия можно делегировать частному сектору и какими способами можно регулировать данные отношения.

Литература:

1. Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении в контексте научной рациональности // Философия управления: методологические проблемы и проекты / Под ред. В. И. Аршинова, В. М. Розина. М.: ИФРАН, 2013.
2. Whitehead M. ‘In the shadow of hierarchy’: metagovernance, policy reform and urban regeneration in the West Midlands. [электронный ресурс]. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1475-4762.00105/abstract (дата обращения 11.10.2015).
3. Lee M. Conceptualizing the new governance: a new institution of social coordination // The Institutional analysis and development: mini-conference, 03.05.2005. Bloomington, 2005. [электронный ресурс]. URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.202.1474&rep=rep1&type=pdf (дата обращения 05.11.2015).
4. Meuleman L. Public Management and the Metagovernance of Hierarchies, Networks and Markets. The Feasibility of designing and managing style combinations. [электронный ресурс]. URL: http://link.springer.com/book/10.1007/978-3-7908-2054-6 (дата обращения 15.09.2015).
5. Kooiman J. Modern Governance: New Government-society Interactions. London: Sage, 1993. [электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=CRXt1WgkaIMC&pg=PA35&lpg=PA35&dq=modern+governance+new+government-society+interactions&source=bl&ots=pkuFRkIagP&sig=9SbKtRAMVNCkfsZ_6IfdBhKmNw&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjLy7GPorvJAhXG_3IKHauEBMkQ6AEIUjAH#v=onepage&q=modern%20governance%20new%20government-society%20interactions&f=false (дата обращения 20.10.2015).
6. Fawcett P. Metagovernance and the State: How Government and Governance Coexist [электронный ресурс]. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_9388.pdf (дата обращения 18.11.2015).
7. Peters B. G. The meta-governance of policy networks: steering at a distance, but still steering //Madrid:

Universidad Autónoma de Madrid Working Paper. 2007. T. 78. [электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/251693009_The_Meta-Governance_of_Policy_Networks_Steering_at_a_Distance_but_Still_Steering (дата обращения 01.12.2015).

8. Jessop R. Governance, Governance failure, and metagovernance // International seminar at the Università della Calabria, 21–23 Nov. 2003. [электронный ресурс]. URL: http://book-search-engine.com/book/13875/governance-governance-failure-and-meta-governance/ (дата обращения 17.10.2015).
9. Sørensen E. Metagovernance: the changing role of politicians in processes of democratic governance // American Review of Public Administration. 2005. №36(1). Pp. 98–114. [электронный ресурс]: http://arp.sagepub.com/content/36/1/98.abstract (дата обращения 15.10.2015).
10. Meuleman L., Niestroy I. Common But Differentiated Governance: A Metagovernance Approach to Make the SDGs Work // Sustainability. 2015. №7(9). Pp. 12295-12321. [электронный ресурс]. URL: http://www.mdpi.com/2071-1050/7/9/12295 (дата обращения 20.11.2015).
11. Обобщающий доклад Генерального секретаря по повестке дня в области устойчивого развития на период после 2015 года Дорога к достойной жизни к 2030 году: искоренение нищеты, преобразование условий жизни всех людей и защита планеты [электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/development/desa/publications/files/2015/01/SynthesisReportRUS.pdf (дата обращения 20.11.2015).
12. Christopoulos S., Horvath B., Kull M. Advancing the governance of cross-sectoral policies for sustainable development: a metagovernance perspective // Public Administration development. 2012. №32. Pp. 305–323. [электронный ресурс]. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/pad.1629/pdf (дата обращения 29.11.2015).
13. Glasbergen P. Mechanisms of private meta-governance: an analysis of global private governance for sustainable development // Int. J. Strategic Business Alliances. 2011. Vol. 2. №3. [электронный ресурс]. URL: http://www.munpop.nl/sites/munpop.nl/files/Glasbergen%20%282011%29,%20Mechanisms%20of%20private%20meta-governance_an%20analysis%20of%20global%20private%20governance%20for%20sustainable%20development.pdf (дата обращения 01.12.2015).

References:

1. Lepsky V. E. Evolution of ideas about governance in the context of scientific rationality // Filosofiya upravleniya: metodologicheskiye problem i proyekty / Edited by V. I. Arshinov, V. M. Rozin. M.: IFRAN, 2013.
2. Whitehead M. 'In the shadow of hierarchy': meta-governance, policy reform and urban regeneration in the West Midlands. [e-resource]. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1475-4762.00105/abstract (date of reference 11.10.2015).
3. Lee M. Conceptualizing the new governance: a new institution of social coordination // The Institutional analysis and development: mini-conference, 03.05.2005. Bloomington, 2005. [e-resource]. URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.202.1474&rep=rep1&type=pdf (date of reference 05.11.2015).
4. Meuleman L. Public Management and the Metagovernance of Hierarchies, Networks and Markets. The Feasibility of designing and managing style combinations. [e-resource]. URL: http://link.springer.com/book/10.1007/978-3-7908-2054-6 (date of reference 15.09.2015).
5. Kooiman J. Modern Governance: New Government-society Interactions. London: Sage, 1993. [e-resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=CRXt1WgkaIMC&pg=PA35&lpg=PA35&dq=modern+governance+new+government-society+interactions&source=bl&ots=pkuFRkIagP&sig=9SbKtRAMVNCkfsZ_6If-dBhKmNw&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjLy7GPorvJAhXG_3IKHauEBMkQ6AEIUjAH#v=onepage&q=modern%20governance%20new%20government-society%20interactions&f=false (date of reference 20.10.2015).
6. Fawcett P. Metagovernance and the State: How Government and Governance Coexist [e-resource]. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_9388.pdf (date of reference 18.11.2015).
7. Peters B. G. The meta-governance of policy networks: steering at a distance, but still steering //Madrid: Universidad Autónoma de Madrid Working Paper. 2007. T. 78. [e-resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/251693009_The_Meta-Governance_of_Policy_Networks_Steering_at_a_Distance_but_Still_Steering (date of reference 01.12.2015).
8. Jessop R. Governance, Governance failure, and metagovernance // International seminar at the Università della Calabria, 21–23 Nov. 2003. [e-resource]. URL: http://book-search-engine.com/book/13875/governance-governance-failure-and-meta-governance/ (date of reference 17.10.2015).
9. Sørensen E. Metagovernance: the changing role of politicians in processes of democratic governance // American Review of Public Administration. 2005. №36(1). Pp. 98–114. [e-resource]. http://arp.sagepub.com/content/36/1/98.abstract (date of reference 15.10.2015).
10. Meuleman L, Niestroy I. Common But Differentiated Governance: A Metagovernance Approach to Make the SDGs Work // Sustainability. 2015. №7(9). Pp. 12295-12321. [e-resource]. URL: http://www.mdpi.com/2071-1050/7/9/12295 (date of reference 20.11.2015).

11. Synthesis report of the Secretary-General on an agenda for sustainable development for the period after 2015 year "The road to a dignified life to the year 2030: eradication of poverty, transformation of living conditions of all human beings and protection of the planet [e-resource]. URL: https://www.un.org/development/desa/publications/files/2015/01/SynthesisReportRUS.pdf (date of reference 20.11.2015).
12. Christopoulos S., Horvath B., Kull M. Advancing the governance of cross-sectoral policies for sustainable development: a meta-governance perspective // Public Administration development. 2012. №32. Pp. 305–323. [e-resource]. URL: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/pad.1629/pdf (date of reference 29.11.2015).
13. Glasbergen P. Mechanisms of private meta-governance: an analysis of global private governance for sustainable development // Int. J. Strategic Business Alliances. 2011. Vol. 2. №3. [e-resource]. URL: http://www.munpop.nl/sites/munpop.nl/files/Glasbergen%20%282011%29,%20Mechanisms%20of%20private%20meta-governance_an%20analysis%20of%20global%20private%20governance%20for%20sustainable%20development.pdf (date of reference 01.12.2015).

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Джахбаров Ю. А.

кандидат юридических наук, председатель, Дагестанская специализированная коллегия адвокатов (Россия), вице-президент, адвокатская палата Республики Дагестан (Россия), 367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, пр. Расула Гамзатова, д. 15, mushkam@inbox.ru

УДК 343.97
ББК 67.513

Цель. Систематизация и описание механизма влияния факторов социального характера на возникновение преступного деяния с целью своевременного предупреждения и недопущения совершения преступления.

Методы и методология. Использованы общенаучные методы исследования (ретроспективный анализ, сравнительно-правовой, формально-логический, социологический).

Результаты. В статье представлен анализ влияния социально-бытовых условий на формирование и совершение преступного поведения. Обобщены теории исследователей о взаимосвязи личностных характеристик и социальных явлений с преступными деяниями.

Ключевые слова: социальная среда; бытовые условия; преступление; безнравственность; необразованность; образ жизни; преступное поведение.

SOCIAL GOVERNANCE AS ENSURING STABILITY AND PREVENTING A CRIMINAL ACT

Dzhakhbarov Yu. A.

Candidate of Science (Law), Chairman, Dagestan specialized Bar Association (Russia), Vice President, Bar Association of the Republic of Dagestan (Russia), 15, Rasul Gamzatov str., Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, 367000, mushkam@inbox.ru

Purpose. Classification and description of the influence of factors of a social nature to the emergence of a criminal act in order to prevent and combat the Commission of the offence.

Methods and methodology. Used scientific methods of research (retrospective analysis, comparative-legal, formal-logical, sociological).

Results. This paper presents an analysis of the impact of social conditions on the formation and the perpetration of criminal behavior. The author generalized the theories of researchers on the relationship of personality characteristics and social phenomena with criminal acts.

Keywords: social environment; living conditions; crime; immorality; lack of education; lifestyle; criminal behavior.

Несмотря на то, что духовно-нравственные, мировоззренческие и психологические недостатки и искажения в умах и душах людей невозможно восполнить и исправить только улучшением их экономических и социально-бытовых условий, тем не менее, последние играют определённую роль для законопослушного их поведения. Например, жадного и корыстолюбивого человека-преступника вряд ли сделают честным, добросовестным и порядочным подаренное ему большое богатство [1]. В то же время это же материальный достаток и хорошие условия жизни могут большинство безработных и нищих людей предотвратить от совершения некоторых видов преступлений: кражи, грабежа, разбойных нападений, получения взяток в целях физического выживания и необходимой материальной поддержки своей семьи [2].

Когда мы говорим о социально-бытовых причинах и условиях, которые порождают и содействуют

© Джахбаров Ю. А., 2016

преступности, то мы не должны забывать о том, что наше окружение является лишь видимым отражением нашего невидимого внутреннего, душевного направления и содержания: люди сознательно или неосознанно создают своё окружение так, что каковы люди – таково, как правило, и их окружение. Только впоследствии эта созданная самими людьми внешняя среда положительно или отрицательно обратно воздействует и влияет на их внутренний мир людей, на их мысли, намерения, мотивы и волевые поступки, на их умышленные и неосторожные действия и бездействие [3].

В этом контексте все проблемы и противоречия в наших семьях, школах, трудовых коллективах, народах, религиозных объединениях и учениях, государствах и человеческом роде проистекают из наших внутриличностных противоречий, из того, что наши чувства не в ладу с нашими желаниями, мыслями, действиями и образом жизни в целом. Именно наша духовная и душевная неустроенность, умственная и волевая дисгармония, непонимание окружающего и произвольная мечтательность, приводят всех нас ко всякого рода заблуждениям, суеверию и недоразумению, к совершению греха и преступления.

Русский исследователь Е. Н. Тарновский, подчёркивая социальную обусловленность совершаемых преступлений, предлагал искать основные причины совершения бесконечного множества ежедневно совершаемых в мире преступлений во внешних факторах (природно-климатических, географических, этнических, культурологических, экологических, экономических, политических и т.д.) является довольно наивным и неразумным увлечением и глубоким заблуждением, так как духовно, нравственно образованных, порядочных, законопослушных и в то же время невежественных, лицемерных, злоумышляющих и преступных людей можно легко встретить во всех географических широтах, этносах и политико-экономических системах и режимах политически организованных обществ [4].

Думая и действуя в таком понимании причин и социальных условий совершения многоразличных преступлений, мы, прежде всего учёные люди и государственные политики, не должны затеряться в дурной бесконечности всяких действительных и придуманных нами, поверхностно и произвольно систематизированных мнимых причинах и криминогенных факторах (рабовладельчество, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм, тоталитаризм, либерализм, демократизм), которые, как минимум, бесполезны и не могут пролить света ясности на изучаемые нами проблемы, и, более того, могут нас ввести в непроторённые ещё лабиринты новых проблем, из которых изначально нет никакого реального выхода. В этой связи нам представляется, что любые научные и эмпирические исследования глубинных причин преступности как личностного и социального явления должны помогать нам практически решать те проблемы, перед которыми мы стоим, а не ещё более усложнять и ухудшать то положение духовно-нравственной безысходности, в котором ныне мы находимся.

Некоторые неравнодушные к судьбе России мыслящие люди небезосновательно считали, что большинство преступлений совершаются не столько от географических, климатических и иных явлений, сколько от дурного воспитания, политического неустройства жизни общества, несправедливых социальных отношений, которые духовно и нравственно развращают людей и порождают в них праздность, злобу, зависть, лицемерие, своекорыстность и властолюбие [5]. Например, когда мы говорим, что такие преступления, как убийства с целью ограбления или кражи, в основном обусловлены социально-экономическим неравенством богатых эксплуататоров и эксплуатируемых ими бедных и нищих слоёв населения, то мы в то же время не должны забывать и о том, что не только доведённые своей бедностью до отчаяния люди совершают преступления по причине необходимого своего физического выживания или обеспечения своего материально-бытового благосостояния, но нередко убийцами из корыстных побуждений могут стать и очень материально и социально-политически состоятельные и весьма богатые люди, которые желают стать ещё более богатыми, социально известными и влиятельными.

Поэтому причинами совершения преступлений могут стать как унаследованные и социально обусловленные личностное неправомерное мировоззрение, противоправные мотивы и намерения человека, жаждущего приобретения ещё большего материального богатства, власти, известности и высокого социального положения, так и внешняя нужда голодного и обездоленного человека, который из естественного своего желания физически выжить или помочь материально своей семье вынужден совершить кражу или ограбить богатого человека, сознавая то, что он совершает противоправное, общественно опасное и государством наказуемое деяние – преступление [6].

При всём этом нетрудно заметить, что подавляющее большинство материально богатых и властных людей когда-то стало таковым не только и нес столько благодаря своему трудолюбию и организованности своей жизни, сколько по причине неодолимой бездуховной страсти к мирским богатствам и привилегиям, зависти и стремления не быть хуже соседа или товарища по работе, безнравственного желания властвовать над другими и ещё более стать богатым для беспечной старости, спокойного доживания.

По наблюдениям мудрых людей всех народов и во все времена, духовно и нравственно невежественные и необразованные люди с рабской психологией не

столько мечтают о своей личной ответственной свободе, сколько о том, как бы скорее иметь своих рабов, чтобы на их фоне казаться себе и показать другим ту неправду и заблуждение, что они реально свободны и достойны общественного уважения и почитания. Так что многие люди богатыми не рождаются, а становятся по причине своего корыстолюбия, зависти, боязни быть порабощённым кем-то другим, тщеславия, властолюбия и других духовно-нравственных личных пороков.

Точно так же и преступниками не рождаются, но становятся в обществе благодаря всем тем личным душевным порокам (безбожность, безнравственность, зависть, склонность к наживе, к власти над другими людьми, к славе), которые они наследуют у своих повреждённых первородным грехом прародителей и родителей и которые они в себе развивают в течение своей жизни. Судебная статистика показывает, что богобоязненные, нравственно воспитанные и образованные люди, которые в основном заботятся о смысле своей жизни, о своём духовном призвании и жизненном предназначении, несравненно реже совершают преступления, нежели те люди, которые без веры в Бога, без осознания смысла неизменных Божественных заповедей и государственных законов, всё время мечтают и заботятся не о спасении своей души в вечной жизни, но о завтрашнем дне, надеясь на свои материальные и социальные возможности: деньги, высокое положение в государстве и обществе, личную известность и мирскую славу.

Поэтому для выявления причин и условий совершения различных преступлений намного более полезно не столько и не только мечтательно думать и наукообразно гадать о том, почему и из каких мотивов совершено то или иное преступление (как говорится, чужая душа – потёмки), сколько глубоко задуматься над тем, почему многие люди, имея все возможности совершать разные преступления, или находясь в крайней материальной нужде, предпочитают не совершать преступления, заботясь о своей чести и достоинстве, уважении себя и общественном приличии, о душевном спокойствии и, наконец, о постоянном здоровье и конечном спасении своей души в вечной жизни.

Именно поэтому становится ясным то, что ведущая роль духовно-нравственного воспитания и наставничества людей изначально и традиционно отведена религиозным объединениям и организациям людей во всех народах и государствах. Одна только наука и научное, в частности, криминологическое знание недостаточно для борьбы с причинами нарастающего уровня современной преступности, но только, повседневное и систематическое сотрудничество духовных воспитателей, наставников, руководителей с учёными правоведами, государственными законодателями, правителями, правоохранителями, судьями, тюремными и административными надзирателями и исправителями может принести положительные результаты, существенно изменяющие характер и количество совершаемых преступлений.

Для того чтобы основательно разработать современные методы борьбы с преступностью прежде всего необходимо научно выявлять объективные и субъективные причины совершения многоразличных преступлений и условия, которые способствуют их совершению. Вовсе не случайно в части 2 статьи 73 УПК РФ содержится упоминание о том, что в своей деятельности правоохранительные органы обязаны также выявлять также обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений.

Известный российский правовед А. М. Яковлев верно подметил, что преступления совершаются в обществе благодаря обществу и в связи с условиями этого общества. По его мнению, одной из этих причин является то, что социальные потребности не находят адекватного отражения в структуре и функциях социальных институтов [7]. О социальных причинах преступности Б. Коваль пишет следующее: Поверхность бытия современной цивилизации покрыта толстым слоем зловонной ряски бездуховности и паразитизма. Всё здоровое, светлое в душе и сознании человека омертвляется, искажается, выворачивается наизнанку. Любовь превращается в секс, дружба в партнёрство, правда в компромат, обман в политику, криминал во власть… В итоге бездуховность и агрессия, эгоизм и пустота, бессмысленность и скука разлагают личность и общество, окутывают их ядовитым туманом пессимизма, враждебности и в перспективе коллективного психоза [8].

По мнению, академика В. Н. Кудрявцева, другой существенной причиной совершения преступлений и общего роста преступности в российском обществе является привычный недобропорядочный образ жизни многих людей, в особенности тех, кто управляет государственными учреждениями и бизнесом (чиновники-коррупционеры, олигархи, неплательщики налогов).

Условиями совершения экономических преступлений являются монополизация рынков производства и потребления, безудержный рост денежной инфляции, разрушенная система общественного контроля общества за деятельностью государственных чиновников, безработица, традиционное для российских чиновников казнокрадство, лихоимство, взяточничество, чванство, волокита, разобщённость государственных органов власти и управления, неспособность правомерного самоуправления, склонность населения к подкупу чиновников, законодательный лоббизм и произвол, непотизм (кумовство и покровительство при приёме на работу и определении размера оплаты труда), рост цен на товары первой необходимости, необоснованно

низкая оплата труда добросовестных работников, которая вынуждает их искать нелегальные источники доходов для выживания и материального содержания своей семьи. По наблюдениям отечественных криминологов, страсть к деньгам, корыстолюбие, дикость и примитивность человеческого поведения становятся нормой существования неуклонно растёт среди подрастающего поколения россиян [9].

Одной из существенных субъективных причин совершения разного рода правонарушений и преступлений является не совсем продуманная социальная политика государства по сокращению роста безработицы и улучшений условий жизни россиян. Так, например, по статистическим данным, только в Москве ежегодно задерживается более 50 тысяч бродяг, которые по причине отсутствия у них постоянного места жительства и работы вынуждены добывать средства для пьянства и собственного физического выживания мелкими кражами, грабежами, разбоями, попрошайничеством, проституцией. Среди них немало малолетних детей, женщин, больных, инвалидов, престарелых, которые остались без надлежащей социальной помощи государства, без средств к существованию и без крыши над головой. Они уже не способны к какому-либо полезному труду и не желают вообще трудиться, так как привыкли к паразитическому и преступному образу своего нищенского существования. По моим личным наблюдениям, ряды этих обречённых на болезни и неизбежную смерть людей, собирающихся на станциях вокзалов, метро, подвалах и т.д. постоянно сменяются и пополняются новыми бродягами, которых, как правило, ждёт такая же печальная доля.

Массовая безработица и нищета населения России, по мнению учёных и большинства россиян, вызвана незаконной и грабительской приватизацией государственной и общественной собственности и криминальной монополизацией всего производственного потенциала России. По оценкам специалистов, только по двенадцати сделкам по залоговым аукционам было распылено более ста миллиардов долларов общественной собственности (земли, недра, леса, природные ресурсы, запасы нефти, газа, заводы, фабрики и т.д.), которые по-воровски присвоили стоящие у власти свои люди. Для того чтобы узаконить и удержать у себя эти богатства, эти изначально духовные и нравственные банкроты затеяли серию дел о своём заказном в продажных арбитражных судах имущественном банкротстве [9]. После преступной приватизации народного имущества пришедших через демократические и свободные выборы к высшей политической власти государства гениев криминального бизнеса некогда прибыльные государственные предприятия вдруг стали убыточными и упразднили сотни тысяч рабочих мест. Массовая безработица, низкие зарплаты трудящихся, рост рыночных цен, инфляция и вытекающая из всего перечисленного растущая материальная нужда подтолкнула сотни тысяч обманутых, обделённых и обездоленных людей на совершение краж, мошенничеств, грабежей и иных насильственных преступлений.

По разным оценкам, если по совершенно ясным соображениям безработными считать также значительную часть государственных и муниципальных служащих, низкий размер зарплаты которых не достаточен для обеспечения себе и членам своих семей необходимого прожиточного минимума, в России до 40 миллионов безработных. Этим также обусловливается неуважения огромной массы людей к органам государственной власти и управления и нежелание ими принимать участие в борьбе с массово совершаемыми преступлениями, имеющими корыстную мотивацию.

Одними из условий совершения многих преступлений являются массовое пьянство и наркомания. Следует отметить, что среди обычных преступников в России немало алкоголиков и наркоманов, которые совершают большинство преступлений для удовлетворения своей тлетворной и криминогенной страсти. Достаточно сказать, что около четверти всех совершаемых в России преступлений обусловлены алкогольных или наркотическим опьянением. По данным отечественных экспертов, алкогольной и наркотической зависимостью в России страдает более шести миллионов мужчин, более двух миллионов женщин, более полумиллиона подростков в возрасте до четырнадцати лет. Ежегодно от употребления наркотиков в России погибает более семидесяти тысяч человек [10].

Таким образом, без предварительного и основательного решения определённых жизнесмысловых, ценностно-целевых проблем существования каждого человека и всех слоёв населения России одними социально-бытовыми преобразованиями жизни невозможно будет коренным образом противостоять тем преступным угрозам, перед которыми стоит каждый человек, народ и всё человечество в целом.

Литература:

1. Тарарухин С. А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974.
2. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1978.
3. Антонян Ю. М. Социальная среда и формирование личности преступника. М., 1975.
4. Тарновский Е. Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России //Журнал Министерства юстиции. 1898. №8.
5. Остроумов С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России. М., 1960.
6. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. М., 1998.

7. Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., 1971.
8. Коваль Б. Дух, душа. Духи. Символы и ценности бытия. М., 2000.
9. Криминология. Учебник. /Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., Норма. 2010.
10. Габиани А. А. На краю пропасти. Наркомания и наркоманы. М., 1990.

References:

1. Tararukhin S. A. Criminal behavior. Social and psychological traits. M., 1974.
2. Antonyan Yu. M. Role of a specific life situation in committing a crime. M., 1978.
3. Antonyan Yu. M. Social environment and criminal personality formation. M., 1975.
4. Tarnovskiy E. N. Influence of bread prices and yields on the movement of crimes against property in Russia // Zhurnal Ministerstva Yustitsiyi. 1898. № 8.
5. Ostroumov S. S. Crime and its causes in pre-revolutionary Russia. M., 1960.
6. Kudryavtsev V. N. Genesis of crime. M., 1998.
7. Yakovlev A. M. Crime and social psychology. M., 1971.
8. Koval B. Spirit, soul. Evil spirits. Symbols and values of life. M., 2000.
9. Criminology. Tutorial. / Edited by V. N. Kudryavtseva, V. E. Eminova. M., Norma. 2010.
10. Gabiani A. A. On the brink of the abyss. Addiction and drug addicts. M., 1990.

УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ ИМИДЖА ГУБЕРНАТОРА КАК ЛИДЕРА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Ваторопин А. С.

доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и социологии управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, alexandr.vatoropin@uapa.ru

Семина М. С.

аспирант кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, maria-semina@mail.ru

УДК 005.521:32
ББК 66.06

Цель. Выявление механизма создания имиджа главы региона как лидера общественного мнения.

Методы. Проведено практическое исследование, в рамках которого предложен механизм создания лидера мнений. Методом полуформализованного интервью были опрошены 40 экспертов.

Результаты. В рамках исследования был выявлен механизм формирования лидера общественного мнения. Данный механизм проиллюстрирован на примере становления Л. Волкова как лидера мнения. В заключение статьи предложенный механизм адаптирован к процессу формирования имиджа главы региона как лидера общественного мнения и сформулированы рекомендации.

Научная новизна. Научная новизна заключается в разработке механизма целенаправленного формирования имиджа главы региона как лидера общественного мнения.

Ключевые слова: лидер общественного мнения, имидж губернатора как лидера общественного мнения.

MONITORING THE GOVERNOR'S IMAGE DEVELOPMENT AS A LEADER OF PUBLIC OPINION

Vatoropin A. S.

Doctor of Science (Sociology), Assistant Professor, Head of the Theory and Sociology of Management Department, the Urals Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, alexandr.vatoropin@uapa.ru

Syomina M. S.

Post-graduate student of the Theory and Sociology of Management Department, the Urals Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, maria-semina@mail.ru

Purpose. To identify a mechanism for creating the image of the head of the region as a leader of public opinion.

Methods. The authors carried out a practical study within the framework of which the mechanism of creating a leader of opinion was identified. Using the method of partially formal surveys 40 experts were interviewed.

Results. The study identified the mechanism of formation of public opinion leader. This mechanism is illustrated in the example of L. Volkova's development as an opinion leader. In conclusion, the article proposed a mechanism adapted to the process of forming the image of the head of the region as a leader of public opinion and formulated recommendations.

Scientific novelty. Scientific novelty and originality consists in the development of a focused image of the head of the region as a leader of public opinion.

Keywords: leader of public opinion, image of the Governor as a leader of public opinion.

© Ваторопин А. С. Семина М. С., 2016

В рамках изучения общественного мнения (М. Горшков, Б. Грушин, У. Липпман и др.) проблематика происхождения и становления лидеров общественного мнения привлекала внимание ряда ученых (Р. Мертон, П. Лазарсфельд и др.). При этом существующего объема знаний явно недостаточно, особенно учитывая тот факт, что активное проникновение интернета в современную жизнь изменяет формат коммуникаций: они перетекают в онлайн-пространство, их скорость увеличивается. Как результат, предпосылок к появлению лидеров общественного мнения и их количество становится больше.

Лидер общественного мнения – авторитетная персона, мнение которого оказывает существенное влияние на мнения других индивидов или социальных групп. Лидеры общественного мнения могут возникать совершенно в различных сферах, таких как: реклама, политика, медицина и т.д., однако в целях нашего анализа мы будем рассматривать их применительно к общественно-политической среде.

Традиционно принято рассматривать механизмы выявления лидеров общественного мнения и взаимодействия с ними, при этом вопрос искусственного формирования лидера общественного мнения, как правило, не ставится. В данном анализе мы предпринимаем попытку определить, каким образом формируется лидер общественного мнения, чтобы выявить отличительные черты этого процесса и попробовать адаптировать их к процессу формирования имиджа главы региона как лидера общественного мнения. Другими словами, мы попытаемся предложить механизм целенаправленного создания имиджа лидера общественного мнения применительно к образу руководителя субъекта Российской Федерации.

Как мы отмечали ранее, теоретически данный вопрос не проработан; в литературе не описывается механизм формирования лидера общественного мнения. Поэтому мы решили провести собственное исследование, которое бы позволило подобный механизм сформулировать.

В рамках практического исследования методом полуформализованного интервью мы опросили 40 человек – читателей интернет-блога Леонида Волкова [5], для которых он является лидером общественного мнения (далее – Иссл. 2015). Л. Волков – политик, который занимается активной общественно-политической деятельностью на протяжении более 8 лет. Отметим сразу, что политическую позицию Л. Волкова вполне можно характеризовать как оппозиционную: он был активным координатором предвыборного штаба А. Навального, член оппозиционной Партии Прогресса, организатор Координационного совета оппозиции, один из создателей партии Навального – политической партии Народный альянс. Отметим также, что в 2013 году Л. Волков был депутатом городской думы г.Екатеринбурга. За свою общественно-политическую карьеру Л. Волков организовал несколько масштабных общественных мероприятий (митинги в поддержку А. Навального, митинг оппозиции власти и т.д.), а также ряд общественно-политических онлайн-акций. В силу этого, полностью использовать пример Л. Волкова мы не сможем, поскольку в нашем случае речь пойдет о главах субъектов. Однако имеет смысл учесть определенные важные для нашего исследования моменты.

Предварительно мы изучили, является ли Леонид Волков действительно лидером общественного мнения. Согласно полученным данным, все респонденты оценивают его именно в этом качестве. Мнение Л. Волкова важно для его целевой аудитории по следующим причинам: оно является авторитетным, к его мнению прислушиваются люди, его мнение совпадает с мнением целевой аудитории или его точка зрения нестандартна (Иссл. 2015). Общественность, для которой Л. Волков – лидер мнений, чаще всего ориентируется на его позицию по политическим вопросам. Также мнение этого лидера авторитетно в отношении проблем, касающихся социальной сферы, экономики, этики и вопросов личного характера.

В рамках опроса мы определили, что в случае проведения какой-либо оффлайн-акции, организованной Л. Волковым, большинство (три четверти) респондентов готовы принять участие в мероприятии. На наш взгляд, это достаточно высокий показатель, который подтверждает предположение о том, что Л. Волков, действительно, является лидером общественного мнения, к которому целевая аудитория прислушивается, и, более того, готова поддержать его инициативы за пределами интернета.

Далее, на основании результатов исследования мы попытались сформулировать обобщенный механизм создания лидера общественного мнения. Согласно ответам респондентов, лидер общественного мнения, во-первых, должен занимать активную общественно-политическую позицию (Лидер должен вести социально активный образ жизни, рассказывать о себе, быть в центре событий и давать свое мнение [Иссл. 2015, респ. 17, 29]). Во-вторых, он должен быть активным в интернет-пространстве (постоянно быть в интернете, пиариться, лидеры сегодня в интернете [Иссл. 2015, респ. 1, 8, 30]). В-третьих, чтобы стать лидером общественного мнения, необходимо реализовывать проекты, в том числе проводить массовые мероприятия и т.д. (…участвовать в публичных мероприятиях в качестве организатора или выступающего, Делать реальные дела. Не на словах, а на деле [Иссл .2015, респ. 12, 24]). В-четвертых, лидер общественного мнения должен налаживать контакт с аудиторией (…четко

улавливать чего хотят люди, четко это формулировать, добавляя нечто конструктивное. Постоянно доносить мысль до аудитории, иногда вести диалог [Иссл. 2015, респ.13]). В-пятых, часть респондентов отмечает, что лидер сегодня должен быть в оппозиции к устоявшимся порядкам [Иссл. 2015, респ. 20]. В-шестых, важно вступать в организации: общественные организации, партии. Более того – проявляться как лидер [Иссл. 2015, респ. 22]. Наконец, чтобы стать лидером мнений, персоне желательно иметь сторонников (хорошо, если у него есть группа единомышленников [Иссл. 2015, респ. 28]).

Проиллюстрируем данный механизм. Отметим, что мнения респондентов относительно того, как Л. Волков стал лидером общественного мнения, разделились. Часть из них считает, это становление обусловлено тем, что ему (Л. Волкову) доверяет Алексей Навальный [Иссл. 2015, респ. 33]; так как он бывает в обществе авторитетных людей, Навального, например [Иссл. 2015, респ. 5], а также благодаря мэрской кампании Навального [Иссл. 2015, респ. 2]. Другая часть респондентов склонна определять успех Л. Волкова в качестве лидера общественного мнения, как результат его собственной политической карьеры. Один из опрошенных отмечает, что для меня Л. Волков стал ЛОМом– во время выборов в Обл.Думу, для других, думаю – во время выборов в КС (Координационный совет) [Иссл. 2015, респ. 18]. Согласно другим мнениям, Л. Волков стал лидером общественного мнения в Москве – когда возглавил предбвыборную кампанию и стал давать интервью; в Екатеринбурге – когда стал заниматься политикой [Иссл. 2015, респ.17].

Помимо перечисленных выше причин личные качества Л. Волкова позволили ему стать лидером общественного мнения. Л. Волков хорошо выступает на публике (митинг в Екб). Идеи, которые он предлагает, поддерживаются [Иссл. 2015, респ. 2]; он последователен, логичен, честен, умен и умеет отстаивать свою точку зрения [Иссл. 2015, респ. 32].

Немаловажным фактором, по мнению опрошенных, стала общественная деятельность Л. Волкова (инициировал социально-значимые дела: субботники, митинги [Иссл. 2015, респ. 38]); а также его общественно-политическая позиция (защищает права граждан!!!, Волков против коррупции [Иссл. 2015, респ. 1, 6]).

Некоторые респонденты отмечают, что его информационная политика, а именно – периодические публикации (часто публиковался в СМИ, фейсбуке, ЖЖ [Иссл. 2015, респ. 14]) позволили Л. Волкову стать лидером общественного мнения.

Наконец, часть опрошенных лично знает Л. Волкова и высоко оценивает его лидерские качества (Волков всегда был лидером, беру с него пример [Иссл.2015, респ. 2, 15]), которые и сделали из общественного деятеля Л. Волкова лидера общественного мнения.

Подытоживая проведенный анализ, отметим, что основных факторов, согласно мнениям целевой аудитории, способствующих формированию Л. Волкову как лидера мнений, несколько:

1) активное взаимодействие с авторитетной общественно-политической фигурой;
2) собственная политическая деятельность;
3) личные качества;
4) общественная деятельность;
5) активная общественно-политическая позиция по социально-значимым вопросам;
6) информационная политика.

Проанализировав данный пример становления лидера общественного мнения, а также выявив отличительные черты последнего, предложим механизм формирования имиджа главы региона как лидера общественного мнения.

Отметим, что предварительно мы узнали мнение респондентов о том, можно ли искусственно создать лидера общественного мнения. Согласно результатам, половина опрошенных уверена, что целенаправленное формирование лидера мнений возможно, причем наиболее просто можно его создать из политика или общественного деятеля; сложнее – из чиновника, а также из представителя шоу-бизнеса. Кроме того, большинство респондентов уверено, что из губернатора области можно сформировать лидера общественного мнения.

Итак, формирование имиджа губернатора как лидера общественного мнения необходимо начать с определения потребностей и актуальных проблем целевой аудитории (первый этап). Это даст возможность оформить такую позицию губернатора, которая позволит завоевать доверие аудитории и в дальнейшем выстроить с ней диалог. Второй этап – создание различных информационных каналов для общения с целевой аудиторией. Главе региона необходимо не только присутствовать в сети интернет (социальных сетях, блоговых порталах и т.д.), но и активно общаться со своей аудиторией в интернете. На третьем этапе следует проводить встречи и мероприятия с целевой аудиторией для того, чтобы данный имидж подкреплялся реальными инициативами. Важно, чтобы мероприятия грамотно проводились и освещались в СМИ, поскольку общественность получает информацию в основном именно из этих источноков. На наш взгляд, перечисленные этапы являются необходимыми при создании имиджа лидера общественного мнения.

Выделим ряд немаловажных дополнительных факторов, которые могут способствовать созданию имиджа губернатора как лидера общественного мнения. Первый фактор – выявление авторитетных для целевой аудитории фигур и налаживание взаимодействия с ними. Безусловно, в каждой области присутствуют

различные авторитетные общественно-политические деятели. Социологический опрос позволит выявить таких лидеров общественного мнения. Второй фактор – создание такого имиджа главы региона, в котором будут присутствовать характерные сильные черты. К примеру, имидж главы региона может быть нацелен на формирование образа успешного оратора, харизматичного лидера или оппозиционного политика. Пример Л. Волкова показывает, что его имидж в восприятии целевой аудитории содержит все перечисленные характеристики. Наконец, так как у лидера, как правило, есть команда сторонников, то желательно создавать имидж такого главы, которого уже поддерживает определенная группа людей. В таком случае, целевую аудиторию будет проще убедить в том, что губернатор – это, действительно, лидер общественного мнения.

В заключение стоит сказать, что данный механизм формирования имиджа главы региона как лидера общественного деятеля, может быть применим к созданию имиджа любого губернатора, однако для достижения наиболее успешных результатов важно адаптировать этот механизм в каждой конкретной ситуации и рассматривать существующие условия и факторы, влияющие на этот процесс, в каждом случае отдельно.

Литература:

1. Горшков М. К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988. 383 с.
2. Грушин Б. А. Мнение о мире и мир мнений: Проблемы методологии и исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967. 400 с.
3. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда Общественное мнение, 2004. 384 с.
4. Blumer H. Public opinion and public opinion polling // American sociological review. 1948. Vol. 13. №5. Pp. 542–549.
5. Facebook. Леонид Волков [электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/leonid.m.volkov?fref=ts (дата обращения 14.10.2015).
6. Lazarsfeld P., Berelson B. and Gaudet H. The People's Choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign, 2nd edition. New York: Columbia University Press, 1948. 178 p.

References:

1. Gorshkov M. K. Public opinion: History and modernity. M.: Politizdat, 1988. 383 p.
2. Grushin B. A. View of the world and the world of views: Problems of methodology and public opinion research. M.: Politizdat, 1967. 400 p.
3. Lippman U. Public opinion / Transl. from Engl. By T. V. Barchunova, edited by K. A. Levinson, K. V. Petrenko. M.: Institute of the Public opinion Foundation, 2004. 384 p.
4. Blumer H. Public opinion and public opinion polling // American sociological review. 1948. №13. №5. Pp. 542–549.
5. Facebook. Leonid Volkov [e-resource]. URL: https://www.facebook.com/leonid.m.volkov?fref=ts (date of reference 14.10.2015).
6. Lazarsfeld P., Berelson B. and Gaudet H. The People's Choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign, 2nd edition. New York: Columbia University Press, 1948. 178 p.

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИЕЙ И ИНТЕГРАЦИЕЙ ВНЕШНИХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ

Винокурова Е. И.

преподаватель кафедры общественных дисциплин Института русского языка и культуры, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия), 119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы д.1, econom.cmo@yandex.ru

УДК 323(470)-054.7
ББК 66.3(2Рос),41

Цель. Проанализировать ситуацию на российском рынке труда и, исходя из изложенных цифр и фактов о сложной демографической ситуации в стране и масштабном сокращении трудоспособного населения, сделать вывод о том, что без дополнительного притока мигрантов российской экономике не обойтись. В статье рассматривается проблемы миграции и текущие тенденции в этой сфере. Особенную остроту проблеме придает факт, что большая часть мигрантов исходит из стран с иной для российского общества культурой, традициями, этносом, правилами поведения. Кроме того, внешние мигранты отрываются от привычной им среды проживания, чтобы переехать на новое место, имея разные мотивации, цели, способы их реализации. Учитывая эти факторы, необходимо создать систему управления социально-экономической интеграции и адаптации внешних мигрантов. Программа по интеграции и адаптации должна строиться, как в интересах российского общества, так и в интересах самих мигрантов.

Методы. На основе статистического анализа проанализирована динамика показателей состояния российского рынка труда и его структурных элементов. Выявлены причины неэффективности миграционной политики европейских стран. Методом сравнительного анализа, учитывая опыт европейских стран, предложены пути решения вопроса интеграции и адаптации внешних мигрантов в российское общество, учитывая особенности нашей страны.

Новизна. Автор предлагает скорректировать вектор миграционной стратегии России и предлагает свой взгляд по управлению социально-экономической адаптации и интеграции внешних мигрантов в российское общество.

Результаты. Анализ Концепции Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Федеральной службы государственной статистики РФ позволил сделать вывод о том, что в ближайшей перспективе России без мигрантов не обойтись. Следовательно, учитывая этот факт, как реальность, необходимо выстраивать адекватную систему управления миграционными потоками в Российскую федерацию. Принимая во внимание, что в последнее время будет нарастать приток мигрантов из стран иного культурного социума, иных традиций и религий необходимо выстраивать адекватную в сложившейся ситуации программу по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, но на качественно новом уровне: учитывать интересы, как принимающего общества, так и самих мигрантов.

Ключевые слова: миграция, адаптация, интеграция, миграционная политика, иноязычная среда.

MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION AND INTEGRATION OF EXTERNAL MIGRANTS IN THE RUSSIAN SOCIETY

Vinokurova E. I.

Lecturer of Social Studies Department of the Institute of the Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University (Russia), 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, econom.cmo@yandex.ru

© Винокурова Е. И., 2016

Purpose. To analyze the situation on the Russian labor market and, on the basis of figures and facts about the complex demographic situation in the country and large-scale reduction of the working-age population, to conclude that the Russian economy cannot deal without the additional influx of migrants. The article discusses migration issues and current trends in this area. Especial acuteness of the problem is given by the fact that a large proportion of migrants comes from the countries with culture, traditions, ethnicity, and rules of conduct different for the Russian society. In addition, external

migrants break away from habitual residence to move to a new place, having different motivations, objectives, and ways of their implementation. Taking into account these factors, it is necessary to establish a system of socio-economic integration and adaptation of external migrants. The program for integration and adaptation must be built, as in the interests of the Russian society and the migrants themselves.

Methods. Based on a statistical analysis the author analyzed the state of the Russian labor market and its structural elements; identified the reasons for ineffectiveness of the migration policy of the European countries. Using the method of comparative analysis, taking into account the experience of the European countries, the author proposed the ways to address the issue of integration and adaptation of the international migrant stock to the Russian society, given the peculiarities of our country.

Novelty. The author proposes to adjust the vector of migration strategy in Russia and offers his opinion on the management of socio-economic adaptation and integration of external migrants in Russian society.

Results. Analysis of the Concept of the State migration policy of the Russian Federation for the period up to the year 2025, the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period up to the year 2025, the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation up to the year 2020, the Federal State statistics service of the RF concluded that in the nearest future Russia wouldn't be able to deal without migrants. Therefore, given this fact, as reality, it is necessary to build an adequate system of management of migration flows to the Russian Federation. Bearing in mind that in most time the inflow of migrants from the countries of other cultural society, other traditions and religions will increase, it is necessary to build an adequate in the current situation programme on socio-cultural adaptation and integration of migrants, but on a qualitatively new level: taking into account the interests of both the host society and migrants themselves.

Keywords: migration, adaptation, integration, migration policy, foreign environment.

Миграция – это естественное свойство человека, который меняет место постоянного места жительства в целях поиска лучшего способа применения своего труда.

На миграционные потоки влияют такие мотивации, как экономические, политические, гуманитарные, личностные, культурные, экологические, психологические и правовые. В современном мире международная миграция приобретает глобальные масштабы. По данным Отдела народонаселения ООН, в 2000 г. в мире насчитывалось более 178 млн. 500 тыс. международных мигрантов, в 2005 г. их было уже 195 млн., в 2010 г. – около 214 млн., в 2013 г. – 232 млн. человек. Из статистических выкладок экспертов ООН следует, что на сегодняшний день более трех процентов населения планеты являются мигрантами. В европейском направлении миграционные потоки выросли с 57 млн. 600 тыс. чел. (2000 г.) до 70 млн. (2010 г.). На Азиатском континенте они возросли с 51 млн. 900 тыс. (2000 г.) до 61 млн. 300 тыс. (2010 г.). В 2013 г. половина всех международных мигрантов в мире приходилась на 10 стран. На первом месте оказались США, на территории которых находились одновременно 45 млн. 800 тыс. мигрантов. Российская Федерация заняла второе место в мировом рейтинге по количеству мигрантов. Согласно докладу ООН, в 2013 г. их число в нашей стране достигло 11 млн. чел. [1]. Такое же количество иностранных мигрантов было вначале 2015 года. Из 11 миллионов иностранных мигрантов 2,5 миллиона были гражданами Узбекистана, 1,6 млн. составляли граждане из Украины, 1,2 млн. – из Таджикистана, более 600 тысяч – из Азербайджана и полмиллиона – из Молдавии [2].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х г.г. в России шел процесс трансформации социально-экономической и политической жизни. Процессы, происходящие в этот период в России, способствовали интенсификации миграционных потоков. В 1990-е годы Российское общество переходило к качественно новой социально-экономической и политической системе отношений: провозглашались новые права и свободы, в том числе свободу выбора места жительства, а также перемещений граждан по территории России и за её пределы. С распадом СССР большинство бывших советских республик стали проводить политику, целью которой было вынудить некоренных жителей покинуть страну. Россия, имевшая относительно прозрачные границы с бывшими советскими республиками, стала мощным миграционным центром притяжения миллионов бывших советских граждан. Кроме этого, благодаря геополитическому положению России, начало формирование и развитие Евразийской миграционной системы на постсоветском пространстве, центром которой становилась Россия. Таким образом, Россия одновременно стала страной происхождения, назначения, и страной транзита для миллионов иностранных мигрантов. К настоящему времени все регионы России уже вовлечены в миграционные потоки. Политические и экономические преобразования в России, а также качественные изменения в мировой экономики во второй половине двадцатого века, вызванные развитием индустриального сектора

и соответствующей трансформацией мирового рынка труда, привели к качественным изменениям в структуре миграционных потоков в России.

1. *Изменения временной продолжительности международных миграций* в течение последних двух десятилетий. В это период более динамично развивалась в России *трудовая миграция*. С одной стороны, это было вызвано с все большей доступностью передвижения между странами и континентами. С другой стороны, временная работа за рубежом становилась более предпочтительной, чем эмиграция. Временное пребывание в другой стране или территории связано с меньшими материальными и нематериальными затратами.

2. *Трансформация квалификационной структуры международных миграционных потоков.* На российском рынке труда сформировался устойчивый спрос на труд иммигрантов по двум направлениям: низкой и высокой квалификации.

3. *Трансформация половозрастной структуры международных миграционных потоков*. Доля женщин в общем количестве иммигрантов в страну растет и в настоящее время составляет от 40 до 45 %. Это связано, в первую очередь, с развитием сферы услуг. Причем среди иммигрантов доля женщин в возрасте выше трудоспособного составляет более 70 %. Тем не менее, на протяжении пятнадцати лет прослеживается тенденция увеличения доли мигрантов трудоспособного возраста: в 1997 г. они составляли 63,5 %, в 2010 г. – 79,6 %, а в 2013 г. – 86 % [3]. В 2012–2013 г.г. иностранных граждан в возрасте от 18 до 29 лет, работающих в России, составляли более 40 %. Такая тенденция положительно влияет на половозрастную структуру населения России в плане более высокого репродуктивного потенциала.

4. *Трансформация структуры иммиграции по странам-донорам*. В конце 2014 г. из общего числа иностранцев, имевших разрешение на работу, 84,3 % были гражданами из стран СНГ. Тенденция роста мигрантов из стран СНГ сохраняется, но происходят изменения в иерархии основных стран происхождения иммигрантов [4, с. 125]. В 2009 г. первое место занимала Украина (17 %), второе – Узбекистан (15,7 %), третье – Казахстан (14,3 % всех прибывших иммигрантов в Россию). По данным Федеральной службы государственной статистики в 2013 г. 23 % мигрантов были гражданами Узбекистана, 13,3 % – Украины, 10,2 % – Таджикистана [3].

Основной задачей на современном этапе является выработка конкретной программы вхождения внешних мигрантов в российский социум. На данном этапе является задачей номер один – это выработка конкретной (конкретных) модели (моделей) по безболезненному вхождению разных групп внешних мигрантов в российское общество. Это может быть не одна модель, а несколько моделей, которые могли бы включать несколько видов параметров, органично соответствующих данной группе мигрантов.

Модель интеграции внешних мигрантов в социум стран иммиграции, их адаптации и последующей ассимиляции в принимающем обществе, а также последствий для принимающего общества и самих мигрантов является относительно новым предметом обсуждения и дискуссий в научном мире.

Для России становится очень полезным опыт стран Европы в области интеграции мигрантов через их интеграцию и адаптацию в принимающий социум. Эта политика была названа политикой мультикультурализма. То, что этот опыт оказался не оченьэффективным, может показать России, в каком направлении необходимо двигаться, избегая подобных неудач. Политика включения в европейскую культуру элементов культур иммигрантов из стран третьего мира, потерпела неудачу. При проведении политики мультикультурализма не были соблюдены условия интересов обеих сторон: иммигрантов и общества их принимающего. Все мигранты рассматривались лишь как потенциальная рабочая сила, но не классифицировались по отдельным стратам. Не были выработаны критерии деления мигрантов по странам исхода, их культурных, религиозных различий, желания и способность к социализации иммигрантов в ином по культуре, традициям обществе, менталитете, в которое они приехали. Не были учтены личная мотивация мигрантов, социально-экономическая составляющая мигранта, а также толерантность самих мигрантов по отношению к принимающему обществу, этнический состав мигрантов, возможность их психологической адаптации. Не учет данных факторов привел к краху модели политики мультикультурализма, применявшейся в большинстве европейских государств.

Для России проблема вхождения внешних мигрантов стоит особенно остро и имеет свои особенности. Россия формировалась изначально как многонациональное государство. Этот процесс происходил в различные временные периоды, как за счет расширения территорий, так и за счет присоединения населения, *проживающего на этих территориях*. Таким образом, происходило постепенное присоединение новых территорий с проживающим на них населением и их интеграция в новую структуру государственности. Люди постепенно адаптировались к новым условиям, сохраняя свои территории, свои традиции, этнос, культуру и постепенно более естественно адаптируясь к новым реалиям.

Иммигранты же отрываются от привычной среды проживания, переезжают на новое место, имея разные мотивации, цели, способы их реализации. Их интеграция и адаптация происходит сложнее, болезненнее, продолжительнее по времени и требует и от иммигранта

и от принимающего общества выбора наиболее приемлемой политики существования. Выбор политики более удачного вхождения внешнего мигранта в российский социум будет способствовать более успешной её реализации. Если говорить об интеграции, то она может быть разделена на *полную интеграцию*, основой которой является ассимиляции мигрантов и *частичную интеграцию*, которая включает процессы адаптации и приживаемости мигрантов.

Ассимиляция мигрантов – это процесс, в ходе которого мигранты, изменяя свою самоидентификацию (культуру, традиции, ценностные установки и т.п.) приспосабливаются к окружающему социуму, иногда полностью идентифицируя себя с принимающим сообществом. Ассимиляция может носить полную или абсолютную, либо частичную ассимиляцию. Мигрант, сохранив свою индивидуальность на бытовом уровне, частично религиозную самоидентификацию, может утратить свой язык, традиции страны исхода. Он также может полностью утратить самоидентификацию, копировать привычки и традиции народов общества вхождения, их образ жизни, поведение, что в психологии принято называть социальной мимикрией поведения. Ассимиляция мигрантов проявляется в социально-экономическом, политическом, демографическом и даже психологических аспектах.

Управление социально-экономической интеграцией и адаптацией мигрантов должно заключаться, в первую очередь, в выборе модели интеграции и адаптации мигрантов в принимающее сообщество. Для этого необходимо учитывать не только мотивы принимающего сообщества, но и интересы, мотивацию, целевые установки и выбор способов вхождения в страны-реципиенты самих мигрантов.

Необходимо изначально классифицировать всех потенциальных мигрантов на различные группы: из стран прибытия, а также определить предпочтительных мигрантов из стран ближнего зарубежья, классифицировать мигрантов по временным критериям, по целевым установкам, по степени квалификации и первоочередной нужности для российской экономики и т.д. После квалификации потенциальных мигрантов, необходимо разработать конкретную программу, которая должна точно определить ответственных за её реализацию на федеральном, региональном, местном уровнях, в том числе и финансирование этой программы, сроки исполнения. Сроки исполнения также должны быть составлены на временном отрезке: от долгосрочных, включенных в план социально-экономического развития страны, региона, органов местного самоуправления до краткосрочных.

Необходимо выстроить программу интеграции мигранта, который сам может выбрать ту или иную схему (программу), исходя из своих личных планов в жизни, мотиваций и предпочтений. Эта схема (программа) заключается в следующей последовательности прохождения интеграции и адаптации мигранта: временное пребывание или разрешение на работу – вид на жительство – гражданство [5]. Причем адаптация напрямую зависит от времени пребывания иммигранта в России.

Эта программа становится наиболее актуальной, исходя из факта снижения численности населения России и, особенно, в части его трудоспособного населения. При непродуманном управлении миграционными потоками, программ по адаптации и интеграции мигрантов риски становятся особенно опасными в сложившейся современной мировой ситуации.

В Концепции Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года есть положительные намерения по приему мигрантов высококвалифицированных профессий. Это залог конкурентоспособности страны, её инновационного развития. Но, выбор высококвалифицированных мигрантов пока не в пользу России, их выбор падает в пользу более развитых стран, которые предлагают им гарантированные соцпакеты. Более реалистичной станет программа по привлечению мигрантов рабочих специальностей, тех, которые могут восполнить рынок труда профессий наиболее востребованных экономикой страны и не востребованных со стороны населения. Это, по-прежнему труд на наиболее тяжелых, не привлекательных объектах. По данным Росстата, в 2012 г. около 36 % иностранных работников в России были заняты в строительстве, 13,5 % – в обрабатывающих производствах, 9,1 % – в сельском и лесном хозяйстве, 16 %, – в сфере торговли, 25,4 % – в других видах деятельности [3]. Россияне пока не готовы занимать рабочие места ниже полученной квалификации, даже в условиях высокой безработицы.

Президент РФ объявил о планах по созданию 26 млн. рабочих мест. Если посмотреть статистику населения страны трудоспособного возраста, то станет понятно, что без мигрантов страна не сможет обойтись при реализации этого проекта. По низкому прогнозу Федеральной службы статистики РФ с 2016–2030 г.г. численность население страны сократится более, чем на 4млн. человек при среднегодовом приросте мигрантов в 200 тыс. человек. Население в трудоспособном возрасте сократится по низкому варианту на 6, 952 млн. человек и будет составлять 54,2 % от общей численности населения [3]. Если говорить о мигрантах, то на протяжении последних пятнадцати лет прослеживается тенденция увеличения доли мигрантов трудоспособного возраста. Так, если в 1997 г. они составляли 63,5 %, то в 2010 г. – уже 79,6 %, то в 2013 г. – 86 % . В 2012–2013 г.г. более 40 % иностранных граждан, работающих в России, были в возрасте от 18 до 29 лет [3].Такая тенденция положительно влияет на

половозрастную структуру населения России, а также несет в себе относительно более высокие репродуктивные установки.

Учитывая современные негативные тенденции демографического развития, и прежде всего стремительное старение населения, России необходимо в рамках долгосрочной перспективы обеспечить существенный приток иммигрантов, особенно в те сферы экономики, которые считаются стратегическими в плане роста валового продукта и обеспечения роста экономики.

Управление социально-экономической адаптации и интеграции мигрантов особенно актуально в связи с изменившейся структурой приезжающих мигрантов из стран доноров. Происходит перераспределение миграционных потоков из стран-доноров: он все больше состоит из людей иной культуры, не знакомых с нормами и культурой поведения в стране пребывания, плохо владеющих или не владеющих русским языком, знание которого является необходимым условием более быстрой адаптации и, возможной, интеграции мигрантов в принимающее общество. Знание русского языка, не ниже базового уровня, необходимо для поиска работы, элементарной информации о вакансиях и условиях оплаты труда, обращение за медицинской помощью и в правоохранительные органы для защиты своих прав. К сожалению, молодое поколение мигрантов, которое приезжает в Россию, знает русский язык уже намного хуже, чем люди 40–50 лет. Поколение трудовых мигрантов, получивших образование в советское время и довольно хорошо говорящих по-русски, убывает, а поколение родившихся в девяностые практически не знает языка, что сильно затрудняет их интеграцию в российское общество. Большинство мигрантов прибывает в Россию из стран постсоветского пространства, в которых в настоящее время русский язык преподается в школах. Но в основном изучение русского языка носит формальный характер. Среди многих мигрантов знание его крайне низкое. Система обучения русскому языку взрослых иностранных граждан отсутствует, они могут изучать его на коммерческой основе, в порядке частной инициативы. По данным, например, Минобразования Таджикистана, в стране насчитывается 17 средних школ с обучением на русском языке, а в 166 школах русский преподается наряду с таджикским языком. Однако сфера применения и область распространения русского языка постепенно сужаются в Таджикистане. Снижается также число таджикистанцев, владеющих русским языком. У молодежи сокращается русскоязычная среда общения. По большей части это вызвано тем, что в своё время страну покинули десятки тысяч представителей русскоговорящего населения. Школьникам не с кем общаться на русском языке. На улице и в общественных местах русская речь становится всё более редкой.

По мнению экспертов, более 50 % трудовых мигрантов, выезжающих из Таджикистана в Россию, плохо говорят на русском языке, более 20 % мигрантов, въезжающих на территорию Российской Федерации, не владеют русским языком вообще. Более 50 % не могут самостоятельно заполнить элементарную анкету, не более 40 % мигрантов имеют письменные договоры с работодателем. Отсутствие элементарных языковых знаний порождает и другую проблему: мигранты не могут ориентироваться информационно в новом для них пространстве, в обществе с другой историей, культурой, с другими традициями и законами. Иностранные мигранты объединяются в диаспоры. Главы диаспор договариваются с работодателями напрямую, часто без трудовых договоров, сдавая фактически в аренду мигрантов на кабальных условиях. Поэтому немаловажным аспектом являются нелегальные мигранты. Например, из 10 млн. въехавших в Российскую Федерацию мигрантов из Таджикистана, легально работает около 1,3 млн.человек [5]. Это создает немало проблем не только экономических, криминальных, но и осложняет адаптацию и интеграцию мигрантов в сообщество въезда мигранта.

Важным показателем серьезности планов мигрантов на интеграцию в российское общество является их отношение к образованию детей. Например, среди постоянных мигрантов почти половина планирует продолжить образование детей в России, а среди мигрантов, впервые приехавших в нашу страну, – лишь четверть. Поэтому основная часть интегрированных мигрантов – это постоянные мигранты. Необходимо формировать такое отношение к мигрантам, которые хотели бы остаться в России и получить гражданство. Это снизило бы административные расходы государства по поиску, обучению, распределению мигрантов, в том числе и расходы на их интеграцию и адаптацию. Похожий опыт был в Германии, когда 1950–60-х г.г. правительство Германии изначально пригласило мигрантов из Турции. Изначально предполагалось, что турецкие рабочие приедут временно на работу в Германию, а потом вернуться обратно в Турцию. Но выяснилось, что поиск, обучение новых мигрантов обойдется гораздо дороже, да и турецкие мигранты не все пожелали вернуться, даже при денежной компенсации немецкими властями их возвращения на родину. Большая часть турецких мигрантов осталась. Тогда в Германии были созданы программы по адаптации иностранных мигрантов: бесплатные курсы по изучению немецкого языка, традиций, истории, культуры Германии.

Россия использовала этот опыт. С 1 января 2015 года иностранные граждане, которые хотят получить разрешение на работу, патент, разрешение на временное проживание либо вид на жительство в Российской Федерации должны сдать комплексный экзамен

по русскому языку, основам законодательства, истории России. Основополагающими документами являются: Федеральный закон №74 от 20.04.2014 О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации и приказ Министерства образования и науки Российской Федерации №1156 от 29.08.2014 Об утверждении формы, порядка проведения экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ и требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена. Если мигрант не сдает экзамен, то он будет принят на работу, но с отсрочкой, подписав договор с одним из центров по подготовке к сдаче экзамена. По данным ФМС, в 2010 г. при государственных и муниципальных учреждениях действовало 217 курсов для легальных иностранных мигрантов, на которых обучалось 5132 человек. Количество центров, в которых мигранты могут сдать комплексный экзамен, увеличилось с 250 (2014 г.) до 400 (февраль 2015 г.). По оценкам ФМС России, в 2015 г. комплексный экзамен должны сдать около 3 млн.400 тыс. иностранцев [7].

По нашему мнению, в комплексный экзамен стоит включить и элементарные вопросы по экономике. Мигрант, приезжающий в нашу страну с целью найти здесь работу, должен обладать основами экономической грамотности, иметь представления об уровне заработной платы в России и в её регионах, знать виды налогов, а также уровень цен на промышленные товары, продукты питания, услуги. Мигранту будет полезно получить информацию о банках, которые действуют в России, а также о видах банковских вкладов и какие проценты по ним в банках и т.п. Таким образом, экономические знания помогут мигрантам, приехавшим в незнакомую страну расширить словарный запас экономическими терминами на русском языке и повысить экономическую компетентность.

Эффективными мерами по управлению социально-экономической интеграцией и адаптацией мигрантов могут стать программы по предподготовке потенциальных мигрантов из стран-доноров. В этих странах должны быть созданы курсы, учебные пособия для подготовки к комплексному экзамену по русскому языку, основам законодательства, истории российского государства, основам экономических компетенций. Но всё же главное – это русский язык. Без знания русского языка невозможна никакая адаптация иммигранта в новый российский социум. Второй важный аспект – это унификация получения навыков профессиональной деятельности, соответствующая российским стандартам с целью более быстрого получения нужной мигранту работы в России. Поэтому в странах-донорах мигрантов необходимо создавать школы с изучением русского языка как иностранного, расширять сеть филиалов российских вузов, профессионально-технических колледжей, где проводилась бы подготовка специалистов в соответствии с российскими стандартами профессионального образования. Кроме того, более активно должен быть использован такой ресурс, как *дистанционное обучение*. Эти программы могли бы финансироваться как российскими государственными органами, коммерческими российскими структурами (бизнесом), так и правительствами стран-доноров. В некоторых странах уже есть положительные сдвиги: в Таджикистане и Киргизии уже работают центры по предподготовке. Там изучают русский язык для сдачи теста и получения сертификата по русскому языку. Также началась работа по подготовке профессиональных кадров по рабочим специальностям, которые востребованы в российской экономике.

С российской стороны также есть положительные практики по налаживанию контакта с зарубежными странами по продвижению русского языка. Хороший опыт есть у Россотрудничества, которое имеет свои представительства в 80 странах. Оно поддерживает русские школы в странах СНГ и дальнего зарубежья, помогает создавать российские центры науки и культуры (РЦНК). Россотрудничество является единственным российским государственным учреждением, которое на системной основе осуществляет за рубежом обучение русскому языку на курсах при РЦНК. По данным за 2014 г., такие курсы действуют на базе 63 РЦНК в 58 странах мира, общее количество слушателей составляет более 20 тыс. человек в год. При этом особое внимание уделяется социальной и профессиональной направленности курсов. В 33 странах мира функционируют курсы русского языка для детей соотечественников, проживающих за рубежом, и детей от смешанных браков. На курсах русского языка при РЦНК совместно с ведущими российскими вузами проводится тестирование иностранных граждан по русскому языку с последующей выдачей сертификатов [8].

На современном этапе в России государственная политика в области миграции реализуется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами во взаимосвязи с Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации, Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права и обязательствами нашей страны, вытекающими из международных договоров в сфере миграции. Еще в 2009 г. Россия ратифицировала Европейскую социальную Хартию, один из важных документов Совета

Европы в сфере обеспечения прав человека. В 2014 г. были приняты поправки к Федеральному закону О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации от 2002 г. В 2013 г. была принята Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Основными целями государственной миграционной политики являются: а) обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие ее населения; б) стабилизация и увеличение численности постоянного населения; в) содействие обеспечению потребности российской экономики в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности всех отраслей. Проведение государственной миграционной политики Российской Федерации осуществляется на принципах: а) обеспечения прав и свобод человека и гражданина; б) недопустимости любых форм дискриминации; в) соблюдения норм национального и международного права [9]. Используя этот огромный потенциал, необходимо соблюдать все права иностранных граждан для соблюдения своих интересов в сочетании с интересами Российской федерации.

Таким образом, управление социально-экономической адаптацией и интеграцией внешних мигрантов должно стать новой стратегией по созданию цивилизованных форм миграции в нашу страну, сочетающая интересы российского общества и самого мигранта.

Литература:

1. Пресс-релиз ООН за 2013 г. [электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (дата обращения 11.12.2015).
2. Гражданство РФ [электронный ресурс]. URL: http://гражданство.рф/novosti-i-zakonodatelstvo/news/s-1-yanvarya-2015-goda-migrantyi-v-rossii-budut-zhit-po-novomu.html (дата обращения 11.12.2015).
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения 01.11. 2015).
4. Винокурова Е. И. Механизмы социально-экономической и социально-культурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в иноязычную среду // Вестник ЦМО. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. №4. С. 124–132.
5. Мукомель В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики// Мир России. 2011. №1. С. 34–50.
6. Всероссийский конгресс Узбеков, узбекистанцев [электронный ресурс]. URL: http://vku-org.ru/press/new/159-fms-rossii-sozdaet-v-stranah-sng-centry-podgotovki-trudovyh-migrantov.html (дата обращения 01.09.2015).
7. Количество центров тестирования мигрантов увеличилось на 40 % [электронный ресурс]. URL: http://izvestia.ru/news/583305#ixzz3StOL8kIs (дата обращения 11.12.2015).
8. Официальный сайт Россотрудничества [электронный ресурс]. URL: http://rs.gov.ru/sites/default/files/buklet_final.pdf (дата обращения 11.12. 2015).
9. Концепция Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf) (дата обращения 11.12.2015).

References:

1. UN press release for 2013 [e-resource]. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (date of reference 11.12.2015).
2. Russian citizenship [e-resource]. URL: http://гражданство.рф/novosti-i-zakonodatelstvo/news/s-1-yanvarya-2015-goda-migrantyi-v-rossii-budut-zhit-po-novomu.html (date of reference 11.12.2015).
3. Official website of the Federal State Statistics Service [e-resource]. URL: http://www.gks.ru (date of reference 01.11. 2015).
4. Vinokurova E. I. Mechanisms of socio-economic and socio-cultural adaptation and integration of foreign migrants to the foreign environment // Vestnik CMO. Filologiya. Culturologiya. Pedagogika. Metodika. 2014. №4. P. 124–132.
5. Mukomel V. I. Integration of migrants: challenges, policy, social practices // Mir Rossiyi. 2011 №1. P. 34–50.
6. All-Russian Congress of Uzbeks, Uzbek citizens [e-resource]. URL: http://vku-org.ru/press/new/159-fms-rossii-sozdaet-v-stranah-sng-centry-podgotovki-trudovyh-migrantov.html (date of reference 01.09.2015).
7. Number of testing centers for migrants has increased by 40 % [e-resource]. URL: http://izvestia.ru/news/583305#ixzz3StOL8kIs (date of reference 11.12.2015).
8. Official website of Rossotrudnichestvo [e-resource]. URL: http://rs.gov.ru/sites/default/files/buklet_final.pdf (date of reference 11.12. 2015).
9. The Concept of the State migration policy of the Russian Federation for the period up to the year 2025. [e-resource]. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf) (date of reference 11.12.2015).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бабошин О. А.

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет (Россия), 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, smb1@rambler.ru

УДК 342.553
ББК 67.400.7(2Рос)

Цель. Исследовать преимущества и недостатки моделей организации муниципальной власти.

Методы. Анализ моделей организации муниципальной власти осуществлен с использованием сравнительно-правового анализа.

Результаты. Рассмотрены нормативно закрепленные основы и модели организации муниципальной власти с точки зрения критериев функционального предназначения органов местного самоуправления, способа их формирования и характера взаимодействия Представлен анализ реализации моделей организации муниципальной власти, выявлены достоинства и недостатки каждой модели.

Ключевые слова: модель организации муниципальной власти, органы местного самоуправления, муниципальная власть.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FRAMEWORK OF THE ORGANIZATION OF MUNICIPAL AUTHORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Baboshin O. A.

Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Constitutional Law Department, the Ural State Juridical University (Russia), 21, Komsomolskaya, Ekaterinburg, 620137, smb1@rambler.ru

Purpose. To explore the advantages and disadvantages of organization models of municipal authorities.

Methods. Analysis of models of organization of the municipal authority was carried out using a comparative-legal analysis.

Results. The author considered the regulatory framework and models of municipal authority in terms of the criteria for the functional purpose of local self-government bodies, their method of formation and the nature of interaction; introduced an analysis of the implementation organization models of municipal authorities, identified the strengths and weaknesses of each model.

Keywords: model of municipal authorities' organization, local authorities, municipal authority.

Одним из общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации является принцип многообразия организационных моделей построения и реализации муниципальной власти. На это обращает свое внимание в частности Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 18 мая 2011 года №9-П По делу о поверке конституционности пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова [1]. Данному принципу корреспондирует конституционная норма о том, что структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно (ч1 ст.131). Под термином модель организации муниципальной власти в настоящей статье будет пониматься совокупность (перечень) органов местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании (далее – МО), в том числе порядок их формирования, а так же характер взаимодействия между указанными органами. В этом аспекте данное понятие, на наш взгляд, тождественно понятию структура органов

© Бабошин О. А., 2016

местного самоуправления в его конституционном значении. Как справедливо замечает проф. А. Н. Кокотов, структура органов местного самоуправления по смыслу ч.1 ст. 131 Конституции РФ включает в себя: 1) перечень (состав) конкретных органов местного самоуправления; 2)соотношение органов местного самоуправления между собой [2].

Рассмотрим нормативно закрепленные (в Федеральном законе от 6 октября 2003 г №131-ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ [3]) модели организации муниципальной власти с точки зрения критериев функционального предназначения органов местного самоуправления, способа их формирования и характера взаимодействия. Одновременно остановимся как на преимуществах, так и недостатках указанных моделей, а так же на законодательных новеллах последнего времени. Но прежде отметим следующее. В мае 2014 г. в базовый федеральный закон были внесены поправки, определившие в качестве главного направления нового этапа муниципальной реформы существенное расширение прав субъектов Федерации по определению моделей местного самоуправления. Отныне регионы вправе самостоятельно устанавливать одну или несколько таких моделей (выбирая из федерального перечня) и способ замещения должности главы муниципалитета, причем как в отношении всех МО в данном субъекте Федерации, так и в отношении их отдельных групп – и даже для конкретных территорий. По нашему мнению, подобное положение существенно ограничивает конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления и было принято без должной экспертной оценки муниципального сообщества. Как справедливо заметил в этой связи один из авторов Устава Екатеринбурга, директор Института муниципального управления проф. И. В. Выдрин, сегодня же конституционные основы местного самоуправления постоянно нарушаются. И что это за демократия, если нет выборов… [4]. Действительно, местное самоуправление сегодня переживает не лучшие времена.

Первая модель (которую можно назвать традиционной) предусматривает что глава МО и представительный орган МО избираются непосредственно населением. Глава МО, являясь высшим должностным лицом и официальным представителем МО, одновременно исполняет полномочия главы местной администрации на принципе единоначалия. Представительный орган выполняет нормотворческую функцию (принятие муниципальных правовых актов), а так же функцию представительства местного сообщества и контрольные полномочия. При этом и глава МО достаточно активно участвует в осуществлении указанных функций в пределах своих полномочий. Как справедливо отмечает А. Н. Кокотов, эта модель воспроизводит сложившуюся на общефедеральном и региональном уровнях форму полупрезидентского правления с доминирующим положением в ней глав соответствующих политико-территориальных образований [5]. Иногда данную модель именуют сильный глава МО – слабый представительный орган, имея в виду, что глава остается подотчетным представительному органу только в качестве руководителя местной администрации. На наш взгляд, нельзя говорить применительно к представительному органу МО о том, что последний является слабым по своему властному потенциалу: его контроль за деятельностью главы сохраняется, в частности, посредством заслушивания его ежегодных отчетов о результатах деятельности местной администрации и иных подведомственных ему органов местного самоуправления (ч.5[1] ст.36 ФЗ №131) с возможной негативной (неудовлетворительной) оценкой такой деятельности.

Говоря о преимуществах рассматриваемой модели, следует отметить, что она наиболее близка российскому менталитету: один хозяин – в ответе за все. Речь идет о концентрации у главы МО представительских, управленческих и хозяйственных функций: он одновременно и стратег (функция стратегического планирования) и тактик (функция оперативного управления местным хозяйством). К положительным сторонам здесь следует отнести и активное участие населения в осуществлении местного самоуправления (прямые выборы главы МО). В то же время последнее обстоятельство таит в себе и определенную опасность: главой МО, используя активную политическую рекламу, финансовые возможности, родственные связи и т.п. может быть избран человек, не имеющий должного опыта управленческой работы и далекий от решения насущных хозяйственных проблем муниципалитета.

Несмотря на свою традиционность данная модель в современных условиях трансформируется в иную свою разновидность за счет изменения способа избрания главы МО (о чем будет сказано ниже). А началось все еще с 2009 года, когда отменили всенародные выборы глав муниципалитетов в большинстве регионов. От прямого голосования в свое время отказались Самара, Казань, Нижний Новгород, Архангельск, Барнаул, Мурманск, Тюмень, Уфа, Пермь, Благовещенск, Тверь, Челябинск. Почти половина из 106 крупных городов страны. Мэры, пришедшие к власти по итогам прямых выборов граждан, по мнению центра, бывают излишне самостоятельны, строптивы, нередко на выборах бросают вызов кандидату от партии власти, и, случается, побеждают (Екатеринбург, Новосибирск, Петрозаводск). Здесь, конечно, еще и ревность со стороны губернаторов, и земельные интересы, и борьба за финансовые потоки. Всенародно же избранные главы (там, где они еще остались) чувствуют шаткость своего

положения. Согласно Федеральному закону №131, их могут отправлять в отставку. Таким правом наделены депутаты местных представительных органов и высшее должностное лицо субъектов Федерации. Однако, если глава МО не согласен с решением представительного органа об удалении его в отставку, он вправе в письменном виде изложить свое особое мнение (с 14 ст 74^1), а также обратиться с заявлением об обжаловании указанного решения в суд в течении 10 дней со дня официального опубликования такого решения (ч. 17 ст.74^1). Заметим, что последняя норма была введена в Федеральный закон №131 лишь в 2014 году.

Проводить ли прямые выборы глав муниципалитетов – сегодня этот вопрос находится в ведении субъекта Федерации (так, например, в 2014 году всенародные выборы глав были отменены в Республике Дагестан и Челябинской области в соответствии с региональным законодательством; а в Орловской области с 1 января 2015 года – последние сохранены лишь для глав сельских поселений). В Свердловской области в соответствии с Законом от 10 октября 2014 года №85-03 Об избрании органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области [6] рассмотренная модель организации местной власти (с учетом последних изменений) имеет место: в 5 сельских поселениях (из 16); 1 городском поселении (из 5); 1 муниципальном районе (из 5); 10 городских округах (из 68).

Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. №8-ФЗ [7] была введена новая модель муниципального управления. Принципиальное отличие от рассмотренной выше – изменение способа избрания главы МО: представительным органом муниципалитета из числа кандидатов представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса (до введения этой модели глава МО также мог быть избран представительным органом МО, но только из своего состава). Как и в первой модели, избранный таким способом глава муниципалитета, одновременно исполняет и полномочия главы местной администрации, т.е. концентрирует в себе как представительские, так и исполнительно-распорядительные полномочия. Какие преимущества несет в себе эта инновационная модель? Появляется уверенность, что при таком способе избрания главой МО станет действительно профессионал – хозяйственник (процедура конкурсного отбора), имеющий соответствующий опыт руководящей работы (в том числе и на муниципальном уровне), а не политик – популист. Кроме того, данная модель организации муниципального управления позволяет сэкономить значительные средства местного бюджета, связанные с организацией и проведением муниципальных выборов (что немаловажно в нынешних экономических условиях) и снизить социальную напряженность в ходе таких выборов. К несомненным плюсам данной модели следует отнести сосредоточение у главы самоуправляющейся территории как функции политического лидера, так и функции хозяйственного администратора. С другой стороны, как справедливо отмечает член Совета Федерации от Свердловской области и бывший глава г.Екатеринбурга А. М. Чернецкий, при выборе такой модели приходится учитывать и наличие кадрового потенциала. Даже в крупном городе непросто найти человека, который в равной степени готов выполнять данные функции – это две разные ипостаси, и в одном стакане они бывают редко [8].

Данная модель также позволяет государственной власти субъекта Федерации (в лице его высшего должностного лица) оказывать определенное влияние на выбор главы МО (половина членов конкурсной комиссии, производящей отбор кандидатов назначается губернатором). В будущем – это несомненный залог эффективного сотрудничества региональной и местной властей. Как отметил Президент РФ В. В. Путин в своей программной статье, не менее важно обеспечить партнерский характер взаимодействия губернаторов и мэров, региональных и городских заксобраний. Не секрет, что их отношения зачастую конфликтны, и в условиях выборности губернаторов могут обостриться. Особенно если в субъекте Федерации у власти окажется одна партия, а в городе – другая [9].

В ряде средств массовой информации указанную модель условно именуют советской: в прошлом председатель гор (рай) исполкома (аналог сегодняшнего главы местной администрации) избирался депутатами соответствующего Совета (представительного органа). Однако не следует забывать, что председатель исполнительного комитета находился пол полным контролем партийных органов и его функционал был ограничен сугубо местными хозяйственными вопросами. Роль же политического лидера оставалась за первым секретарем городского (районного) комитета КПСС. Поэтому именовать, даже условно эту модель советской считаем не совсем уместным.

Современные реалии российской жизни показывают, что рассмотренная выше модель организации муниципальной власти набирает все большую популярность. Так, например с 1 января 2015 года на нее перешли все муниципальные образования Челябинской области (кроме 4 закрытых административно-территориальных образований). В области был взят курс на унификацию системы муниципальной власти – сделать ее единой на всех уровнях – от городского округа – до сельского поселения.

Подобная тенденция прослеживается в последнее время и в Свердловской области. Одними из первых перешли на указанную модель Туринский городской округ, Махневское муниципальное образование,

Березовский городской округ, а в последствии – и многие другие территории. К настоящему времени таких муниципалитетов в области насчитывается уже 55 (из 94): 8 сельских поселений; 4 городских поселения; 4 муниципальных района и 39 городских округов [10]. Первым руководителем муниципалитета, избранным по новой схеме (20 августа 2015 г.) стал глава Туринского городского округа Андрей Белоусов, по словам которого, муниципальная казна сэкономила на этом порядка 3 миллионов рублей (за счет отмены прямых выборов).

Сохраняет свою силу модель, согласно которой глава МО избирается местным представительным органом исключительно из своего состава (т.е. из состава депутатского корпуса). Если ранее при этой модели глава МО мог только входить в состав представительного органа с правом решающего голоса и исполнять полномочия его председателя, то теперь (в связи с принятием указанного выше Федерального закона от 3 февраля 2015 года №8-ФЗ) избранный подобным образом глава МО может также исполнять полномочия главы местной администрации. В такой многовариантности как раз и проявляется вытекающий из Конституции РФ принцип многообразия организационных моделей построения и реализации муниципальной власти (ст. 12; ст. 130, ч 2; ст. 131, ч1). Определенным недостатком данной модели считаем ограниченный круг возможных кандидатов на должность главы МО (особенно когда речь идет об избрании главы из состава малочисленного представительного органа с числом депутатов 10 и менее). Как показывает практика, сегодня данная модель постепенно трансформируется за счет изменения способа избрания главы: не из состава депутатского корпуса, а из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией.

Завершая рассмотрение первых трех моделей организации муниципальной власти, отметим, что по словам Председателя Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера Дмитрия Азарова, на сегодняшний день порядка 45 % регионов приняли законы, в соответствии с которыми глава МО избирается либо из состава депутатского корпуса, либо по конкурсу депутатами представительного органа власти. Про остальной части – ситуация разная. Как правило, применяется смешанная схема. То есть на территории одного и того же субъекта Федерации есть как варианты прямого всенародного избрания, так и избрание представительным органом – либо из состава депутатского корпуса, либо по конкурсу. Закон это допускает [11]. Такой вариант имеет место, в частности, в Свердловской области.

Четвертая модель предусматривает, что глава МО (независимо от способа его избрания) входит в состав представительного органа с правом решающего голоса и исполняет полномочия его председателя. Главой же местной администрации является лицо, назначенное на эту должность представительным органом по контракту, заключенному по результатам конкурса на срок полномочий, определяемый Уставом МО (система так называемых дуумвиратов). При этой модели у главы муниципалитета остаются по существу лишь представительская и политическая функция (стратегическое планирование), а также полномочия по руководству местным представительным органом. Основные исполнительно-распорядительные полномочия (включая контроль за финансовыми потоками) оказываются в руках главы местной администрации (сити-менеджера). Тем самым глава МО оказывается отодвинут от непосредственных рычагов экономической власти, а также от исполнительного аппарата, представляющего собой наиболее организованный отряд муниципальных чиновников. Другими словами, при данной модели глава отвечает за стратегическое направление, а руководитель администрации – за тактику. Говоря о достоинствах и недостатках этой модели приведем точку зрения профессионала – практика, а именно главы городского округа Нижняя Салда Свердловской области Елена Матвеевой (муниципалитета, в котором и реализуется данный вариант организации муниципальной власти). Считаю, что двухглавая система в местном самоуправлении во многих случаях оправдывает себя. Во-первых, на выборах это эффективная защита от дурака, ведь нередко электорат голосует не головой, а сердцем, которое легко можно настроить с помощью политтехнологий. Во-вторых, далеко не каждый мэр – опытный хозяйственник. Вопросами коммунальной сферы, строительства, содержания городской инфраструктуры должен профессионально заниматься глава администрации… [12]. К недостаткам данной модели, на наш взгляд, следует отнести превращение главы МО по сути в декоративную фигуру, а также отсутствие четкого разграничения ответственности за результаты работы между главой муниципалитета и главой местной администрации: могут возникнуть неприятные ситуации, когда никто ни за что не отвечает. Другими словами, данная модель может дать сбой в кризисной ситуации. Типичным примером здесь можно назвать Режевской городской округ Свердловской области: город уже полтора года живет без главы администрации (провалились шесть попыток его назначить);лишь 16 сентября 2015 г. (по прошествии двух лет) были внесены необходимые изменения в Устав округа. Итог закономерный – принятие Закона Свердловской области от 12 октября 2015 г. №105-03 О роспуске представительного органа Режевского городского округа [13] (первый случай за двадцать один год существования законодательной власти на Среднем Урале).

Бабошин О. А.

За последние пять лет число административных центров, управляемых сити-менеджерами, возросло более чем в три раза. Данный институт введен в 44 региональных столицах и почти в 5 тысячах муниципальных образований. Новосибирск – вот едва ли не последний бастион независимости главы муниципалитета от административной вертикали. Мэр этого города Анатолий Локоть был избран прямым голосованием. Он считает институт сити-менеджеров неэффективной моделью муниципального управления.

Пятая модель (назовем ее инновационной) была введена Федеральным законом от 27 мая 2014 года №136-ФЗ [14]. Данный закон предусматривает два новых типа муниципальных образований в России – городской округ с внутригородским делением и внутригородской район. В настоящее время лишь два городских округа – г. Челябинск (2014 г) и г. Самара (2015 г) наделены статусом городских округов с внутригородским делением в соответствии с Законом Челябинской области от 10 июня 2014 года №706-30 О статусе Челябинского городского округа [15] и Законом Самарской области от 30 марта 2015 года №23-ГД Об осуществлении местного самоуправления на территории городского округа Самара Самарской области [16]. Суть данной муниципальной реформы состоит в наделении внутригородских районов (в г.Челябинске – 7; в г.Самара – 9) статусом самостоятельных муниципальных образований со всеми присущими им атрибутами: а) собственной территорией в установленных границах; б) наличием: Устава, органов местного самоуправления, местного бюджета; в) собственным перечнем вопросов местного значения. Что касается непосредственно модели организации муниципальной власти, то она в этих двух городских округах выглядит однотипно. В каждом внутригородском районе образуется свой представительный орган (Совет депутатов), избираемый непосредственно жителями района: в Челябинске он состоит из 25 депутатов (в Центральном районе – из 20); в Самаре – от 20 до 40 депутатов в зависимости от территории района. Во внутригородских районах имеются также главы районов и главы местных администраций. Глава района избирается из состава депутатов райсовета и исполняет полномочия председателя данного совета. Глава администрации района назначается Советом депутатов из числа кандидатов, предложенных конкурсной комиссией и работает по контракту. Райсоветы в свою очередь делегируют своих представителей в Городскую Думу округа, которая будет состоять из 41 депутата в Самаре и 49 депутатов в Челябинске. Городская Дума избирает Главу городского округа из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, который одновременно будет возглавлять местную администрацию.

В чем состоит смысл данной реформы? Главная ее цель – это обеспечить максимальное приближение местного самоуправления к каждому жителю. Гарантировать его шаговую доступность. Дело в том, что сегодня во многих городах – административных центрах субъектов Федерации на одного депутата в среднем приходится 30–40 тыс. избирателей (например, в г.Екатеринбурге – 40,2 тыс. человек). Разве может один депутат знать проблемы каждого из этих десятков тысяч? Поэтому у нас представительная власть и носит такой декоративный характер. Переходом же к подлинному народовластию станет увеличение представительства граждан после реализации реформы в несколько раз. Например, в Челябинске 14 сентября 2014 года в целом было избрано 170 депутатов. Таким образом на одного депутата в районе будет приходится около 4 тысяч жителей – это, по сути, два современных многоэтажных дома. Это такая ситуация, когда депутат может смотреть в глаза каждому своему избирателю и узнать, что его волнует. Депутат будет знать конкретные проблемы горожан и пытаться их решать. Данное обстоятельство следует, на наш взгляд, считать несомненным плюсом состоявшейся реформы муниципальной власти. С другой стороны, возникают другие сложности: как справедливо распределять между районами бюджетные деньги. Ведь в одних районах города расположены крупнейшие налогоплательщики – промышленные гиганты, а в других – административные учреждения. Ответ на этот вопрос предстоит очевидно найти уже новому поколению депутатов.

Челябинский и самарский опыт показывает, что в целом, с организационно-правовой точки зрения, переход на новую модель организации муниципальной власти был осуществлен вполне успешно. Что касается практических результатов реформы, то говорить об этом пока представляется преждевременным: необходим переходный период минимум в течении двух лет. Оценить данный опыт в частности призвана специально созданная Рабочая группа Союза российских городов по мониторингу и анализу городских округов с внутригородским делением.

Шестая модель характерна исключительно для муниципального района. Согласно Федерального закона от 6 октября 2003 г №131-ФЗ (ч 4 ст.35) представительный орган муниципального района может быть сформирован двумя способами: а)избираться на муниципальных выборах; б)состоять из глав поселений, входящих в его состав, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава в соответствии с равной независимо от численности населения поселения нормой представительства (так называемые косвенные выборы). Как отметил Конституционный Суд РФ в своем Постановлении

от 18 мая 2011 г. №9-П, представительные органы муниципальных образований, созданных по территориальному (районному) принципу могут быть сформированы населением и в ином, отличном от муниципальных выборов, порядке, если им обеспечивается формирование соответствующего органа муниципальной власти как органа народного представительства, что возможно и на основе вхождения в его состав лиц из числа ранее избранных населением на муниципальных выборах – глав поселений и депутатов представительных органов поселений.

Конкретный способ формирования представительных органов муниципальных районов в том или ином субъекте Федерации определяется его законом. Так, в соответствии с Законом Свердловской области от 10 октября 2014 года №85-03, представительные органы муниципальных районов (их в области-5) формируются населением путем прямых выборов. Иной вариант избран, например, в Самарской области. Согласно Закона от 30 марта 2015 года №24-ГД О порядке формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Самарской области [17], представительные органы муниципальных районов области формируются из глав поселений, входящих в состав муниципального района, и из депутатов представительных органов указанных поселений, избранных представительными органами поселений из своего состава. Данная модель взята на вооружение также в Ленинградской области, Республике Татарстан; готовится к внедрению в Курганской области (13 сентября 2015 г по новой схеме состоялись выборы в Половинском муниципальном районе).

Седьмая модель принципиально отличается от других тем, что представительный орган муниципального образования в ней отсутствует. Его полномочия осуществляются сходом граждан. Глава поселения здесь избирается на сходе и исполняет полномочия главы местной администрации. Такая модель предусмотрена для поселений, в которых численность жителей, обладающих избирательным правом, составляет менее 100 человек. Подобная же модель может быть сегодня предусмотрена и Уставом поселения с численностью жителей более 100 и не более 300 человек (диспозитивная норма).

Восьмая модель предусматривает, что глава МО независимо от способа его избрания одновременно является председателем представительного органа и главой местной администрации. Таким образом, глава МО здесь выступает одновременно в трех лицах: как высшее должностное лицо своего территориального образования; глава местной администрации; лицо, исполняющее полномочия представительного органа, в состав которого он входит по должности. Изложенная модель может иметь место в сельских поселениях. Так, в Свердловской области она предусмотрена в настоящее время в 3 (из 16) сельских поселений.

Говорить о том, какая из рассмотренных моделей является наиболее эффективной, невозможно: каждая из них имеет как свои преимущества, так и недостатки. Идеал в принципе не достижим, но к этому по крайней мере следует стремиться.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2011 года №9-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова // Российская газета. 03.06.2011.
2. Муниципальное право России/ Под ред.проф. А. Н. Кокотова. М.: Юрайт, 2009. 504 с.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ (в ред.от 3 ноября 2015 г.)// Собрание законодательства РФ. 2003. №40. Ст.3822.
4. Программа действий или ритуал? // Уральский рабочий. 17.10.2015.
5. Кокотов А. Н. и др. Экономические предпосылки и политико-правовые формы становления российского федерализма. Екатеринбург, 2001.
6. Об избрании органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области: Закон Свердловской области от 10 октября 2014 г. №85-03 (в ред.от 28 октября 2015 г.) // Областная газета. 15.10.2014.
7. О внесении изменений в статьи 32 и 33 Федерального закона Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации и Федеральный закон Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 февраля 2015 г. №8-ФЗ// Российская газета. 06.02.2015.
8. Людям проще, когда за все можно спросить с одного // Уральский рабочий. 24.03.2015.
9. Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 06.02.2012.
10. Об избрании органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области: Закон Свердловской области от 10.10.14 №85 (в ред. От 12.10.2015) //Областная газета. 21.08.2015.
11. Дмитрий Азаров о реформе местного самоуправления, выборах и доходах // Российская газета. 21.04.2015.
12. Местное самоуправление снова реформируют // Областная газета. 14.12.2013.

13. О роспуске представительного органа Режевского городского округа: Закон Свердловской области от 12 октября 2015 г. № 105-03 // Областная газета. 14.10.2015.
14. О внесении изменений в статью 233 Федерального закона Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и Федеральный закон Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ // Российская газета. 30.05.2014.
15. О статусе Челябинского городского округа: Закон Челябинской области от 10 июня 2014 г. № 706-ЗО // Южноуральская панорама. 2014. № 87 (24).
16. Об осуществлении местного самоуправления на территории городского округа Самара Самарской области: Закон Самарской области от 30 марта 2015 . № 23-ГД // Волжская коммуна. 31.03.2015.
17. О порядке формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Самарской области: Закон Самарской области от 30 марта 2015 г. № 24-ГД [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

References:

1. The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from May 18, 2011 № 9-P on the case about the verification of constitutionality of item 1 of part 4 and part 5 of article 35 of the Federal law “On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen N. M. Savostyanov” // Rossiyskaya Gazeta. 03.06.2011.
2. Municipal law of Russia / Ed. by Prof. A. N. Kokotova. M.: Yurait, 2009. 504 p.
3. On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: Federal law of October 6, 2003 № 131-FZ (ed. on November 3, 2015) // Sobraniye zakonodatelstva RF. 2003. № 40. Art. 3822.
4. The programme of action or ritual? // Uralskiy rabotchiy. 17.10.2015.
5. Kokotov A. N., etc. Economic prerequisites and political-legal forms of formation of the Russian federalism. Yekaterinburg, 2001.
6. The election of local self-government bodies of the municipalities situated on the territory of Sverdlovsk region: Law of Sverdlovsk region dated October 10, 2014 № 85-03 (as amended October 28, 2015) // Regionalnaya gazeta. 15.10.2014.
7. On amending articles 32 and 33 of the Federal law “On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of the citizens of the Russian Federation” and the Federal law “On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation”: Federal Law dated February 3, 2015. № 8-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2015. 06.02.2015.
8. It is easier for people when they hold only one person accountable // Uralskiy rabotchiy. 24.03.2015.
9. Putin V. V. Democracy and the quality of the State // Kommersant. 06.02.2012.
10. On the election of local self-government bodies of the municipalities situated on the territory of Sverdlovsk region: Law of Sverdlovsk region dated 10.10.14 № 85 (as revised 12.10.2015) // Regionalnaya gazeta. 21.08.2015.
11. Dmitry Azarov on the reform of local self-government, election and earnings // Rossiyskaya gazeta. 21.04.2015.
12. They reform local self-government again // Regionalnaya gazeta. 14.12.2013.
13. On dissolution of the representative body of Rezhevskoy urban district: Law of Sverdlovsk region dated October 12, 2015 № 105-03 // Regionalnaya gazeta. 14.10.2015.
14. On amending article 233 of the Federal law “On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of State power of the constituent entities of the Russian Federation” and the Federal law “On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation”: Federal law dated May 27, 2014 № 136-FZ // Rossiyskaya gazeta. 30.05.2014.
15. On the status of Chelyabinsk city district: Chelyabinsk region law dated June 10, 2014 № 706-ZO // Yuzhnouralskaya panorama. 2014. № 87 (24).
16. On implementation of the local self-government on the territory of Samara city district of Samara region: Samara region law dated March 30, 2015. № 23-GD // Volzhskaya kommuna. 31.03.2015.
17. On the order of formation of local self-government of municipalities of Samara region: Samara region law dated March 30, 2015 № 24-GD [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.

СМИ И ИНТЕРНЕТ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Семченко О. Р.

кандидат политических наук, Институт государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины (Украина), 51931, Украина, г. Днепродзержинск, ул. Медицинская, д. 9, cfifc@yandex.ua

УДК 32.019.5
ББК 66.042

Цель. Рассмотрение роли СМИ и Интернета в качестве субъектов информационного обеспечения политической стабильности.

Методы. Социоинформациологический подход позволил изучить субъектно-объектные и субъект-субъектные отношения, возникающие в политической сфере общества под влиянием новых информационно-коммуникационных технологий. Коммуникативный подход был необходим для анализа смыслового содержания политической информации, которая может распространяться в целях поддержания политической стабильности. Коммуникационный подход применялся для исследования возможностей технических каналов передачи политической информации.

Результаты. Обосновано, что СМИ являются не только политически ангажированным ресурсом, манипулятивно влияющим на общественное мнение, но и ресурсом, отражающим плюрализм мнений, имеющихся в обществе. Рассмотрены примеры положительного и отрицательного влияния телевидения на развитие демократии. На основе анализа мобилизационного потенциала социальных сетей сделан вывод о том, что он, как и у СМИ, может быть направлен как на стабилизацию, так и дестабилизацию политической системы.

Научная новизна. Обосновано, что украинские СМИ пока не являются полноценным субъектом информационного обеспечения политической стабильности. Сделан вывод о высокой степени монополизации медиа-пространства Украины. Информационная политика СМИ направлена на манипулирование общественным мнением в пользу своих собственников. Таким образом, понятие независимые СМИ является условным, не исключающим связи, как с государством, так и с бизнесом. А значит, ресурсный потенциал СМИ может мобилизовываться как в целях стабилизации, так и дестабилизации, как в интересах демократии, так и против нее.

Ключевые слова: политическая стабильность, демократическое государство, информационное общество, СМИ, Интернет, социальные сети, инструменты информационного обеспечения политической стабильности.

MEDIA AND INTERNET AS MANAGEMENT TOOLS FOR POLITICAL STABILITY

Semchenko O. R.

candidate of political Sciences, Institute of state and law named after V. M. Koretsky of NAS of Ukraine (Ukraine), 9, Medical Str, Dneprodzerzhinsk, Ukraine, 51931, cfifc@yandex.ua

Purpose. Consideration of the role of media and Internet as subjects of information ensuring of political stability.

Methods. Socio-informationological approach allowed studying the subject-object and subject-subject relationship arising in the political sphere of society under the influence of new information and communication technologies. Communicative approach was necessary to analyze the semantic content of political information, which can be extended in order to maintain political stability. The communication approach was used to study the possibilities of technical political information transmission channels.

Results. It is proved, that the media are not only politically engaged resource manipulating public opinion, but also a resource that reflects plurality of opinions existing in society. The author considered the examples of positive and negative influence of television on the development of democracy. Based on the analysis of the standby capacity of social networks the author concluded that similar to the media, it could be directed at both the stabilization and destabilization of the political system.

© Семченко О. Р., 2016

Семченко О. Р.

Scientific novelty. It is proved, that Ukrainian mass media are not a full-fledged subject of information ensuring political stability yet. The author concludes on a high degree of monopolization of the media space in Ukraine. Informational media policy is aimed at the manipulation of public opinion in favor of their owners. Thus, the notion independent media is conditional, not excluding the context, both with the State and business. Therefore, resource potential of media can be mobilized both for stabilization and destabilization, and for democracy and against it.

Keywords: political stability, democracy, information society, media, Internet, social network, tools of information support for political stability.

Ключевым вопросом украинского современного общества стала политическая стабильность, основная гарантией которой, бесспорно, является благополучное общество. Поэтому справедливо, что в политической практике и науке большое внимание уделяется правовым, социальным, экономическим, экологическим механизмам обеспечения политической стабильности. Однако справедливо и то, что политическая стабильность в огромной степени обусловлена эффективным взаимодействием между ветвями власти, между властью и обществом, которое в условиях развития информационного общества нуждается в особом социальном регулирующем инструменте. Таким инструментом должны быть механизмы информационного обеспечения политической стабильности, которые позволят снизить уровень неудовлетворенности общества качеством государственного управления, недоверия к властным структурам; минимизировать бюрократизм государственного аппарата путем внедрения принципов открытости, прозрачности и гласности, установить обратную связь с населением, вовлечь его в государственную деятельность и др.

Таким образом, актуальность темы статьи определяется потребностями Украины в действенных информационных механизмах, которые будут способствовать достижению и поддержанию политической стабильности в современной Украине.

Задачей статьи является поиск ответов на такие вопросы: могут ли СМИ быть субъектом информационного обеспечения политической стабильности? И, если могут, являются ли им?

На первый вопрос ответим утвердительно. Напомним, что современное общество очень продвинулось в смысле технологических возможностей и сферы воздействия средств массовой информации и коммуникации. Это значит, что СМИ способны оказывать влияние на все сферы жизни общества. По мнению известного исследователя социальных коммуникаций С. Г. Кара-Мурзы, СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации. Главное в их сообщениях – идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой [1, с. 51].

Вспомним известное изречение о том, что СМИ не могут указать нам, что думать, они могут только указать, что нам думать о чем-то [2, с. 40]. Это означает, что те организации, которые хотят влиять на политический процесс, должны уметь контролировать идеологическую сферу общества. Конечно же, в демократическом обществе такое стремление к контролю за формированием новостной повестки дня должно быть ограничено плюрализмом.

Для организации контроля процесса новостного планирования нанимается целая команда специалистов по коммуникации, связям с общественностью, целью которых является фильтрация и подача в выгодном свете информации, которая доступна для СМИ.

По справедливому мнению исследователей, влияние на новостное планирование незаметно для простого обывателя. Его могут заметить только политики и журналисты.

Ведущие телевизионных программ и их редакторы создают информационный контент, целью которого является не только подача информации о тех или иных событиях, но и формирование отношения к ним. Люди начинают оценивать происходящее на основе внушения им определенных ценностей и установок. Так телевидение овладевает массовым сознанием.

Принято считать, что развитие информационного общества прошло через два этапа. Первый, когда в 1960-е годы особую популярность обрело телевидение. Хотя термин «телевидение» впервые прозвучало уже в 1900 году, на Всемирной выставке в Париже, только в 1925 году появились более-менее полные системы передачи и приема телевизионного изображения [3].

Роль телевидения в качестве весомого фактора влияния на политическую жизнь обоснована тем, что оно многообхватно, аудитория не ограничена. В результате политики, осуществляемой с помощью телевидения, мы переходим, как считает С. Московичи, от демократии масс к демократии публик: все телезрители объединены одним источником информации. Словами С. Московичи: «Оставаясь каждый у себя дома, они существуют все вместе» [4, с. 238].

С момента появления телевидения его обвиняли в обработке аудитории, в ослаблении связей между людьми, в распространении стереотипов и т.д. И в этом есть определенная доля истины. Сегодня такие же упреки адресуют Интернету. Но нельзя отрицать и то, что благодаря телевидению люди стали более

информированными, политика – более открытой, политики – более ответственными.

Телевидение является лидером в списке СМИ, которым доверяют украинцы. Об этом свидетельствуют данные соцопроса Социального мониторинга и Института социсследований им. Яременко. Уровень доверия у ТВ – около 49 %. У газет – 45,1 %, у радио – 43,3 %, у интернет-СМИ – 38,7 % [5].

Эти данные коррелируют с результатами всеукраинского опроса общественного мнения, проведенного Киевским международным институтом социологии 9–19 октября 2014 года, согласно которым 83 % украинцев, то есть подавляющее большинство, узнают новости из телевизора. На втором месте – интернет, на третьем – друзья и знакомые [6].

Популярность телевидения настолько велика, что современные исследователи считают возможным выделить два исторически последовательных типа демократии: дотелевизионная демократия и телевизионная демократия. В условиях последней мы находимся до сих пор. Ее характеристики: телевизионная демократия тотальна и авторитарна. Посттелевизионная или сетевая демократия тотальна и тоталитарна [7, с. 13].

Название знаменитой книги Герберта Маршалла Маклюэна Понять медиа сохраняет свою актуальность и сегодня. Чтобы понять телевидение, надо учитывать следующее. Телевидение привлекательно и восприимчиво благодаря эффектному соединению картинки и текста. Эта характерная особенность телевидения активно используется политическими силами в своих целях. Кроме того, следует учитывать и более высокий уровень доверия к телевидению, по сравнению с другими средствами массовой информации.

Представитель Института социологии НАН Украины Наталья Костенко на презентации мониторинга теленовостей за последнюю неделю сентября 2014 года, которая прошла в Киеве, отметила, что впервые за 20 лет в Украине зафиксирована ситуация, когда уровень недоверия к медиа превышает уровень доверия. По ее словам, украинские эксперты фиксируют падение доверия граждан Украины к средствам массовой информации примерно в полтора раза за минувший год. При этом она отметила, что СМИ являются единственным общественным институтом, к которому упало доверие [8].

Попробуем понять, почему люди не доверяют СМИ. Следует отметить, что для этого постарались, как сами СМИ, так и те, кто через СМИ обращается к обществу. СМИ в целях представления узко корпоративных интересов в качестве общественных, в угоду своим собственникам, определенным политическим силам манипулируют общественным мнением, используя все имеющиеся в их распоряжении медиа-технологии. А представители власти, политических партий, общественных организаций и др. через СМИ доносят до общества выгодную им дезинформацию. В первую очередь, это касается многочисленных нереальных обещаний, которые власть, оппозиция, политические партии щедро раздают гражданам страны. В результате этого, граждане – зрители телевизионных каналов перестают доверять последним как источникам достоверной информации. Также не способствуют доверию зрителей гонка журналистов за сенсациями.

Справедливости ради стоит отметить, что манипуляция общественным сознанием применяется как в недемократических, так и в демократических обществах. Вообще же история манипуляции так же стара как сама история медиа, – пишет известный немецкий теоретик медиа Норберт Больц. Это бессмысленно – упрекать массмедиа в манипуляции. Их ведь интересует не действительность как таковая, а то, как эту действительность видят другие. Поэтому происходящее и его причины должны быть такими, чтобы удовлетворять требования массмедиа. Массмедиа сообщают не о том, что происходит, а о том, что другие считают важным [9, с. 36].

Многие западные исследователи считают манипуляцию угрозой демократии. Например, Д. Белл в своей работе Социальные рамки информационного общества подчеркивает, что доступ к информации является условием свободы [10, с. 335]. Однако практика такова, что манипуляция иногда просто необходима, чтобы, например, не сеять панику среди населения. Приходится признать, что политика не может обойтись без манипулирования общественным сознанием даже в демократическом обществе, не говоря уже о демократизирующемся. В демократическом обществе информационные механизмы применяются для незаметного управления обществом, при котором последнее может думать, что принимает решение само, само выбирает тех, кто должен осуществлять власть и само их контролирует.

Ярким примером того, что СМИ формируют отношение людей к политике является снижение доверия к правительству со стороны американских граждан во время войны во Вьетнаме (1964–1975 гг.), которое возникло в связи с тем, что через телевидение война коснулась простых американцев. Кстати, интересным фактором является то, что во время вьетнамской войны американские войска организовали телевизионную студию и четыре радиопередающие станции, которые вели вещание в течении 6 часов в сутки. Они также обеспечили вьетнамцев 3,5 тыс. телевизорами [11, с. 21]. Таким образом, мнение французского ученого П. Шампаня о том, что современные СМИ из инструмента отражения реальности превратились в инструмент ее создания, сохраняет свою актуальность до сих пор [12, с. 74].

В политическом аспекте возникают опасения того, не будут ли приемы манипуляции, присущие СМИ,

использованы в целях дискредитации демократических ценностей? Механизмом противодействия такому сценарию являются сами СМИ, которые в демократическом обществе не подчинены государству и развиваются на основе конкуренции в информационном пространстве. И, конечно, политическая культура, которая помогает человеку осознанно оценивать информационные продукты современных СМИ.

В качестве примера положительного влияния телевидения на развитие демократии приведем Польшу. Так, известно, что когда Леха Валенсу спросили о причинах демократической революции в Польше, он показал на телевизор и сказал: Он. Политика СМИ, направленная на сопоставление информации о провалах коммунистических правительств, заведших общества в тупик, и о западном образе жизни привела к падению поддержки польским обществом действующей власти [13, с. 143]. Считается, что телевидение также сыграло важнейшую роль в демократизации Южной Европы, Латинской Америки, Восточной Европы в 1970–1990-е годы. Благодаря телевидению информация о наступлении демократии в соседних странах распространялась мгновенно. Это придавало борцам с диктатурами силы и ощущение поддержки со стороны соседних демократических стран. Все это С. Хатингтон назвал демонстрационным эффектом [14]. А в Испании в 1981 г. телевыступление короля Хуана Карлоса предотвратило переворот в стране.

В качестве дестабилирующего влияния СМИ на политическую сферу страны приведем пример США, где в период правления Б. Клинтона Демократическая партия обвинила СМИ в разжигании социальных и политических конфликтов. Поводом для этого стала огласка об отношениях Президента США с практиканткой Белого дома. То, как подавалась эта история в СМИ, по мнению представителей Демократической партии, дискредитировало президента и парламентский комитет, который занимался рассмотрением инцидента, в общественном мнении.

То есть, СМИ, действительно, способны не допускать эскалации конфликтов и минимизировать их возможные негативные последствия, выступая в качестве механизма регулирования таких и других проблем.

В то же время СМИ могут провоцировать социальные и политические конфликты, протесты, демонстрации и даже путчи, особенно в странах, где нет демократических стабилизаторов. Экстремистскими силами еще шире, чем прежде, стали применяться методы информационно-психологического воздействия и манипулирования общественным сознанием, позволяющие обеспечить политическую мобилизацию больших масс населения, превратить их в толпу, действующую в интересах манипуляторов для делегитимации власти [15, с. 3].

Таким образом, исследователи неслучайно указывают на политизацию информационного воздействия как на фактор социальной нестабильности. На то, что информацию можно использовать в качестве оружия, которое способно разжечь национальную и конфессиональную рознь, провоцировать межнациональные и межконфессиональные конфликты, разрушать гражданское согласие и др. [16, с. 20–21].

Следовательно, в информационном обществе информация обрела большую мобилизующую силу.

Пример деятельности американских медиа подтверждает, что следование средствами массовой информации центристской позиции в освещении политических процессов возможно. Учитывая, что в современных демократических обществах центристская позиция является наиболее приемлемой (с ней ассоциирует себя большинство американцев), в США, например, вопросу обеспечения общественного консенсуса придается большое значение. Поэтому пропаганда радикальных взглядов не поддерживается самими американскими СМИ. Разделяя политику центризма, СМИ ориентируют свои программы, в первую очередь, новостные, на сохранение социальной стабильности и поддержание ценностей, необходимых для этого. Основными месседжами американских средств массовой информации являются социальный порядок и национальное лидерство. Так, известный американский социолог Г. Ганс утверждает, что западне новостные программы ориентированы на поддержку социального порядка среднего класса [17, р, 61]. В интерпретации американских СМИ политическое пространство страны однообразно, а политика – это сфера ответственности политической элиты. Точки зрения, представленные в СМИ, как оппонирующие, на самом деле, между собой отличаются минимально. Все они основаны на единых традиционных ценностях.

Исходя из опыта деятельности американских СМИ, становится понятно, что он малопригоден в условиях нашего общества. И автоматически переориентировать украинских журналистов на производство центристской, общественно значимой, объективной, честной информации с целью сохранения политической стабильности в силу ряда объективных и субъективных причин не удастся.

Во-первых, можно ли говорить о том, что украинским СМИ присуща социальная ответственность? В этой связи возникает второй вопрос, а есть ли вообще такое понятие – социальная ответственность медиа?

Учитывая, что средства массовой информации выполняют функции информирования, просвещения, формирования общественного мнения, они несут ответственность за общество, для которого работают. То есть, на наш взгляд, социальная ответственность

СМИ – это ответственность за состояние общества, которое они формируют.

Идеальную медиасистему с точки зрения социальной ответственности описывает известный британский теоретик медиакультуры, массовых коммуникаций и журналистики Д. Макквейл. По его мнению, СМИ должны быть саморегулируемыми организациями, которые могли бы взять социальные обязательства перед обществом, быть подотчетными, избегать пропаганды насилия, задавать высокие стандарты работы и отражать плюрализм общества [18, с. 8].

С нашей точки зрения, в реформирующемся обществе социальная ответственность СМИ является понятием эфемерным. Причина в идеологизации деятельности украинских СМИ в интересах определенных политических сил. Позволим себе предположить, что вряд ли кто из отечественных СМИ признаются в том, что их политика идеологизирована. Скорее всего, на этот вопрос мы бы получили ответ, что в первую очередь, СМИ руководствуется интересами общества, а потому, отражает все сферы его жизнедеятельности. И, конечно же, СМИ должны подчиняться законам рынка и думать о прибыли.

Для того, чтобы глубже понимать политику конкретных СМИ, следует знать, кто является их собственниками. Недавно это стало возможным благодаря тому, что в Интернете был опубликован список собственников украинских СМИ.

Анализ этого списка показывает, что в Украине право на информацию монополизировано. Естественно, что все собственники СМИ имеют политические амбиции, как прямые (участвовать самим), так и косвенные (продвигать своих людей). Это означает, что информационная политика принадлежащих им СМИ направлена на представление их интересов, не всегда совпадающих с интересами общества и государства. Этот факт подтверждает убеждение украинского исследователя В. Волянского в том, что представление о существовании в мире действительно свободных и независимых СМИ, является мифом. Они не могут отстраниться от государства и не могут не иметь определенных отношений с бизнесом. За каждым так называемым независимым средством массовой информации стоят определенные политические или коммерческие силы [19, с. 6]. Все это противоречит идеалам демократического общества, в котором СМИ должны выражать интересы всего общества, а граждане должны иметь к ним равный доступ.

Анализируя ситуацию с проблемой независимости украинских СМИ, украинские эксперты справедливо отмечают, что независимости, на самом деле нет.

С одной стороны, нельзя не заметить, что если при президенте Викторе Януковиче критика власти на основных украинских каналах была невозможной, то теперь СМИ перестали считаться с мнением чиновников о материалах, выходящих в эфир.

С другой стороны, на смену зависимости от государства пришла зависимость от собственников СМИ.

По мнению экспертов, чтобы уменьшить влияние владельцев СМИ на содержание журналистских материалов, необходимо ввести открытую коммуникацию внутри медиасообщества, а также добиться того, чтобы информация о владельцах СМИ была открытой власти Обозреватель, который связывают с Александром Турчиновым.

Таким образом, оценивая деятельность украинских СМИ, приходится признать, что она неоднозначна. Структура информационного пространства Украины включает разнонаправленные потоки информации – проправительственные и оппозиционные, которые конкурируют между собой. С точки зрения демократических процессов информационный плюрализм является позитивным, так как каждый гражданин имеет возможность получать информацию из многочисленных разных источников, которые конкурируют между собой. Что касается содержания информационных потоков, то их создатели не стесняются не в средствах, ни в методах, внося в души людей сумятицу и нестабильность. Поскольку распространение, например, заведомо ложной информации, нарушающей законы, моральные и этические нормы вряд ли может способствовать политической стабильности.

Следовательно, вопрос о полезности телевидения в стабилизации политической системы Украины является риторическим. И на вопрос, о том, являются ли СМИ субъектом информационного обеспечения политической стабильности, вынуждены ответить отрицательно, поскольку не разделяем оптимистическое мнение о том, что сегодня украинские СМИ являются гарантом политической и социальной стабильности.

Таким образом, СМИ многолики. Огромны их информационные и пропагандистские возможности, которые они могут быть использоваться как в процессе стабилизации, так и дестабилизации, в интересах демократии, так и против нее.

Украинские СМИ могли бы завоевать репутацию гаранта политической стабильности, если бы их политика была бы направлена на обеспечение эффективного диалога власти и гражданского общества, призыв многонационального общества к толерантности и объединению во имя процветания каждого отдельного гражданина и всей Украины. Пока этого не наблюдается.

Таковы наши аргументы относительно того, почему средства массовой информации не относятся к субъектам информационного обеспечения политической стабильности.

Вклад украинских СМИ в обеспечение и сохранение политической стабильности будет значительным

в том случае, если им удастся перейти от манипулятивной модели к диалоговой, интерактивной модели коммуникации, стать инициатором утверждения толерантной дискуссии между властью и обществом, всеми политическими силами о реальных проблемах, волнующих общество. СМИ должны продемонстрировать обществу, что являются его конструктивной частью, ориентированной на артикуляцию различных общественных интересов на принципах доверия и открытости. Только так средствам массовой информации удастся вернуть утраченное доверие граждан.

Следует согласиться с экспертами, которые считают, что единственным сдерживающим фактором для СМИ, как государственных, так и частных, может быть только решительная критическая позиция гражданского общества, которое, безусловно, влияет на информационную политику СМИ. В то же время трудно представить, что может заставить собственника СМИ терпеть на своем канале критически настроенного к нему журналиста.

Изучение зарубежного опыта деятельности СМИ с точки зрения ее соответствия социальной и политической стабильности показало, что во многих странах материалы, демонстрирующиеся средствами массовой информации, мониторятся специальными наблюлательными советами, которые оценивают соответствие этих материалов нормам морали и общественной безопасности. Особо система наблюдательных советов развита в Великобритании, где деятельность СМИ обсуждается с общественностью. Так, например, в 2005 г. британская телекомпания Би-Би-Си, идя навстречу пожеланиям общества, приняла решение о трансляции новостей с места событий с небольшой задержкой, что позволит уберечь зрителей от просмотра некоторых шокирующих подробностей [20, с. 33].

Кроме того, важное значение имеет требование к западным СМИ о соблюдении беспристрастности в изложении материалов и освещении событий. Конечно, это не всегда так. Однако в ситуациях, угрожающих политической стабильности, общественной безопасности, СМИ ощущают свою ответственность за состояние общества. Так, во время войны в Ираке, американские СМИ больше уделяли дипломатической стороне конфликта, а не реальной ситуации в зоне конфликта. На телевизионных шоу отставные и действующие политики, чиновники, военные, эксперты обсуждали возможные варианты разрешения конфликта, но не его предпосылки. В то же время критика правительства и его политики в этот период была минимальной. Благодаря этому удалось не только акцентировать общественное внимание на конфликтной ситуации, возникшей между Ираном и США, но и сплотить американскую нацию [21, с. 54–55].

Второй этап развития информационного общества знаменуется стремительным ростом популярности Интернета, что не могло не отразиться на политической жизни общества и государства. Компания We Are Social подсчитала, что на конец 2014 года из 7,2 млрд жителей Земли активно пользовались интернетом 3,01 млрд (проникновение – 42 %). Год назад данный показатель был на 500 млн меньше, уровень проникновения составил 35 %. Количество мобильных пользователей по итогам прошлого года достигло почти 3,65 млрд – более половины (51 %) жителей Земли являлись обладателями сотовых телефонов. Согласно прогнозу We Are Social, именно благодаря развитию мобильной связи интернет-проникновение превысит 50 % в середине 2016 года.

Эксперты оценили в 2,078 млрд. количество активных профилей в социальных сетях (29 % от числа жителей планеты) и 1,685 – активных мобильных аккаунтов в соцсетях (проникновение – 23 %). В дальнейшем популярность социальных сетей будет стабильно расти и до конца текущего года может составить треть всего населения Земли. В We Are Social отметили, что почти весь прирост обеспечат развивающиеся страны [22].

Инновационные информационные технологии открыли путь к новым, невиданным ранее, возможностям. Достижения научного прогресса, связанные с изобретением электронно-вычислительной машины (ЭВМ) и персонального компьютера, нашли свое отражение в понятии сетевой компьютинг. Сетевой компьютинг – это, прежде всего, технические средства, способные обеспечить адресацию тысячи абонентов (компьютеров) одновременно. Это программное средство поддержки больших распределительных баз данных и обеспечения легкого доступа к ним. Это криптографические, программные и аппаратные средства защиты информации [23].

Мощный потенциал современных информационно-коммуникационных технологий способен влиять на политическую карту мира и геополитические отношения. Причем этот потенциал может быть как положительным, так и отрицательным. С одной стороны, он может информационно объединять страны, с другой – сеять между ними вражду.

Поэтому неслучайно, что в современном обществе на втором месте по значимости в ряде субъектов формирования информационной политической повестки дня после телевидения стоят социальные сети. И действительно, не заметить инновационность и, без преувеличения, грандиозную популярность сетевых практик, невозможно. Для нас рассмотрение возможностей социальных сетей в поддержании политической стабильности интересно тем, что сетевая среда оказывает безусловное воздействие на огромное количество

людей, на формирование их социально-психологических характеристик, мотивацию политического поведения и т.д. А. Бузгалин отмечает следующие важные черты современной сетевой коммуникации: 1) неиерархичность, децентрализация, преимущественно горизонтальное и,или функциональное взаимодействие участников; 2) гибкость, подвижность, изменчивость форм и конфигураций; легкость и быстрота создания и распада структур; 3) открытость сети для входа и выхода; общедоступность ресурсов сети (прежде всего – информационных); 4) равноправие участников сети независимо от их роли, масштабов, ресурсов; 5) уникальность создаваемых сетей [24, с. 113].

Социальные сети с возможностями активной коммуникации способствуют развитию диалоговой модели политических коммуникаций, что дало основание Э. Гидденсу заметить, что Коммуникационная революция привела к появлению более активного, мыслящего гражданина [25, с. 68].

Прошло совсем немного времени, а в Интернете появилось огромное множество сетевых СМИ с политической тематикой, доступных любому пользователю. Сетевые ресурсы создали и традиционные СМИ, понимая, что это единственный путь для сохранения своей популярности. Сетевые СМИ отличаются от телевидения и других СМИ тем, что обеспечивают интерактивность, оперативность, экстерриториальность, целенаправленность.

Пользователи могут не только комментировать прочитанные материалы и высказывать свое отношение к тем или иным проблемам общества, но и дискутировать между собой. Возможности коммуникации на новом технологическом уровне привели к созданию целых виртуальных сообществ, в том числе политических. Таким образом, без преувеличения можно говорить о том, что Интернет создал новую виртуальную среду общения. Именно благодаря Интернету возник новый социально-психологический феномен – виртуализация человеческих отношений, в результате которой в сети появляются собственные иерархии со своей особой культурой и языком. Можно даже сказать, что Интернет породил новый тип общественных отношений, сформировал новую форму информационного взаимодействия.

Благодаря выдающему теоретику информационного общества М. Кастельсу понятие сетевое сообщество стало популярным в научной среде. Появление сетевого сообщества напрямую связано со стремительным развитием научного прогресса и созданием новых технологических возможностей. Современные ученые фиксируют преимущества сетевого общения, а именно то, что оно способно охватить большие массы людей, фрагментировать коммуникацию, подстраивая ее под физиологические условия человеческого бытия. С. Глазунова пишет, что Благодаря физической локальности сетевой коммуникации при ее одновременной коммуникационной глобальности, она формирует реальное коммуникационное сообщество [26, с. 69]. В Интернете присутствует большое множество различных тематических сообществ, что позволяет структурировать интересы пользователей по группам, исходя из их социальных, демографических и других характеристик.

Социальные сети приобретают все более глобальный характер. Пользователи социальные сетей обретают новые интересы, мотивы, ценности, а также становятся субъектами сетевой социально-коммуникационной активности. В качестве примера приведем знаменитый сетевой ресурс Живой Журнал (LiveJournal), который объединяет 4 755 400 американских пользователей, 433 303 английских пользователей, 425 021 канадских пользователей, 231 937 украинских пользователей [27, с. 97]. Причем новые интересы и ценности пользователи Живого журнала приобретают благодаря общению с другими пользователями интернет-ресурсов. Живой журнал породил своих кумиров, чей авторитет растет с увеличением числа читателей их сообщений.

В социальных сетях обсуждаются актуальные проблемы жизни общества, формируется общественное мнение, способное влиять на политическую повестку дня. Известный социолог Э. Гидденс в своей известной работе Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь перечисляет проблемы, волнующие современную молодежь в эпоху глобализации. Наиболее важными вопросами с точки зрения молодежи являются экологические проблемы, права человека, политика в отношении семьи и сексуальная свобода. Что же касается экономики, то они не верят в способность политиков справиться с силами, определяющими развитие нашего мира. Поэтому не удивительно, что политически активные люди предпочитают вкладывать свою энергию в деятельность групп по конкретным интересам, ведь они обещают то, чего традиционная политика, судя по всем, просто не в состоянии дать [25, с. 67]. Исследователи даже высказывают мысль о том, что в недалеком будущем они (социальные сети – О.С.) неизбежно станут существенным инструментом информационного влияния, в т.ч. в целях манипулирования личностью, социальными группами и, возможно, обществом в целом [26, с. 68]. Такой сценарий вероятен, учитывая, что процесс формирования социальных отношений в сетевой среде развивается в условиях несовершенства законодательной базы и отсутствия необходимых нравственных установок, результатом чего становится распространение форм деструктивного поведения, в том числе политического.

Социальные сети существенно реформировали методы активизации участников протестов. Благодаря социальным сетям для социальных групп стало возможным осуществлять политические практики. Так известно, что именно благодаря социальным сетям, мобильной связи были организованы протестные акции в арабских странах в начале 2011 г. Следует отметить, что информационные технологии используют в своих целях не только власть, но и оппозиция, для которой стало проще создавать систему контроля за деятельностью органов власти, организовывать протестные акции.

Юлия Ильичева отмечает мобилизационный потенциал СМИ, который, по ее мнению, реализуется в особых условиях, каковыми являются политическая нестабильность, наличие протестного движения, раскол политических элит [28, с. 110]. Анализируя протестное движение в России, всплеск которого произошел зимой 2011–2012 гг. в связи с несогласием протестующих с итогами выборов в Государственную Думу 2012 г. и желанием активных граждан заявить о своей позиции, автор сделала вывод о том, что социальные сети стали основным средством для мобилизации сторонников на акции протеста. Сравнивая функциональность социальных сетей Facebook, ВКонтакте и Twitter, Ю. Ильичевой отмечено, что особую роль сыграла социальная сеть Facebook.

Наличие мобилизационного потенциала Интернета подтверждается украинской практикой. Пользователи сами по своей инициативе создают информационные сети гражданской активности, которые позволяют информировать общество и мобилизовывать его ресурсы в целях решения острых социальных проблем. Благодаря информационным сетям гражданские активисты имеют возможность координировать действия своих единомышленников, формировать у них чувство коллективной идентичности. И, что особенно важно, снижать зависимость общества от государства, в том числе государственных СМИ. Исследователи выделяют такие функции интернет-площадки в процессе мобилизации: социальная (объединение однодумцев для осуществления каких-либо действий), информационная (получение неофициальной информации из альтернативных СМИ), ресурсная (сбор необходимых ресурсов), организационная (координация участников) [29, с. 57].

Также он мобилизует для обмена информацией участников и свидетелей событий, экспертов, специалистов. Еще одна важна особенность Интернета в том, что на его ресурсах можно узнать информацию, которая в традиционных СМИ не распространяется, например, о политических событиях и политиках. Таким образом, пользователи Интернета получили возможность сравнивать информацию, в том числе официальную, предоставляемую различными средствами массовой информации, с информацией, предоставленной в Интернете.

Кроме того социальные сети стали использоваться для мобилизации несогласных с политикой власти. В целом можно сделать вывод об изменении механизмов взаимодействия власти и общества. Эти механизмы дают возможность в режиме реального времени отслеживать результаты активности граждан.

Н. Луман в своей известной работе Общество как социальная система [30, с. 86] показал общество как самовоспроизводящуюся структуру, которая создает новую реальность посредством коммуникаций. В этом контексте значение Интернета для развития информационно-коммуникационного пространства резко возрастает. Ведь Интернет, во-первых, формирует и укрепляет межличностные и межгрупповые взаимодействия (коммуникации), во-вторых, направляет эти взаимодействия (коммуникации) на трансформацию социальной структуры общества и усиливает реальность благодаря своим инструментам – сайтам, форумам, социальным сетям.

Уже становится очевидным, что информационно-коммуникационные технологии способны влиять на структуру общественных движений и гражданских сообществ, в результате чего она становится более горизонтальной и свободной от посредников [31, с. 37].

С точки зрения развития политических процессов имеет значение демократическая природа Интернета, благодаря которой повышается равенство представительства и политические акторы уравниваются в своих информационных возможностях. Этим можно объяснить успех некоторых радикальных партий на выборах, которые без Интернета вряд ли бы его добились.

Дмитрий Воинов описал виды политической активности, имеющейся в сети, и подразделил их на конвенциональные и неконвенциональные политические практики. Конвенциональные – это голосование (электоральное поведение) на интернет-выборах, конференциях, референдумах; создание и тиражирование политической информации через блоги, сайты, интернет-газеты и т.д.; сбор денежных средств в поддержку партий или движений; участие в обсуждении политических проблем в блогах, сайтах, телеконференциях политических партий (движений), виртуальных сообществ, органов государственной власти [32, с. 90]. К нековенциональным Д. Воинов относит хакерские нападения на серверы государственных органов, проведение различных несанкционированных акций, флэшмобов и др. через Интернет. И действительно, в интернет-пространстве сегодня наблюдаются такие моменты, которые вызывают беспокойство у общественности. Пользователи Интернета столкнулись с явлениями, которыми возникли вместе с Интернетом,

а именно, с киберпреступлениями, хакерство, спамом, распространением порнографии, электронным мошенничеством и др.

Украинский исследователь И. Залевская указывает на дестабилизирующий потенциал Интернета, который, по ее мнению, несет существенную угрозу стабильности политической системы. Главной причиной этого является то, что до сих пор не созданы действенные правовые механизмы, которые могли бы регламентировать онлайн-пространство. Информационно-коммуникационные технологии, воздействуя на систему информационно-политических отношений, превращают ее не просто в поле информационной борьбы, а в войну компроматов. Интернет создает возможность для распространения компромата на любую из политических сил, поскольку правовых ограничительных рамок нет [33, с. 103–104]. В Интернете легко можно найти информацию террористического, фашистского, расистского, националистического характера, инструкции по созданию оружия и употреблению наркотиков и мн. др., способную дестабилизировать социально-политическую жизнь любого общества.

Кроме того, наблюдается рост преступлений, совершенных с помощью Интернета. Так, по сообщению департамента контрразведки информационной безопасности СБУ, Служба безопасности Украины (СБУ) за два года открыла 56 уголовных производств за преступления с использованием Интернета [34].

То есть, с одной стороны, Интернет создает новые возможности для реализации свободы личности, свободы слова, сбора, хранения и распространения информации, но с другой стороны, создает и новые угрозы для той же личности, например, путем накапливания персональных данных о ней. Даже если это делается во имя благих намерений. Так, например, система электронного правительства, ставя своей целью улучшить деятельность правительства традиционного, обеспечивает граждан качественными электронными услугами. Но, в то же время, данная система осуществляет электронную обработку, сбор, хранение, поиск персональных данных граждан страны. Таким образом, граждане сталкиваются с угрозой нарушения их прав на частную жизнь и личную переписку.

На наш взгляд, у Интернет-ресурсов есть особый потенциал в поддержке политической стабильности. Главное, чтобы его хотели использовать собственники Интернет-ресурсов.

Итак, можно сделать следующий выводы. У СМИ есть огромный стабилизационный потенциал. От того, как СМИ освещают политические процессы в стране, во многом зависят успех и эффективность обеспечения политической стабильности. Обосновано, что СМИ являются не только политически ангажированным ресурсом, манипулятивно влияющим на общественное мнение, но и ресурсом, отражающим плюрализм мнений, имеющихся в обществе. Перечисляя функции СМИ, такие, как: интерпретации, формирования общественного мнения, поддержания культурной и национальной идентичности, информационную, обеспечения политического участия, рекреационную, социализирующую, мы должны уточнить следующее. СМИ могут исполнять эти функции, но не обязательно исполняют (в силу ряда причин). Точно так же СМИ могут информационно воздействовать на граждан с целью нагнетания напряженности, провоцирования социальных, национальных, религиозных конфликтов, массовых беспорядков, что в результате ведет к политической нестабильности.

Признавая мобилизационный потенциал социальных сетей, в то же время следует учитывать, что он, как и у СМИ, может быть направлен как на стабилизацию, так и дестабилизацию политической системы.

Литература:

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-пресс, 2001. 830 с.
2. Лиллекер Д. Дж. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Харьков: Гуманитарный центр, 2010. 300 с.
3. Недбай В. В. Сучасні політичні комунікації: медійно-технологічний аспект : монографія. Одеса: Фенікс, 2009. 326 с.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
5. В рейтинге доверия ТВ уступает только украинской армии [электронный ресурс]. URL: http: //lb.ua/news/2014/12/25/ 290594_ukraintsi_veryat_televizoru_bolshe.html (дата обращения 15.12.2015).
6. 83 % украинцев узнают новости из телевизора [электронный ресурс]. URL: http: //society.lb.ua/life/2014/10/29/284302_83_ukraintsev_uznayut_novosti.html (дата обращения 15.12.2015).
7. Третьяков В. Т. Будущий виртуальный коммунизм и гипновидение: о массовом телевидении и массовой политике // Полис. 2014. №4. С. 9–20.
8. В Украине рекордно вырос уровень недоверия к СМИ [электронный ресурс]. URL: http: // zn.ua/UKRAINE/v-ukraine-rekordno-vyros-uroven-nedoveriya-k-smi-156169_.html (дата обращения 15.12.2015).
9. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
10. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 330–342.
11. Новиков В. К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. 264 с.

12. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Socio-Logos, 1997. 317 с.
13. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учебное пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон / Сокр. Пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
14. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. M.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
15. Семченков А. С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2012. 50 с.
16. Квицинский И. Ю. Социально-политическая ответственность средств массовой информации в постсоветской России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2007. 22 с.
17. Gans H. Deciding What is News. N.-Y., 1979.
18. Полосин П. Н. Социальная ответственность масс-медиа в информационном обществе: региональный аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов, 2011. 21 с.
19. Волянський В. В. Медіаполітика у демократичному суспільстві: сучасні тенденції та перспективи розвитку : автореф. Дис… к. політ.н. : спец. 23.00.02 – політичні інститути й процеси. Одеса, 2013. 19 с.
20. Кобзева С. В. Медиа-мониторинг кризисов и конфликтов: методология и техники // Полис. 2008. № 1. С. 33–49.
21. Осокина Е. А. Влияние американских СМИ на массовое сознание (на примере конфликтов США с Ираком в 1990–1991 и 2002–2003 годах) // Полис. 2008. № 1. С. 50–60.
22. За 2014 год число интернет-пользователей в мире выросло на 500 млн [электронный ресурс]. URL: http: //ubr.ua/ukraine-and-world/world/za-2014 god chislo-internet-polzovatelei-v-mire-vyroslo-na-500-mln-324360 (дата обращения 15.12.2015).
23. Мухин В. И., Новиков В. К. Информационно-психологическое оружие. М.: ВА РВСН имени Петра Великого, 1998. 100 с.
24. Бузгалин А. В. Феноменология альтерглобализма // Вестник Российского философского общества. 2002. № 4. С. 110–116.
25. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
26. Глазунова С. Нетократия – власть в информационном обществе // Власть. 2012. № 7. С. 67–70.
27. Федотченко Ю. И. Социальные сети: вчера наступает сегодня // Реклама. Теория и практика. 2010. № 2. С. 96–103.
28. Ильичева Ю. А. СМИ в мобилизационных технологиях: цели, функции и политические последствия: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. СПб., 2014. 196 с.
29. Соколов А., Соловьева А. Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. 2013. № 11. С. 55–58.
30. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
31. Усачева О. А. Сети гражданской мобилизации // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 35–42.
32. Воинов Д. А. Политические амбиции Интернета в России // Власть. 2007. № 2. С. 88–91.
33. Залевская И. И. Информационная безопасность Украины в современных условиях: политический аспект: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. О., 2011. 176 с.
34. СБУ за два года открыла 56 дел за преступления с использованием Интернета [электронный ресурс]. URL: http: //www.rbc.ua/rus/news/sbu-dva-goda-otkryla-del-prestupleniya-ispolzovaniem-1426250699.html (дата обращения 15.12.2015).

References:

1. Kara-Murza S. G. Mind control. Moscow: Eksmo-press, 2001. 830 p.
2. Lilleker D. J. Political communication. Key concepts. Kharkov: Humanities Center, 2010. 300 p.
3. Nedbay V. V. Suchasni politichni komunikatsii: mediino-tehnologichii aspekt: monograph. Odessa: Feniks, 2009. 326 p.
4. Moscovichi S. The century of crowds. Historical treatise on the psychology of masses. M.: Psychology and psychotherapy center, 1998. 480 p.
5. In the confidence ranking TV gives way only to the Ukrainian army [e-resource]. URL: http://lb.ua/news/2014/12/25/ 290594_ukraintsi_veryat_televizoru_bolshe.html (date of reference 15.12.2015).
6. 83 % of the Ukrainians know news from TV [e-resource]. URL: http: //society.lb.ua/life/2014/10/29/284302_83_ukraintsev_uznayut_novosti.html (date of reference 15.12.2015).
7. Tretyakov V. T. Future virtual communism and hypnosis vision: mass media and television policy // Polis. 2014. № 4. P. 9–20.
8. In Ukraine there is a record level of mistrust to mass media [e-resource]. URL: http://zn.ua/UKRAINE/v-ukraine-rekordno-vyros-uroven-nedoveriya-k-smi-156169_.html (date of reference 15.12.2015).
9. Bolts N. ABC of media. M.: Europe 2011. 136 p.
10. Bell D. Social framework of information society // New technocratic wave in the West. M., 1986. P. 330–342.

11. Novikov V. K. Information weapons – weapons of modern and future wars. M: Hotline-Telecom, 2011. 264 p.
12. Shampan P. Opinion creation: a new political game. M.: Socio-Logos, 1997. 317 p.
13. Almond G. Comparative political studies today: a world survey: tutorial / G. Almond, J. Powell, K. Strom, R. Dalton / Abbrev. Transl. from Engl. By A. S. Bogdanovskiy, L. Galkina; Ed. By M. V. Iliyin, A. Yu. Melvil. M: Aspekt Press, 2002. 537 p.
14. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. M.: ROSSPEN, 2003. 368 p.
15. Semchenkov A. S. Countering contemporary threats of political stability in the system of ensuring the national security of Russia: Abstract of the Doctor's Dissertation (Politics). M., 2012. 50 p.
16. Kvitsinskiy I. Yu. Socio-political responsibility of the media in Post-Soviet Russia: Abstract of the Candidate's Dissertation (Politics). M., 2007. 22 p.
17. Gans H. Deciding What is News. N.-Y., 1979.
18. Polosin P. N. social responsibility of the mass media in the information society: Abstract of the Candidate's Dissertation (Sociology). Saratov, 2011. 21 p.
19. Volyanskiy V. V. Mediapolitika u suspilistvi: suchasni tendentsiyi ta perspektivi rozvitku: Abstract of the Candidate's Dissertation (Politics). speciality 23.00.02-politichnii iinstituti i protsessi. Odesa, 2013. 19 p.
20. Kobzeva S. V. Media-monitoring of crises and conflicts: methodology and technology // Polis. 2008. № 1. P. 33–49.
21. Osokina E. A. Influence of the US media on mass consciousness (on the example of the United States' conflicts with Iraq in 1990–1991 and 2002–2003 respectively) // Polis. 2008. № 1. P. 50–60.
22. For 2014 the number of Internet users in the world increased by 500 million [e-resource]. URL: http: //ubr.ua/ukraine-and-world/world/za-2014 god chislo-internet-polzovatelei-v-mire-vyroslo-na-500-mln-324360 (date of reference 15.12.2015).
23. Mukhin V. I., Novikov V. K. Information and psychological weapon. M.: VA RVSN after Peter the Great, 1998. 100 p.
24. Buzgalin A. V. // Phenomenology of alter globalism // Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva. 2002. № 4. P. 110–116.
25. Giddens E. Eluding world: how globalization is reshaping our lives. M.: Ve4s mir, 2004. 120 p.
26. Glazunova S. Netocracy – power in the information society // Vlast. 2012. № 7. P. 67–70.
27. Fedotchenko Y. I. Social network: yesterday begins today // Reklama. Teoriya i praktika. 2010. № 2. P. 96–103.
28. Ilyicheva Yu. A. Media in mobilizing technologies: objectives, functions and policy implications: Candidate's Dissertation (Politics). Spb., 2014. 196 p.
29. Sokolov A., Soloviyova A. Mobilization in socio-political companies // Vlast. 2013. № 11. P. 55–58.
30. Luman N. Society as a social system. M.: Logos, 2004. 232 p.
31. Usatchyova O. A. Civil mobilization network // Obshchestvenniye nauki i sovremennnost. 2012. № 6. P. 35–42.
32. Voinov D. A. Political ambitions of the Internet in Russia // Vlast. 2007. № 2. P. 88–91.
33. Zalevskaya I. I. Information security of Ukraine in modern conditions: political aspect: Candidate's Dissertation (Politics). O., 2011. 176 p.
34. The security service of Ukraine has opened 56 cases of crimes using the Internet for two years [e-resource]. URL: http: //www.rbc.ua/rus/news/sbu-dva-goda-otkryla-del-prestupleniya-ispolzovaniem-1426250699.html (date of reference 15.12.2015).

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ КАК ОСНОВА КОНСОЛИДИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Гусев В. В.

доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (ПКУ) (Россия), 109004, Россия, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, newdirectmessages@mail.ru

Гусева Я. В.

аспирант, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (ПКУ) (Россия), 109004, Россия, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, newdirectmessages@mail.ru

УДК 338(470):001
ББК 65.9(2 Рос)-551

Цель. В статье рассматриваются содержание государственно-частного партнерства как института современной экономики, а также нормативно-правовые и институциональные инструменты реализации партнерских отношений между государством и бизнесом, их развитие в условиях модернизационных преобразований экономики.

Методы. На основе исследования современных подходов к определению сущности государственно-частного партнерства, его форм и принципов предложено авторское понимание необходимости внедрения государственно-частного партнерства в научно-исследовательском секторе, на основе чего сформулированы направления совершенствования взаимосвязей и взаимоотношений между государством и бизнесом в целях активизации их совместного сотрудничества в инновационной сфере.

Результаты. Результаты исследования могут быть использованы местными и федеральными органами власти при формировании мер по реализации механизмов государственно-частного партнерства в инновационной сфере.

Научная новизна. Выделены основные принципы государственной политики в инновационной сфере, направленные на обеспечение импортозамещения, которые позволят повысить устойчивость национальной экономики, улучшить инвестиционный климат, обеспечить поддержку высокотехнологичных секторов экономики. Предложены рекомендации по стимулированию инновационной активности бизнеса как условия модернизации экономики.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; инновационная экономика, предпринимательство, стимулирование инновационной активности.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE INNOVATION SPHERE AS A BASIS FOR CONSOLIDATED MANAGEMENT OF MODERN ECONOMY

Gusev V. V.

Doctor of Science (Economics), Professor, Razumovsky Moscow State University of technologies and management (PKU) (Russia), 73 Zemlyanoy Val str., Moscow, Russia, 109004, newdirectmessages@mail.ru

Guseva Ya. V.

Post-graduate student, Razumovsky Moscow State University of technologies and management (PKU) (Russia), 73 Zemlyanoy Val str., Moscow, Russia, 109004, newdirectmessages@mail.ru

Purpose. This article discusses the content of public-private partnership as an institution of modern economy, as well as legal and institutional instruments for achieving partnerships between the Government and business, their development in terms of modernizing transformation of the economy.

© Гусев В. В., Гусева Я. В., 2016

Methods. On the basis of the study of modern approaches to the definition of a public-private partnership entity, its forms and principles the authors proposed their own interpretation of the need for the introduction of public-private partnership in the research sector, on the basis of which they formulated directions of perfecting the relationship between the Government and business in order to intensify their mutual cooperation in the innovation sphere.

Results. The results of this research can be used by local and federal authorities in the shaping of measures taken to implement the mechanisms of public-private partnership in innovation sphere.

Scientific novelty. The authors identified the main principles of the State policy in the sphere of innovations aimed at ensuring import substitution, which will increase the sustainability of the national economy, improve the investment climate, and provide support for high-tech sectors of the economy. Recommendations to stimulate innovative business activity as a condition of economic modernization were proposed.

Keywords: public-private partnership; innovation economy, entrepreneurship, stimulating innovative activity.

Актуальное состояние российской экономики можно охарактеризовать как период поиска и становления новых направлений устойчивого экономического развития. В условиях стремительного истощения природных ресурсов, нарастающей конкуренции стран и волатильности рынков, сырьевая экспортно-ориентированная модель экономического развития в значительной степени девальвировалась. Переход к устойчивому развитию возможен только при условии очередной смены экономической парадигмы, что является для России фактически единственным путем, который позволит стране не превратиться в сырьевой придаток развитых государств. Зависимость от экспорта сырья по-прежнему делает страну уязвимой от мировых экономических кризисов и конъюнктуры цен на сырьевые товары, что создает огромные риски для стабильного развития государства в целом. При этом переход экономик стран-лидеров к альтернативной энергетике резко повышают неопределенность в развитии России, основу специализации которой на мировых рынках составляет экспорт традиционных энергоносителей. Развитие альтернативной энергетики, появление экономически эффективных технологий добычи углеводородов из нетрадиционных источников может привести к снижению спроса и цен на ключевые товары российского сырьевого экспорта, сокращению поступления в экономику финансовых ресурсов, необходимых для модернизации, снижению значимости России в глобальной политике. Таким образом, преодоление однонаправленности экономики на сырьевой специализации является ключевым шагом на пути кардинальных структурных преобразований российской экономики; все более очевидной становится необходимость смены парадигмы экономического развития: от сырьевой к инновационной модели развития, где в качестве ключевой выступает задача формирования экономики лидерства и инноваций.

В настоящее время в России только формируется фундамент новой экономики, идентифицирующими приоритетами которой обозначены развитие наукоемкого производства, масштабное государственное финансирование исследований и разработок, прежде всего фундаментального характера, содействие скорейшей коммерциализации создаваемых перспективных результатов, активный поиск и формирование новых рынков, новых ниш и сегментов в рамках существующих рынков и, наконец, поддержка выхода на них российских компаний. Все это можно расценивать как начало нового этапа в эволюции социально-экономической парадигмы страны − перехода от продажи сырьевых ресурсов к развитию современной промышленности на собственной территории [1]. Основой происходящих изменений является инновационная деятельность, ускорение темпов инвестирования в знания и их коммерциализация. Стратегическая цель данных социально-экономических преобразований состоит в том, чтобы в исторически обозримое время Россия по уровню и экономического, и социального развития вышла в мировые лидеры.

Перевод российской экономики на инновационный путь развития является важнейшей задачей руководства страны, для решения которой потребуется не только формирование новых правовых, организационных и институциональных основ, но и углубление взаимодействия государства и частного бизнеса [2]. В современной трактовке государственно-частное партнерство рассматривают как ресурсный и организационно-управленческий взаимовыгодный альянс государства, бизнеса, банков, международных финансовых организаций и других институтов в сфер реализации крупномасштабных финансовых общественно-значимых проектов на основе законодательных актов и специальных соглашений, баланса взаимных интересов [3]. Эффективность такого партнерства обеспечивается не столько за счет прямого обобществления финансовых ресурсов на условиях софинансирования, разделения рисков и взаимной выгоды, сколько использованием уникальных возможностей каждого из участников проекта.

Целесообразность государственного присутствия в инновационной сфере, сопряженной с большими

рисками, значительными ресурсными вложениями и длительными сроками их окупаемости, обусловлена тем, что бизнес опасается брать на себя ответственность за развитие сферы инноваций без поддержки государства. Вмешательство государства в инновационные процессы, способствует созданию у частного сектора стимулов к реализации крупных инновационных проектов, являясь жизненно важным и перспективным.

Государственная политика по развитию инновационной сферы на основе государственно-частного партнерства должна строиться на следующих принципах:

1. Сбалансированность и комплексность мер государственной поддержки и стимулирования. Прежде всего меры должны быть сбалансированы в отношении всех участников инновационного процесса. И это касается прежде всего представителей крупного частного бизнеса как локомотива инновационной активности в стране. В настоящее время государственная политика смещается в сторону создания и развития инновационных центров при отдельных российских университетах (так называемая вузовская наука). В то же время не следует забывать, что развитие подобных центров должно происходить при тесном контакте с бизнесом, который должен активно вовлекаться как в венчурную стадию инновационной цепочки, так и выступать заказчиком и конечным потребителем научных разработок, иначе последние так и останутся невостребованными.

Необходимо обеспечить комплексный подход к реализации стимулирующих мер инновационной деятельности. Длительность регистрации малых предприятий, наличие множества административных барьеров, отсутствие надежных механизмов защиты авторских прав, недостаточные объемы государственных заказов на инновационную продукцию зачастую существенно снижают положительные эффекты от мер стимулирования и поддержки инновационно-ориентированных предприятий. В то же время крайне важно взвешенно подходить к осуществлению мер поддержки, чтобы не создавать тем самым ограничения конкурентной среды на рынке технологически сложной и уникальной продукции.

Комплексный подход необходим и при принятии решений о формировании инфраструктуры поддержки на всех уровнях органов публичного управления. В настоящее время законодательно не разграничены полномочия по финансированию субъектов. Как следствие, объекты инфраструктуры ориентированы на локальные нужды и не встроены в общероссийскую систему инфраструктурной поддержки инноваций. Очевидно, что комплексный подход к развитию инфраструктуры поддержки предполагает координацию деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, необходимость учитывать наличие и активность всех участников инновационного процесса (университетов, промышленных предприятий и их отраслевой специфики, финансовых структур и масштабы их деятельности).

2. Целевой характер стимулирующих мер. Зачастую меры стимулирования и поддержки не учитывают особенностей инновационной деятельности и реальных проблем различных участников инновационного процесса. Подобная ситуация наблюдается не только в России, но и в других странах мира. Помощь должна иметь адресный характер, причем виды и формы поддержки должны быть гибкими и эволюционировать с учетом происходящих изменений в социально-экономическом развитии страны [4]. В частности, сами по себе налоговые льготы по расходам на НИОКР потенциально несут в себе риски невостребованности, так как российским предприятиям в большинстве случаев экономически более выгодным остается приобретение импортного оборудования или технологии, нежели чем участие в их разработке с перенесением на себя рисков неполучения положительных результатов. Об этом свидетельствуют и данные статистики: большая доля модернизационных расходов инновационно-активных предприятий в России удовлетворяется за счет импорта оборудования.

Более того, рост инновационной активности отдельных представителей крупного бизнеса не в состоянии полностью решить проблему развития инновационной сферы. Впоследствии бизнес должен перейти от финансирования исключительно деятельности собственных научно-исследовательских подразделений к политике открытых инноваций, так как для инновационного прорыва экономике необходим масштаб. Иначе концентрация усилий в отдельных регионах или отраслях, безусловно, способна обеспечить позитивные сдвиги, но устойчивый прогресс в инновационном секторе может быть достигнут при условии участия в инновационных процессах большого числа предприятий.

3. Последовательность государственной политики по развитию инноваций. Как было показано выше, процесс создания инновационного продукта включает в себя несколько взаимосвязанных последовательных этапов. Программы развития университетских исследований и создания предприятий для внедрения результатов исследований не могут быть эффективными, если предварительно не были созданы условия для привлечения бизнеса в инновационный процесс. В этой связи крайне важно формировать и реализовывать комплексный подход к управлению инновациями, учитывающий потребности и задачи всех стадий и этапов разработки продуктов и технологий.

Таким образом, основными принципами государственной политики по развитию инновационной сферы являются: разработка концептуальных основ развития государственно-частного партнерства в инновационной

сфере; возможности снятия существующих процедурных ограничений бюджетного характера по участию государства в инновационных проектах; предложения по формированию эффективной инфраструктуры поддержки инновационной деятельности.

Создание максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности российских предприятий, расширения их способности к работе на открытых глобальных рынках в условиях жесткой конкуренции является одной из приоритетных задач, стоящей перед экономикой. Решение данного вопроса видится, прежде всего, в консолидации государственных, частных бизнес-структур и общественных интересов, а точнее в консолидации государственного и частного капиталов, интеллектуальных и человеческих ресурсов. В общем виде схема интеграционного взаимодействия государства, бизнеса и науки представлена на рис. 1

В настоящее время одним из приоритетных направлений развития механизмов государственно-частного партнерства является проведение экономической политики по форсированному развитию инновационного предпринимательства. Это связано как с самой природой глобальной конкуренции, основанной на опережающем использовании передовых нововведений, так и с обострением конкуренции между национальными экономическими системами за ресурсы развития. Инновации, различные по формам и подходам к их реализации, составляют основу стратегии развития бизнеса, независимо от его организационно-правовой формы и размеров предприятия. Характер инновационной деятельности сильно варьирует от предприятия к предприятию. Некоторые предприятия занимаются отчетливо выраженными инновационными проектами – такими, как разработка и внедрение некоего нового продукта, тогда как другие – преимущественно тем, что вносят все новые улучшения в свои продукцию, производственные процессы и операции [5]. Оба типа предприятий могут считаться инновационными, поскольку инновация может состоять из осуществления единичного существенного изменения или из ряда менее значительных улучшающих изменений, которые в совокупности образуют значительное изменение. По сути, именно инновационный бизнес является связующим звеном между научно-технической сферой и производством, то есть между создателями инноваций и производителями товаров и услуг [6].

Если ранее обретение конкурентных преимуществ предприятиями происходило в результате концентрации капитала, развития интеграционных процессов, усиления доминирования на рынках за счет слияний и поглощений, то в последнее время все более существенное значение приобретают новые технологические возможности и нестандартные формы ведения бизнеса. Все более важную роль играют умение руководства предприятия предвидеть возможные изменения в технике и технологии и способность определить возможные и эффективные сферы применения новшеств, сформировать новые потребности у потенциальных потребителей. Если традиционные подходы к бизнесу базируются на анализе существующего спроса и текущем конкурентном анализе, то новая парадигма менеджмента исходит из необходимости и возможности

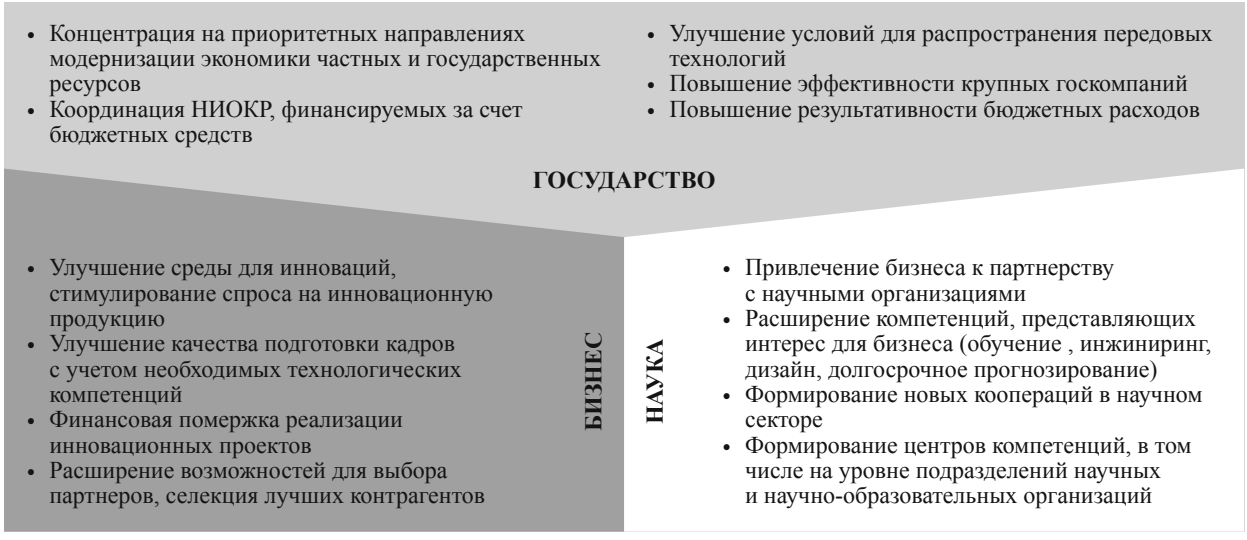

Рис. 1. **Схема интеграционного взаимодействия государства, бизнеса и науки**

управления спросом и формирования новых потребностей, что в конечном итоге становится предпосылкой для роста инновационной активности предприятий. Соответственно, управление предприятием все в большей степени становится ориентированным на долгосрочную перспективу, поскольку инновации меняют всю промышленно-технологическую основу бизнеса. В настоящее время все чаще доминирующее положение на рынке занимают предприятия, созданные относительно недавно и захватившие лидерство на рынках в течение относительно короткого промежутка времени. Инновации формируют условия для повышения уровня конкурентоспособности предприятий. Так, если на товарном рынке исчерпаны возможности конкуренции по ценам, предприятие может сохранить и даже увеличить свою долю рынка, предлагая существенно улучшенные продукты, которые можно реализовывать по более высоким ценам. Будущие высокие доходы повышают инвестиционную привлекательность предприятия, что позволяет снижать процентные ставки по текущим кредитам или избегать кредитования, финансируя развитие бизнеса за счет привлечения в бизнес стратегического инвестора [7]. Дефицит каких-либо ресурсов можно компенсировать за их счет замены или внедрения ресурсосберегающих технологий; дефицит квалифицированного персонала может быть восполнен за счет автоматизации процессов производства и управления или аутсорсинга. Таким образом, для обеспечения своей устойчивой позиции на рынке в условиях конкуренции предприятия осуществляют инновационную деятельность, темпы и масштабы которой тем больше, чем острее конкурентная борьба на рынке.

Идентификация инновационно-активных предприятий базируется на расширенном круге признаков [8], включающих помимо внедрения новых или усовершенствованных продуктов, услуг и процессов также их участие в других видах инновационной деятельности – выполнение исследований и разработок; приобретение машин и оборудования; приобретение новых технологий; приобретение патентных лицензий, программных средств; проведение маркетинговых исследований.

Анализ динамики показателей инновационной активности предприятий свидетельствует о невысокой восприимчивости бизнеса к инновациям, особенно технологического характера. Кризисные явления в экономики повлекли за собой некоторую стагнацию уровня инновационной активности бизнеса в целом. Кроме того, наблюдается недооценка в течение длительного времени влияния маркетинговых исследований на корпоративную практику управления производственной деятельностью предприятий. Инновационная деятельность на предприятиях преимущественно осуществляется в соответствии с заранее продуманными и спланированными действиями, согласованными со всеми участниками инновационных процессов. В зависимости от целей стратегического развития масштабы инновационной деятельности могут охватывать все предприятие в целом – коренная реконструкция и модернизация производства, полная смена ассортимента продукции; либо носить локальный характер, концентрируясь на процессах внутри одного или нескольких структурных подразделениях - автоматизация процессов производства и управления, замена сырья или материалов, модификация и ристайлинг оборудования и программно-технического комплекса.

Однако, ключевая задача по-прежнему заключается в повышение восприимчивости бизнеса к инновациям и выбор приоритетов инновационной деятельности в стратегиях компаний. Эта задача должна быть решена с помощью комплекса следующих мер:

1. Обеспечение продуктивного взаимодействия государства, бизнеса и науки как при определении приоритетных направлений технологического развития, так и в процессе их реализации.
2. Создание стимулов и условий для технологической модернизации на основе повышения инновационной активности компаний, с использованием всего комплекса мер тарифного, таможенного, налогового, антимонопольного регулирования.
3. Повышение инвестиционной привлекательности перспективных высокотехнологических предприятий.
4. Поддержка выхода российских высокотехнологичных компаний на мировые рынки, упрощение контрольных процедур во внешней торговле высокотехнологичной продукцией.
5. Активизация международного научно-технического сотрудничества.
6. Поддержка догоняющей модернизации секторов экономики, в которых у России нет краткосрочных перспектив достижения глобального лидерства, в том числе за счет стимулирования технического перевооружения, благоприятного таможенного режима ввоза импортного оборудования, усиления требований технического регулирования.
7. Устранение в системе государственного регулирования барьеров, препятствующих наращиванию инновационной активности бизнеса.
8. Опережающее наращивание расходов на софинансирование инновационных проектов частных компаний, в том числе через совершенствование регулирования отрасли венчурного финансирования, реализацию проекта поддержки кооперации бизнеса и высших учебных заведений, учреждений науки, через выстраивание работы с государственными компаниями по разработке и реализации ими программ инновационного развития.
9. Расширение поддержки стартующих компаний (стартапов) через действующие институты

развития – инновационный центр Сколково, посевной фонд РВК, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, а также в рамках соответствующих государственных программ.

Для развития механизмов государственно-частного партнерства в России имеется достаточно уникальное сочетание научно-исследовательского потенциала, высокотехнологичных производств и емких внутренних рынков, что создает необходимые предпосылки для использования преимуществ, связанных с распространением новых технологий. Государство уделяет вопросам управления бизнесом первостепенное внимание, поскольку в экономической сфере страны предпринимательству принадлежит важнейшая роль, так как в его распоряжении находятся материальные, финансовые и трудовые ресурсы, которые он способен использовать в контексте инновационного технологического развития России. Инновационный бизнес может и должен сыграть существенную роль в модернизации экономики России. Это, прежде всего, участие в техническом перевооружении организаций всех отраслей и структурной перестройке всего народного хозяйства. Техническая модернизация предприятий определяется опережающим развитием фундаментальной науки, капитализацией результатов исследований и разработок, актуальностью задач ускоренного развития инновационной инфраструктуры и формированием цивилизованных институтов в инновационной сфере.

Литература:

1. Высоцкая Н. В. Государственно-частное партнерство: вопросы теории и методологии. М.: МГУУ ПМ, 2014.
2. Государственно-частное партнерство в научно-инновационной сфере / Под ред. А. К. Казанцева. М.: ИНФРА-М, 2013.
3. Государственно-частное партнерство: сборник нормативных правовых документов: сборник / Под ред. Н. В. Савощенко, О. Н. Любина. М.: МГУУ ПМ, 2010.
4. Государственно-частное партнерство: механизмы реализации / Под ред. А. В. Алпатова. М.: Вильямс, 2012.
5. Государственно-частное партнерство: отечественный опыт, мировые тенденции, вектор развития для России / Под ред. В. Н. Мочальникова. М.: Экономика, 2011.
6. Основы государственно-частного партнерства: теория, методология, практика / Под ред. В. Г. Варнавского. М.: Анкил, 2015.
7. Друкер П. Бизнес инновации / Пер. с англ. К. С. Головинского. М.: Вильямс, 2014.
8. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

References:

1. Vysotskaya N. V. Public-private partnership: theory and methodology issues. M.: MGUU PM, 2014.
2. Public-private partnerships in the research and innovation sphere / edited by A. K. Kazantsev. M.: INFRA-M, 2013.
3. Public-private partnership: a collection of normative legal documents: tutorial / Edited by N. V. Savoshchenko, O. N. Lubin. M.: MGUU PM, 2010.
4. Public-private partnership: implementation mechanisms / A. V. Alpatov. M.: Williams, 2012.
5. Public-private partnership: national experience, global trends, vector of development for Russia / Edited by V. N. Mochalnikov. M.: Ekonomika, 2011.
6. Fundamentals of a public-private partnership: theory, methodology, practice / Edited by V. G. Varnavskiy. M.: Ankil, 2015.
7. Drucker P. Business innovation / Transl. from Engl. by K. C. Golovynsky. M.: Williams, 2014.
8. On approval of the Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020: Decree of the RF Government dated 08.12.2011 №2227-r [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, mikhail.feldman@uapa.ru

УДК 331.105(470.54)
ББК 65.24(2Рос-4Све)

Цель. Анализ эффективности регулирования органами региональной и муниципальной власти системы социального партнерства на предприятиях Свердловской области.

Методы. На основе институционального подхода проанализированы годовые отчеты Департамента труда и занятости населения Свердловской области за 2012–2014 гг.

Результаты. Выявлено, что возможности такого феномена как социальное партнерство на предприятиях Свердловской области используются в незначительной степени, а регулирование со стороны Департамента труда и занятости населения Свердловской области за 2012–2014 гг. носит во многом формальный характер.

Научная новизна. Впервые дана оценка реального состояния социального партнерства на предприятиях Свердловской области.

Ключевые слова: социальное партнерство, предприятия, Свердловская область, социально-трудовая сфера, Департамент труда и занятости населения.

THE SOCIAL PARTNERSHIP SYSTEM IN ENTERPRISES OF THE SVERDLOVSK REGION AND THE PROBLEM OF THE EFFICIENCY OF ITS REGULATION

Feldman M. A.

Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Public Administration and Political Technologies Department, the Urals Institute of Management – Branch, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, mikhail.feldman@uapa.ru

Purpose. To analyze the effectiveness of controlling activity of regional and municipal power bodies of the system of social partnership in the enterprises of Sverdlovsk region.

Methods. Based on the institutional approach the author analyzed annual reports of the Department of Labor and Employment of Sverdlovsk region for 2012–2014.

Results. The author revealed that possibilities of such a phenomenon as social partnership at the enterprises of Sverdlovsk region are used to a small extent, and regulation by the Department of Labor and Employment of Sverdlovsk region for 2012–2014 is largely a formality.

Scientific novelty. For the first time the author assessed the actual state of social partnership at the enterprises of Sverdlovsk region.

Keywords: social partnership, companies, Sverdlovsk region, socio-labor sphere, the Department of Labor and Employment.

Термин социальное партнерство – относительно новое понятие. В узком смысле социальное партнерство представляет собой социальную технологию регулирования социально-трудовых отношений на предприятиях и в организациях. В современной российской литературе наблюдается тенденция к широкому толкованию социального партнерства как способа сотрудничества в различных сферах жизни

© Фельдман М. А., 2016

общества. Однако не следует забывать, что традиционно под социальным партнерством понимаются, прежде всего, отношения в социально-трудовой сфере между работниками и работодателями, складывающиеся при активном участии государства [1, с. 32,33]. Исходя из этого, под социальным партнерством понимается система взаимоотношений между работодателями, государственными органами и представителями наемных работников (профсоюзов), опирающаяся на переговоры и поиск взаимоприемлемых решений в регулировании трудовых и иных социально-экономических отношений [2, с. 17]. Сфера применения труда – это лишь одна из сфер, где применяется социальное партнерство. Областями социального партнерства выступают сфера занятости и трудоустройства, сфера применения труда, сфера социальной защиты, сфера здравоохранения, сфера удовлетворения духовных нужд.

А. И. Ефанова уточнила понятие социального партнерства, как паритетное взаимодействие представителей государства, труда и капитала, которое формируется при наличии относительно развитой институциональной структуры общества, достижения определенной системы организованности труда и капитала. Согласование их интересов и нахождение консенсуса достигается в процессе переговоров, обсуждений, консультаций и участия в принятии решений, разработке экономической политики на разных уровнях хозяйствования, что способствует оптимальному регулированию социально-экономических отношений в обществе [3, с. 24].

15 ноября 1991 г., Президентом Российской Федерации был подписан Указ О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов) № 212. Позднее, 24 января 1992 г. вышел Указ Президента О создании Российской трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений № 45. На базе этого указа и соответствующего постановления Правительства от 20 февраля 1992 г. № 103, в 1992 г. была образована Российская трехсторонняя комиссия по урегулированию социально-трудовых отношений, куда вошли представители правительства, профсоюзов и предпринимателей.

Принятый Закон РФ О коллективных договорах и соглашениях (11 марта 1992 г.) и дополнения к нему (20 октября 1995 г.) впервые ввел термины социальное партнерство и коллективные переговоры. Начиная с 1992 г., в практику регулирования социально-трудовых отношений вошло заключение на трехсторонней основе различных коллективных соглашений.

Закон РФ О порядке разрешения коллективных трудовых споров (20 октября 1995 г.), Закон РФ О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности (8 декабря 1995 г.), а также постановление Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 468 О службе по урегулированию коллективных споров восполнили существующие пробелы в правовой базе социального партнерства.

Однако следует отметить: за прошедшие пятнадцать лет нового века на федеральном уровне так и не появился новый закон, регулирующий систему социального партнерства.

Эволюция трудового законодательства касается только уточнения и совершенствования различных сторон системы заработной платы и охраны труда на производстве. В свою очередь предприятия и учреждения принимали аналогичные локальные нормативные акты, конкретизируя документы вышестоящих уровней, дополненные положениями о социальном пакете, в соответствии со своими потребностями и возможностями. Основными формами таких актов в организации являются устав, положение, правила, должностные инструкции. В результате, как представляется, Законодательство о социальном партнерстве соотносится скорее с раннекапиталистической стадией развития, чем с эпохой социальных государств.

Статья 23 второй части, раздела II Социальное партнерство в сфере труда Трудового кодекса гласит, что социальное партнерство в сфере труда представляет собой систему взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленную на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений. *Выскажем мнение, что пришло время уточнить и иные цели социального партнерства.*

Обобщим все направления развития социального партнерства.

Первым направлением в развитии социального партнерства является развитие среди работодателей концепции социальной ответственности.

Вторым направлением является развитие законодательной базы социального партнерства.

Третьим направлением является создание реестра предприятий и организаций участников социального партнерства.

Четвертым направлением является разработка показателей социального партнерства, включая такую современную управленческую технологию, как управление по результатам.

Сторонами социального партнерства являются работники и работодатели в лице уполномоченных в установленном порядке представителей, а также Органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые являются сторонами

социального партнерства в случаях, когда они выступают в качестве работодателей, а также в других случаях, предусмотренных трудовым законодательством.

Социальное партнерство осуществляется в формах:

- коллективных переговоров по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и заключению коллективных договоров, соглашений;
- взаимных консультаций (переговоров) по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, обеспечения гарантий трудовых прав работников и совершенствования трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- участия работников, их представителей в управлении организацией;
- участия представителей работников и работодателей в разрешении трудовых споров [4].

В 1995–1999 гг. законы о социальном партнерстве были приняты сначала в Свердловской и Вологодской областях, затем в Омской области, Ставропольском крае, Мурманской области, городе Москве, Республике Мордовия, Алтайском крае и других субъектах Российской Федерации [5].

Так, например, в Свердловской области в 2010 г. был принят Указ Губернатора Свердловской области от 5 мая 2010 г. №385-УГ О мерах, предпринимаемых в системе социального партнерства в Свердловской области в сложившихся экономических условиях в 2010–2011 гг. В этом нормативном акте говорилось о том, что в сложившихся экономических условиях необходимо считать систему социального партнерства действенным ресурсом, направленным на обеспечение рабочими местами, повышение производительности труда, уровня правовых гарантий работников, недопущение наличия задолженности по выплате заработной платы и способствующим в 2010–2011 годах повышению инвестиционного имиджа, эффективности производства, увеличению прибыли и сохранению социальной стабильности в Свердловской области.

Указ рекомендовал главам муниципальных образований в Свердловской области организовать деятельность координационных советов по социальному партнерству, обеспечить периодическое формирование прогнозов потребности в кадрах в профессионально-квалификационном разрезе, проводить регулярные информационные встречи с координационными советами профсоюзов.

В документах органов власти всех уровней подчеркивается, что ответственность за уклонение от участия в коллективных переговорах, либо нарушение установленного срока их заключения, прописана в Кодексе об административных правонарушениях в статьях 5.28–5.34 [6].

Отметим, однако, что уклонение работодателя или лица, его представляющего, от участия в переговорах о заключении, об изменении или о дополнении коллективного договора, соглашения либо нарушение установленного законом срока проведения переговоров, а равно необеспечение работы комиссии по заключению коллективного договора, соглашения в определенные сторонами сроки, влечет довольно *символическое* предупреждение или не менее *символическое* наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей.

Генеральное соглашение между общероссийским объединением профсоюзов, общероссийским объединением работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014–2016 гг. ставит в числе приоритетных целей создание условий, содействующих формированию структурно развитой, обеспечивающей нужды страны и населения, конкурентоспособной экономики на базе рабочих мест, позволяющих использовать материальные и человеческие ресурсы эффективно с точки зрения интересов всех субъектов экономики; обеспечение нового, более высокого уровня жизни граждан Российской Федерации, прежде всего за счет кардинального повышения эффективности государственного управления и социальной ответственности всех субъектов экономики, внедрения принципов достойного труда на основе подходов Международной организации труда. Соглашение является составной частью коллективно-договорного процесса в системе социального партнерства и служит основой для разработки и заключения отраслевых соглашений на федеральном уровне и региональных соглашений.

Согласно Постановлению Правительства Свердловской области от 14 мая 2007 г. №404-ПП Об утверждении порядка уведомительной регистрации соглашений о социальном партнерстве и коллективных договоров в Свердловской области и контроля за их выполнением, функции по уведомительной регистрации соглашений о социальном партнерстве и коллективных договоров в Свердловской области возложены на Департамент по труду и занятости населения Свердловской области.

Департамент по труду и занятости населения Свердловской области является исполнительным органом государственной власти Свердловской области, в компетенцию которого входит осуществление на территории Свердловской области полномочий в области содействия занятости населения и сфере социально-трудовых отношений, полномочия Российской Федерации по осуществлению социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными. Как видно, на региональном уровне за органом власти закреплены: вопросы регистрации документов о социальном партнерстве; контроль за проблемой занятости,

а также соблюдением норм охраны труда. Не трудно заметить: ***такое распределение функций заведомо суживает диапазон действий по развитию социального партнерства***.

Официальным регулирующим органом сфер социального партнерства на производстве в регионах являются трехсторонние комиссии. В деятельности трехсторонних комиссий принимают участие следующие стороны: от работников – профсоюзы; от работодателей (собственников и руководителей бизнеса) – объединения работодателей (Союзы); от органов власти – правительство и местное самоуправление. Инициатором вопросов урегулирования экономических и социально-трудовых отношений может выступать любая сторона, в т.ч. трудовые коллективы, представители бизнеса, органы власти. В процессе обсуждения проблем и выработке путей их решения принимают участие большие группы людей, трудовые коллективы, представители отраслей, населенных пунктов, органы власти региона и муниципальных образований.

На открытых заседаниях Свердловской областной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений вправе присутствовать депутаты Законодательного Собрания Свердловской области, Губернатор Свердловской области, члены Правительства Свердловской области, представители органов прокуратуры, представители органов местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области, представители территориальных и отраслевых объединений работодателей, территориальных и отраслевых объединений профессиональных союзов.

Основополагающим документом в деятельности Департамента по труду и занятости Свердловской области является государственная программа Свердловской области Содействие занятости населения Свердловской области до 2020 г., которая утверждена Постановлением Правительства Свердловской области от 21 октября 2013 г. №1272-ПП. Стратегической целью программы является обеспечение государственных гарантий трудовых прав и создание условий для реализации гражданами права на труд. Для достижения главной цели необходимо решить следующие задачи: повышение занятости населения, снижение уровня регистрируемой безработицы и коэффициента напряженности на рынке труда, повышение конкурентоспособности безработных граждан, обеспечение прав работников на охрану труда.

В программе заложено семь подпрограмм; развитию социального партнерства посвящена Подпрограмма №6 Управление охраной труда и развитие социального партнерства.

Целями подпрограммы, как сообщается в документе, являются улучшение условий и охраны труда, снижение производственного травматизма и профессиональной заболеваемости, профессиональных рисков работников, повышение качества рабочих мест по условиям труда в организациях Свердловской области, обеспечение защиты трудовых прав граждан. Подпрограмма предусматривает реализацию следующих мероприятий:

1. Субсидии профсоюзным образовательным организациям на финансирование части расходов по подготовке специалистов по вопросам социального партнерства;
2. Реализация мероприятий по улучшению условий и охраны труда в организациях Свердловской области.
3. Содействие проведению специальной оценки условий труда в организациях Свердловской области;
4. Участие в семинарах, конференциях, посвященных вопросам охраны труда;
5. Организация и участие в работе Правительственной комиссии Свердловской области по вопросам охраны труда;
6. Организация ежегодного конкурса по культуре производства и охране труда среди организаций Свердловской области;
7. Разработка рекомендаций по организации работы по охране труда на малых предприятиях;
8. Участие в региональной выставке, посвященной безопасности труда [7].

Исходя из текста подпрограммы, очевидно, что основное внимание уделено *проблеме охраны труда*. В то же время, проблемы участия работников в разработке важнейших производственных и социальных задач, контроля за их реализацией; вопросы стандартизации и всеобщности распространения социальных пакетов; оценки эффективности социального партнерства в отраслях и на предприятиях оказались вне поля рассматриваемого документа.

Подводя итог, следует констатировать: как на федеральном уровне, так и в Свердловской области нет конкретных программ по развитию социального партнерства.

Каким же образом Департамент по труду и занятости населения Свердловской области (далее Департамент) реализует Подпрограмму №6 Управление охраной труда и развитие социального партнерства государственной программы Свердловской области Содействие занятости населения Свердловской области до 2020 г. в 2012–2014 гг.?

Анализ годовых отчетов Департамента свидетельствует о ряде положительных количественных изменений. Так, например, количество отраслевых *территориальных* коллективных соглашений за отмеченный период увеличилось – с 37 до 44. Если в 2012 г. действовало 37 *отраслевых* коллективных соглашений, то в 2014 – уже 39. Процент коллективных договоров

с ухудшающими условиями для работников снизился с 30 % в 2012 г. до 9 % в 2014 г. [8].

В целом, система социального партнерства в Свердловской области состоит из 103 соглашений, в том числе областного трехстороннего соглашения, соглашения по минимальной заработной плате в Свердловской области, 42-х – территориальных соглашений, 21-го – отраслевого соглашения, 38 – территориально-отраслевых соглашений, а также 3926 коллективных договоров на предприятиях, заключенных с участием профсоюзов [9].

Департамент по труду и занятости населения ведет учет муниципальных образований и предприятий, которые занимаются социальным партнерством. Списки муниципальных образований за 2014 г. представлены в Приложении. Единой базы таких документов, в которые бы могли заходить другие государственные органы или организации в данный момент не существует, что *затрудняет возможность изучения передового опыта*.

Мониторинг муниципальных образований за три года показал, что в ряде муниципальных образований при наличии представительных органов работников отсутствуют территориальные объединения работодателей, в том числе: в муниципальном образовании Алапаевское, городских округах Березовский, Бисертский, Верхнесалдинский, Качканарский, Кировградский, Красноуральск, Нижняя Салда и Среднеуральск [10]. Таким образом, *в девяти промышленно развитых муниципальных образованиях Свердловской области отсутствует сама основа для социального партнерства.*

В 2012–2014 гг. в практику работы Департамента вошел мониторинг действующих соглашений всех уровней социального партнерства, устанавливающих общие условия труда, гарантии, компенсации, и льготы работникам. В сравнение с предыдущими годами активно оказывалась методическая помощь специалистами Департамента сторонам социального партнерства по подготовке проектов соглашений и по порядку их подписания, несколько раз в месяц представители работодателей и представители работников сами обращаются за помощью к специалистам Департамента. Если в предшествующий период представители работников и работодателей при заключении коллективных договоров избегали помощи специалистов Департамента, но по итогам 2014 гг. очевидно, что представители работодателей начали советоваться с работниками Департамента, что, в свою очередь, сказалось на качестве представленных на регистрацию документов: если в 2012 г. 10 % договоров возвращались на доработку, то по итогам 2013 г. только 2 % [11].

Департамент по труду и занятости Свердловской области активно занимается вопросами трудоустройства граждан. В результате уровень трудоустройства в 2012 г. составил – 69,7 %, в 2013 г. 69,7 %. Конечно, *главная проблема заключается в том, что акцент делается на трудоустройстве вообще, а не на высокопроизводительных местах.*

Большое влияние Департамент уделяет вопросам травматизма. Проводится оперативный анализ производственного травматизма, осуществляется координация в сфере охраны труда, в том числе, через Правительственную комиссию Свердловской области по вопросам охраны труда, оказывается организационно-методическая помощь в работе служб охраны труда отраслевых министерств, органов местного самоуправления и организаций путем проведения регулярных совещаний-семинаров, участие в заседаниях межведомственных комиссий при отраслевых министерствах и координационных комиссий муниципальных образований.

Работники Департамента активно участвовали в работе трехсторонней комиссии по принятию нового трёхстороннего соглашения между областным правительством, объединением работодателей и профсоюзами определяющего размеры выплат и социальных пособий в Свердловской области на два года вперёд. В результате, с 1 января 2015 г. минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в регионе повышен на 15 %. Сторонами социального партнёрства решено установить минимальную заработную плату в 2015 г. – 8154 рубля, в 2016 г. – 8862 рубля. Таким образом, минимальная заработная плата в Свердловской области в 2015 г. на 2189 рублей (почти на 37 %) превысит среднероссийский МРОТ, который с 1 января 2015 Г. составил 5965 рублей. Приближается эта сумма и к региональному прожиточному минимуму (ПМ) в 8370 рубля.

Однако акцент регулирования системы заработной платы сделан не повышение производительности труда, а на подтягивание МРОТ до величины ПМ. В результате если в 2008 г. на территории Свердловской области на заработную плату можно было приобрести товаров и услуг на 3,21 ПМ трудоспособного населения, а в 2013 г. – чуть больше – 3,33 ПМ [9]. ***Как видно, при росте заработной платы по области на 61,6 % за 2013 г. к уровню 2008 г. ее покупательная способность фактически остается на уровне 2008 г.*** [9].

К сожалению, как показывает практика, в большинстве случаев отраслевые трехсторонние комиссии в промышленности Свердловской области ограничиваются мониторингом ситуации и увещеванием нерадивых работодателей *(сведения получены в личной беседе с А. И. Меленчуком – начальником отдела труда и социального партнерства Департамента по труду и занятости населения 14 мая 2014 г.)*.

Таким образом, мы видим, что деятельность Департамента имела положительную динамику. Консультационная деятельность Департамента набирает

обороты; представители разных организаций обращаются в Департамент за советом по оформлению договоров. Департамент предпринимает шаги по сокращению травматизма на производстве; каждое серьезное происшествие подлежит немедленному расследованию. Количество коллективных договоров растет.

Вместе с тем имеется ряд существенных проблем, связанных с реализацией направлений по развитию социального партнерства, которые необходимо решить Департаменту в ближайшей перспективе, с учетом того, что в настоящий момент:

- не проводятся опросы работников о качестве социального партнерства;
- не проводятся опросы работодателей о влиянии социального партнерства на эффективность в экономической сфере;
- не изучается опыт передовых предприятий, например УГМК;
- не проводятся круглые столы и научно-практические конференции по исследуемой проблеме;
- не анализируется ход развития социального партнерства; не заказывает научные исследования социального партнерства;
- не учитывается мировой опыт социального партнерства с целью усовершенствования российской модели социального партнерства;
- не разрабатывается система критериев эффективности социального партнерства на основе управления по результатам.

Подведем итог: ***возможности такого феномена как социальное партнерство используются только в незначительной степени***.

Для решения указанных проблем в развитии социального партнерства со стороны Департамента необходимо:

1. Разработка показателей социального партнерства, которая бы отражала степень эффективности экономического и социального партнерства в рамках того или иного предприятия, мнения работников о качестве социального партнерства;

2. . Разработка стандартизированных по отраслям и подотраслям экономики механизмов развития социальной ответственности у работодателей на основе внедрения опыта УГМК и других передовых предприятий в сфере социального партнерства;

3. Внедрение новых механизмов стимулирующего характера в рамках Комплексной программы по развитию социального партнерства в Свердловской области (подготовка Комплексной программы по развитию социального партнерства может быть осуществлена совместно работниками Департамента и Уральского института управления).

С этой целью Департаменту по труду и занятости населения предлагаем: сотрудничать с такими передовыми (в плане развития социального партнерства) предприятиями как УГМК, с целью исследования опыта холдинга; самим проводить или заказывать научно-исследовательским учреждениям исследования по вопросам политики социального партнерства; проводить опросы работодателей о влиянии социального партнерства на эффективность работы предприятия; проводить конференции и круглые столы для обсуждения перспектив развития социального партнерства с профсоюзами и объединениями работодателей; проводить опросы работников с целью выяснения качества социального партнерства; проводить выездные консультации специалистов Департамента в муниципальные образования для привлечения интереса органов местного самоуправления, работодателей и работников к вопросам социального партнерства. Главам муниципальных образований предлагаем взять под личный контроль работу муниципальных трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений на основе управления по результатам.

Литература:

1. Сафонов В. А. Социальное партнерство: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015.
2. Социальное партнерство. Опыт, технологии, оценка эффективности / Под ред. А. А. Нещадина, Г. Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2010.
3. Ефанова А. И. Социальное партнерство как институт регулирования социально-экономических отношений. Саратов, 2011.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
5. Кушлин В. И. Государственное регулирование рыночной экономики. М.,РАГС, 2005.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. №195-ФЗ (в ред. От 08.06.2015) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Об утверждении государственной программы Свердловской области Содействие занятости населения Свердловской области до 2020 года: Постановление Правительства Свердловской области от 21 октября 2013 г. №1272-ПП [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
8. Годовые отчеты Департамента труда и занятости населения Свердловской области за 2012, 2013, 2014 гг. Документ опубликован не был.
9. О задачах и действиях профсоюзов по усилению роли социального партнерства в регулировании заработной платы на предприятиях реального сектора экономики:

Постановление Совета Федерации профсоюзов Свердловской области от 22 апреля 2014 г. Документ опубликован не был.

10. Информационная записка О состоянии социального партнерства в муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области по итогам 2014 года. Документ опубликован не был..
11. Информационно-аналитические материалы о работе региональной трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений по итогам 2013 года. Документ опубликован не был.

References:

1. Safonov V. A. Social partnership: a textbook for undergraduate and graduate. MA: Yurait, 2015.
2. Social partnership. Experience, technology, evaluation of the effectiveness / Edited by A. A. Neshchadina, G. L. Tulchynskiy. St. Petersburg: Aleteia, 2010.
3. Efanova A. I. Social partnership as an institute of management of socio-economic relations. Saratov, 2011.
4. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law dated December 30, 2001 № 197-FZ of [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
5. Kushlin V. I. State regulation of the market economy. M., RAGS, 2005.
6. The Code of the Russian Federation on administrative offences: Federal Law dated December 30, 2001 № 195-FZ (as revised 08.06.2015) [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
7. On approval of the State program of Sverdlovsk region To promote employment of Sverdlovsk region up to 2020: the Decree of the Government of Sverdlovsk region dated from October 21, 2013 № 1272-PP [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
8. Annual reports of the Department of Labor and Employment of Sverdlovsk region for 2012, 2013, 2014. The document was not published.
9. On the tasks and activities of trade unions on strengthening the role of social partnership in regulating wages in enterprises of a real sector of economy: the Decree of the Council of the Trade Unions Federation of Sverdlovsk region dated from April 22, 2014. The document was not published.
10. The Information note On the status of social partnership in municipalities located on the territory of Sverdlovsk region based on the results of 2014. The document was not published.
11. Informational and analytical materials of the regional tripartite Commission on regulation of socio-labor relations according to the results in 2013. The document was not published.

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ

СЕГМЕНТАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РЫНКОВ КРУПНЫХ ГОРОДОВ УРАЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ ПРИОРИТЕТОВ ИХ РАЗВИТИЯ

Разорвин И. В.

доктор экономических наук, профессор, кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, к. 510, natalya.usova@uapa.ru

Шарапова В. М.

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита, Уральский государственный аграрный университет (Россия), 620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 42, к. 4408, agroprom3@sky.ru

Усова Н. В.

кандидат экономических наук, ассистент кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, к. 510, natalya.usova@uapa.ru

УДК 339.138
ББК 65.050.22

Цель. Выявление специфики и критериев сегментации потребительских рынков крупных городов на основе маркетинга.

Методы. Проведен анализ теоретических подходов к сегментации рынка и существующих критериев сегментации, применяемых в рамках маркетинга коммерческих предприятий. По результатам анализа теоретических подходов выявлены специфические сегменты потребительских рынков крупных городов Урала и проведена группировка исследуемых городов.

Результаты. На основании проведенного анализа выявлены особенности сегментации потребительских рынков крупных городов, предложены дополнительные критерии сегментации и специфические сегменты потребительского рынка, а также разработаны рекомендации для органов государственной власти и местного самоуправления, направленных на их диверсификацию в среднесрочной перспективе.

Научная новизна. Предложено понятие сегментация потребительских рынков крупных городов, выделены дополнительные критерии сегментации рынка, учитывающие специфику города, выделены и обоснованы четыре основных специфических сегмента потребительских рынков крупных городов, а также разработаны рекомендации для потребительских рынков исследуемой совокупности городов.

Ключевые слова: сегментация, потребительский рынок, крупный город, управление территорией.

© Разорвин И. В., Шарапова В. М., Усова Н. В., 2016

Разорвин И. В., Шарапова В. М., Усова Н. В.

SEGMENTING CONSUMER MARKETS OF MAJOR CITIES IN THE URAL REGION AS A TOOL OF FORMATION OF MARKETING PRIORITIES FOR THEIR DEVELOPMENT

Razorvin I. V.

Doctor of Science (Economics), Professor, the Economics and Management Department, the Urals Institute of Management – Branch, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), office 510, 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, natalya.usova@uapa.ru

Sharapova V. M.

Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Accounting and Auditing Department, the Ural State Agrarian University (Russia), r. 4408, 42 Karla Libknekhta str., Ekaterinburg, 620075, Russia, agroprom3@sky.ru

Usova N. V.

Candidate of Science (Economics), Assistant of the Economics and Management Department, the Urals Institute of Management – Branch, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), office 510, 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, natalya.usova@uapa.ru

Purpose. Identifying the nature and criteria of segmentation of consumer markets of major cities on the basis of marketing.

Methods. The authors carried out an analysis of theoretical approaches to market segmentation and existing segmentation criteria used within the marketing of commercial enterprises. According to the analysis of theoretical approaches the authors identified specific segments of consumer markets of major cities in the Urals and grouped the studied cities.

Results. On the basis of this analysis the authors revealed segmentation particularities of consumer markets in major cities, offered additional segmentation criteria and specific segments of the consumer market, as well as recommendations for State power and local self-government bodies aimed at their diversification in the medium term.

Scientific novelty. The authors proposed a concept Segmentation of consumer markets of major cities, determined additional criteria for market segmentation, city-specificity, identified and substantiated four main specific segments of consumer markets of major cities, and developed recommendations for consumer markets of the researched cities complex.

Keywords: segmentation, consumer market, large city, administration of the territory.

На современном потребительском рынке функционирует множество предприятий и организаций, ставящих перед собой индивидуальные цели и задачи, выбирающие определенные способы их достижения, преследующие собственные интересы и реализующие свои возможности в сфере производства и реализации продукции. В тоже время он является не только управляющим элементом развития общества, но и управляемой системой, как со стороны самих участников рынка (субъектов маркетинга), так и со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Учитывая тот факт, что потребительский спрос выступает, с одной стороны, в качестве стимулятора экономического роста, а с другой стороны отражает уровень жизни населения, то представляется весьма актуальным изучение факторов, влияющих на его формирование и развитие.

В настоящее время все большую значимость получают вопросы изучения рыночной конъюнктуры, представляющей собой совокупность сложившихся в конкретный момент времени экономических условий, при которых осуществляется процесс реализации товаров и услуг, что, в свою очередь, определяет состояние потребительского рынка. От рыночной конъюнктуры, изменяющейся под влиянием многочисленных факторов, зависит экономическое положение производителей и потребителей, продавцов и покупателей. Всесторонняя оценка позволяет не только определить текущее состояние потребительского рынка, но и спрогнозировать направления его развития на среднесрочную перспективу, что в свою очередь, дает возможность своевременно разрабатывать меры по преодолению негативных и формированию позитивных тенденций.

Современный потребительский рынок представляет собой гибкую систему прямых и обратных связей между производителем и потребителем. При этом на него оказывает влияние множество факторов, таких как: положение города в региональной системе расселения, которое характеризуют генезис города

и его функциональная специализация, роль города в иерархии населенных пунктов, а также территориальное местоположение города и его административный статус.

К примеру, в городах-курортах уровень спроса и предложения носит сезонный характер. Резко возрастающая в летний период численность населения за счет отдыхающих приводит к притоку продавцов, увеличению объемов реализации товаров и, следовательно, росту оборота розничной торговли. Особенности производства, транспортировки и хранения продукции также в немалой степени зависят от климатических условий. Так производство и продажа товаров народного потребления осуществляется в определенных географических условиях, что сказывается не только на структуре представленных товаров, но и на их стоимости. Также одним из ключевых факторов является наличие городов-спутников у крупных городов, приближенность к главным транспортным артериям страны.

Кроме того, на потребительский рынок оказывают влияние факторы внешней среды: тенденции социально-экономического развития города (в частности численность населения и удельный вес пенсионеров в ней, плотность расселения, уровень заработной платы и темпы его прироста), доля города в региональных экономических показателях, стратегическое видение развития потребительского рынка органами государственной власти и местного самоуправления.

Так рост численности населения стимулирует развитие потребительского рынка и, в первую очередь, розничной торговли. При этом в определенной степени сдерживающим фактором служит рост удельного веса пенсионеров в общей численности населения города, так как у пенсионеров требования к объектам потребительского рынка существенно отличаются от ожиданий экономически активного населения. Для этой группы населения не является приоритетным развитие объектов общественного питания и торговых центров, а становится принципиальным наличие рынков и магазинов шаговой доступности.

В свою очередь рост уровня доходов населения способствует росту индексов потребительских цен и физического объема оборота розничной торговли. В секторе розничной торговли, соответственно, будет наблюдаться рост доходности бизнеса, и ввод новых площадей за счет строительства, реконструкции или перепрофилирования уже существующих объектов, что привлечет на территорию города новых участников. Таким образом, возможно изменение структуры объектов розничной торговли, рост обеспеченности населения торговыми объектами и доли оборота розничной торговли с одного квадратного метра торговых площадей.

Стратегическое видение потребительского рынка органами государственной власти и местного самоуправления определяет приоритеты развития потребительского рынка, но при этом на него оказывает влияние нормативно-правовое регулирование и антимонопольное законодательство.

Под воздействием факторов внешней среды формируются тенденции развития потребительского рынка, то есть его внутренней среды.

К факторам внутренней среды потребительского рынка относятся:

- оборот розничной торговли и оборот общественного питания, характеризующие в целом объем реализации товаров народного потребления и услуг на территории города за определённый период времени.
- количество объектов розничной торговли и общественного питания, а также их структурная характеристика, отражают количественную структуру потребительского рынка.
- плотность размещения объектов розничной торговли и общественного питания характеризуют степень их территориальной доступности для населения.
- уровень цен отражает общее состояние потребительского рынка и экономики в целом.

Под влиянием вышеуказанных факторов на потребительском рынке происходят структурные сдвиги объектов розничной торговли и общественного питания, формирующие определенные сегменты рынка.

В условиях рыночной системы хозяйствования сегментирование рынка является одной из важнейших функций маркетинга, позволяющей, как коммерческим организациям, так и органам государственной власти и местного самоуправления осуществлять исследование, а также тактическое и стратегическое управление данным сектором экономики города. При этом существуют различные подходы к его трактовке (табл. 1).

С учетом представленных в таблице подходов к сегментации авторами предложено следующее определение сегментации потребительских рынков крупных городов.

Сегментация потребительских рынков крупных городов – это разделение рынков на отдельные сегменты, сформировавшиеся под влиянием факторов внутренней и внешней среды и обладающие спецификой взаимодействия его ключевых участников, а также определенными качественными и количественными характеристиками объектов рынка.

Сегментация рынка может проводиться по различным критериям:

- географический (по численности населения, административное деление, климат и т.д.)
- социально-экономический (состав семьи, уровень доходов, социальное положение)

Табл. 1. **Теоретические подходы к определению сегментация рынка**

Автор	**Теоретический подход**
У. Смит	Сегментирование рынка предполагает представление гетерогенного (неоднородного) рынка как некоторого числа гомогенных (однородных) рынков меньшего размера, что отвечает различным предпочтениям потребителей, а также их желанию получить более четкий ответ на свои различающиеся потребности [1]
Ф. Котлер	сегментация рынка – разделение рынка на отдельные группы покупателей с общими потребностями, характеристиками или поведением, которым необходимы определенные виды товаров или особый маркетинговый комплекс [2]
И. С. Березин	Сегментирование понимается как процесс разделения рынка на сегменты в соответствии с наиболее существенными характеристиками самих потребителей [3]
П. С. Завьялов	Сегментирование рынка понимается как разделение его на отдельные сегменты, различающиеся возможностями сбыта того или иного товара, производителя [4]
С. Дибб, Л. Симкин	Сегментирования рынка – определение групп покупателей со схожими потребностями и покупательским поведением, распределение их по рыночным сегментам; выбор целевых сегментов; решение о способе позиционирования продуктов для целевых рынков; разработка маркетинговых программ, посредством которых осуществляется позиционирование [5]
П. Чевертон	Сегментация является важнейшим элементом того моста, который соединяет внутренние возможности компании и запросы рынка. Именно она часто является тем, что дает соответствие между запросами рынка и внутренними возможностями бизнеса устойчивыми, уникальными, настоящими [6]
Д. Аакер	Сегментирование рынка – разработка и реализация маркетинговых программ, направленных на подгруппы, или сегменты совокупности, которые организация может обслужить [7]

• психографический (социальный слой, стиль жизни)

• демографический (возраст, пол, этап жизненного цикла семьи, уровень доходов)

• поведенческий (поиск выгод, степень случайности покупки, повод для совершения покупки).

• При этом в научной литературе пока не нашли своего отражения следующие критерии сегментации именно городов:

• агломерационный (наличие агломерационных процессов, вхождение в агломерацию, статус в агломерации)

• институциональная структура (оптово-розничные рынки, стационарные и нестационарные объекты розничной торговли, общедоступные столовые, закусочные столовые, находящиеся на балансе учебных заведений, организаций, промышленных предприятий рестораны, кафе, бары, кредитные организации и.д.)

• промышленная специализация города (предприятия, создающие средства производства, предприятия, создающие предметы потребления)

Можно предположить, что различное соотношение направлений и динамики изменений ключевых показателей развития потребительского рынка формируют определенные сегменты рынка: интенсивно расширяющийся, экстенсивно расширяющийся, сжимающийся и стагнирующий.

Сегмент интенсивно расширяющегося потребительского рынка – это тип рынка, свойственный для наиболее динамично развивающихся городов крупных городских агломераций, с относительной стабильностью демографических процессов, ростом доходов и качества жизни населения, спроса на товары и услуги. В этом случае рост ключевых показателей, характеризующих развитие потребительского рынка, идет на фоне качественных изменений структуры и плотности размещения объектов розничной торговли и общественного питания, связанных с переходом к более прогрессивным форматам обслуживания населения, и повышением территориальной доступности объектов потребительского рынка.

В рамках данного сегмента происходит процесс насыщения объектами розничной торговли, так как наблюдается рост их общего количества, но при этом средняя торговая площадь магазина сокращается. Ярким примером интенсивно расширяющегося потребительского рынка является период с 1990 по 2000 годы, когда наблюдался значительный рост объектов нестационарной торговли (палаток, киосков, павильонов) и стационарных объектов, имеющих небольшую торговую площадь, которые открывались на первых этажах жилых домов в результате перевода помещений в нежилой фонд. Следует отметить, что на тот момент, в условиях преодоления товарного дефицита, не уделялось должного внимания прогрессивным торговым технологиям.

Сегмент экстенсивно расширяющегося потребительского рынка – это тип рынка, свойственный

для крупных городов с относительно более периферийным положением, более медленными темпами функциональной трансформации моноэкономики, где, тем не менее, наблюдается позитивная динамика показателей производственного комплекса, доходов населения, а также спроса на товары и услуги. В этом случае также наблюдается достаточно динамичный рост показателей развития потребительского рынка, который не сопровождается существенными изменениями структуры и плотности размещения объектов розничной торговли и общественного питания.

Отличительной особенностью экстенсивно расширяющегося потребительского рынка является незначительное увеличение значения показателя плотность размещения объектов розничной торговли, что свидетельствует о замедлении темпов роста общего числа объектов розничной торговли. На потребительских рынках данного сегмента городов происходят уже не количественные, а качественные изменения. Так общее число объектов розничной торговли сокращается, что, в первую очередь, обусловлено сокращением количества нестационарных объектов розничной торговли. Кроме того, наблюдается приток крупных торговых сетей и/или консолидация бизнеса. О качественном развитии рынка свидетельствует появление новых форматов торговли, при этом значение показателя средняя торговая площадь магазина увеличивается. В тоже время конкуренция между предприятиями торговли также переходит на качественно новый уровень с ориентацией на потребителя.

В качестве негативного момента при данном типе рынка выступает вероятность сговора крупнейших участников с целью захвата рынка.

В секторе общественного питания происходит структурное изменение, так наблюдается существенное снижение, как количества, так и индекса плотности размещения столовых, находящихся на балансе учебных заведений, организаций и промышленных предприятий и, в тоже время, увеличение количества общедоступных столовых и закусочных, а также ресторанов, кафе и баров. Причем темпы прироста общедоступных столовых выше, чем у ресторанов, кафе и баров.

Сегмент сжимающегося потребительского рынка – это тип рынка, свойственный для городов, испытывающих серьезные проблемы развития, которые могут быть связаны, как с комплексом причин социально-демографического, так и экономического характера. При этом замедление темпов роста ключевых показателей развития потребительского рынка идет на фоне регрессивных изменений структуры и плотности размещения объектов розничной торговли и общественного питания, снижения спроса на товары и услуги, а также сокращения относительных показателей присутствия прогрессивных форматов обслуживания населения.

Отличительной особенностью данного типа рынка является увеличение значения показателя средняя торговая площадь магазина, что свидетельствует об укрупнении объектов розничной торговли, их сетевизации, и снижении удельного веса единичных магазинов в общем объеме стационарных объектов розничной торговли. В тоже время в секторе общественного питания происходит существенное снижение общего количества объектов общественного питания, обусловленное снижением, как количества, так и индекса плотности размещения у столовых, находящихся на балансе учебных заведений, организаций и промышленных предприятий.

Сегмент стагнирующего потребительского рынка – это тип рынка, на котором как качественные, так и количественные изменения ключевых показателей потребительского рынка незначительны либо отсутствуют, что наблюдается на фоне стагнации экономической, социальной и демографической подсистем города, а также спроса на товары и услуги.

Для данного типа рынка характерно:

- отсутствие укрупнения и сетевизации стационарных объектов розничной торговли, а также прихода на потребительский рынок крупных торговых сетей;
- отсутствие или замедление роста территориальной доступности объектов розничной торговли для населения;
- отсутствие роста обеспеченности торговыми площадями;
- стабильность конкурентной среды;
- увеличение общего количества объектов общественного питания, обусловленное изменением количества и индекса плотности размещения ресторанов, кафе и баров.

Данный подход к сегментации потребительского рынка позволяет не только выявить ключевые тенденции развития потребительского рынка, но и определить приоритеты его развития на среднесрочную и долгосрочную перспективу в рамках определенной территории, что особенно актуально для крупных городов.

Крупные города становятся центрами развития новой экономики, наблюдается усиление конкуренции между городами. При административно-командной системе хозяйствования ключевыми конкурентными преимуществами городов были транспортно-географическое положение и наличие природных ресурсов. В условиях рыночной экономики приоритетными становятся места концентрации человеческого потенциала и уровень качества жизни.

Между тем потребительский рынок крупного города обладает рядом специфических особенностей:

Табл. 2. **Тенденции потребительских рынков крупных городов Урала***

Город		Екатеринбург	Каменск-Уральский	Нижний Тагил	Пермь	Березники	Соликамск	Челябинск	Магнитогорск	Златоуст
$\Delta I_{пр2013}$ по отношению к базисному периоду ресторанов, кафе, баров		0,688	0,741	0,589	0,507	1,963	0,880	0,479	0,615	0,600
$\Delta I_{пр2013}$ по отношению к базисному периоду столовых, находящихся на балансе учебных заведений, организаций, промышленных предприятий		–0,252	–0,301	–0,265	1,016	0,239	0,015	–0,277	–0,272	0,030
$\Delta I_{пр2013}$ по отношению к базисному периоду общедоступных столовых, закусочных		0,601	0,219	0,222	0,483	3,205	0,475	–0,167	1,009	0,346
Δколичества объектов общественного питания	**рестораны, кафе, бары**	369	20	33	332	7	15	211	57	12
	столовые, находящиеся на балансе учебных заведений, организаций, промышленных предприятий	–56	–8	–28	–225	–7	0	–37	–43	–21
	общедоступные столовые, закусочные	–121	–12	–13	–109	1	0	–360	1	–12
Общее количество объектов общественного питания	**Темпы прироста (%)**	13,03	0,00	–1,82	–0,14	1,04	16,85	–15,36	3,59	–13,73
	$\Delta_{2013–2007}$	192	0	–8	–2	1	15	–186	15	–21
$\Delta I_{пр2013}$ по отношению к базисному периоду нестационарных объектов розничной торговли		1,72	–0,75	0,02	–0,28	–0,31	–0,15	–1,02	–1,31	–2,91
$\Delta I_{пр2013}$ по отношению к базисному периоду стационарных объектов розничной торговли		0,96	0,82	–0,74	1,41	0,23	0,34	1,29	1,28	0,57
Δ средней торговой площади магазина		–73,8	15,08	31,1	12,76	66,44	25,14	–61,12	–56,41	27,56
Темпы прироста общего количества торговых площадей объектов розничной торговли		9,909	31,062	54,902	54,548	68,552	37,089	9,655	3,233	38,051
Δколичества объектов розничной торговли	**нестационарные**	2815	–4	586	504	–105	4	351	44	–106
	стационарные	1088	117	252	1125	97	57	646	514	68
Общее количество объектов розничной торговли	**Темпы прироста (%)**	86,27	14,81	53,31	53,06	–1,37	15,84	27,47	26,05	–3,70
	$\Delta_{2013–2007}$	3623	151	1178	1292	–30	45	862	447	–14

* Составлено и рассчитано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики и отчетов органов местного самоуправления

• чем крупнее город, тем выше уровень требований населения, предъявляемых к объектам потребительского назначения;

• в крупных городах структура объектов потребительского рынка является более дифференцированной;

• потребительские рынки наиболее крупных городов являются локомотивами формирования регионального и национального потребительских рынков;

• чем крупнее город, тем больше его потенциальная зона торгового обслуживания потребителей.

• территориальная приближенность вторых и третьих городов к столице субъекта Федерации обуславливает пересечение потенциальных зон торгового обслуживания населения, что оказывает воздействие на тенденции развития потребительских рынков этих городов.

• именно в крупных городах процесс диверсификации получил более широкое развитие.

Существующая в настоящий момент специализация крупных городов Пермского края, Свердловской и Челябинской областей во многих аспектах сохраняет преемственность с их исходным хозяйственным профилем. Большинство городов, являющихся центрами крупных городских агломераций индустриальных регионов Урала, возникли в XVIII веке как поселения при заводе. Исключение составляют Соликамск (XV век), Каменск-Уральский (XVII век), а также Магнитогорск и Златоуст (XX век). Исходной специализацией большинства центров крупных городских агломераций была металлургия, за исключением Челябинска, Соликамска и Березников. Так в Челябинске основными направлениями деятельности были торговля и защита границ, а в Березниках и Соликамске солеварение. Всем центрам крупным городам, входящим в объект исследования, статус города был присвоен в период с XVI по XXвв. В частности, все первые города получили статус города в XVIII веке, а большинство вторых и третьих городов, получили этот статус только в XX веке (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Березники, Магнитогорск).

Пермский край, Свердловская и Челябинская области расположены в одной природно-климатической зоне, связаны общностью исторических путей становления региональных экономических комплексов. Эти субъекты РФ характеризуются высоким уровнем развития промышленного производства. В структуре экономики Пермского края, Свердловской и Челябинской областей представлены все основные традиционные отрасли промышленного комплекса.

За период с 2007 по 2013 гг в крупных городах Урала сформировались следующие тенденции развития потребительских рынков (табл. 2).

Так по результатам проведенного анализа и с учетом сформулированных ранее подходов к определению сегментов потребительского рынка, все исследуемые крупные города Пермского края, Свердловской и Челябинской областей можно разделить на группы в зависимости от выявленного сегмента потребительского рынка:

• группа городов интенсивно расширяющегося потребительского рынка,

• группа городов экстенсивно расширяющегося потребительского рынка,

• группа городов сжимающегося потребительского рынка,

• группа городов стагнирующего потребительского рынка.

Первую группу образуют пять городов. Так в Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Магнитогорске и Каменск-Уральском отмечается прирост общего количества объектов розничной торговли, причем в большинстве случаев за счет стационарных объектов. Значение показателя средняя торговая площадь магазина сокращается, причем максимальное снижение значения показателя зафиксировано в Екатеринбурге (-73,8 м^2), а минимальное снижение значения показателя – в Магнитогорске (-56,41 м^2), что свидетельствует о тенденции разукрупнения стационарных объектов розничной торговли. Исключение составили Каменск-Уральский, где наблюдается рост средней торговой площади (+15,08 м^2) и Пермь (+12,76 м^2). При этом во всех городах наблюдается рост числа ресторанов, кафе и баров, при разнонаправленной динамике числа общедоступных столовых и закусочных, а также столовых, находящихся на балансе учебных заведений, организаций и промышленных предприятий.

В свою очередь индекс плотности размещения стационарных объектов розничной торговли ($I_{прст2013}$) превышает индекс плотности размещения нестационарных объектов розничной торговли ($I_{прнст2013}$). Все это свидетельствует о росте, как числа участников на рынке, в том числе мелких, так и более высоком уровне территориальной доступности объектов розничной торговли для населения. Исключение составил Екатеринбург, что обусловлено резким ростом числа нестационарных объектов розничной торговли в 2012 году по отношению к 2011году (+2663 единицы, темпы прироста 140,306 %). Кроме того, для этих городов характерны рост уровня конкуренции и предпосылки для повышения насыщенности потребительского рынка объектами розничной торговли.

Следует отметить, что потребительские рынки первых городов регионов являются привлекательной площадкой для прихода сетевых операторов регионального, федерального и международного масштаба. Именно столицы субъектов Федерации имеют большую зону потенциального спроса, то есть срабатывает так называемый агломерационный эффект. Кроме того

мировой финансово-экономический кризис стал определенным катализатором для развития рынка, а именно, ухода неэффективных участников, укрупнения бизнеса за счет слияний, поглощений, а также прихода крупных предприятий розничной торговли и общественного питания. Все это оказало положительное влияние на совершенствование маркетинговой структуры потребительского рынка.

Во вторую группу входят Березники и Златоуст. На потребительских рынках этих городов сокращение общего количества объектов розничной торговли обусловлено снижением числа нестационарных объектов розничной торговли, в то время как стационарная торговля развивается. Причем увеличение количества стационарных объектов розничной торговли сопровождается ростом средней торговой площади магазина, что свидетельствует о консолидации бизнеса и/или приходе на рынок новых участников. Конкуренция между предприятиями торговли переходит на качественно новый уровень с ориентацией на потребителя, что приводит к увеличению доли торговых площадей с использованием прогрессивных технологий торговли. При этом замедляются темпы роста показателей территориальной доступности объектов розничной торговли для населения и сокращается оборот розничной торговли на 1 м^2 торговых площадей. При этом в Златоусте ситуация может оцениваться как пограничная, так как наблюдается сокращение оборота розничной торговли.

Общее количество объектов общественного питания в этой группе городов изменяется незначительно. Существенное изменение, как количества, так и индекса плотности размещения зафиксировано по столовым, находящимся на балансе учебных заведений, организаций и промышленных предприятий. Что касается общедоступных столовых и закусочных, а также ресторанов, кафе и баров, то их количество также изменяется. Причем рост количества и плотности размещения выявлен по ресторанам, кафе и барам.

При этом для потребительского рынка Златоуста характерен ряд проблем.

Во-первых, снижение покупательской способности населения, в том числе в малообеспеченных группах.

Во-вторых, существенный рост оптовых и розничных цен на продовольственные товары, включая товары первой необходимости, входящие в потребительскую корзину.

В-третьих, ухудшение финансового положения предприятий потребительского рынка, вызванное недостатком оборотных средств, дефицитом и высокой стоимостью кредитных ресурсов, ужесточением требований обеспечения кредитов.

В-четвертых, повышение качества услуг, предоставляемых населению предприятиями торговли, наряду с развитием материально-технической базы и технологий обслуживания требует профессиональной подготовки кадров. В настоящее время на потребительском рынке Златоустовского городского округа по–прежнему активно задействуются работники, не имеющие соответствующего образования и подготовки.

В третью группу включен Нижний Тагил. Здесь зафиксировано снижение общего количества объектов общественного питания. Причем снижение, как количества, так и индекса плотности размещения зафиксировано по столовым, находящимся на балансе учебных заведений, организаций и промышленных предприятий. Следует отметить, что значения индексов плотности размещения ресторанов, кафе и баров, а также общедоступных столовых и закусочных увеличиваются, хотя количество общедоступных столовых и закусочных снизилось. В секторе розничной торговли наблюдается снижение показателя плотности размещения стационарных объектов розничной торговли (–0,74 ед/км^2), что свидетельствует об укрупнении стационарных объектов розничной торговли и сокращении уровня территориальной доступности. Рост ключевых показателей розничного рынка, в частности, оборота розничной торговли на 1 м^2 торговых площадей и общего количества объектов розничной торговли, идет в большинстве своем за счет нестационарных объектов. Так удельный вес нестационарных объектов розничной торговли увеличился с 19,78 % в 2007 г. до 37,22 % в 2013 году. Это самые высокие темпы роста нестационарных объектов среди городов анализируемой совокупности. Следует отметить, что потребительский рынок Нижнего Тагила становится все менее привлекательным для крупных федеральных и международных операторов, что обусловлено сокращением спроса, и в частности, платежеспособного спроса в связи с отрицательной динамикой численности населения города и ростом удельного веса пенсионеров.

В четвертую группу также вошел один город, Соликамск. В этом городе общее количество объектов розничной торговли за исследуемый период увеличилось незначительно, преимущественно за счет стационарных объектов. Средняя торговая площадь магазина увеличилась, причем прирост начался только в 2013 году. За период с 2007 по 2012гг существенных изменений обеспеченности торговыми площадями и уровня конкуренции не наблюдалось. Общее количество объектов общественного питания увеличилось, причем за счет изменения количества и индекса плотности размещения ресторанов, кафе и баров. Следует отметить, что хотя количество общедоступных столовых, закусочные и столовых, находящихся на балансе учебных заведений, организаций, промышленных предприятий не изменилось, но плотность размещения увеличилась. Данный факт свидетельствует о том, что

наблюдается укрупнение данных видов объектов общественного питания.

Проведенный анализ позволил выявить тенденции развития потребительских рынков крупных городов Пермского края, Свердловской и Челябинской областей, а также проранжировать маркетинговые стратегии, направленные на их совершенствование.

На потребительских рынках группы городов интенсивно расширяющегося потребительского рынка (Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Магнитогорск и Каменск-Уральский) в первую очередь также должны формироваться маркетинговые стратегии интеграции отечественных товаропроизводителей и переработчиков с предприятиями общественного питания и оптово-розничной торговлей и стратегия продвижения и перемещения товара.

В свою очередь на потребительских рынках группы городов экстенсивно расширяющегося потребительского рынка (Березники и Златоуст) в первую очередь должны формироваться маркетинговые стратегии интеграции отечественных товаропроизводителей и переработчиков с предприятиями общественного питания и оптово-розничной торговлей, а также стратегия выравнивания соотношения импортных и отечественных товаров в пользу последних.

На стагнирующем потребительском рынке (Соликамск) в первую очередь необходимо формировать стратегии выравнивания соотношения импортных и отечественных товаров в пользу последних и интеграции отечественных товаропроизводителей и переработчиков с предприятиями общественного питания и оптово-розничной торговлей.

Следует отметить, что, для сжимающегося потребительского рынка (Нижний Тагил) характерна совершенно иная градация маркетинговых стратегий. Так в первую очередь должна формироваться стратегия диверсификации, а второе и третье место разделили стратегия по совершенствованию и внедрению институциональных рыночных структур и стратегия продвижения и перемещения товара.

Кроме того, разработаны рекомендации для органов государственной власти и местного самоуправления по диверсификации потребительских рынков крупных городов Урала.

Во-первых, обеспечение корреляции программных документов, направленных на диверсификационное развитие потребительских рынков всех трех уровней, что обусловлено усилением конкурентной борьбы, связанной со вступлением в ВТО.

Во-вторых, должен быть прописан механизм диверсификации по развитию торговли в малых и отдаленных населенных пунктах, а определение потребности в торговых площадях должно основываться не только на их общем количестве, но также рассматриваться в разрезе видового разнообразия. Отечественный рынок, кроме торгово-развлекательных центров и сетевых операторов потребитель также нуждается в удобных магазинах шаговой доступности, павильонах и киосках.. Также следует использовать дифференцированный территориальный подход при определении ожидаемых результатов от диверсификационного развития так как в условиях высокого уровня социально-экономической дифференциации ожидаемые результаты должны задаваться с учетом специфики территорий.

Кроме того, в программных документах федерального, регионального и муниципального уровней должны найти свое отражение вопросы интеграции сельских товаропроизводителей и предприятий перерабатывающей промышленности с торговыми организациями и организациями общественного питания, что будет способствовать обеспечению населения свежей и качественной продукцией и обеспечению продовольственной безопасности региона.

Мировой опыт показывает высокую эффективность работы оптовых продовольственных рынков, которые являются важнейшей структурой в маркетинговой цепочке движения сельскохозяйственной продукции.

Недостаточное количество торговых и складских объектов, наличие большого числа посредников, а также слабые хозяйственные связи между производителями и организациями розничной торговли оказывают негативное влияние на товарный ассортимент, ценовую доступность, качество товаров и продовольственную безопасность.

В связи с этим необходимо в процессе градостроительного планирования предусматривать выделение необходимых земельных участков и площадей для оптово-розничных рынков, обеспечивающих население свежими и качественными товарами собственного производства. Кроме того, данная мера позволит получить ряд положительных результатов:

- переориентация российского рынка на отечественных производителей с постепенным снижением доли импортных товаров на потребительском рынке;
- предоставление индивидуальным сельскохозяйственным производителям возможности сбыта своей продукции;
- предоставление единичным магазинам возможности приобретения продукции напрямую у сельскохозяйственных производителей, тем самым повысить свою конкурентоспособность по сравнению с сетевыми операторами, обладающими собственной логистической сетью.

Таким образом, целесообразно в первых городах субъекта Федерации открыть по два, а во вторых и третьих – по одному оптово-розничному рынку.

В-третьих, организовать работу по подготовке кадров и повышению уровня квалификации персонала объектов розничной торговли. Для этого следует сформировать многоуровневую систему обучения, подготовки и переподготовки кадров, а также повышения квалификации персонала. Для улучшения качества обслуживания, роста уровня профессионализма предприятий-участников потребительского рынка, повышения престижа профессии, а также продвижения самого рынка целесообразно проводить конкурсы, чемпионаты, мастер-классы, круглые столы. Также этому способствует проведение ежегодных смотров-конкурсов среди предприятий потребительского рынка по таким параметрам, как уровень мастерства сотрудников предприятий розничной торговли и степень удовлетворенности населением качеством обслуживания. При проведении смотров-конкурсов следует определять лучшие объекты розничной торговли в рамках конкурса Лучший магазин города. Причем, необходимо чтобы было несколько номинаций Лучший магазин шаговой доступности города, Лучший торговый центр города, лучший сетевой оператор города, Золотая десятка предприятий потребительского рынка города.

В-четвертых, в целях создания благоприятных условий для развития сельскохозяйственного производства и формирования рыночных структур органам власти субъектов РФ и крупным муниципальным образованиям следует разработать и реализовать комплекс мероприятий, направленных на заключение долгосрочных договоров между объектами потребительского рынка (торговые сети и предприятия общественного питания) с региональными сельскими товаропроизводителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции.

В-пятых, обеспечивать правовую поддержку населения в случае нарушения законодательства о защите прав потребителей. В частности, путем создания интернет-портала, как для оказания консультационных услуг и правовой помощи в области защиты прав потребителей, так и размещения актуальной информации по защите прав потребителей. Кроме того, на сайте может быть размещена информация о мониторинге соблюдения законодательства участниками потребительского рынка и определения лучших и худших объектов розничной торговли.

В-шестых, изучать структуру объектов розничной торговли и уровня обеспеченности ими населения города. А также осуществлять мониторинг текущего состояния потребительского рынка с целью выявления слабых мест и определения приоритетных направлений его развития на среднесрочную перспективу. В целях выявления тенденций развития розничной торговли, проводить ежегодный анализ обеспеченности населения торговыми площадями современного формата и объектами розничной торговли, а также плотности размещения стационарных и нестационарных объектов в границах муниципального образования.

В-седьмых, с целью обеспечения реализации законодательства и повышения конкуренции на потребительском рынке, проводить постоянный мониторинг цен на товары первой необходимости с целью принятия оперативных мер по сдерживанию роста цен или пресечению ценового сговора между участниками потребительского рынка, а также соблюдение Федерального закона от 28.12.2009 №381-ФЗ Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации.

Таким образом, по результатам проведенного исследования авторы делают следующие выводы.

Во-первых, существующие на данный момент подходы к определению понятия сегментация рынка не учитывают специфику крупного города как территории, на которой существует рынок. Данный факт послужил основанием для предложения авторского определения сегментации потребительского рынка крупного города. Таким образом, сегментация потребительского рынка крупного города – это разделение рынка на отдельные сегменты, сформировавшиеся под влиянием факторов внутренней и внешней среды и обладающие спецификой взаимодействия его ключевых участников, а также определенными качественными и количественными характеристиками объектов рынка.

Во-вторых, в зависимости от специфики крупного города, рынок можно сегментировать, наряду с существующими критериями по таким как агломерационный, институциональная структура и промышленная специализация города.

В-третьих, в зависимости от положения города в региональной системе расселения, динамики факторов внешней и внутренней среды, определяющих состояние и взаимосвязи городской экономики и потребительского рынка, были выделены и обоснованы четыре сегмента потребительского рынка: интенсивно расширяющегося (Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Магнитогорск и Каменск-Уральский), экстенсивно расширяющегося (Березники и Златоуст), сжимающегося (Нижний Тагил) и стагнирующего (Соликамск). Предложенные сегменты потребительских рынков, учитывают спрос на товары и услуги, качественные и количественные характеристики масштаба рынка, динамику структуры и преобладающие факторы его развития.

В-четвертых, проведенная сегментация потребительских рынков крупных городов Урала позволила сформулировать ряд рекомендаций для органов государственной власти и местного самоуправления, направленных на их диверсификацию в среднесрочной перспективе.

Литература:

1. Smith W. R. Product Differentiation and Market Segmentation as Alternative Marketing Strategies // Journal of Marketing. 1956. №21.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М.: Вильямс, 2007.
3. Березин И. С. Маркетинговый анализ. Принципы и практика. Российский опыт. М.: Эксмо, 2002.
4. Завьялов П. С. Маркетинг в схемах, рисунках, таблицах: учеб. Пособие. М.: ИНФРА-М, 2012. 496 с.
5. Дибб С., Симкин Л. Практическое руководство по сегментации рынка. СПб.: Питер, 2001.
6. Чевертон П. Теория и практика современного маркетинга: полный набор стратегий, инструментов и техник /Пер. с англ. В. Н. Егорова. М.: ФАИР-Пресс, 2002.
7. Аакер Д., Кумар В., Дэй Дж. Маркетинговые исследования: 7-е изд. / Пер. с англ. Под ред. С. Г. Божук. СПБ.: Питер, 2004.
8. Капустина Л. М., Фельдман Е. М. Маркетинг в системе управления коммерческим предприятием // Вопросы управления. 2010. №13. С. 78–84.
9. Разорвин И. В., Куликова Е. С., Усова Н. В. Теоретические аспекты и специфика маркетингового стратегического управления развитием территорий // Муниципалитет: экономика и управление. 2014. №4 (9). С. 91–96.
10. Усова Н. В. Региональные и муниципальные программы развития потребительских рынков: в поисках консенсуса // Муниципалитет: экономика и управление. 2013. №2(5). С. 71–80.
11. Шарапова В. М., Пустуев А. Л., Мингалев В. Д., Хмельницкая З. Б. Формирование конкурентной среды на продовольственном рынке // Аграрный вестник Урала. 2012. №4. С. 103–106.

References:

1. Smith W. R. Product Differentiation and Market Segmentation as Alternative Marketing Strategies // Journal of Marketing. 1956. №21.
2. Kotler Ph. Principles of marketing. Short course. M.: Williams, 2007.
3. Berezin I. S. Marketing analysis. Principles and practice. The Russian experience. Moscow: Eksmo, 2002.
4. Zavyalov P. S. Marketing in schemes, drawings, tables: tutorial. M.: INFRA-M, 2012. 496 p.
5. Dibb S., Simkin L. Practical guide on market segmentation. SPb.: Piter, 2001.
6. Cheverton P. Theory and practice of modern marketing: a complete set of strategies, tools and techniques /Transl. from Engl. by V. N. Egorov. M.: FAIR-Press, 2002.
7. Aaker D., Kumar V., Day J. Marketing research: 7d ed. / Transl. from Engl. by S. G. Bozhuk. SPb: Piter, 2004.
8. Kapustina L. M., Feldman E. M. Marketing in the system of business management // Management issues. 2010. №13. P. 78–84.
9. Razorvin I. V., Kulikova E. S., Usova N. V. Theoretical aspects and specificity of marketing strategic management control of territories development // Municipality: economy and management. 2014 №4 (9). P. 91–96.
10. Usova N.V. Regional and municipal programs of consumer markets development: in the search for consensus // Municipality: economy and management. 2013 №2 (5). P. 71–80.
11. Sharapova V. M., Pustuev A. L., Mingalev V. D., Khmelnitskaya Z. B. Formation of competitive environment on the food market // Agrarian Bulletin of the Urals. 2012. №4. P. 103–106.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ МАРКЕТИНГА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТОИМОСТИ ТЕРРИТОРИИ

Бодрова Ж. А.

преподаватель специальных дисциплин, Екатеринбургский экономико-технологический колледж (Россия), 620085, Россия, г. Екатеринбург, ул. Академика Шварца, д. 2/1, кв. 74, zhanna-bodrova@yandex.ru

Логинов М. П.

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, port-all@mail.ru

УДК 339.138
ББК 65.050.2

Предмет. Роль инструментов маркетинга в повышении инвестиционной стоимости территории

Цель. Исследование направлено на изучение инструментов маркетинга и их влияния на социально-экономическое благосостояние территории.

Методы. Исследование базируется на изучении, анализе и систематизации информации теоретических источников по теме исследования и изложении авторских подходов.

Результаты. В данном исследовании рассмотрены современные подходы к инструментам маркетинга территорий, формированию инвестиционной привлекательности территории. Предложено авторское определение категории музейные услуги. Проанализирован зарубежный и отечественный опыт использования инструментов маркетинга территорий, рассмотрены основные мероприятия по повышению инвестиционной привлекательности в России, выделены приоритетные задачи, связанные с развитием российских территорий.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи инструментов маркетинга территорий и повышения инвестиционной привлекательности территорий за счет музейных услуг.

*Ключевые слова***:** инструменты маркетинга территорий, инвестиционная стоимость территории, инвестиционная привлекательность территории, музейные услуги.

EXPERIENCE OF USING MARKETING TOOLS TO ENHANCE THE INVESTMENT VALUE OF THE TERRITORY

Bodrova Z. A.

Lecturer of special disciplines, Ekaterinburg Economic-Technological College (Russia), ap. 74, 2/1 Schwartza str., Ekaterinburg, Russia, 620085, zhanna-bodrova@yandex.ru

Loginov M. P.

Doctor of Science (Economics), Professor of the Economics and Management Department, the Urals Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, port-all@mail.ru

Subject. The role of marketing tools in enhancing the investment value of the territory.

Purpose. Research is aimed at studying the marketing tools and their impact on socio-economic welfare of the territory.

Methods. The study is based on research, analysis and systematization of information of theoretical sources on the subject of research and presentation of the authoring approaches.

© Бодрова Ж. А., Логинов М. П., 2016

Results. This study examined contemporary approaches to marketing tools of the territories, formation of investment attractiveness of the territory. The authors proposed a copyright definition of the category museum services"; analyzed foreign and domestic experience of using marketing tools of the territories, considered the main activities to enhance the investment attractiveness of Russia, highlighted the priorities associated with the development of the Russian territories.

Scientific novelty. Scientific novelty and originality consist in the study of relationship of marketing tools of the territories and enhancement of the investment attractiveness of the territories at the expense of museum services.

Keywords: marketing tools of the territories, investment value of the territory, investment attractiveness of the territory, museum services.

Вопросам повышения инвестиционной привлекательности территории посвящено множество отечественных и зарубежных исследований. Однако, в стороне остается вопрос повышения инвестиционной или балансовой стоимости имеющихся активов, включая землю, объекты недвижимости и т.п.

Следует отметить, что повышение инвестиционной стоимости территории приводит к повышению и инвестиционной привлекательности. В качестве примера к данному тезису можно привести строительство станции метро в удаленном от центра районе, когда стоимость объектов недвижимости значительно вырастает в цене, увеличиваясь иногда в несколько раз.

Инвестиционный рост стоимости территории означает сохранение стоимости имеющихся активов и значительное увеличение стоимости в будущем, что всегда привлекает инвесторов.

Увеличение инвестиционной стоимости территории возможно как за счет строительства каких-либо объектов недвижимости, так и за счет создания нематериальных активов. Более подробно с методическими подходами по использованию маркетинга территории можно ознакомиться в работе Ж. А. Бодровой и М. П. Логинова. Территориальный маркетинг как инструмент привлечения инвестиций [3].

Наименее затратно использование нематериальных активов, созданных на основе маркетинга услуг. Использование инструментов маркетинга обуславливается высокой конкурентной борьбой стран и регионов за различные экономически важные потоки, включая человеческие, туристические, информационные, финансовые, коммуникационные, инновационные и другие.

Страны и регионы борются за экономически важные ресурсы, потоки, пытаясь позиционировать специфику своей территории, создавая четкий образ и повышая конкурентные преимущества по отношению к другим территориям национального и международного уровня.

Многие развитые страны Запада проблему повышения эффективности развития своих территорий считают национальным приоритетом, понимая, что динамичность развития экономики страны определяется, прежде всего, динамичностью развития ее субъектов. Такой подход позволяет эффективно выстроить свою инвестиционно-маркетинговую политику и стать узнаваемыми и привлекательными объектами инвестирования на мировом уровне [16].

Стратегии и инструменты маркетинга способны привлечь на территорию различные ресурсы за счет выявления резервов, формирующих индивидуальные особенности территории, одним из таких резервов, по мнению авторов, являются музейные услуги.

Под музейными услугами, авторы понимают результат деятельности музейных организаций, являющихся как материальными, так и нематериальными активами территории за счет создания истории и имиджа территорий посредством удовлетворения потребностей общества в социально-культурном развитии, а также повышения доходов бюджетов за счет привлечения туристов, увеличения стоимости недвижимого имущества расположенного рядом и создания бренда территории. Более подробно о музейных услуг можно прочитать в статье авторов Ж. А. Бодровой и М. П. Логинова. Теоретические аспекты развития музейных услуг [4].

Далее в статье приводится анализ развития зарубежных и российских территорий посредством использования маркетинговых инструментов.

В табл. 1 представлен опыт использования инструментов маркетинга территорий в России и за рубежом.

Рассматривая данные, приведенные в табл. 1 можно сделать вывод о том, что многие мероприятия являются удачным примером эффективного использования музейных объектов в качестве инструментов маркетинга территорий, повышающих ценность и привлекательность данных территорий.

В табл. 2 приведены мероприятия, проводимые с целью повышения привлекательности территории.

По табл. 2 можно сделать вывод о высокой популярности применения информационно-рекламных инструментов маркетинга территорий, включающих в себя использование рекламных технологий, организацию выставок, встреч, содействие инвестиционному развитию и т.д., также не менее популярны за рубежом специфические инструменты маркетинга, включающие в себя элементы развития культуры, инфраструктуры, образования и т.д.

Анализируя мировой опыт использования маркетинга территорий, особое внимание, по мнению авторов, заслуживает развитие депрессивных территорий посредством использования маркетинга музейных услуг.

Примером депрессивных территорий за рубежом являются старопромышленные территории, представляющие собой районы со множеством проблем, связанных в основном с производственным и промышленным прошлым, а именно с проблемами в сфере транспорта, жилищного строительства, экологии, демографии, культуры, своего имиджа.

Так, по мнению, исследователя И. Стародубровской уникальность индустриальных городов заключается в том, что им в наследство от промышленного

Табл. 1. **Опыт применения инструментов маркетинга территорий [1], [11], [18]**

Страна	Инструменты маркетинга территорий
Великобритания	**Повышение имиджа:** • Лондонский марафон, Олимпийские игры в Лондоне;
	Привлекательность места: • организация аукционов в Лондоне, показов мод в Лондоне; • проведение огненного фестиваля Хогманай в Стонхейвене;
	Инфраструктура места: • строительства индивидуального жилья, создание рабочих мест в Милтон Кейнс, городе, утопающем в садах; • открытие туннеля под Ла-Машем (Эшфорд);
	Взаимодействие с населением, персоналом: • обучение обслуживающего персонала гостиниц, таксистов (Лондон); • проведение рекламных кампаний за счет знаменитых жителей территории: Ливерпуль – родина Биттлз (Ливерпуль);
	Достопримечательности места: • Биг-Бен, Букингемский дворец, Хайгетское кладбище (Лондон); Стоунхэндж
США	**Повышение имиджа:** • позиционирование Атланты как центра нового Юга;
	Привлекательность места: • организация показов мод и аукционов в Нью-Йорке; • проведение праздников, фестивалей, шоу: Тыквенного шоу (США);
	Инфраструктура места: • улучшение и поддержка системы образования (Цинциннати, США);
	Взаимодействие с населением, персоналом: • перестройка работы полиции по принципу Total Quality Management (Мэдисон);
	Достопримечательности места: • наличие известных достопримечательностей: статуя Свободы, Таймс Сквер; Арлингтонское кладбище; Мемориальный риф Нептуна;
Франция	**Повышение имиджа:** • создание гастрономического имиджа в Бургундии посредством открытия Европейского центра изучения вкуса на базе Бургундского университета;
	Привлекательность места: • проведение кинофестиваля в Каннах; • организация показов мод и аукционов в Париже;
	Инфраструктура места: • открытие железной дороги с прямым сообщением высокоскоростных поездов из Парижа в Экватоп (Сен-Сир-Сюр-Луар);
	Взаимодействие с населением, персоналом: • кампания по улучшению обслуживания иностранных покупателей (Париж);
	Достопримечательности места: • наличие известных достопримечательностей: Эйфелева башня, Триумфальная арка ; Кладбище Пер-Лашез (Париж)

производства достались цеха, шахты, линии конвейеров и станки.

Сегодня в некоторых депрессивных районах европейских городов угольные шахты превратились в музеи, в цехах разместились художественные выставки и стали проводиться концерты, а производственные площади были переоборудованы под творческие мастерские. В городах некогда крупнейшего в Европе угольно-металлургического кластера в немецком Руре проходят музыкальные фестивали, и развивается киноиндустрия.

Город Эмшер Парк, в котором располагался крупнейший в Руре сталелитейный комбинат, сегодня представляет собой город музей световой рекламы [22], в Рурской области в Дортмунде выведенные из строя коксовые заводы, доменные печи и шахты, ставшие индустриальным символом прошлого перестроены в выставочные залы и штаб-квартиры.

Старопромышленные территории Франции, в частности город Лилль для развития своей территории применил проект, предложенный меда-холдингом Вивэнди и торговой сетью Каррэфур, заключающийся в новом

Табл. 2. **Использование инструментов маркетинга территорий на примере Англии, США и Франции [5], [9], [13]**

Страны	**Мероприятия маркетинга территорий**
Великобритания	**Информационно-рекламные:** • создание агентств и организаций по привлечению инвестиций: Бюро Инвестируй в Британию; • организация международной выставки World Travel Market (Лондон);
	Инновационные: • создание комитета Панель-2000 по предложению Т. Блэра., который созывал бы самых модных дизайнеров, художников и общественных деятелей. Их энергия и сила – это тот позитивный имидж, который нужен Британии, – так было сказано в официальном заявлении Т. Блэра;
	Специфические: • создание учреждений культуры: Музей восковых фигур мадам Тюссо (Лондон); • этнокультурное зонирование в форме чайнатаунов (Лондон); • превращение центра города в пешеходную торговую зону: Бонд стрит и Оксфорд стрит (Лондон), Колмор Роу (Бермингем); • реклама территорий за счет спортивных клубов и команд: Манчестер Юнайтед (Манчестер);
США	**Информационно-рекламные:** • создание каталогов, рекламирующих жилищные условия в маленьких американских городках под лозунгом Не надоела ли вам жизнь в большом городе? Не хотели бы вы начать новую жизнь там, где чистый воздух, безопасные улицы, хорошие школы и дружелюбные соседи?; • создание рекламных роликов частно-общественным партнерством WBC (World Business Chicago), демонстрирующих культурный анклав Чикаго с формулировкой – Вы можете поселиться там, где вам захочется. Город удовлетворит любые ваши вкусы;
	Инновационные: • разработка стратегического культурного плана для американского города Сан-Антонио под рабочим названием Культурное сотрудничество: план развития креативной экономики Сан-Антонио, включающего в себя независимых профессиональных творцов (художников, актеров, режиссеров, дизайнеров, писателей, технических специалистов); организованный творческий бизнес (клубы, галереи, аукционы искусства, издательства, театры, фестивали и т. д.); некоммерческие и образовательные организации в сфере искусства (от обществ охраны памятников культуры до профильных факультетов вузов);
	Специфические: • создание учреждений культуры: Музей Гуггенхайма (Нью-Йорк); Музей Метрополитен в Нью-Йорке; • этнокультурное зонирование в форме чайнатаунов (Сан-Франциско); • превращение центра города в пешеходную торговую зону: пешеходная улица Уолл стрит (Нью-Йорк);
Франция	**Информационно-рекламные:** • инвестирование в дорогие объекты: строительство культурного центра Помпиду в Париже, Диснейленда в Париже; • создание агентств и организаций по привлечению инвестиций: организация DATAR*, агентство Инвестируй во Францию (Франция);
	Специфические: • создание учреждений культуры: Музей Лувр (Париж) и др.; • этнокультурное зонирование в форме чайнатаунов (Париж); • превращение центра города в пешеходную торговую зону: Елисейские поля (Париж);

Табл. 3. **Отечественный опыт применения мероприятий для повышения инвестиционной привлекательности [2], [7], [21]**

Регионы	Мероприятия
Вологодская область	**Инновационные:** • в целях идентификации Вологодской области был разработан представительский пакет, включающий информационный продукт, действующий в русле маркетинга имиджа региона, использующий современные информационные технологии, печатные издания, видео-фильмы, CD-справочник и сайт в Интернете. Благодаря этому у российской общественности сформировались следующие ассоциации: Вологодская область – регион стабильности, Родина Деда Мороза в проекте Великий Устюг, Северная Фиваида (культурные проекты: 600-летие Ферапонтова Монастыря, фестиваль Голоса истории, центр льноводства и лесной промышленности, всероссийские ярмарки Российский лен и Российский лес
	Специфические: • создание индустриального парка Шексна
Краснодарский край	**Информационно-рекламные:** • проведение эффективной рекламной кампании нового порта в г. Ейск; • проведение рекламной кампании региона и представление на общероссийском телевизионном канале рекламы своих курортов: Курорты Краснодарского края, при этом упоминаются названия городов Краснодарского края (Сочи, Анапа, Геленджик) под слоганом: Если есть на свете рай – это Краснодарский край
Новосибирская область	**Информационно-рекламные:** • проведение конкурса проектов по продвижению территорий Новосибирской области Золотой Кулик; • оганизация международного молодежного инновационного форума Интерра
	Специфические: • создание Агентства регионального маркетинга
Ярославская область	**Специфические:** • открытие гостиницы Кошкин дом в г. Мышкин; • открытие ресторана Мышеловка в г. Мышкин; • открытие Музея козы в г. Углич

использовании старых запущенных зданий, имеющих архитектурную ценность.

В 2004 году заброшенные скотобойни, фабрики и другие промышленные сооружения были перестроены и переоборудованы под артистические зоны для проведения тематических событий, в подтверждение эффективности данного проекта приводятся статистические данные увеличения потока туристов с 163 тыс. человек в 1998 году до 9 млн. человек в 2004 году.

Необходимость использования инструментов маркетинга территорий в России обусловлена также такими факторами, как диспропорция в развитии регионов и наличие слаборазвитых, депрессивных, нежелательных для территории России субъектов, формирующих отрицательный имидж за счет наличия экологически неблагополучных зон, криминальных структур, маргинальных личностей, отсутствия развитой инфраструктуры и пр.

Создание комфортных условий для жизни граждан и обеспечение конкурентоспособности территории, должно стать первостепенной задачей для государства, которую можно решить, используя инструментарий маркетинга и привлекая потребителей территории – юридических и физических лиц таких, как организации – инвесторы, жители, туристы [17].

В условиях жесткой рыночной экономики государством уделяется достаточное внимание законодательству в сфере социально-экономического развития территорий.

В качестве примера, авторы отмечают Федеральный закон О днях воинской славы и памятных датах России, связанный не только с развитием территорий, имеющих историческую и культурную ценность, но и с их продвижением посредством публикаций в СМИ.

Также авторы отмечают, что в настоящее время процесс развития территории Российской Федерации напрямую зависит от инициативы её населения и самоорганизации хозяйствующих субъектов, при поддержки муниципальных и региональных властей.

В некоторых российских субъектах уже сложился положительный опыт формирования и реализации

Табл. 4. **Отечественный опыт использования инструментов маркетинга [8], [14], [15], [20]**

Регионы РФ	Стратегии маркетинга
Вологодская область	**Повышение имиджа:** • Позиционирование как самобытностного края с большим разнообразием вологодских народных промыслов – Северная чернь, Шемогодская резьба по бересте, Мороз по жести, Вологодское кружево, Великоустюгская финифть;
	Привлекательность места: • Создание проекта Великий Устюг – Родина Деда Мороза – проведение мероприятий: организация работы тематических кружков, мастер-классов и творческих мастерских по истории, литературе, краеведению, обучение традиционным народным ремеслам с использованием образа Деда Мороза;
	Инфраструктура места: • Создание проекта Великий Устюг – Родина Деда Мороза – строительство объектов инфраструктуры: резиденция Деда Мороза с сувенирной лавкой, мастерская, тронный зал, музей и почта Деда Мороза, гостиничный комплекс;
	Взаимодействие с населением, персоналом: • Создание проекта Великий Устюг – Родина Деда Мороза – подготовка и обучение кадров по программе Академия Деда Мороза, главная задача которой подготовка высококвалифицированного персонала для работы с детьми;
	Достопримечательности места: • Создание проекта Великий Устюг – Родина Деда Мороза – создание заповедника;
Краснодарский край	**Повышение имиджа:** • Знаменитый казачий край России;
	Привлекательность места: • Проведение Зимней Олимпиады в 2014 году, автогонки Формула1 в 2015 году (г. Сочи);
	Инфраструктура места: • В 2007 г. был организован первый в истории новой России проект, когда федеральное правительство занялось маркетингом одного конкретного города. Речь идет о продвижении Сочи в качестве столицы зимних Олимпийских игр 2014 г. В рамках подготовки к проведению Зимних Олимпийских игр, в городе была реконструирована, а местами создана с нуля, инженерная и социальная инфраструктура (канализация, водоснабжение, электроэнергия, спортивные объекты и т.д.); • Строительство аэропорта г. Сочи, строительство нового железнодорожного вокзала г. Адлер; • Открытие самого масштабного океанариума в России Дискавери Ворлд Аквариум;
	Достопримечательности места: • Популяризация хорошо известных природных объектов: Ахштырская пещера, вошедшая в 2013 году в список 10 красот России;
Новосибирская область	**Повышение имиджа:** • г. Новосибирск приобрел имидж столицы Сибири;
	Привлекательность места: • Проведение Международного форума технологического развития ТЕХНОПРОМ-2013;
	Инфраструктура места: • Строительство и введение в эксплуатацию астрофизического центра с планетарием; горнолыжного комплекса Скакуша; Первой очереди Международного выставочного центра Сибирь-Экспо; Туристско-культурного центра Бердский острог и Заволокинской деревни;
Ярославская область	**Маркетинг имиджа:** • Имиджевая идея Мышкина заимствована из его названия, кампания по продвижению города началась с создания Музея Мыши – единственного в мире, что позволило горожанам провозгласить свой город Мировой столицей Мыши. Туристская привлекательность города за 2–3 года выросла в несколько раз. Позднее новым символом Мышкина объявлены валенки (открыт соответствующий музей);
	Привлекательность места: • Проведение в 2008 гооду XI международной конференции биологов – специалистов по грызунам (г. Мышкин); • Принятие закона О праздниках и памятных датах Ярославской области, связанного с проведением на территории области мероприятий, связанных с праздниками и памятными датами Ярославской области;
	Достопримечательности места: • Популяризация хорошо известных культурно-исторических объектов: Борисоглебский монастырь, Угличский Кремль, Ботик Петра I, Горицкий монастырь и др.

программ социально-экономического развития регионов, включающих в себя маркетинг и продвижение соответствующих территорий посредством использования музейных объектов.

В качестве примера можно привести раздел Развитие туристско-рекреационного комплекса, инфраструктуры гостеприимства и формирование привлекательного образа региона в Программе социально-экономического развития Калининградской области на 2007–2016 годы, в котором представлены ключевые мероприятия, связанные с формированием привлекательного образа региона [19]. Программу социально-экономического развития Свердловской области на 2011–2015 годы, включающую в себя разделы: Развитие культуры и Реализация туристско-рекреационного потенциала.

Указанный раздел Развитие культуры содержит мероприятия, посвященные формированию привлекательного имиджа Свердловской области средствами культуры и искусства, решающие такие приоритетные задачи, как сохранение, популяризацию и развитие культурного и исторического наследия народов России, проживающих в Свердловской области [12].

Анализируя программы и проекты, связанные с продвижением территориальных единиц России, по мнению авторов, нельзя не упомянуть о проекте Хребет России [23], основной идеей которого являлось привлечение широкой общественности к проблеме идентификации Уральского федерального округа.

В табл. 3 приведены мероприятия, используемые в России, для повышения инвестиционной привлекательности территории.

Из представленной таблицы следует, что в России, как и за рубежом, наблюдается тенденция активного применения информационно-рекламных инструментов маркетинга, наименее популярны инновационные инструменты развития территорий, что связано с низким технологическим, информационным и инфраструктурным развитием России. Тем не менее, благодаря культурно-историческому наследию и природным ресурсам России возможно эффективное применение музейных объектов в качестве инструментов маркетинга территорий.

В табл. 4 приведен отечественный опыт использования в регионах инструментов маркетинга для повышения инвестиционной привлекательности территории.

Формирование имиджа субъектов России является одной из главных задач обеспечения конкурентоспособности территорий. Необходимо перенимать опыт успешных проектов таких, как, например, проект Устюг – родина Деда Мороза, созданный в Вологодской области и объединяющий в себе сразу все инструменты маркетинга.

Пользуясь перечнем, предложенным исследователем И. А. Василенко [6] в качестве вывода выделим следующие приоритетные задачи, связанные с развитием российских территорий на основе инструментов маркетинга:

- территориям необходимо разрабатывать концепции позиционирования своего имиджа в информационно-коммуникационном пространстве;
- укреплять региональную идентичность граждан при помощи активизации исторической памяти, привлечения внимания к историческим датам, культурным и научным достижениям территории;
- мобилизировать культурные центры на территории, привлекать внимание к культурным ценностям через организацию выездных выставок, конференций, проведение форумов с привлечением местных деятелей культуры и искусства;
- развивать систему местных коммуникаций через территориальное медиа-пространство, где важно продвигать перспективные идеи развития территории в самых разных ракурсах;
- повышать привлекательность территории для перспективных инвесторов и новых предприятий, увеличивать поток деловых и обычных туристов;
- привлекать внимание властей к проблемам и достижениям территории;
- привлекать жителей к решению территориальных проблем.

Литература:

1. Арженовский И. В. Маркетинг регионов [электронный ресурс]. URL: http://www.marketing.spb.ru/read/artikle/a56.htm (дата обращения 18.06.2015).
2. Барабанов А. С. Развитие территориального маркетинга в регионе// Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2009. №45. С. 19.
3. Бодрова Ж. А., Логинов М. П. Территориальный маркетинг как инструмент привлечения инвестиций // Маркетинг в России и за рубежом. 2015. №4.
4. Бодрова Ж. А., Логинов М. П. Теоретико-управленческие аспекты развития музейных услуг// Вопросы управления. 2015. №4 (35).
5. Важенина И. С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Екатеринбург, 2008.
6. Василенко И. А. Современный имидж российских регионов: проблемы формирования// Мир и политика. 2012. №12.
7. Визгалов Д. В. Как измерить успех программы развития города? // Городское управление. 2002. №8. С. 25–28.
8. Волков С. К. Маркетинг инфраструктуры как необходимое условие эффективного развития территорий

в современной России // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2014. №3 (39).
9. Галкин Д. В. Стратегии культурного развития городов: современные подходы [электронный ресурс]. URL: http://old.jourssa.ru/2005/4/2cGalkin.pdf (дата обращения 25.09.2015).
10. Городской альманах. Вып. 3 / Под ред. Г. Ю. Ветрова. М.: Фонд Институт экономики города, 2008. 272 с.
11. Григорьев Д. В.. Маркетинг территорий в курортном регионе: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Кострома, 2005. 145 с.
12. О Программе социально-экономического развития Свердловской области на 2011–2015 годы: Закон Свердловской области от 15 июня 2011 г. №36-ОЗ [электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/453100571 (дата обращения 06.10.2015).
13. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Питер, 2005.
14. Лапочкина В. В. Формирование имиджа туристских территорий: на примере Смоленской области: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2008. 176 с.
15. Люлько А. Н. Концептуальные аспекты формирования имиджа города // Имидж России: город, регион, страна: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова 1 ноября 2011 г. / Под ред. И. А. Василенко. М.: Издатель Воробьёв А. В., 2011. С. 17.
16. Маркетинг территорий: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. О. Н. Романенковой. М.: Юрайт, 2015.
17. Панкрухин А. П. Маркетинг региона [электронный ресурс]. URL: http://www.marketologi.ru/lib/terr/terr3-4.html (дата обращения 16.10.2015).
18. Примеры активного маркетинга территорий [электронный ресурс]. URL: http://www.municipal-sd.ru/?q=node/191 (дата обращения 20.10.2015).
19. Об утверждении Программы социально-экономического развития Калининградской области на 2007–2016 годы: Закон Калининградской области от 28 декабря 2006 года №115 [электронный ресурс]. URL: http://www.gov39.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7019&Itemid=111 (дата обращения 24.10.2015).
20. Пфайфер М. Р. Маркетинг территорий как современная концепция управления развитием муниципальных образований// Известия Алтайского государственного университета. 2012. №2-1. С. 310–311.
21. Сейфуллаева М. Э. Маркетинговая составляющая регионального развития// Маркетинг в России и за рубежом. 2001. №5.
22. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России / И. Стародубровская и др.; под ред. И. Стародубровской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 56.
23. Официальный сайт Уральского федерального округа [электронный ресурс]. URL: http://www.uralfo.ru/russian_ridge_proj.html (дата обращения 30.10.2015).

References:

1. Arzhenovskiy I. V. Marketing regions [e-resource]. URL: http://www.marketing.spb.ru/read/artikle/a56.htm (date of reference 18.06.2015).
2. Barabanov A. S. Development of territorial marketing of the region // Economic and social changes in the region: facts, trends, forecast. 2009. №45. P. 19.
3. Bodrova Zh. A., Loginov M. P. Territorial marketing as a tool for attracting investments // Marketing in Russia and abroad. 2015. №4.
4. Bodrova Zh. A., Loginov M. P. Theoretical and managerial aspects of the development of museum services // Management issues. 2015. №4 (35).
5. Vazhenina I. S. Conceptual bases of image and reputation formation of the territory in competitive environment: Candidate's Dissertation (Economics). Ekaterinburg, 2008.
6. Vasilenko I. A. Modern image of the Russian regions: problems of development // World and politics. 2012. №12.
7. Vizgalov D. V. How to measure success of city development programme? // Municipal management. 2002. №8. P. 25–28.
8. Volkov S. K. Marketing of infrastructure as a prerequisite for effective development of territories in modern Russia // Modern high technologies. Regional application. 2014. №3 (39).
9. Galkin D. V. Cultural strategy of urban development: modern approaches [e-resource]. URL: http://old.jourssa.ru/2005/4/2cGalkin.pdf (date of reference 25.09.2015).
10. Urban Almanac. Issue 3 / Edited by G. Yu. Vetrova. M.: Foundation "Urban Economy Institute", 2008. 272 p.
11. Grigoriev D. V. Marketing of territories in a resort region: Candidate's Dissertation (Economics). Kostroma, 2005. 145 p.
12. About the program of socio-economic development of Sverdlovsk region for 2011–2015: Law of Sverdlovsk region dated from June 15, 2011 №36-OZ [e-resource]. URL: http://docs.cntd.ru/document/453100571 (date of reference 06.10.2015).
13. Kotler Ph., Asplund K., Haider D., Rein I. Marketing Places. Attraction of investments, businesses, residents and tourists to the cities, communes, regions and countries in Europe. SPb.: Piter, 2005.

14. Lapochkina V. V. Development of image of tourist territories: exemplified by the territory of Smolensk region: Candidate's Dissertation (Economics). M., 2008. 176 p.
15. Lyulko A. N. Conceptual aspects of developing the image of the city // Image of Russia: city, region, country: materials of the Scientific Conference of Department of Russian politics of the Department of political science, Lomonosov Moscow State University, November 1, 2011 / Ed. By I. A. Vasilenko. M.: Publisher Vorobyov A. V., 2011. P. 17.
16. Marketing of territories: tutorial and practical course for Academic Bachelors / Ed. O. N. Romanenkova. M.: Yurait, 2015.
17. Pankrukhin A. P. Marketing region [e-resource]. URL: http://www.marketologi.ru/lib/terr/terr3-4.html (date of reference 16.10.2015).
18. Examples of active marketing of territories [e-resource]. URL: http://www.municipal-sd.ru/?q=node/191 (date of reference 20.10.2015).
19. On approving the programme of socio-economic development of Kaliningrad region for 2007–2016: the Law of Kaliningrad region dated from December 28, 2006 № 115 [e-resource]. URL: http://www.gov39.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7019&Itemid=111 (date of reference 24.10.2015).
20. Pfaifer M. R. Marketing territories as a modern concept of development management of municipalities // Izvestiya of Altai state University. 2012. № 2-1. P. 310–311.
21. Seyfullayeva M. E. A marketing component of regional development // Marketing in Russia and abroad. 2001. № 5.
22. Development strategies of old industrial cities: international experience and perspectives in Russia / I. Starodubrovskaya [et al.]; Ed. by I. Starodubrovskoj. M.: Published by Gaidar Institute, 2011. P. 56.
23. Official site of the Ural Federal District [e-resource]. URL: http://www.uralfo.ru/russian_ridge_proj.html (date of reference 30.10.2015).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПРИВАТИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Рожков Е. В.

специалист, Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Пермскому краю (Россия), 614000, Россия, г. Пермь, ул. Б. Гагарина, д. 78, 0100@pfr.perm.ru

УДК 338.2.003.5
ББК 65.050.22-14

Цель. Статья направлена на систематизацию научных идей по управлению и распоряжению госсобственностью в регионе

Научная новизна. Новизна статьи состоит в комплексном исследовании процессов приватизации государственного имущества Пермского края за последние годы и предложения по эффективности его использования, а также актуальности правового регулирования образующихся отношений, как экономических, так и социальных, важности методической проработки – основ управления собственности края.

Результаты. Систематизация данных по государственной собственности в регионе в рамках процессов приватизации, обобщающих практический опыт, позволила уточнить цель управления госимуществом и дать рекомендации по его использованию.

Ключевые слова: регион, распоряжение собственностью, Пермский край, приватизация, Общество, управление.

IMPROVING THE MANAGEMENT AND DISPOSAL OF PROPERTY IN THE CONTEXT OF PRIVATIZATION (EXAMPLIFIED BY PERM TERRITORY)

Rozhkov E. V.

Expert, branch of Pension Fund of Russian Federation in Perm territory (Russia), 78, Gagarina str., Perm, Russia, 614000, 0100@pfr.perm.ru

Purpose. The article is aimed at systematization of scientific ideas on managing and administering the State property in the region.

Scientific novelty. The novelty of the article is integrated study of the processes of privatization of State property in Perm Territory in recent years and proposals for the efficiency of its use, as well as the relevance of legal regulation of forming economic and social relations, importance of methodical elaboration – basics of property management in the province.

Results. Systematization of data on public property in the region within the framework of privatization processes, generalizing practical experience, made it possible to clarify the purpose of state property management and provide guidance on its use.

Key words: region, disposal of property, Perm region, privatization, society, management.

Прошедшие в конце прошлого столетия политические и экономические преобразования в нашей стране коренным образом изменили структуру собственности. Тем не менее, сегодня в собственности государства остаются несколько предприятий, способных эффективно работать и развиваться.

Сегодня качество имеющихся в распоряжении государства инструментов управления госсобственностью (прежде всего унитарные предприятия) на федеральном уровне достигло объективного предела. В ближайшие пять лет в стране в целом планируется осуществить переход политики в сфере управления госсобственностью и приватизацией в новое измерение, отражающее усложнение подходов к приватизации и качественное изменение управленческой модели [8], а следовательно, это коснётся и краевого

© Рожков Е. В., 2016

имущества [18]. Под приватизацией государственного имущества понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Пермского края, в собственность физических и (или) юридических лиц. Приватизация государственного имущества основывается на признании равенства покупателей государственного имущества и открытости деятельности органов государственной власти.

Теоретические вопросы связанные с управлением и распоряжением собственности нашли отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей в области экономики и экономической теории П. Бурдье [1], С. П. Глинкиной [3], Г. М. Гукасьяна, М. А. Дерябиной, М. Кастельса [30], Е. В. Красниковой, Е. Н. Кубаревой, В. М. Кудровой, Л. М. Куликова [12], А. Н. Олейник [15], М. А. Сажиной [5], С. Ф. Сорокиной [27], Д. Стигну, Т. М. Тимошиной и других.

В научной литературе право общей совместной собственности представляет собой такую форму, когда определён лишь круг собственников, но без выделения долей каждого из них [10]. В соответствии с Российским законодательством основные типы общественной собственности (по субъектам) подразделяют на государственную и муниципальную. Государственная собственность включает в себя две основные формы, это собственность Российской Федерации и собственность субъектов РФ (республик, краёв, областей) [12].

Кроме того управление собственностью сводится не только к характеристике технологии управления как трудовой функции. Оно представляет собой прежде всего выражение производственных отношений. Управление выступает способом реализации собственности в экономическом её смысле [26]. Формирование государственной собственности Пермского края сложилось из российского законодательства о формах собственности (акционерной, государственной, муниципальной, общественных организаций) [10].

Процесс формирования государственной собственности осуществляется на основе [9]:

1. Национализации государством объектов, находящихся в частной или смешанной собственности;
2. Создания новых объектов за счёт средств государственного бюджета;
3. Выкупа государством объектов у частного капитала.

Новые подходы к управлению государственной собственностью проявляются в ходе приватизации.

На территории и в введении региона можно выделить три формы собственности, которые являются главными инструментами регулирования его социально-экономического положения: федеральная, краевая и муниципальная.

Цель статьи состоит в том, чтобы подытожить предварительные результаты приватизации государственной собственности в Пермском крае, систематизировать имеющиеся данные о региональной собственности по происходящим процессам приватизации госимущества, ознакомить специалистов с рядом особенностей управления и распоряжения региональной собственности в процессе приватизации.

В ходе работы над статьёй автором был применён общенаучный метод познания особенностей управления и распоряжения региональной собственности в условиях приватизации. Новизна и практическая значимость статьи заключается в обращении к опыту управления и разгосударствления имущества Пермского края, определении проблем, связанных с использованием и распоряжением региональным имуществом, а также установлении возможных путей их решения и важности методической проработки основ формирования собственности региона для её развития, оценки и коррекции.

При формировании региональной собственности в Пермском крае в рамках приватизации государственного имущества сегодня руководствуются следующими законодательными актами: Конституцией Российской Федерации [14], Гражданским Кодексом Российской Федерации (часть 2) [27], Федеральными законами Российской Федерации О приватизации государственного и муниципального имущества [28] и Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [29], Уставом Пермского края, Законом Пермского края О приватизации государственного имущества Пермского края [4–6].

Функции по владению и управлению региональной собственности закреплены за Министерством по управлению имуществом и земельным отношениям Пермского края и Государственным казённым учреждением Пермского края Имущественное казначейство Пермского края.

Структура собственности Пермского края (образован 1 декабря 2005 года) сформировалась в нынешнем её виде в ходе процесса приватизации государственной собственности начиная с 1992 года Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Сегодня, промежуточные итоги показывают, что приватизация государственной собственности стала материальной основой структурных изменений в экономике региона. За годы приватизации крупных и средних предприятий с 1992 года, разгосударствление проходило преимущественно путём акционирования – этот способ предпочли более 420 предприятий и организаций, в том числе: ОАО Пермское предприятие промышленного железнодорожного транспорта, г. Пермь, 1991 год; ОАО Добрянское автотранспортное предприятие, г. Добрянка, 1992 год; ОАО Пашийский металлургическо-цементный завод, Горнозаводский район, 1993 год; ОАО Пермская научно-производственная

приборостроительная компания, г. Пермь, 1993 год; Чусовской завод металлоизделий, г. Чусовой; Ависма ОАО ВСМПО-АВИСМА, г. Березники; АК Лысьвенский металлургический завод, г. Лысьва и другие.

Региональная власть (Пермского края с 2005 года) в результате проведения приватизации и установления свободного гражданского оборота в условиях рыночной экономики потеряло значительную часть своих возможностей прямого и непосредственного управления региональной собственностью. Даже в тех предприятиях, где региональные власти сохранили за собой право участия в управлении хозяйствующими субъектами на основе акционерного капитала, оно осуществляет это управление уже по правилам гражданского оборота, как участник гражданских, а не административных отношений [2] и для региональной власти это является проблемой, об этом автор упоминал в своих статьях Эффективность приватизации государственных предприятий в Пермском крае (2015 год) [4], Организация управления государственной собственностью (на примере процессов приватизации в Пермском крае) (2015 год) [3].

Важнейшей целью приватизации теоретически является появление эффективного собственника, заинтересованного в рациональном её использовании и получении на этой основе очевидных для себя выгод. В ходе перераспределения собственности появилось несколько типов собственников, которые могут быть разделены на внутренних (руководители и работники предприятия), и внешних, представленных отдельными физическими и юридическими лицами [3].

По мнению А. Радыгина [19] воздействие приватизации на общество и экономику многообразно, и к критериям эффективности приватизации относит: политический, идеологический, экономический, социальный, правовой, институциональный, психологический, экологический, криминальный и высокие трансакционные издержки. Соответственно по данным критериям последствия приватизации могут быть выявлены лишь в длительной перспективе. Например к экономическому эффекту относят: эффективность микроуровня, макроэкономическая эффективность, финансовая стабильность, демонополизация и конкурентная среда, привлечение инвестиций. Все эти перечисленные эффекты приватизации могут проявляться на том или ином уровне в разной степени на долгосрочном этапе развития экономики.

По мнению экономиста М. А. Сажиной [25] опыт приватизации с желанием утвердить частную собственность в стране как основу рыночного хозяйства показал, что она не была демократической и институционально направленной. Не было проведено чёткой спецификации прав собственности на приватизируемые предприятия. И на уровне технической, и на уровне системной приватизации были допущены ошибки в сфере институционального строительства: не закреплены правила игры, в частности оценка стоимости государственных предприятий была ниже рыночной; не появились активные собственники в сфере малого и среднего бизнеса, не становился благоприятный инвестиционный климат.

Сегодня на местном уровне мы можем видеть проблему разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти субъектов страны по вопросам государственной собственности. Данный вопрос необходимо решить в первую очередь в соответствии с конституцией Российской Федерации. Определить законность механизма разграничения полномочий Российской Федерации и её субъектов по вопросам государственной собственности на федеральном уровне [22]. Формирование государственной собственности и управление ею вытекают из оставшейся у региональных органов государственного управления функции собственника.

В настоящее время в Пермском крае количество организаций находящихся в государственной собственности существенно, в разы меньше чем организаций находящихся в частной собственности. Данные по формам собственности приведены в табл. 1.

Данные табл. 1 показывают, что в собственности региона находятся 777 организаций из 76708 организаций (по данным на 01.01.2015 года), что составляет

Табл. 1. **Распределение организаций Пермского края по видам форм собственности на 01 января 2015 года* [17]**

	Форма собственности	**Количество организаций**
Российская собственность	государственная собственность	1630
	из неё собственность субъектов Российской Федерации	777
	муниципальная собственность	4135
	Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	2328
	частная собственность	67495
	смешанная российская собственность	282
иностранная собственность		370
совместная российская и иностранная собственность		355
Всего		76708

* Составлено автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю

1 % , от всех организаций находящихся на территории Пермского края. Большая часть организаций в собственности региона это сектор бюджетных учреждений. В этой связи можно характеризовать управление собственностью Пермского края как очень на низком уровне.

Тем не менее, в региональной собственности Пермского края имеются организации, в различных отраслях промышленности (табл. 3), которые располагают мощным экономическим потенциалом.

При проведении анализа методологической основы приватизации государственной собственности, автор статьи придерживается мнения доцента кафедры Экономики и управления С-Пб ГУП Н. А. Зелениной и позволяет сделать вывод, имеющий как теоретическое, так и практическое значение [7]:

Либеральные реформы продолжаются два с половиной десятка лет и на сегодняшний день с социально-экономической точки зрения несостоятельны.

Основной фактор несостоятельности программы либеральных реформ можно отметить в следующем: Во-первых, меры трансформации социально-экономической системы и её основ не были адекватны объективным закономерностям и противоречиям применительно к сложившейся конкретно-исторической ситуации в отечественной экономике. Государственные власти должны выражать и реализовывать общественные интересы, согласно естественным тенденциям обязаны стать активным субъектом присваивающей деятельности. На практике же государственные власти, осуществляя либеральные реформы, по сути самоограничили своё участие в организации и управлении процессом присвоения ценностей [7]. Во-вторых, неадекватность путей и методов преобразований. Приватизация госсобственности декларируется обоснованием неэффективности государственной собственности. Либеральные реформы предполагают значительное уменьшение экономической роли государства, в том числе и в стимулировании воспроизводственного процесса. В рамках не оптимально решённых внешних макроэкономических проблем закладывался потенциал низкой эффективности всех форм собственности, в том числе и государственной, и частной. Для повышения экономической результативности любого хозяйствующего субъекта порой бывает достаточно реорганизовать систему внутрифирменной организации и управления.

Смена форм собственности – тоже инструмент повышения эффективности хозяйственной деятельности, но не основной и не единственный [7]. Специфика проведённой и проходящей приватизации государственных предприятий в Пермском крае заключается в их значении не только для региона, но и для страны в целом – это то, что большинство предприятий включённых в планы приватизаций любого уровня имеют оборонную направленность. В основном, в восточных районах региона приватизированы крупные предприятия-монополисты, которые сейчас находятся в стадии банкротства, и в свою очередь поставили в зависимость от результатов своей работы целые города [13].

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации государственное имущество может принадлежать на праве хозяйственного ведения и оперативного управления у органов государственной власти Пермского края. При выявлении эффективности распределения собственности необходимо установить объём и состав затрат, связанных с её функционированием. Составляя их с результатом, можно делать заключение об эффективности системы собственности [26].

В Пермском крае приватизация государственного имущества оказала деструктивное воздействие на многие отрасли. В результате её остался незначительный госсектор и множество мелких и средних предприятий, что напоминает структуру экономики слаборазвитого региона. Кроме того, сегодня, на высоком уровне, поставлен вопрос в сохранении в краевой собственности акций ОАО Пермагростройзаказчик (100 % в собственности края) [20].

Сегодня более 50 % предприятий остро нуждаются в модернизации и техническом перевооружении производства, отсутствует инновационное развитие, увеличивается рост задолженности краевому бюджету. Следовательно, проведённая ранее приватизация в ряде секторов экономики региона не решила проблему формирования эффективного собственника. Одним из показателей эффективного производства является создание передовых производственных технологий. Как показывает официальная статистика в крае, количество данных технологий на предприятиях снижалось в 2012 году (18 технологий) и 2013 году (14 технологий), но в 2014 году всё-таки достигло уровня 2010–2011 годов (20 технологий) [17].

Результаты хозяйственной деятельности организаций и экономический рост зависят от того, может ли собственник выступить как созидательный (производительный) предприниматель, способный к эффективной инвестиционной и инновационной деятельности. В современном производстве функционирование отдельной организации вне производственно-экономической взаимосвязи с другими организациями теряет всякий смысл, поэтому реализация идеи эффективного собственника должна заключаться в обеспечении данным собственником полного производственного цикла на предприятии через включение его в систему отраслевых и межотраслевых производственных связей. Далее в табл. 2 приведены данные по приватизации имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий по формам

Табл. 2. **Приватизация имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий по формам собственности и способам приватизации Пермского края 2005–2014 г.г.* [17]**

	Год									
	2005	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**
Число приватизированных имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий, объектов – всего в том числе по формам собственности[2)] :	119	94	204	241	4	2	2	5[1)]	–	–
федеральная	6	13	9	4	1	–*	2	–*	1	–
субъекта	12	9	25	18	2	–*	–*	–*	–	–
муниципальная	101	72	170	219	1	2	–*	5	1	–
Начальная цена, тыс. руб	112,5	254,9	640,5	394,4	–*	К	–*	–*	–	–
Цена сделки приватизации (рыночная стоимость), тыс. руб.	226,9	259,9	927,2	1077,8	–*	К	–*	–*	–	–
Преобразование унитарных предприятий в ОАО[**)] , %:	100	92,9	100	100	100	100	100	–*	50	–
Продажа имущественных комплексов, %:	–*	7,1	–*	–*	–*	–*	–*	–*	–	–
в том числе: на аукционах, %:	–*	7,1	–*	–*	–*	–*	–*	–*	–	–

* Составлено автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю

1) Приватизация путём преобразования в Общество с ограниченной ответственностью.

2) По состоянию на дату приватизации.

К Информация не публикуется

– Явление отсутствует*

***) Преобразование государственных и муниципальных предприятий в ООО*

собственности и способам приватизации Пермского края за 2005–2014 годы.

Как следует из табл. 2, число приватизированных имущественных комплексов за последние годы снизилось, и снизилось существенно, в разы, т.к. государственных предприятий в регионе осталось около 1 % от общего количества. И большинство оставшихся в государственной и муниципальной собственности унитарных предприятий носит социальный характер.

При приватизации унитарных предприятий с последующим внесением контрольного пакета акций образованных акционерных обществ в уставный капитал головной компании обычно происходит уменьшение доли уставного капитала, контролируемого государством, и рыночной стоимости активов, приходящихся на государственный пакет акций. Следовательно, должен быть организован контроль государственных органов за:

- принятием руководством организаций решений о начислении дивидендов на привилегированные акции с целью недопущения утраты государством контрольного пакета акций;
- учреждением дочерних, зависимых и иных структур с выводом ликвидных активов, в том числе внеконкурсной передачей лицензий;
- соблюдением установленных процедур определения рыночной стоимости по сделкам с активами компаний;
- принятием решений о распределении прибыли дочерних обществ, контролируемых головной компанией;
- состоянием уставного капитала головной компании.

Сегодня, наиболее крупные по размеру уставного капитала, акционерные общества Пермского края, относящиеся к основным отраслям экономики региона, таким как: химической, чёрной металлургии, энергетике и машиностроению находятся в частной собственности. В результате активной работы по приватизации государственного имущества, реализованной в Пермском крае, только несколько крупных и средних предприятий с государственным участием остались в собственности (доли собственности) региональных властей (табл. 3).

В табл. 3 указаны более десятка приватизированных предприятий Пермского края из различных отраслей экономики, которые могут эффективно работать, платить соответствующие налоги, пополнять бюджеты различных уровней, в том числе региональный, повысить экономику региона в целом и реализовывать социально важные функции в рамках государственных полномочий Пермского края, как субъекта Российской Федерации [18]. Примером этому является ОАО Пермский свинокомплекс, который был исключён из Федерального прогнозного плана приватизации, и несколько лет руководство предприятия направляет все силы и средства только на оплату имеющихся долгов.

Как было сказано ранее существующий сегодня контроль за управлением и распоряжением региональным государственным имуществом осуществляет Министерство по управлению имуществом и земельным отношениям Пермского края и Государственное казённое учреждение Пермского края Имущественное казначейство Пермского края. Система управления региональным имуществом определена государственной программой Пермского края Управление земельными ресурсами и имуществом Пермского края [27], в рамках которой установлен контроль за 27 пакетами акций (долями) Пермского края

Табл. 3. **Приватизированные предприятия Пермского края, акции которых находятся в региональной собственности***

Эмитент	**Собственность субъекта в % (доля собственности)**
АО Санаторий-профилакторий Энергетик	100,0
АО Пермский свинокомплекс	100,0
АО Пермская пригородная компания	49,0
ОАО Газпром межрегионгаз Пермь	25,1
ОАО Международный аэропорт Пермь	25,0
ОАО Газпром газораспределение Пермь	12,05
ОАО Территориальная генерирующая компания №9	61325 акций
ОАО Пермский мукомольный завод	1 акция
ОАО Нытва	1 акция
ОАО Пермская энергосбытовая компания	1 акция
ОАО Пермэнергоремонт	1 акция
ОАО Пермэнергоспецремонт	1 акция

* Составлено автором

в уставных капиталах хозяйственных обществ на сумму 5194,137 млн. рублей.

Таким образом, управление региональной собственностью обозначены Уставом Пермского края как одно из приоритетных направлений развития Пермского края и осуществляется на следующих принципах социально-экономического развития Пермского края: сохранения в краевой государственной собственности только тех активов, на которых производятся и оказываются общественно значимые услуги, которые либо отсутствуют на рынке услуг Пермского края либо предоставление которых негосударственным сектором запрещено. Получение доходов от использования государственного имущества и их увеличение возможно только при эффективной системе управления и распоряжения имуществом.

Безусловно, в Пермском крае сложилась определённая система управления и распоряжения собственностью, но она не достигла своего максимально высокого уровня. Есть необходимость в мероприятиях, направленных на повышение эффективности использования краевого имущества. При формировании эффективной системы использования краевого имущества приоритетными для разрешения остаются следующие проблемы: недостаточный уровень корпоративного управления компаний с государственным участием; недостаточная мотивация и ответственность всех участников процесса управления краевым имуществом, в том числе лиц, избранных в органы управления компаний с государственным участием. Управление пакетами акций (долями) предприятий, находящихся в собственности Российской Федерации и территориально расположенных в Пермском крае, должно осуществляться с учётом стратегических и экономических интересов края, направленных на привлечение инвестиций в предприятия, развитие экономического потенциала и инвестиционной привлекательности предприятий и края в целом. Важной задачей в реализации управленческих решений при управлении пакетами акций (долями) является внедрение принципов рационального менеджмента, основанных на комплексном внедрении информатизации, проведения глубокого анализа, точного расчёта, моделирования и прогнозирования ситуаций, выработке и реализации наступательных инновационных стратегий.

Кроме того, деятельность уполномоченных органов в сфере управления и распоряжения краевым имуществом должна быть ориентирована на усиление контроля за использованием и сохранностью имущества Пермского края. Также, сегодня необходимо ужесточение контроля органов власти посредством проведения в пределах своих полномочий проверок использования краевого имущества, его сохранности и возможности увеличения дохода бюджета Пермского

края не от приватизации собственности, а от использования краевого имущества.

Подразделом программы Управление земельными ресурсами и имуществом Пермского края [18] является подпрограмма Эффективное управление имуществом Пермского края. Цель подпрограммы Эффективное управление имуществом Пермского края – обеспечение управления государственным имуществом Пермского края в целях получения доходов от использования имущества и снижения расходов на содержание неиспользуемого имущества. В рамках достижения цели вышеуказанной подпрограммы и для оптимизации состава государственного имущества Пермского края необходимо: привлекать к участию в управлении краевым имуществом профессиональных управляющих компаний, а также профессионалов в качестве представителей в органы управления обществ с долей участия Пермского края; обеспечивать проведение предпродажной подготовки объектов приватизации.

Управление хозяйственными субъектами должно быть направлено на безубыточную деятельность, приносящей доход в бюджет Пермского края, путем проведения следующих мероприятий:

- контроль и проведение проверок использования и сохранности имущества, переданного предприятиям на праве хозяйственного ведения;
- участие в отраслевых балансовых комиссиях, общих собраниях акционеров (участников) организаций;
- согласование совершения сделок с имуществом;
- согласование уставов и планов финансово-хозяйственной деятельности по развитию государственных унитарных предприятий, хозяйственных обществ;
- внедрение практики представления интересов государства в органах управления акционерных обществ независимыми директорами.

Устранение государства из социально-экономической жизни общества в следствии приватизации госимущества привело к отрицательным последствиям в регионе. Многие приватизированные предприятия были обанкрочены, в том числе и за последние годы, к которым относятся: ОАО Пермские моторы (2012 год), ОАО Завод смазок и СОЖ (2014 год), ОАО Уралалмаз (2015 год) и другие. А те предприятия которые ещё работают в большинстве своём не выполняют взятые на себя социальные обязательства. Например, сокращение работников в прошлом году коснулась таких предприятий как ОАО Ростелеком, ОАО Краснокамскпромжелтранс, ОАО ТГК-9, ОАО МРСК-Урала – Пермэнерго (г. Нытва), ООО Пермский фанерный комбинат, АО Чусовской металлургический завод, ОАО Пожвинский машиностроительный завод.

Сегодня государственная собственность в крае должна быть, прежде всего, материальной базой осуществления государственной власти и включать те отрасли и объекты, продукция которых обеспечивает удовлетворение общественных потребностей и интересов с наименьшими издержками. Последнее предполагает определение оптимальной структуры общественного производства, сочетание различных форм собственности с целью учёта и баланса общегосударственных, региональных, коллективных и частных интересов.

Также, во время кризиса, необходимы государственные меры по стимулированию производства, его непрерывного подъёма. Необходим баланс позволяющий сочетать приращение народного богатства и развитие производства с расширением социальной функции государства [26].

В качестве организационно-правовых форм реализации права собственности выступают различные представительные органы управления, создаваемые населением Пермского края и членами общественных организаций. Все формы реализации права собственности – и частной, и общей (долевой и совместной) – равноправны. Институт собственности является важным фактором при формировании системы производственных отношений. Так, например, право собственности предприятия распространяется на любые материальные предметы предприятия, на любые активы, на продукцию и т.д.

В результате после прошедших реформ и двух десятков лет приватизации (доля государственных организаций в Пермском крае составила 1 %), её цели так и не были достигнуты, а следовательно необходимо пересмотреть имеющиеся планы приватизации, и в идеальном варианте отказаться от приватизации госимущества.

В наши дни рассматривая вопросы формирования государственной собственности, отступая от вопросов приватизации, необходимо учитывать эффективность реализации государственно-частного партнёрства (ГЧП) и муниципально-частного партнёрства (МЧП). Государственно-частное партнёрство представляет собой форму взаимодействия государства и частных компаний, необходимую решения социально-экономических задач и достижения целей обеих сторон. А следовательно, учитывая необходимость проведения процессов импортозамещения особую важность приобретает обоснованная конкурентная и промышленная политика с сильным государственным участием и конкурентным бизнесом [16].

Решение вопроса о собственности должно сочетать в себе и экономический, и правовой подходы. Это позволит не применять приватизационную модель разгосударствления, а использовать более гибкие формы: реституцию, выкуп предприятий менеджерами, привлечение инвесторов, учёт проблемы долгов предприятий, контроль за выполнением приватизационных

контрактов. Таким образом, систематизация данных по совершенствованию управления и распоряжения государственной собственностью в регионе в условиях приватизации, обобщающих практический опыт, позволила уточнить цель управления собственностью и дать рекомендации по его использованию.

Также, законодательным властям Пермского края в части совершенствования нормативного правового регулирования имущественных отношений, необходимо, разработать формы документов, связанных с осуществлением прав акционера в отношении хозяйственных субъектов акции (доли) в уставных капиталах приватизированных предприятий, обеспечивая при этом соблюдение действующих законов. Кроме того, выявлена необходимость учитывать не только системный, но и индивидуальный подход к управлению и распоряжению собственностью в условиях приватизации государственного имущества Пермского края.

Литература:

1. Бурдье П. Социальная политика / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Социо-Логос, 1993.
2. Быков И. В., Решётников М. Г. Трансформационные процессы в системе государственного управления: становление и развитие новой модели управления регионом // Менеджмент в России и за рубежом. 2009. № 1.
3. Глинкина С. П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006.
4. О приватизации государственного имущества Пермского края: Закон Пермского края от 02 июля 2007 г. № 62-ПК [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
5. О внесении изменений в Закон Пермского края О приватизации государственного имущества Пермского края: Закон Пермского края от 27 июня 2011 г. № 791-ПК [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
6. О внесении изменений в Закон Пермского края О приватизации государственного имущества Пермского края: Закон Пермского края от 27 марта 2012 года № 23-ПК [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Зеленина Н. Л. Пути обеспечения роста эффективности государственного присвоения в отечественной экономике // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/04/32933 (дата обращения 11.07.2015).
8. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика [Электронный ресурс]. URL: 2020strategy.ru/documents/32710234.html (дата обращения 30.12.2014).
9. Кабкова Е. Н. Теория организации. [Электронный ресурс]. URL: http://be5.biz/ekonomika/t002/toc.htm (дата обращения: 10.07.2015).
10. Каменский В. А., Патрикеев В. П. Основы экономической теории: Курс лекций. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2000.
11. Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006.
12. Куликов Л. М. Экономическая теория. М.: ТК Велби, Проспект, 2005.
13. Кутырева О. А. Структура собственности как условие экономической эффективности (региональный аспект) // Успехи современного естествознания. 2014. № 1. С. 85.
14. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М., 1994.
15. Олейник А. Н. Институциональная экономика: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2012.
16. Парахина В. Н., Устаева Р. М. Государственно-частное партнёрство как инструмент снижения диспропорций промышленного развития регионов России // Материалы VII Международной научно-практической конференции Региональная промышленная политика как база качественного неоиндустриального подъёма производительности труда и инновационной конкурентоспособности корпораций. Пермь: ПНИПУ, 2014.
17. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю [электронный ресурс]. URL: www.permstat.gks.ru (дата обращения 14.07.2015).
18. Об утверждении государственной программы Пермского края Управление земельными ресурсами и имуществом Пермского края: Постановление Правительства Пермского края от 03 октября 2013 года № 1314-п (в ред. От 20.10.2014) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
19. Радыгин А. Д. Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. Т. 8. № 3. С. 8.
20. Об условиях приватизации государственного имущества Пермского края путём внесения в качестве вклада в уставной капитал ОАО Пермагростройзаказчик: Распоряжение Правительства Пермского края от 24 ноября 2011 г. № 226-рп [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
21. Об утверждении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества и основных направлений приватизации федерального имущества на 2014–2016 годы: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01 июля 2013 г. № 1111-р (в ред.

От 28.01.2015) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
22. Рожков Е. В. Государственная политика приватизации в регионе: проблемы, цели, эффективность. Екатеринбург, 2012.
23. Рожков Е. В. Организация управления государственной собственностью (на примере процессов приватизации в Пермском крае) // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 6. С. 863–874.
24. Рожков Е. В. Эффективность приватизации государственных предприятий в Пермском крае // ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления). 2015. № 2. С. 139–150.
25. Сажина М. А. Научные основы экономической политики государства: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2011.
26. Сорокина С. Ф. Распределение собственности и эффективность хозяйственной деятельности, М., 2006.
27. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон Российской Федерации от 21 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. От 22.12.2014) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
28. О приватизации государственного и муниципального имущества: Федеральный закон Российской Федерации от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
29. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 16 сентября 2003 г. № 131-ФЗ [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
30. Castells M. Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers, 1998. [электронный ресурс]. URL http: //www. Gumer. Info/ bibliotec_ Buks/ Polit/ kastel (дата обращения 15.07.2015).

References:

1. Bourdieu P. Social policy. / Transl. from Fr. by N. A. Shmatko. M.: Socio-Logo, 1993.
2. Bykov I. V., Reshetnikov M. G. Transformation processes in public administration: establishment and development of a new model of regional management // Management in Russia and abroad. 2009. № 1.
3. Glinkina S. P. Privatization: concept, implementation and effectiveness. M.: Nauka, 2006.
4. On privatization of the State property of Perm Territory: Law of Perm territory dated from July 2, 2007 № 62-PK [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
5. On amending the Law of Perm territory On privatization of the State property of Perm region: Law of Perm territory dated March 27, 2012 № 23-PK [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
6. On amending the Law of Perm territory On privatization of the State property of Perm region: Law of Perm territory dated March 27, 2012 № 23-PK [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
7. Zelenina N. L. Ways of ensuring the growth effectiveness of the State appropriation in the domestic economy // Modern scientific research and innovation. 2014. № 4. [e-resource]. URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/04/32933 (date of reference 11.07.2015).
8. The final report on the results of the expert work on actual problems of socio-economic strategy of Russia for the period up to 2020 Strategy 2020: New model of growth – new social policy [e-resource]. URL: 2020strategy.ru/documents/32710234.html (date of reference 30.12.2014).
9. Kabkova E. N. Organization theory. [e-resource]. URL: http://be5.biz/ekonomika/t002/toc.htm (date of reference 10.07.2015).
10. Kamenskiy V. A., Patrikeyev V. P. Foundations of economic theory: A Course of lectures. SPb.: Publishing House by Mikhailov, 2000.
11. Kuzminov Ya. I., Bendukidze K. A., Yudkevich M. M. A Course of institutional economics: institutions, network, transaction costs, contracts. M.: Publishing House GU VShE, 2006.
12. Kulikov L. M. Economic theory. M.: TK Velbi, Prospekt, 2005.
13. Kutyreva O. A. Ownership structure as a condition for economic efficiency (regional aspect) // The successes of modern science. 2014. № 1. P. 85.
14. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote December 12, 1993. M., 1994.
15. Oleinik A. N. Institutional economics: a tutorial. M.: INFRA-M, 2012.
16. Parakhina V. N., Ustayeva R. M. Public-private partnership as a tool to reduce imbalances in industrial development of regions of Russia // Materials of VII International scientific-practical Conference Regional industrial policy as a base of quality neo industrial growth of productivity and innovation of competitiveness of corporations. Perm: PNIPU, 2014.
17. Official website of the territorial authority of the Federal State statistics service for Perm edge [e-resource]. URL: www.permstat.gks.ru (date of reference 14.07.2015).
18. On approval of the State program of Perm territory Land and property resources management Perm territory: Decree of the Government of Perm region from October 3, 2013 № 1314-p (as revised 20.10.2014) [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
19. Radygin A. D. The Russian privatization: national tragedy or institutional framework of post-Soviet reforms? // World of Russia. 1998. V. 8. № 3. P. 8.
20. On the conditions of privatization of State property of Perm territory by making as a contribution to the

authorized capital of OAO Permagrostroizakazchik: the Government Decree of Perm region dated from November 24, 2011 № 226-rp [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.

21. On approval of a forecast plan (program) of privatization of federal property and privatization of federal property in 2014–2016: Government of the Russian Federation dated July 1, 2013 № 1111-r (as revised 28.01.2015) [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
22. Rozhkov E. V. Government policy of privatization in the region: problems, objectives, and effectiveness. Ekaterinburg, 2012.
23. Rozhkov E. V. Organization of public property management (for example, privatization processes in Perm territory) // Journal of Russian entrepreneurship. 2015. V. 16. № 6. P. 863–874.
24. Rozhkov E. V. Effectiveness of privatization of State-owned enterprises in Perm territory // ARS ADMINISTRANDI (Art of Management). № 2. 2015. P. 139–150.
25. Sazhina M. A. Scientific basics of the state economic policy. M.: INFRA-M, 2011.
26. Sorokina S. F. Property distribution and the efficiency of economic activity, M., 2006.
27. Civil Code of the Russian Federation. Part 2: Federal law of the Russian Federation dated from January 21, 1996 № 14-FZ (as revised 22.12.2014) [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
28. On privatization of State and municipal property: Federal law of the Russian Federation dated December 21, 2001 № 178-FZ [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
29. On general principles of organization of local self-government in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation dated September 16, 2003 № 131-FZ [e-resource]. Access from the ref.-legal system KonsultantPlus.
30. Castells M. Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell Publishers, 1998. [e-resource]. URL http: // www. gumer. info/ bibliotec_ Buks/ Polit/ kastel (date of reference 15.07.2015).

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА КАК ОБЪЕКТ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Медведев П. С.

кандидат педагогических наук, доцент, Тюменский государственный нефтегазовый университет (Россия), 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, mushkam@inbox.ru

УДК 330.564.2:353
ББК 65.050.22-94

Цель. Целью исследования является определение приоритетных направлений повышения эффективности регионального регулирования уровня доходов населения Ямало-Ненецкого автономного округа в сложной экономической ситуации. В статье представлен обзор показателей динамики и структуры денежных доходов населения жителей Ямала. Описаны современные особенности трансформации доходов, скорректированных на уровень инфляции на современном этапе.

Методы и методология. В работе автор использовал общенаучные методы познания (научное абстрагирование, ретроспективный анализ, метод сопоставления данных).

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в определении и изучении региональных особенностей трансформации денежных доходов населения, отражающих динамику материального благосостояния в крупном нефтегазодобывающем регионе в условиях экономического кризиса, с целью разработки и внедрения эффективных программ по поддержке уровня жизни населения в регионах Уральского федерального округа.

Результаты. На основании проведенного анализа тенденций номинальных и реальных доходов населения в автономном округе, автор сформулировал вывод о благополучной социальной ситуации и отсутствии тренда усугубления неравенства доходов и имущественного расслоения общества Ямало-Ненецкого автономного округа на современном этапе.

Ключевые слова: денежные доходы, номинальная заработная плата, реальные доходы, дифференциация доходов, коэффициент Джини.

INCOMES OF YAMALO-NENETS AUTONOMOUS AREA AS AN OBJECT OF REGIONAL GOVERNANCE IN CHALLENGING ECONOMIC ENVIRONMENT

Medvedev P. S.

Candidate of Science (Pedagogy), Assistant Professor, Tyumen State Oil and Gas University (Russia), 38 Volodarskogo str., Tyumen, Russia, 625000, mushkam@inbox.ru

Purpose. The aim of the study is to determine the priority directions for increasing efficiency of regional management level of incomes of the population of Yamalo-Nenets Autonomous Area in a difficult economic situation. This article provides an overview of the dynamics and structure of money income of Yamal residents. The author describes features of modern transformation of income, adjusted for inflation.

Methods and methodology. In the work the author used scientific methods of knowledge (scientific abstraction, retrospective analysis, method of data mapping).

Scientific novelty. Scientific novelty of the research is to identify and study regional characteristics of transformation of money incomes of population, reflecting the dynamics of wealth creation in a major oil and gas production region during the economic crisis, with the aim of development and implementation of effective programs to support the quality of life of the population in the regions of the Ural Federal District.

© Медведев П. С., 2016

Results. Based on the analysis of trends in nominal and real incomes of population in the autonomous region, the author has made a conclusion on the prosperous social situation and the absence of a worsening trend of inequality in income and wealth stratification of Yamalo-Nenets Autonomous Area.

Keywords: monetary income, nominal wage, real incomes, income differentials, the Gini coefficient.

Ключевым индикатором социально-экономического развития региона в целом и, в частности, динамики текущих процессов в экономике территории, их эффективности и состояния, является величина доходов членов общества.

В то же время, уровень доходов населения определяет их материальное благосостояние, возможности духовного и физического развития посредством доступности жизненно необходимых благ, услуг институтов социальной инфраструктуры и пр. Величина доходов населения, прежде всего, формируется под влиянием размера заработной платы, инфляционными процессами в экономике, состояние потребительского рынка и т.д. [1, с. 270]

В современных условиях макроэкономической ситуации и ухудшения финансового состояния предприятий наблюдаются негативные тенденции в уровне доходов населения, усиление их дифференциации, что предопределяет активизацию социальной политики всех органов власти, направленную на преодоление неравенства и бедности в обществе. Реализация политики доходов предполагает перераспределение денежных средств через бездетную систему посредством дифференцированного налогообложения различных групп получателей доходов. [2, с. 66]

Однако, увеличение социальной нагрузки на федеральный и региональные бюджеты, наблюдаемое на современном этапе, может привести к формированию дефицита бюджета и инфляции.

Таким образом, в регионах сегодня возникает необходимость разработки и внедрения приоритетных направлений оптимизации региональной политики формирования и регулирования доходов населения [3, с. 303].

Ямало-Ненецкий автономный округ является крупнейшим регионом России, характеризующийся стабильностью и динамично развитием социально-экономической системы [4].

Ямал сегодня занимает лидирующие позиции среди регионов страны по таким социальным показателям, как: медианная зарплата (заработная плата, получаемая среднестатистическим работником), соотношение медианной заработной платы к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, количество населения с высокими доходами [5].

Среди регионов Уральского федерального округа Тюменская область (в состав которой входит

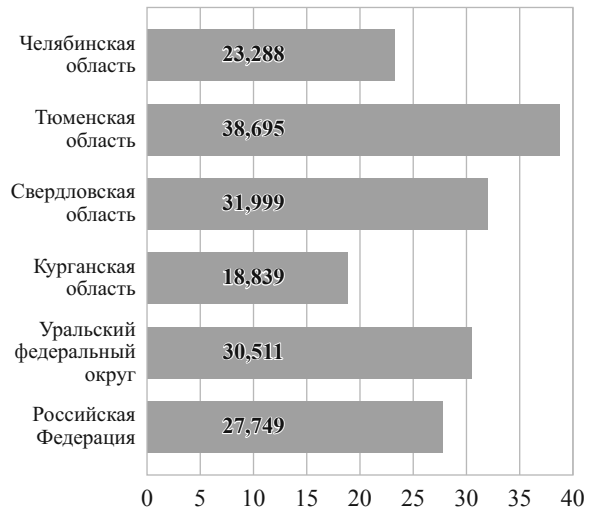

Рис. 1. **Рейтинг регионов Уральского федерального округа по величине денежных доходов на душу населения в 2014 г., тыс. руб. [6]**

Ямало-Ненецкий автономный округ) отличается высоким показателем величины денежных доходов населения. В 2014 г. в области зарегистрированы доходы населения в размере 38695 руб. в месяц, что на 26,8 % превышает значение по Уральскому федеральному округу и на 39,5 % больше среднероссийского значения (см. рис. 1).

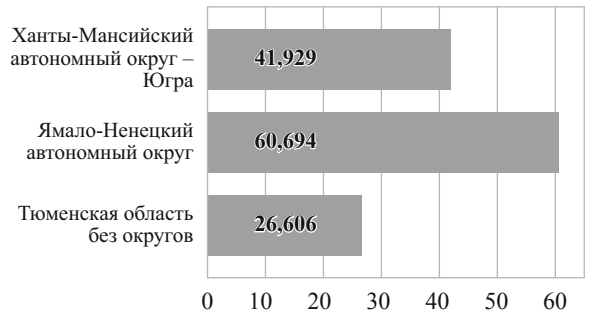

Рис. 2. **Денежные доходы на душу населения в регионах Тюменской области в 2014 г., тыс. руб. [7, с. 345]**

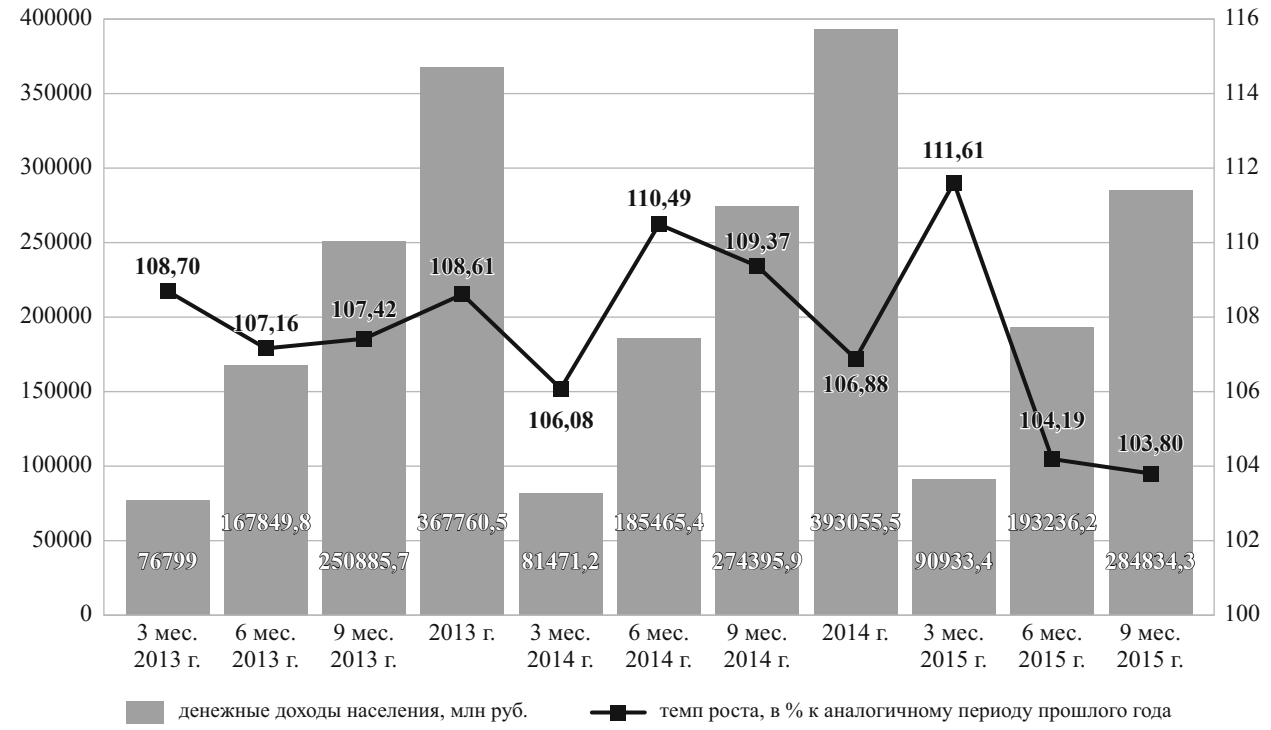

Рис. 3. **Динамика денежных доходов населения Ямало-Ненецкого автономного округа [8]**

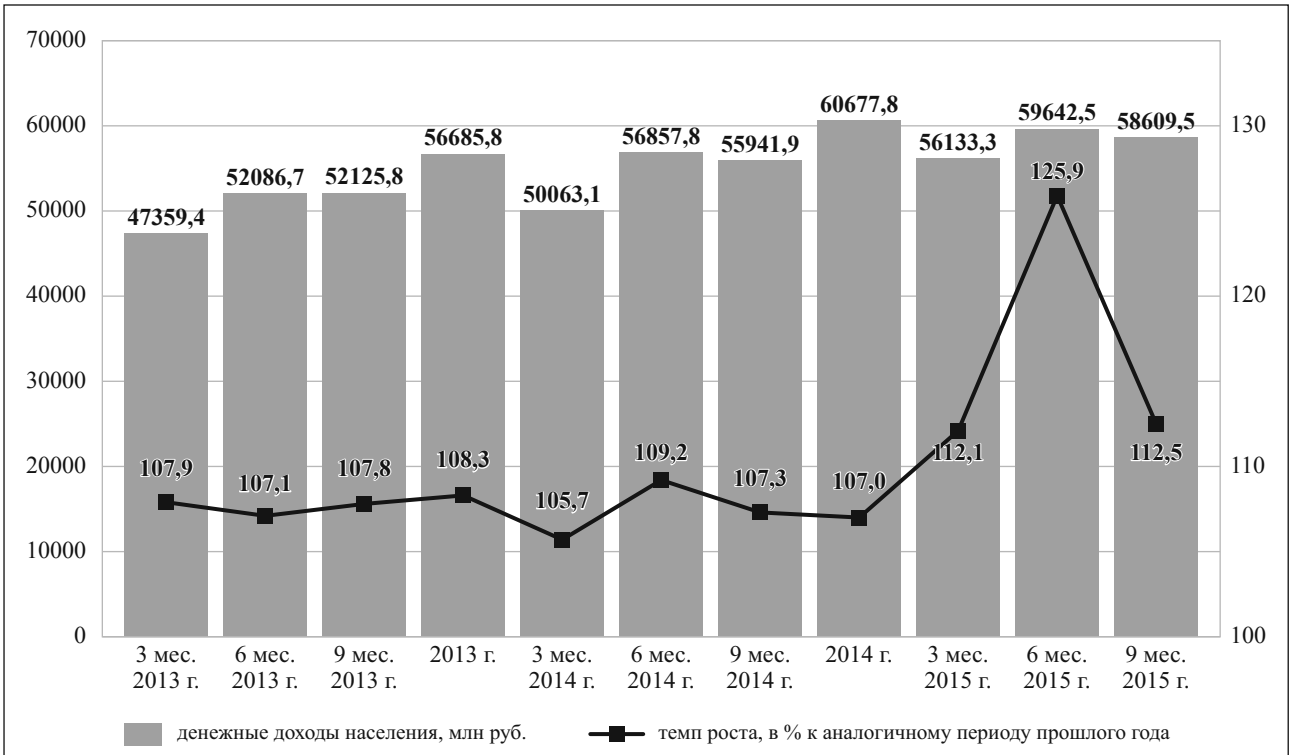

Рис. 4. **Динамика денежных доходов на душу населения Ямало-Ненецкого автономного округа [8]**

В разрезе округов Тюменской области Ямало-Ненецкий автономный округ лидирует по величине среднедушевых доходов населения. В 2014 г. на Ямале на одного жителя приходилось более 60 тыс. руб. в месяц, что на 45 % превышает показатель крупного нефтегазодобывающего региона – Ханты-Мансийского автономного округа и в 2,2 раза больше значения юга Тюменской области (см. рис. 2). Данная ситуация позволяет предположить о благоприятной социальной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе в условиях кризисной экономики 2014 г.

Динамика денежных доходов населения региона за анализируемый период описывается положительной тенденцией роста. Так, ежегодный прирост доходов жителей Ямала составлял 7–8 % относительно прошлых периодов (см. рис. 3). Современный этап формирования денежных доходов населения автономного округа характеризуется снижением темпов роста доходов при положительной динамике их абсолютного увеличения. Так, за первые шесть месяцев текущего 2015 г. совокупные доходы жителей Ямала увеличились по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. на 4 %, тогда как прирост в первом полугодии 2014 г. относительно соответствующего периода докризисного 2013 г. составил 10,5 % . На сегодняшний день сохраняется тенденция сокращения прироста дохода ямальцев до уровня в 3,8 % относительно аналогичного показателя 2014 г. Такая динамика снижения темпов роста доходов членов общества характерна для кризисных условий макроэкономики, сопровождающегося инфляционными процессами, ухудшением финансового состояния предприятий и снижением инвестиционного спроса в региональной экономике.

Однако, реализация антикризисных мероприятий, проводимых федеральными и региональными органами власти (в частности индексация доходов) позволяет удерживать положительные тренды в динамике доходов населения.

Эффективность проводимой в округе социальной политики отражается в динамике среднедушевых доходов населения. В текущем 2015 г. в среднем на одного жителя Ямала приходилось 58609,5 руб. в месяц денежных доходов, что на 12,5 % превышает значение аналогичного периода 2014 г. (см. рис. 3). Наибольший прирост среднедушевых доходов в регионе отмечается в первом полугодии 2015 г., когда он составил почти 26 % относительно соответствующего показателя 2014 г.

Увеличение среднедушевых доходов населения Ямала свидетельствует о повышении его благосостояния и экономическом росте в регионе. Однако, существующий уровень инфляции в экономике чаще всего нивелирует прирост доходов, если не проводится активная поддержка уровня жизни населения. Влияние инфляционных процессов на уровень доходов членов общества, которые можно тратить по своему усмотрению после уплаты всех обязательных взносов и платежей, отражается в динамике реальных располагаемых денежных доходов населения.

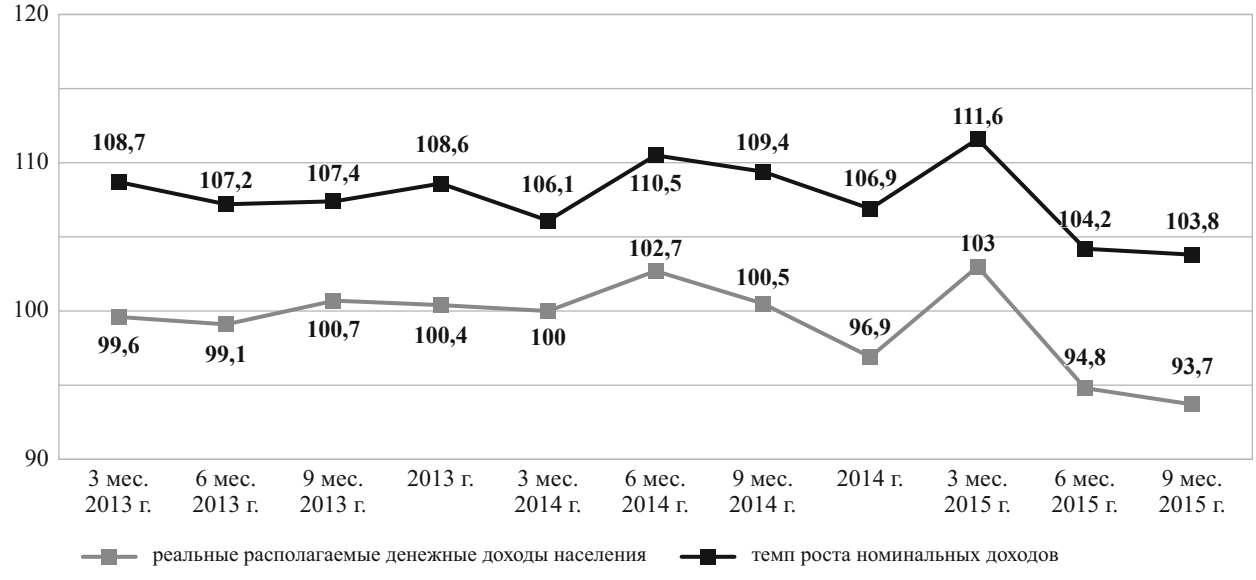

Рис. 5. **Динамика реальных и номинальных доходов населения Ямало-Ненецкого автономного округа, % к аналогичному периоду прошлого года**

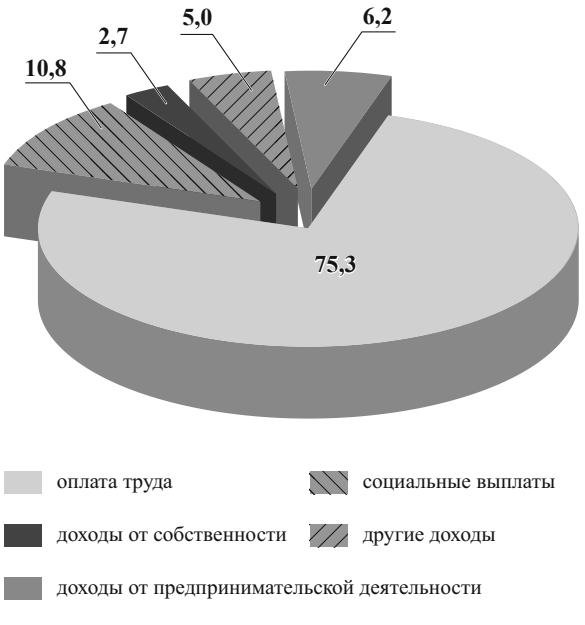

Рис. 6. **Структура денежных доходов населения Ямало-Ненецкого автономного округа, % [8]**

Темпы роста номинальных доходов ямальцев за весь анализируемый период опережали динамику реальных доходов (см. рис. 5). Более того, в текущем 2015 г. наблюдается снижение реальных доходов населения, поскольку прирост номинальных величин не превышает уровень инфляции. Увеличение социальной нагрузки на региональный бюджет в связи с увеличением выплат нуждающимся категориям граждан, не позволяет полностью нивелировать инфляционные процессы и их влияние на величину денежных доходов населения. Таким образом, можно предположить о некотором снижении жизненного уровня населения Ямало-Ненецкого автономного округа на современном этапе, отражающего общероссийскую тенденцию сокращения реальных доходов населения.

Структура денежных доходов населения автономного округа существенных изменений не претерпела в условиях экономического кризиса и является характерной для россиян в целом. Так, существенную долю в совокупных доходах населения, традиционно, занимает заработная плата, удельный вес которой в структуре доходов ямальцев составляет более 75 % (см. рис. 6).

Активизация социальной политики федеральных и региональных органов власти в условиях макроэкономической ситуации, направленной на поддержку малообеспеченных слоев населения, увеличила долю социальных выплат в структуре доходов населения округа до 10,8 %.

Существенна также часть доходов, полученных от осуществления предпринимательской деятельности населения.

Данная структура денежных доходов жителей Ямала является стабильной на протяжении всего анализируемого периода.

Ямало-Ненецкий автономный округ является лидером среди регионов Тюменской области и Уральского федерального округа по величине номинальной начисленной заработной платы. Так, в 2014 г. средняя заработная плата в регионе составляла 74410 руб. в месяц, что существенно превышает показатели других регионов (см. рис. 7). Данная ситуация отчасти обусловлена высокими ценами в автономном округе и высоким уровнем жизни. Однако, проводимая индексация доходов подтверждает свою эффективность в положительной динамике заработной платы, скорректированной на уровень инфляции в региональной экономике, что свидетельствует о благополучной ситуации с уровнем доходов в условиях экономической нестабильности 2014 г. [9]

На сегодняшний день в Ямало-Ненецком автономном округе наметилась неблагоприятная тенденция снижения реальной заработной платы населения. Так, увеличение номинальной заработной платы в регионе в первом полугодии 2015 г. на 1,1 % относительно аналогичного периода предшествующего 2014 г. оказалось недостаточным для компенсации инфляционных процессов и в, как следствие, реальная заработная плата за этот же период снизилась до 98 % от уровня

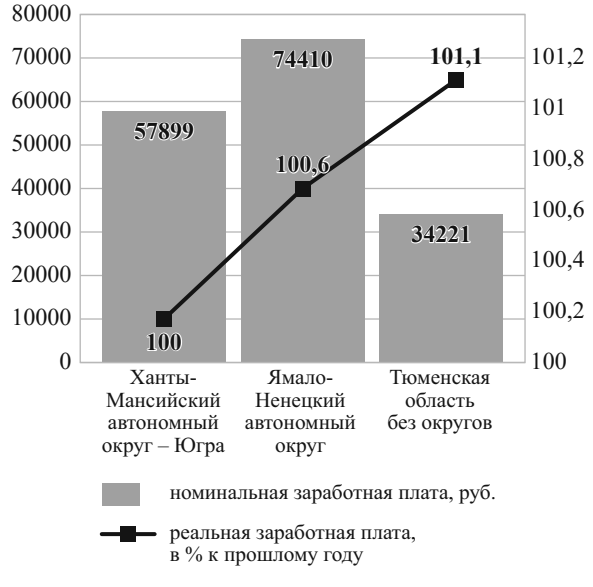

Рис. 7. **Размеры заработной платы в регионах Тюменской области в 2014 г. [8]**

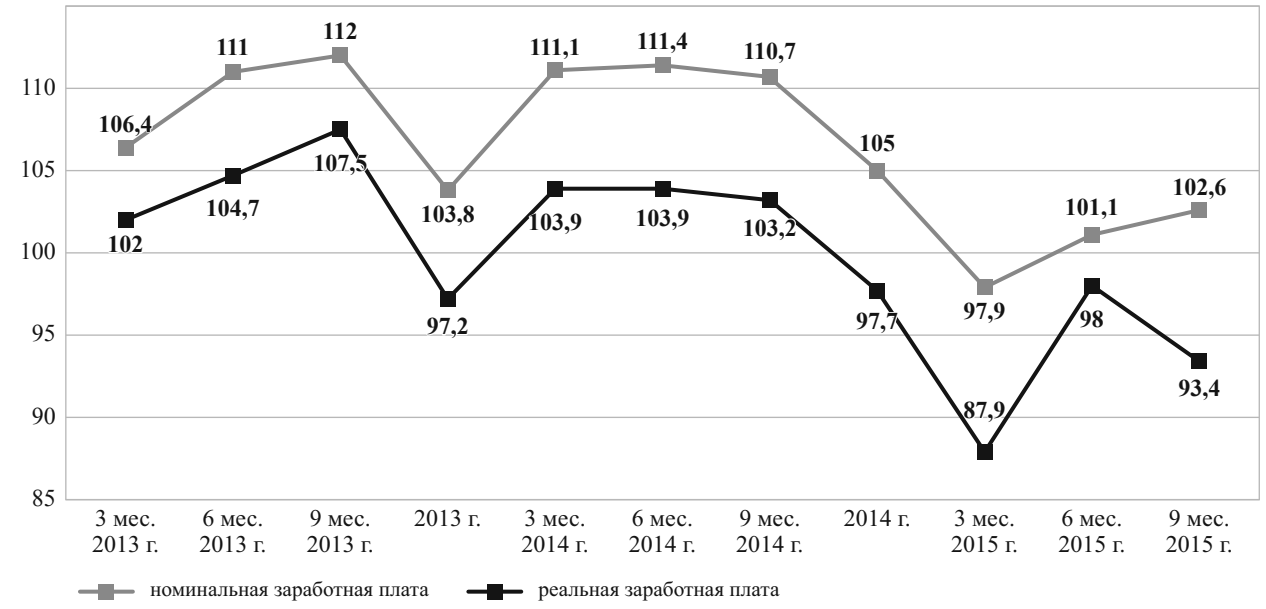

Рис. 8. **Динамика заработной платы населения Ямало-Ненецкого автономного округа, % к аналогичному периоду прошлого года [8]**

соответствующего периода 2014 г. (см. рис. 8). В третьем квартале текущего года неблагоприятная тенденция ухудшилась снижением покупательной способности номинальной заработной платы до 93 % относительно третьего квартала 2014 г.

Даная ситуация обусловлена ухудшением финансового состояния предприятий Ямала, банкротством и ликвидацией значительного числа субъектов малого предпринимательского сектора, обеспечивающего занятость населения округа.

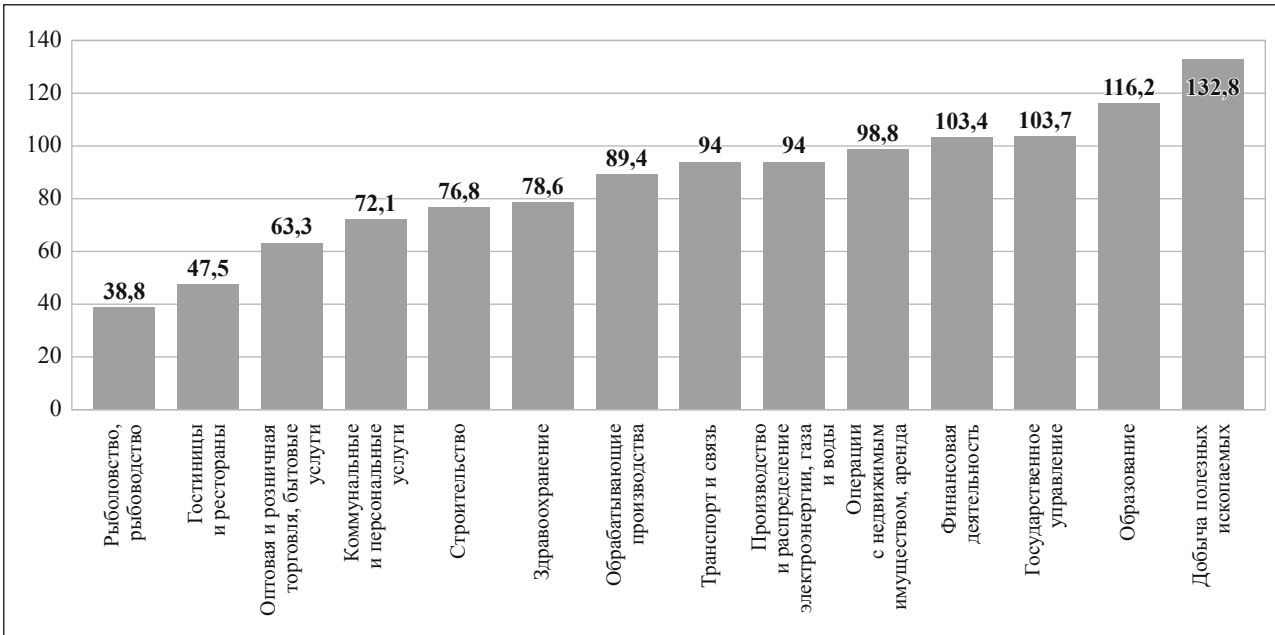

Рис. 9. **Темп роста среднемесячной начисленной заработной платы в ЯНАО, % к среднему уровню [8]**

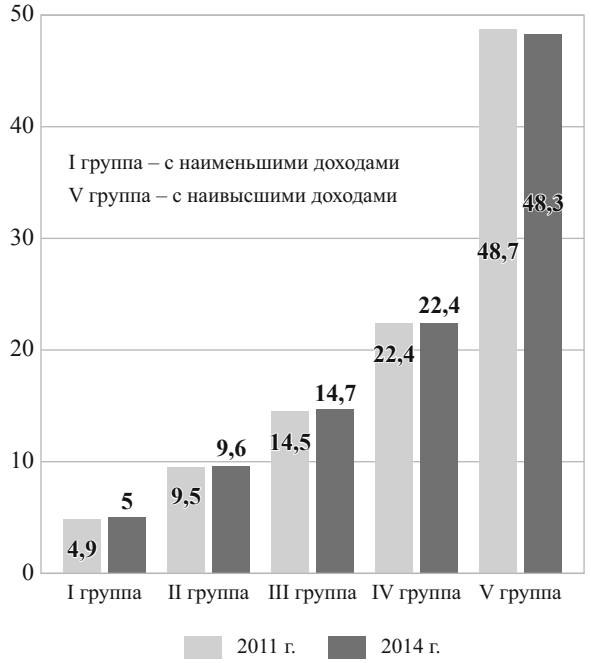

Рис. 10. **Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения, % [8]**

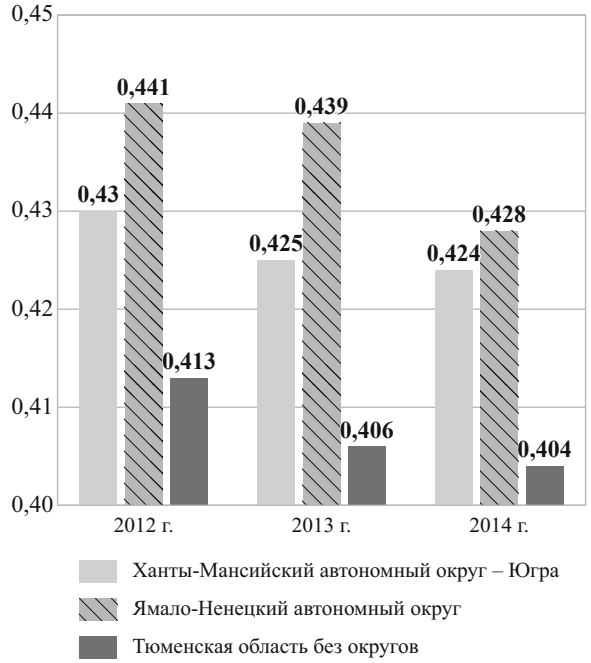

Рис. 11. **Динамика коэффициента Джини в регионах Тюменской области**

Наибольшими темпами заработная плата, традиционно, увеличивалась на предприятиях топливно-энергетического комплекса, где ее прирост составил 32,8 % от среднего уровня (см. рис. 9). Значительно повысили размеры начисленной заработной платы образовательные учреждения (на 16 %), государственный аппарат (до 4 %).

Неблагоприятная макроэкономическая ситуация, ухудшившая финансовое положение предприятий различных сфер деятельности, негативно отразилась и на величинах заработной платы в таких отраслях как рыбоводство, гостиничный бизнес, торговля, стройиндустрия и пр.

В целом, проблема неравенства доходов в Ямало-Ненецком округе в условиях экономического кризиса не усугубилась, благодаря грамотной и эффективной социальной политике Правительства округа. Так, наиболее бедная пятая часть жителей Ямала имеет около 5 % совокупного дохода, тогда как наиболее богатая пятая жителей округа имеет почти половину совокупного дохода (см. рис. 10). Данная ситуация позволяет предположить о стабильном распределении доходов среди населения региона и отсутствия обострения неравенства общества.

В разрезе округов Тюменской области Ямало-Ненецкий автономный округ характеризуется наибольшим значением коэффициента концентрации доходов, что подтверждает его лидирующее положение по количеству человек, имеющих самые высокие доходы в России. Однако, динамика коэффициента Джини в регионах Тюменской области за анализируемый период подтверждает хроническое благополучие социальной ситуации в Ямало-ненецком автономном округе. Так, снижение коэффициента Джини на Ямале в 2014 г. до уровня 0,428, относительно показателя 2012 г. свидетельствует о снижении неравенства и имущественного расслоения общества (см. рис. 11).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сложных макроэкономических условиях Ямало-Ненецкий автономный округ, занимающий лидирующее положение среди округов Тюменской области по величине среднедушевых доходов населения, демонстрирует на сегодняшний день некоторое снижение жизненного уровня населения, отражающее общероссийскую тенденцию сокращения реальных доходов населения. Увеличение социальной нагрузки на региональный бюджет в связи с увеличением выплат нуждающимся категориям граждан, не позволяет полностью нивелировать инфляционные процессы и их влияние на величину денежных доходов населения. Однако, в целом, проблема неравенства доходов и имущественного расслоения общества на Ямале в условиях экономического кризиса не усугубилась, благодаря грамотной и эффективной социальной политике Правительства округа.

Литература:

1. Махмудова М. М., Сурмятова Л. Уровень жизни населения Тюменской области: анализ современных тенденций. // Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии: сборник научных трудов. 2014. №8. С. 269–274.
2. Махмудова М. М. Имущественное расслоение населения Тюменской области: анализ современных тенденций. // Известия высших учебных заведений. Экономика. Социология. Политика. 2015. №1. С. 64–70.
3. Махмудова М. М., Королева А. М. Теоретические подходы к управлению социально-экономическим развитием региона // Экономика и предпринимательство. 2014. №12 (4). С. 302–306.
4. Официальный сайт Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа [электронный ресурс]. URL: http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/region/hymn/ (дата обращения 16.12.2015).
5. Ямал снова в лидерах зарплатного рейтинга и в середнячках по уровню социального расслоения населения [электронный ресурс]. URL: http://www.r89.ru/novosti/4739.php (дата обращения 15.12.2015).
6. Социально-экономическое положение Уральского федерального округа в 2014 году [электронный ресурс]. URL: http://www. Gks.ru (дата обращения 15.12.2015).
7. Медведев П. С. Современные тенденции динамики денежных доходов и расходов населения нефтедобывающего региона в условиях экономической нестабильности (на примере Ханты-Мансийского автономного округа) // Экономика и предпринимательство. 2015. №9 (2). С. 344–347.
8. Социально-экономическое положение Ямало-Ненецкого автономного округа в январе-декабре 2014 года: статистический доклад [электронный ресурс]. URL: http://yamalstat.gks.ru (дата обращения 16.12.2015).
9. Махмудова М. М. Динамика заработной платы в Тюменской области в условиях экономического кризиса // Экономика и предпринимательство. 2015. №6 (2). С. 279–282.

References:

1. Makhmudova M. M., Surmyatova L. Living standards of the population of Tyumen region: analysis of the current trends. Mathematical methods and models in management, economics and Sociology: a collection of scientific papers. 2014. №8. P. 269–274.
2. Makhmudova M. M. Property stratification of the population of Tyumen region: analysis of the current trends. // News of higher educational institutions. Economy. Sociology. Policy.. 2015. №1. P. 64–70.
3. Makhmudova M. M., Korolyova A. M. Theoretical approaches to the management of socio-economic development of the region // Economics and entrepreneurship. 2014 №12 (4). P. 302–306.
4. Official website of the Government of Yamalo-Nenets Autonomous Area [e-resource]. URL: http://xn-80aealotwbjpid2k.-80aze9d.,xnxnp1ai/region/hymn/ (date of reference 16.12.2015).
5. Jamal is again among the leaders of salary rankings and on the middle level of social stratification [e-resource]. URL: http://www.r89.ru/novosti/4739.php (date of reference 15.12.2015).
6. Socio-economic situation of the Ural Federal Area in 2014 [e-resource]. URL: http://www. gks.ru (date of reference 15.12.2015).
7. Medvedev P. S. Modern dynamics trends of money incomes and expenditures of population of oil-producing region in conditions of economic instability (exemplified by the Khanty-Mansi Autonomous Area) // Economics and entrepreneurship. 2015. №9 (2). P. 344–347.
8. Socio-economic situation of the Yamal-Nenets Autonomous Area in January-December 2014: statistical report [e-resource]. URL: http://yamalstat.gks.ru (date of reference 16.12.2015).
9. Makhmudova M. M. Wage dynamics in Tyumen region in conditions of an economic crisis // Economics and entrepreneurship. 2015. №6 (2). P. 279–282.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Махмудова М. М.

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономики и организации производства Института менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный нефтегазовый университет (Россия), 625000, Россия, г. Тюмень, ул. 50 лет Октября, д. 38, кв. 311, mushkam@inbox.ru

УДК 658.15
ББК 65.291.9

Цель. Целью исследования является определение перспективных направлений повышения эффективности управления инвестиционной деятельностью хозяйствующих субъектов Свердловской области в условиях макроэкономической нестабильности. В статье представлен обзор показателей динамики и отраслевой структуры капиталообразующих инвестиций предприятий Свердловской области. Описаны особенности изменения источников финансирования инвестиционной деятельности предприятий на современном этапе.

Методы и методология. В ходе исследования использованы общенаучные методы (научное абстрагирование, ретроспективный анализ, метод сопоставления данных).

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в выявлении и изучении региональных особенностей инвестиционной активности хозяйствующих субъектов Свердловской области в условиях экономического кризиса с целью разработки и реализации эффективных программ по поддержке и реализации инвестиционного потенциала предприятий Уральского федерального округа.

Результаты. На основании проведенного анализа динамики и структурных изменений инвестиционной деятельности предприятий в регионе, автором сформулирован вывод о трансформации современной системы управления инвестиционной деятельностью предприятий.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, реальные инвестиции, капиталовложения, инвестиционный климат, субъекты региональной экономики Свердловской области.

MODERN TRANSFORMATIONS IN MANAGING INVESTMENT ACTIVITY OF ENTERPRISES UNDER THE CONDITIONS OF ECONOMIC INSTABILITY (EXEMPLIFIED BY THE SVERDLOVSK REGION)

Makhmudova M. M.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of Economics and Industrial Management Department of Management and Business Institute, Tyumen State Oil and Gas University (Russia), ap. 311, 38, 50 let Oktyabrya Str., Tyumen, Russia, 625000, mushkam@inbox.ru

Purpose. The purpose of the research is to identify the prospective directions for increasing efficiency of investment activity of economic entities of the Sverdlovsk region under the conditions of macroeconomic instability. The article provides an overview of indicators of dynamics and sectoral structure of capital-forming investment of enterprises of the Sverdlovsk region. The current specifics of changes in financing sources of investment activity of enterprises are featured.

Methods and methodology. Scientific methods (scientific abstraction, retrospective analysis, method of data comparison) have been used in the course of research.

Scientific novelty. The scientific novelty of the research lies in identification and studying the regional peculiarities of investment activity of economic entities of the Sverdlovsk region under economic crisis in order to develop and implement efficient programs of support and implementation of the investment potential of enterprises of the Ural Federal District.

© Махмудова М. М., 2016

Results. On the basis of the conducted analysis of dynamics and structural changes of investment activity of enterprises in the region, the author formulated a conclusion about the transformation of modern management system of investment activities of enterprises.

Key words: investment activity, real investment, capital investment, investment climate, regional economy subjects of the Sverdlovsk region.

Инвестиционная деятельность предприятия непосредственно или косвенно определяет эффективность всех сфер его деятельности, поскольку формирует основу его конкурентоспособности и высоких темпов развития хозяйствующего субъекта, роста его рыночной стоимости [1, с. 18].

Инвестиции предприятий, как правило, носят долгосрочный характер, и формируются под воздействием таких факторов, как инфляция, норма ссудного процента, ожидаемая норма чистой прибыли [2, с. 36]. В свою очередь, инвестиционная активность предприятий оказывает существенное влияние на экономическое и социальное развитие региона, в котором осуществляется хозяйственная деятельность.

В современных условиях экономической неопределенности управление инвестиционной деятельностью характеризуется трансформационными процессами, учитывающими изменение макроэкономической конъюнктуры, потенциала формирования финансовых ресурсов предприятий, темпов экономического развития, форм организации производственной и финансовой деятельности, финансового состояния и других параметров функционирования предприятия.

Основу инвестиционной деятельности предприятия составляет реальное инвестирование. На большинстве предприятий это инвестирование является в современных условиях единственным направлением инвестиционной деятельности [1, с. 78]. При том, что традиционно, в отечественной практике финансирование капитальных вложений зачастую предполагает использование внутренних источников. Однако, в условиях макроэкономической нестабильности и инфляционных процессов финансовые возможности субъектов региональной экономики снижаются и возникает опасность подрыва экономического потенциала экономики региона [3, с. 588]. В таких условиях актуализируется проведение целенаправленных мер антикризисной политики региональных органов власти, направленных на поддержку предпринимательского сообщества [4, с. 303].

Хозяйствующие субъекты Уральского федерального округа отличаются невысокой инвестиционной активностью, что особенно четко выявляется в региональном разрезе анализа динамики инвестиций в основной капитал предприятий [5 с. 886]. Лидирующие позиции по инвестиционной активности, традиционно, занимают

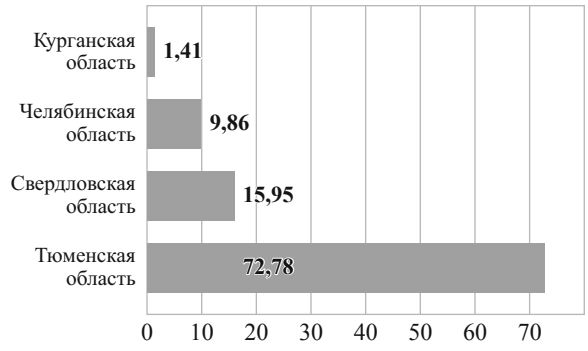

Рис. 1. **Рейтинг инвестиционной активности предприятий регионов Уральского федерального округа, % [6]**

предприятия Тюменской области, на долю которых приходится около 73 % совокупного объема инвестиций в основной капитал (см. рис. 1).

На долю Свердловской области приходится около 16 % суммарного объема инвестиций предприятий. Свердловская область является одним из наиболее развитых российских регионов, занимающий одно из первых мест в национальном рейтинге инвестиционной привлекательности. Экономика Свердловской области характеризуется индустриальным типом, с преимущественным развитием промышленного сектора региональной экономики.

Динамика объема реальных инвестиций предприятий Свердловской области за анализируемый период описывается положительной тенденцией роста. Так, в 2014 г. хозяйствующие субъекты региональной экономики осуществили капиталовложений на сумму 370375 млн. руб., что на 5 % превышает показатель предшествующего 2013 г., и на 41 % больше величины 2010г (см. рис. 2). Однако, динамика темпов роста объема инвестиций в основной капитал предприятий региона характеризуется тенденцией снижения. Так, если в 2010 г. прирост объема реальных инвестиций предприятий Свердловской области составил 32 % относительно уровня предшествующего периода, то в последующие годы темпы роста устойчиво замедлялись.

На сегодняшний день наблюдается снижение инвестиционной активности свердловских предприятий:

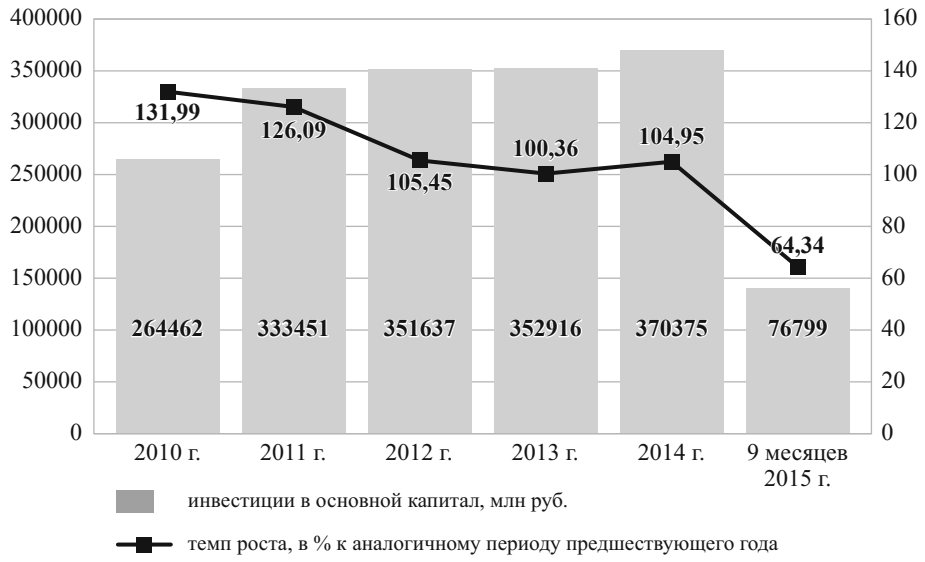

Рис. 2. **Динамика объема реальных инвестиций предприятий Свердловской области [7,8]**

объем инвестиций в основной капитал в современных условиях составляет лишь 64,3 % от аналогичного уровня предшествующего 2014 г. Данная ситуация обусловлена ухудшением финансового состояния хозяйствующих субъектов, а также высокой ценой кредитных средств.

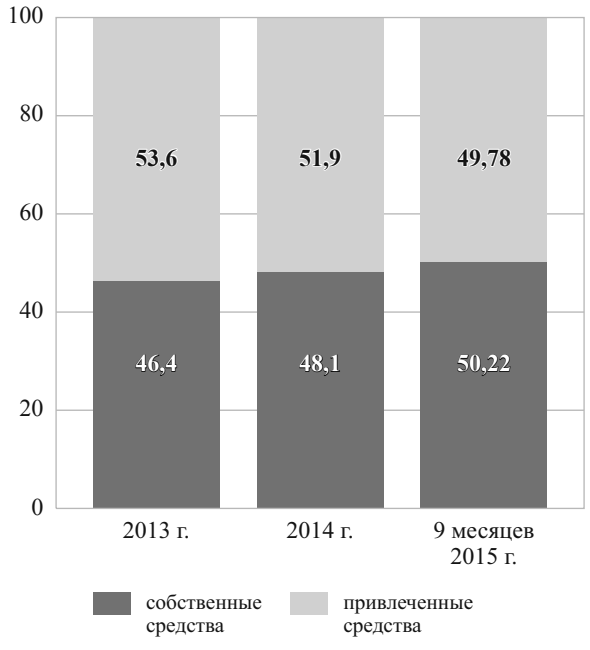

Рис. 3. **Структура источников финансирования инвестиционной деятельности предприятий Свердловской области, % [7,8]**

В современных условиях предприятия региона трансформировали структуру источников финансирования реального инвестирования. Так, если в условиях докризисного 2013 г. доля привлеченных средств в финансировании капиталовложений предприятий Свердловской области составляла 53,6 % в общей величине источников финансирования инвестиций, то в 2015 г. предприятия отдают предпочтение собственным средствам (см. рис. 3).

Снижение финансовых возможностей регионального бюджета в современных условиях, отдающего предпочтение финансированию решений социальных проблем, сократило долю бюджетных средств в качестве источников финансирования инвестиционной деятельности предприятий (см. рис. 4).

В структуре привлеченных средств финансирования инвестиций в основной капитал предприятий Свердловской области на современном этапе за счет снижения доли бюджетных средств увеличилась доля банковских кредитов, составляющая в 2015 г. 24,5 % в структуре привлеченных средств. Хотя повышение процентных ставок по банковским кредитам в современных условиях ограничило финансовые возможности предпринимательского сообщества региональной экономки.

Заметно увеличилась в современной структуре привлеченных источников финансирования реального инвестирования доля прочих средств, в состав которых входят средства вышестоящих организаций и эмиссия акций.

Наиболее активными участниками инвестиционной деятельности в регионе, традиционно, являются предприятия обрабатывающих отраслей, доля которых в общем объеме капиталовложений в области

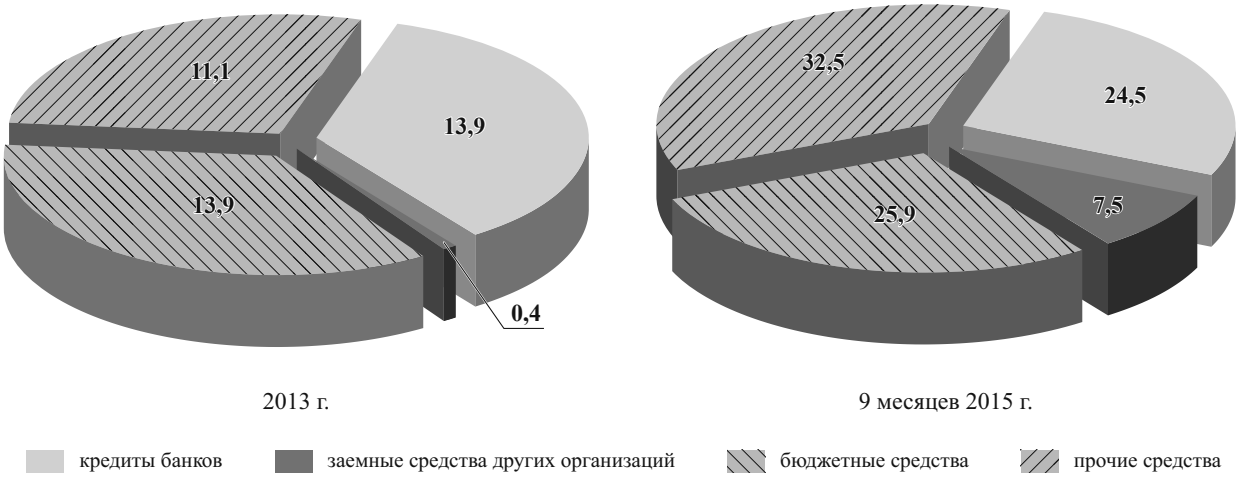

Рис. 4. **Структура привлеченных средств финансирования инвестиционной деятельности предприятий Свердловской области, % [7,8]**

составляет на сегодняшний день 26,8 % (см. рис. 5). Причем доля инвестиций данного сектора региональной экономики заметно увеличилась по сравнению с докризисным периодом. Существенна доля инвестиций в основной капитал предприятий сферы производства и распределения электроэнергии, газа и воды (в 2015 г. их доля составила более 25 % в общей величине реальных инвестиций региона).

С заметным снижением доли в общей структуре капиталовложений высока инвестиционная активность субъектов рынка недвижимости, транспортных компаний.

Наименее активными участниками инвестиционного процесса в региональной экономике являются предприятия стройиндустрии, доля которых не превышает 0,5 % в общем объеме инвестиций региона, а также структуры государственного управления, представители гостиничного бизнеса и туризма с долей менее 1 %.

Среди активных участников реального инвестирования Свердловской области преобладают предприятия

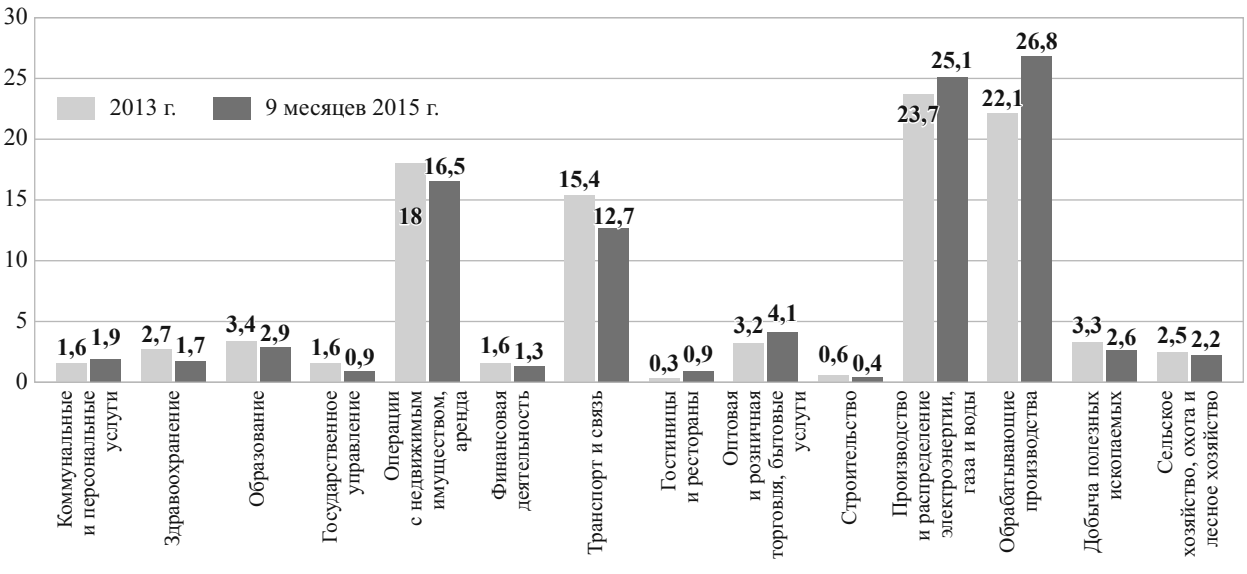

Рис. 5. **Отраслевое распределение инвестиций в основной капитал предприятий Свердловской области, % [7,8]**

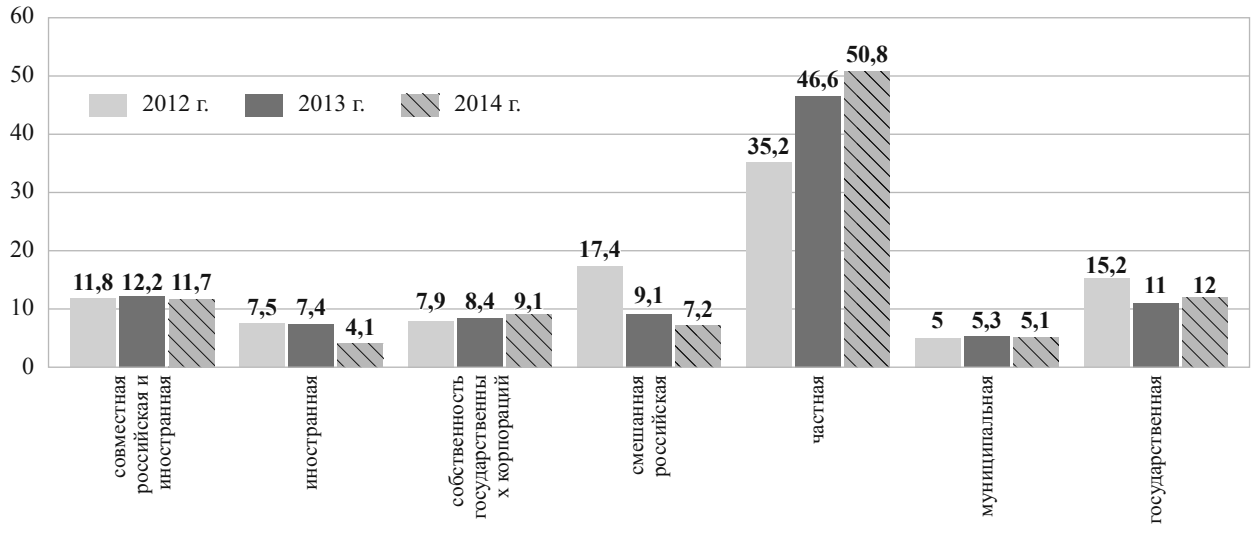

Рис. 6. **Структура инвестиций в основной капитал по формам собственности, %**

частной формы собственности, отличающиеся большей динамичностью и высокой степенью заинтересованности в модернизации и реконструкции собственного производства. Так, на долю частных предприятий приходится более 50 % совокупного объема инвестиций в основной капитал предприятий Свердловской области (см. рис. 6). Равнозначными долями в общем объеме капиталовложений обладают государственные предприятия и организации с участием иностранного капитала – по 12 % в общей структуре инвестиций в основной капитал.

Рис. 7. **Видовая структура реальных инвестиций предприятий Свердловской области, % [7,8]**

Введение ограничительных экономических мер по отношению к России со стороны европейских государств и США сократили присутствие в национальной и региональной экономике иностранных компаний и, соответственно их долю в инвестиционной деятельности.

Хозяйствующие субъекты региональной экономики Свердловской области преимущественно вкладывают средства в техническое перевооружение, направленное на повышение технического уровня производства. Так, в общей структуре капиталовложений инвестиции в машины, оборудование и производственный инвентарь составляют около 48 % (см. рис. 7).

Существенна доля средств, направленных на реконструкцию производственных зданий и сооружений (около 40 %), отличающихся серьезными капиталовложениями и направленных на увеличение промышленных площадей и улучшение условий труда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обострение макроэкономической ситуации и увеличение затрат предприятий на заработную плату и закупку сырья и материалов в условиях инфляционного повышения цен привело к ухудшению финансового состояния предприятий Свердловской области на современном этапе. Повышение ставок по банковским кредитам и замедление роста корпоративного кредита при более высоких процентных ставках также ограничили возможности предпринимателей в финансировании инвестиционной деятельности.

В такой ситуации происходит изменение системы управления инвестиционной деятельностью предприятий, предполагающих изменение структуры

источников финансирования капиталовложений, снижение объема инвестиций в основной капитал и пр.

Для поддержания инвестиционного потенциала региональных предприятий, обеспечивающего динамическое развитие экономики области, Правительству Свердловской области необходимо активизировать работу по антикризисному управлению.

Литература:

1. Асаул А. Н., Карпов Б. М. Модернизация экономики на основе технологических инноваций. СПб.: АНО ИПЭВ, 2008. 606 с.
2. Лукасевич И. Я. Инвестиции. М.: ИНФРА-М, 2011. 208с.
3. Махмудова М. М. Инвестиционная активность предприятий Тюменской области: анализ современных тенденций. // Экономика и предпринимательство. 2015. №1. С. 586–590.
4. Махмудова М. М., Королева А. М. Теоретические подходы к управлению социально-экономическим развитием региона // Экономика и предпринимательство. 2014. №12 (4). С. 302–306.
5. Махмудова М. М. Анализ современных тенденций инвестиционной активности субъектов региональной экономики Уральского федерального округа // Экономика и предпринимательство. 2015. №5(1). С. 886–891.
6. Социально-экономическое положение Уральского федерального округа в 2014 году [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения 10.12.2015).
7. Инвестиции. Статистический ежегодник Свердловской области 2010–2014 гг. [электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/(дата обращения 10.12.2015).
8. Комплексный доклад Социально-экономическое положение Свердловской области за январь-октябрь 2015 г. [электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/ (дата обращения 10.12.2015).

References:

1. Asaul A. N., Karpov B. M. Modernization of economy on the basis of technological innovation. SPb.: ANO IPEV, 2008. 606 p.
2. Lukasevich I. Ya. Investments. M.: INFRA-M, 2011. 208 p.
3. Makhmudova M. M. Investment activity of enterprises of the Tyumen region: analysis of modern trends. // Economics and entrepreneurship. 2015. №1. P. 586–590.
4. Makhmudova M. M., Koroleva A. M. Theoretical approaches to managing socio-economic development of the region // Economics and entrepreneurship. 2014. №12 (4). P. 302–306.
5. Makhmudova M. M. Analysis of current trends in investment activity of subjects of regional economy of the Urals Federal District // Economics and entrepreneurship. 2015. №5 (1). P. 886–891.
6. Socio-economic situation in the Ural Federal District in 2014 [e-resource]. URL: http://www.gks.ru (date of reference 10.12.2015).
7. Investments. Statistical Yearbook of the Sverdlovsk region 2010–2014 [e-resource]. URL: http://sverdl.gks.ru/ (date of reference 10.12.2015).
8. Comprehensive report on Socio-economic situation of the Sverdlovsk region for January-October 2015 [e-resource]. URL: http://sverdl.gks.ru/ (date of reference 10.12.2015).

О СПЕЦИФИКЕ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ В РЕСУРСНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Гуляев П. В.

кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора Научно-исследовательского института региональной экономики Севера, Северо-Восточный федеральный университет (Россия), 678980, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 2, petr_gulyaev@mail.ru

УДК 336.22:353
ББк 65.261.71-21

Цель. Определение особенностей организации налоговой базы налога на доходы физических лиц и налога на прибыль на территории региона, специализирующего на добыче полезных ископаемых. В статье представлены результаты исследования, в том числе сравнительного анализа некоторых характеристик финансовой системы ресурсных регионов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых. В качестве гипотезы выдвигается предположение о наличии специфики в налогообложении доходов физических лиц (НДФЛ) и прибыли на территории ресурсных регионов, возникающей в связи с особенностями организации труда на месторождениях полезных ископаемых.

Методы. Для достижения цели и решения поставленных задач в исследовании использовались общенаучные методы. В качестве информационной базы для исследования использованы данные государственной статистики и налоговой службы РФ. Путем научно-организованного сбора информации сформирована аналитическая база данных для оценки специфики в организации общественных финансов в ресурсном регионе. На основе анализа базы данных по объему и структуре ВРП в регионах РФ выделена устойчивая совокупность регионов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых (ресурсные регионы). На базе статистической сводки данных о ВРП на душу населения, доходах и расходах населения, объема НДФЛ, прибыли предприятий и налога на прибыль проведен сравнительный анализ в разрезе ресурсных регионов.

Результаты. Методом научного обобщения данных о состоянии объекта исследования разработаны концептуальные рекомендации по совершенствованию системы управления экономикой ресурсного региона. В результате исследования выявлены некоторые признаки несбалансированности доходов и расходов населения, доходов бюджета от НДФЛ и налога на прибыль, обусловленные специализацией на добыче полезных ископаемых и географическим положением регионов.

Научная новизна. Исходя из результатов анализа специфики финансовой системы ресурсного региона, предложены новые подходы к совершенствованию систем управления экономикой региона, специализирующего на добыче полезных ископаемых. Предложены новые подходы к классификации ресурсного региона. Дана оценка влияния специализации по добыче тех или иных полезных ископаемых на налоговые доходы региона.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках базовой части государственного задания на выполнение НИР Оптимизация систем управления финансами Республики Саха (Якутия) в соответствии с потребностями устойчивого социально-экономического развития Северо-Востока России (проект №01201460079).

Ключевые слова: ресурсный регион, налоги, доходы населения, потребительские расходы, прибыль.

ON SPECIFICS OF ECONOMY MANAGEMENT SYSTEMS IN RESOURCE-BASED REGIONS OF RUSSIA

Gulyaev P. V.

Candidate of Economics, Associate Professor, Deputy Director of the Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North, North-Eastern Federal University (Russia), 2, Petrovsky Str., Yakutsk, Russia, 678980, petr_gulyaev@mail.ru

© Гуляев П. В., 2016

Purpose. To define the specific features of the tax base organization of the individual income tax and corporate profit tax in the region of mining sector. The article provides the research results and the comparative analysis of certain

characteristics of the financial system of the resource regions specializing in mineral extraction. The idea that the specific features of individual income tax (IIT) and corporate profit tax in resource regions specializing in mining arise due to the peculiar organization of work on mineral deposits is put forward as a hypothesis.

Methods. To achieve the goal and solve the research problems general scientific methods have been used. As the information basis of the research the RF State Statistics and Tax Service data have been employed. By way of scientifically organized collection of information the analytical database has been formed to evaluate the specifics of public finance organization in the resource region. Through analyzing the database on GRP volume and structure in the RF regions a steady set of mineral resource regions specializing in mineral resources extraction (resource regions) is identified in the article. On the basis of statistical summary of data on GRP per capita, income and expenditure of population, individual income tax amount, corporate profit and corporate income tax, a comparative analysis in the context of resource regions has been carried out.

Results. Through the method of scientific analysis of data on the state of the research object the conceptual recommendations for improving the economic management system of the resource region have been developed. The study revealed certain signs of imbalance in income and expenditure of the population, budget revenues from individual income tax and profit tax caused by mining specialization and geographical position of the regions.

Scientific novelty. Based on the results of the specifics analysis of the financial system of the resource region new approaches have been proposed to improve the economic management systems in the region specializing in mineral extraction. Also, new approaches to the resource region classification have been provided. The author estimates the impact of specialization in particular minerals extraction on tax revenue of the region.

Financing. This article was prepared with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the framework of the basic part of the state task to perform the research work Optimization of financial management systems of the Republic of Sakha (Yakutia) in accordance with the needs of sustainable socio-economic development of the North-East of Russia (project № 01201460079).

Key words: resource region, taxes, personal income, consumer spending, profit.

В современной стратегии развития экономики России особая роль в восточном движении национальной экономики отводится так называемым ресурсным регионам. В современных исследованиях понятие ресурсный региона, как правило, базируется на оценке доли добывающей промышленности в структуре ВРП, по абсолютному объему добываемых полезных ископаемых в количественном и стоимостном выражении [1, 2]. При этом существенное значение для регионов ресурсного типа имеет то обстоятельство, что добычу осуществляют крупные вертикально интегрированные корпорации, аккумулирующие финансовые результаты хозяйственной деятельности в структурах управления, расположенных, как правило, не в регионах добычи [5]. Поэтому для оптимизации систем государственного управления экономикой особую актуальность имеют исследования, посвященные отношениям, возникающим в региональной экономике в результате деятельности добывающих компаний. В этой предметной области выделяются исследования, определяющие содержание бюджетного процесса, его качество и эффективность систем управления бюджетным процессом в регионах с учетом финансовых интересов корпораций [5, 6].

Исследователи выделяют устойчивую совокупность ресурсных регионов, имеющих не менее 30 % доли добывающей промышленности в структуре ВРП (табл. 1).

Табл. 1. **Сырьевые регионы РФ**

Субъект РФ	**Доля добычи полезных ископаемых в ВРП, 2013 год, %**
Ненецкий автономный округ	78,5
Ханты-Мансийский автономный округ	67,2
Сахалинская область	60,9
Тюменская область	52,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	48,3
Республика Саха (Якутия)	43,7
Чукотский автономный округ	41,8
Оренбургская область	36,9
Республика Коми	35,1
Кемеровская область	35,1
Архангельская область	30,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Табл. 2. **Структура основных фондов по видам экономической деятельности (по итогам 2013 г.), %**

Субъект РФ	Виды экономической деятельности		
	добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	транспорт и связь
Ненецкий автономный округ	85,1	0,1	8
Сахалинская область	61,8	1	21,3
Ханты-Мансийский автономный округ	54,3	0,6	29,8
Ямало-Ненецкий автономный округ	48,5	0,6	39,1
Тюменская область	47,3	1,5	33,5
Оренбургская область	29,6	8	27,6
Чукотский автономный округ	28,5	1	7,6
Республика Саха (Якутия)	27,7	1	31,9
Архангельская область	27,4	5,8	28,8
Кемеровская область	23,6	9,1	18,4
Республика Коми	20	4,8	57

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Табл. 3. **Валовой региональный продукт на душу населения, 2012 г., руб.**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Ненецкий автономный округ	3841049,3	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	2211580,0	2
Ханты-Мансийский автономный округ	1707991,7	3
Тюменская область	1325288,4	4
Сахалинская область	1297866,6	5
Чукотский автономный округ	960056,9	6
Республика Саха (Якутия)	565450,4	8
Республика Коми	543089,8	9
Архангельская область	387959,0	15
Оренбургская область	311588,5	25
Кемеровская область	261301,2	37

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Такой подход к классификации ресурсного региона понятен и вполне достаточен. Но в некоторых частных случаях государственного регулирования региональной экономики целесообразно учитывать дополнительные факторы, зависящие, в том числе, от вида добываемых ресурсов, наличия моноспециализации региона, особенностей налогообложения, особенностей отношений регион-корпорации, регион-федеральный центр, с учетом сложившихся межбюджетных отношений. Анализируя экономические и финансовые характеристики регионов, вполне возможно выделить дополнительные признаки ресурсности на основе группировок по структуре основных производственных фондов, по совокупной региональной фондоотдаче или фондоёмкости, по совокупной региональной трудоемкости и, особенно, по доле тех или иных налогов в структуре налоговых доходов.

Доминирование добычи полезных ископаемых в структуре ВРП определенным образом влияет на состав, качество и движение основных производственных и непроизводственных фондов в региональной экономике. Характер движения основных фондов влияет на трудоемкость производственных процессов, инфраструктуру, доходы и расходы в производстве и потреблении, что в конечном итоге сказывается на финансах предприятий, населения, общественных финансах, на бюджетном устройстве и бюджетном процессе. В связи с этим, классификация ресурсных регионов на основе доли добычи полезных ископаемых вполне может быть дополнена некоторыми характеристиками региональной финансовой системы, с учетом особенностей в обустройстве экономики данных регионов. Анализ структуры основных фондов по видам экономической деятельности в выделенной группе сырьевых регионов (табл. 1) показывает, что основные фонды в ресурсных регионах сосредоточены в добыче полезных ископаемых и на транспорте (табл. 2.) при очень малой доле обрабатывающего производства.

При этом в большей части данных регионов стоимость основных фондов, используемых в добыче полезных ископаемых и на транспорте, сопоставима, кроме Ненецкого и Чукотского автономных округов. В некоторых регионах превышает в 1,5 и более раз. Необходимо отметить, что стоимость основных фондов отрасли Транспорт и связь в субъектах РФ традиционно высокая и в среднем по России составляет 27,1 % по итогам 2013 года.

По величине ВРП на душу населения регионы, традиционно относящиеся к категории ресурсных, лидируют в составе субъектов РФ (табл. 3). В данных регионах так же высоки среднедушевые доходы населения (табл. 4) и среднемесячная заработная плата (табл. 5).

Однако при этом доля НДФЛ в консолидированном бюджете ресурсного региона невысокая в сравнении с другими регионами (табл. 6). В среднем по РФ доля

НДФЛ в налоговых доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ составляет 41,52 % по итогам 2014 года. Для справки: в Чеченской республике доля НДФЛ в налоговых доходах консолидированного бюджета 84,6 %. В ресурсных регионах данный показатель ниже среднего, а в регионах, являющихся лидерами по сборам налога на прибыль организаций (ХМАО, ЯНАО, Ненецкий АО), данный показатель является минимальным.

Сочетание высоких среднедушевых доходов, высокой заработной платы и низкой доли НДФЛ в доходах бюджета может быть следствием особенностей производственного процесса в добыче полезных ископаемых, в том числе особых методов организации труда на предприятиях добывающей отрасли:

- относительно низкая трудоемкость, вследствие высокой степени механизации и автоматизации труда в горнодобывающей отрасли и как следствие низкая трудоемкость производства;
- применение ускоренной амортизации основных производственных фондов и как следствие уменьшение доли трудового ресурса, используемого в сервисе горнодобывающих предприятий;
- ничтожный сервисный сектор, ориентированный на малый и средний бизнес, в экономике добывающей отрасли [3];
- доминирование в производстве вахтового метода организации труда.
- Экономический эффект от применения вахтового метода в организации труда на добывающих предприятиях не обсуждается. Однако при этом следует отметить, что большая часть ресурсных регионов относятся к районам Крайнего Севера, в отношении которых действует законодательство, регулирующее труд на территории этих районов и предоставляющее следующие гарантии трудящимся:
- оплата труда в повышенном размере с применением т. н. районных коэффициентов и процентных надбавок;
- повышенные гарантии при увольнении в связи с ликвидацией либо сокращением численности или штата работников организации-работодателя;
- предоставление ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска;
- компенсация расходов на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно;
- компенсации расходов, связанных с переездом;
- предоставление (отдельным категориям работников Крайнего Севера) дополнительного времени еженедельного отдыха;
- установление (отдельным категориям работников Крайнего Севера) сокращенной продолжительности еженедельного рабочего времени;
- гарантии медицинского обеспечения.

Табл. 4. **Среднедушевые денежные доходы населения в 2013 г., руб. в месяц.**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Ненецкий автономный округ	66276	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	58040	2
Чукотский автономный округ	52695	4
Сахалинская область	39971	6
Ханты-Мансийский автономный округ	39292	7
Республика Саха (Якутия)	31528	12
Республика Коми	29335	16
Архангельская область	24775	23
Тюменская область	24731	24
Кемеровская область	19697	56
Оренбургская область	18628	61
Российская Федерация	**25928**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Табл. 5. **Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб. в месяц.**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Ямало-Ненецкий автономный округ	69192	1
Чукотский автономный округ	68261	2
Ненецкий автономный округ	61765	3
Ханты-Мансийский автономный округ	54508	6
Сахалинская область	49007	8
Республика Саха (Якутия)	46542	10
Республика Коми	37717	12
Тюменская область	31620	18
Архангельская область	30205	20
Кемеровская область	25326	35
Оренбургская область	21593	54
Российская Федерация	**29792**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Табл. 6. **Доля НДФЛ в консолидированном бюджете ресурсного региона**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Архангельская область	54,70	12
Кемеровская область	48,33	28
Чукотский АО	38,59	64
Республика Коми	38,51	65
Оренбургская область	33,51	73
Республика Саха (Якутия)	31,01	77
Тюменская область	30,30	79
Ямало-Ненецкий АО	29,51	80
Ханты-Мансийский АО	26,41	83
Ненецкий АО	19,55	86
Сахалинская область	17,01	87
Российская Федерация	**41,52**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

В настоящее время, данные гарантии обеспечиваются в основном за счет собственных средств предприятий, зарегистрированных на территориях, относящихся к районам Крайнего Севера, в результате чего увеличивается себестоимость производства и совокупные издержки в экономике ресурсного региона. Таким образом, в системе государственного регулирования труда в районах Крайнего Севера возникает эффект бумеранга: реализация социальных гарантий, обеспеченных федеральным законодательством, значительно увеличивает совокупные издержки региональной экономики, что приводит к удорожанию производства и потребления, сферы услуг. При этом крупные корпорации, извлекающие недровые ресурсы, используя вахтовый метод организации труда, существенно минимизируют издержки, связанные с обеспечением гарантий трудящимся в районах Крайнего Севера.

Использование вахтового метода весьма объективный процесс, обусловленный повышением мобильности трудового ресурса, снижением доли транспортных издержек в совокупных расходах крупных компаний, стремлением минимизировать налогообложение, фонды оплаты труда, постоянные расходы. Но следует также отметить, что на социально-экономическое развитие ресурсных регионов в перспективе будет так же значительно влиять мобильность технологий, используемых в добывающей отрасли. Растущая мобильность технологий, основных производственных фондов, используемых в добыче полезных ископаемых, может означать уменьшение доли дорогостоящих основных фондов добывающей отрасли в структуре всех основных фондов экономики ресурсного региона. Повышение мобильности основных производственных факторов, снижение трудоемкости и энергоёмкости производства в дальнейшем может определять снижение заинтересованности корпораций в обустройстве инфраструктуры на территориях, прилегающих к месторождениям. Что в свою очередь может привести к уменьшению регионального производственного потенциала, сокращению региональной инфраструктуры, стагнации несырьевого сектора региональной экономики, ухудшению положения дел в социальной сфере, некомпенсируемому износу и уменьшению стоимости основных фондов непроизводственного назначения, в том числе жилищного фонда на территории ресурсных регионов.

Стагнирующая инфраструктура обуславливает усиление действия и появление новых факторов удорожания производства и потребления, вследствие чего ресурсные регионы лидируют по уровню потребительских расходов на душу населения (табл. 7). Недоразвитая транспортная инфраструктура обусловливает увеличение логистических издержек. Физический и моральный износ основных фондов инфраструктуры приводит к росту себестоимости производства товаров

Табл. 7. **Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц; рублей)**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Сахалинская область	27846	2
Ямало-Ненецкий автономный округ	27465	3
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	24686	5
Тюменская область	22173	8
Ненецкий автономный округ	20331	13
Республика Коми	19338	18
Республика Саха (Якутия)	19269	19
Архангельская область	17457	25
Чукотский автономный округ	16278	32
Кемеровская область	13892	53
Оренбургская область	13842	54
Российская Федерация	**19075**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Табл. 8. **Величина НДПИ на одного занятого в экономике, тыс. руб.**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Ханты-Мансийский АО – Югра	1534	1
Ямало-Ненецкий АО	1198	2
Ненецкий АО	1017	3
Республика Коми	146	4
Оренбургская область	107	6
Республика Саха (Якутия)	104	7
Чукотский АО	94	8
Тюменская область	29	15
Сахалинская область	14	17
Кемеровская область	4	20
Архангельская область	1	31
Российская Федерация	**43**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

и услуг и при неразвитых механизмах рыночной конкуренции на территории ресурсных регионов приводит к росту потребительских цен на товарном рынке. Рост городского населения, вполне объективный и закономерный в современных условиях, влечёт увеличение расходов населения на такие жизненно необходимые инфраструктурные сектора городской экономики, как водоснабжение, энергетика и транспорт. Значительная доля в составе потребительских расходов в ресурсных регионах принадлежит расходам на жилищно-коммунальные услуги (в Республике Саха (Якутия) до 20 % от уровня среднемесячной заработной платы). Износ и аварийность элементов коммунальной инфраструктуры увеличивает расходы на её содержание, провоцирует рост тарифов в системе ЖКХ и необходимость применения перекрестного субсидирования.

Данные обстоятельства существенным образом влияют на баланс доходов и расходов в общественных финансах, на бюджетный процесс, ориентированный, в том числе, на необходимость дотирования инфраструктурных отраслей, обеспечивающих добычу полезных ископаемых. Безусловно, отрицательное действие факторов удорожания производства и потребления нивелируется различными механизмами государственного регулирования экономики. В системе государственного регулирования экономики основными инструментами являются бюджет субъекта РФ, государственная финансовая политика, в составе которой, как правило, выделяются инвестиционная политика, бюджетная политика, налоговая политика и т.п..

В связи с этим для регионов ресурсного типа большое значение имеет организация, содержание и распределение по уровням бюджетной системы РФ доходов от налогов, характеризующих добавленную стоимость, генерируемую в добыче полезных ископаемых: налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и налог на прибыль.

Анализ удельного значения НДПИ в расчете на одного занятого в экономике по итогам 2013 года показывает, что в семи ресурсных регионах данный показатель превышает среднее значение по Российской Федерации (табл. 8). В составе доходов, администрируемых налоговыми органами на территории ресурсного региона доля НДПИ преобладает (табл. 9). То есть, НДПИ является самым собираемым налогом на территории ресурсных регионов, поступающим во все уровни бюджетной системы.

Однако при этом доля НДПИ, поступающего в региональные консолидированные бюджеты, весьма различается (табл. 10). Для большинства ресурсных регионов НДПИ не является налогом, имеющим исключительно большой вес в составе доходов консолидированного бюджета. Исключением являются Чукотский АО и Республика Саха (Якутия). В консолидированные бюджеты данных регионов практически

Табл. 9. **Доля НДПИ в составе доходов, администрируемых налоговыми органами на территории региона**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Ханты-Мансийский АО – Югра	73	1
Ямало-Ненецкий АО	64	2
Ненецкий АО	62	3
Оренбургская область	54	4
Республика Коми	50	5
Томская область	45	6
Республика Саха (Якутия)	40	7
Тюменская область	35	12
Чукотский АО	30	14
Сахалинская область	2	37
Архангельская область	1	48
Российская Федерация	**23**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Табл. 10. **Доля НДПИ в консолидированном бюджете субъекта**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Чукотский АО	17,68	1
Республика Саха (Якутия)	15,68	2
Кемеровская область	3,43	8
Архангельская область	1,06	19
Оренбургская область	0,93	21
Ямало-Ненецкий АО	0,47	28
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,39	30
Республика Коми	0,38	31
Ненецкий АО	0,26	44
Сахалинская область	0,12	57
Тюменская область	0,06	79
Российская Федерация	**0,3**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Табл. 11. **Доля налога на прибыль в консолидированном бюджете субъекта**

Субъект РФ	Величина	Место, занимаемое в РФ
Сахалинская область	75,25	1
Ненецкий АО	54,58	2
Тюменская область	52,92	3
Ханты-Мансийский АО – Югра	51,58	4
Оренбургская область	41,55	6
Ямало-Ненецкий АО	38,85	7
Республика Саха (Якутия)	37,94	8
Чукотский АО	31,61	16
Республика Коми	29,00	19
Кемеровская область	22,13	43
Архангельская область	16,61	66
Российская Федерация	**30,39**	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

полностью поступает налог на добычу прочих полезных ископаемых (за исключением полезных ископаемых в виде природных алмазов) и 100 % налога на добычу полезных ископаемых в виде природных алмазов соответственно.

В большинстве ресурсных регионов почти 100 % доходов от налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья поступает в федеральный бюджет. Таким образом, можно констатировать факт, что большинство ресурсных регионов не получают адекватного бюджетного и налогового эффектов от добычи полезных ископаемых за счет НДПИ. Конечно, система межбюджетных отношений частично компенсирует потери регионов при таком распределении НДПИ, обусловленном сложившимися отношениями федерального центра и субъектов РФ, но при этом методология распределения фондов финансовой поддержки регионов, разработанная в конце 90-х годов уже не вполне соответствует реальному положению дел в экономиках ресурсных регионов.

Также следует принимать во внимание отношения, складывающиеся по поводу распределения добавленной стоимости и результатов хозяйственной деятельности (в первую очередь финансовых результатов) добывающих корпораций и соблюдении в этом распределении интересов ресурсных регионов. Как правило, добывающие корпорации имеют вертикально-интегрированную организацию управления и распределения ресурсов, с централизацией финансовых потоков в крупных мегаполисах [5]. При такой организации управления бизнесом добавленная стоимость, генерирующая финансовые результаты предприятий в составе корпораций и холдингов, распределяется не в пользу ресурсного региона, что приводит к уменьшению объема налоговых поступлений в региональные бюджеты. Однако налог на прибыль организаций все равно остается самым тяжелым налогом в составе консолидированного бюджета ресурсного региона (табл. 11).

Особенности распределения поступлений доходов от налога на прибыль в бюджеты различного уровня дает определенную возможность сгруппировать ресурсные регионы и сделать выводы о специализации того или иного региона на добыче полезных ископаемых. Анализ показывает, что доля налога на прибыль в консолидированном бюджете субъекта с ресурсной экономикой преобладает и этот налог является основной составляющей налогового потенциала данных регионов. Доля налога на прибыль в налоговых доходах консолидированного бюджета ресурсного региона значительно выше, чем в остальных регионах. Для сравнения: среднее значение по Российской федерации 30,39 %, минимальное значение показателя в Чеченской республике 4,66 %.

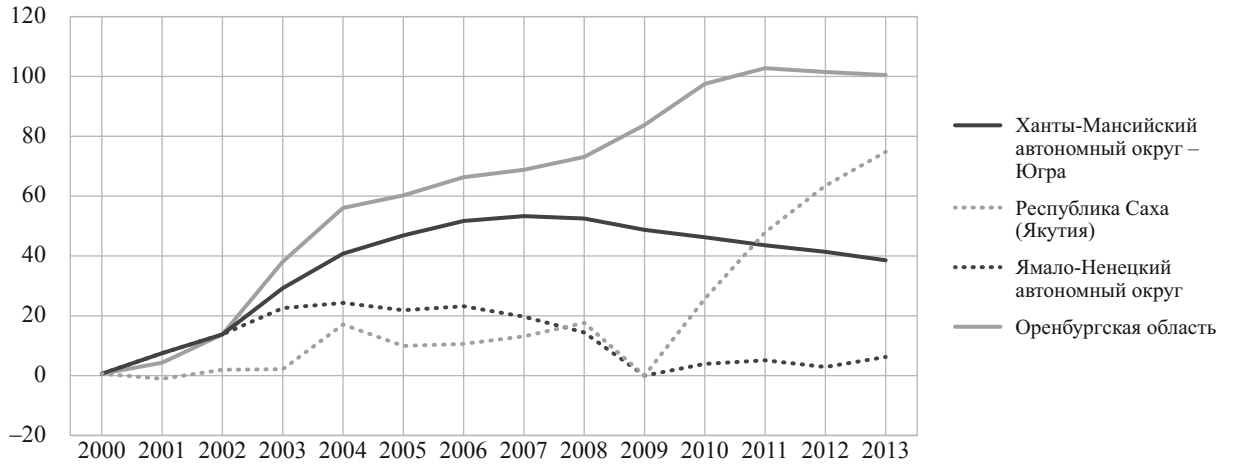
В связи с этим особый интерес может представлять анализ факторов, влияющих на финансовый результат предприятий, а также анализ влияния сальдированного

финансового результата предприятий на поступление налога на прибыль организаций в консолидированный бюджет ресурсного региона. Одним из основных факторов, влияющих на финансовый результат предприятий региона, на налогообложение прибыли и в конечном итоге на социально-экономическое развитие в целом, является объем производства и реализации продукции. Анализ динамики индексов производства в отрасли Добыча полезных ископаемых по отношению к 2000-му году на территории ресурсных регионов показывает наличие значительной дифференциации ресурсных регионов по темпам развития данной отрасли (рис. 1).

Наибольший рост объема добычи полезных ископаемых по отношению к 2000-му году наблюдается в Сахалинской области (более 600 %). Столь значительное увеличение объемов производства связано с освоением охотоморского шельфа Северного Сахалина – главного нефтегазоносного района Дальнего Востока России (проекты Сахалин-1, Сахалин-2). Рекордное значение индекса производства в добыче полезных ископаемых зафиксировано в Чукотском АО (в 2010 году более 900 % по отношению к 2000-му году). Рекордную активизацию производства в данном регионе обеспечило множество фирм, аффилированных с Сибнефтью, через которые осуществлялся сбыт нефти и нефтепродуктов.

Наименьший рост (менее 10 %) – в Ямало-Ненецком АО. Регионы, являющиеся крупнейшими налогоплательщиками РФ, специализирующиеся на нефтегазодобыче: Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО – имеют неоднозначную динамику производства по специализации, имеющую с 2006 по 2013 гг. незначительный отрицательный тренд. Снижение темпов производства в нефтегазодобыче при таком базовом периоде (2000 год) объясняется действием множества факторов:

- значительное изменение макроэкономических условий;
- наличие кризисных явлений в мировой экономике и как следствие – нестабильность на рынках углеводородного сырья;
- снижение дебитов скважин и т.п.;
- снижение мировых цен на нефть и относительные увеличение себестоимости добычи на месторождениях

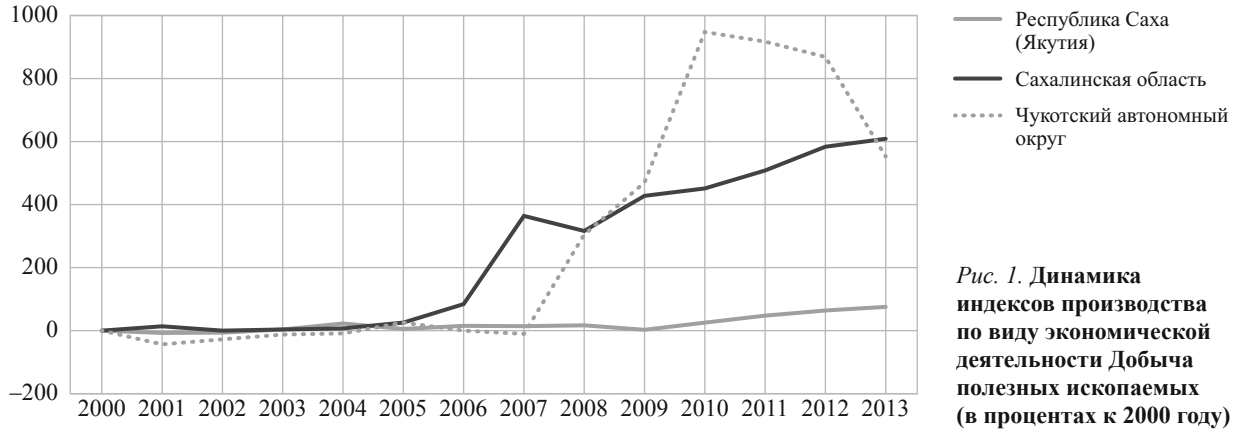

Рис. 1. **Динамика индексов производства по виду экономической деятельности Добыча полезных ископаемых (в процентах к 2000 году)**

в данных регионах в связи с общемировыми тенденциями, меняющими технологический уклад в добыче полезных ископаемых (развитие индустрии сланцевого газа и сланцевой нефти, связанной нефти (tight oil), битумов и т.п. кардинально меняет ситуацию на глобальных рынках углеводородного сырья) [4, 5].

Наибольшую стабильность в динамике индекса производства имеет добывающая отрасль в Республике Саха (Якутия): стабильный положительный тренд (в 2013 году 74,4 % по отношению к 2000-му году). Провалы наблюдаются в 2005 и 2009 годах, что объясняется действием мировых экономических кризисов. В связи со специализацией на добыче алмазов и драгоценных металлов экономика добывающей отрасли в Республике Саха (Якутия) не подвержена значительному влиянию ценовой нестабильности на мировых рынках углеводородного сырья. При этом в связи с тем, что отрасль сохраняет экспортную ориентированность, изменения курса валют влияют на увеличение экспортной выручки в рублевом исчислении и на рост индекса производства. При стабильности рынков алмазного сырья, это даёт дополнительные доходы в консолидированный бюджет Республики Саха (Якутия) и возможность финансового маневра в сложных макроэкономических условиях.

В прочем следует отметить, что в структуре продукции по виду экономической деятельности Добыча полезных ископаемых Республики Саха (Якутия) доля топливно-энергетических полезных ископаемых выросла с 2007 г. по 2013 г. более чем в два раза (с 18,6 % до 40,5 %) (табл. 12). Учитывая наличие в экономике республики быстроразвивающегося трубопроводного транспорта (проекты ВСТО и Сила Сибири для транспортировки нефти и газа) доля добытого углеводородного сырья в составе продукции добывающей отрасли в перспективе будет увеличиваться. Некоторые исследователи считают, что крупномасштабное освоение углеводородного потенциала республики крупными корпорациями может привести к перераспределению финансовых ресурсов, генерируемых добычей полезных ископаемых на территории республики, в пользу корпораций и федерального центра [5, 6].

Объемы производства в добывающей отрасли прямым образом влияют на финансовые результаты добывающих компаний, а финансовые результаты должны коррелировать с объемами доходов консолидированных бюджетов от налога на прибыль организаций. Принимая во внимание то обстоятельство, что на территории ресурсных регионов добавленная стоимость формируется в основном в результате деятельности небольшой группы крупных добывающих компаний, для укрупненного анализа допустимо в качестве показателя, характеризующего совокупный налогооблагаемый финансовый результат, использовать показатель государственной статистики Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций.

На рис. 2–5 представлен графический анализ отношений Сальдированный финансовый результат предприятий – налог на прибыль в консолидированный бюджет в некоторых ресурсных регионах. С незначительными допущениями данный вид отношений можно интерпретировать так же, как отношения Финансы корпораций – бюджет региона.

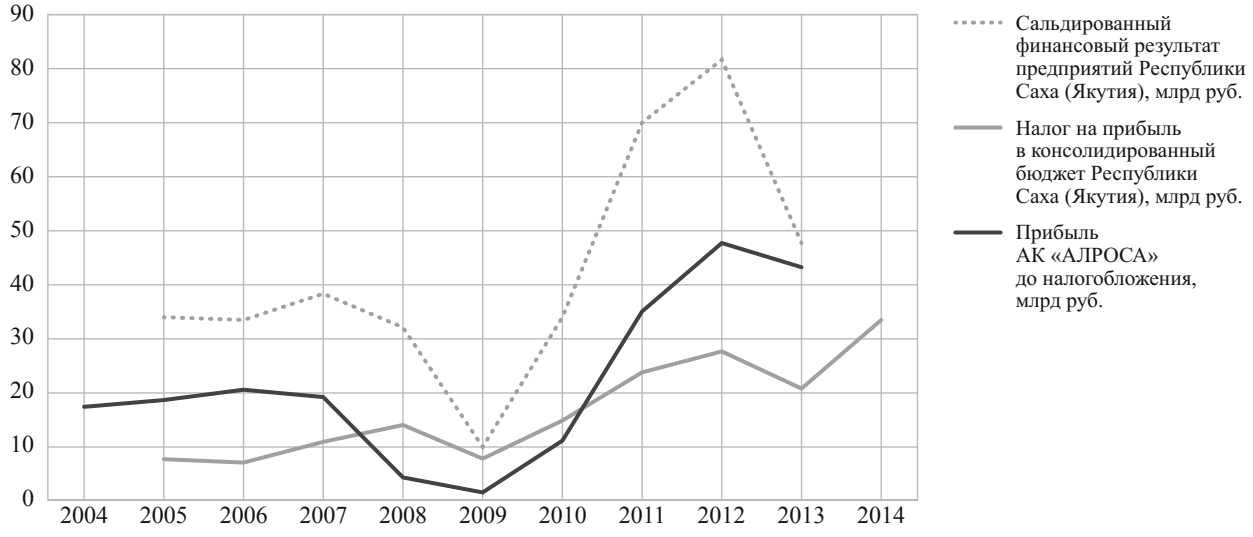

Рис. 2. **Отношение Сальдированный финансовый результат предприятий – налог на прибыль в консолидированный бюджет, Республика Саха (Якутия)**

Табл. 12. **Структура объема отгруженной продукции по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (в фактически действовавших ценах; в процентах)**

	Добыча полезных ископаемых – всего	2007 г.		2013 г.	
		в том числе по видам деятельности		в том числе по видам деятельности	
		добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических
Российская Федерация	**100**	**88,7**	**11,3**	**89,2**	**10,8**
г. Москва	**100**	**99,7**	**0,3**	**99,98**	**0,02**
Ненецкий автономный округ	100	99,99	0,01	99,95	0,05
Тюменская область	100	99,9	0,1	99,9	0,1
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	100	99,9	0,1	99,9	0,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	100	99,7	0,3	99,9	0,1
Сахалинская область	100	99,3	0,7	99,7	0,3
Республика Коми	100	98,7	1,3	99,2	0,8
Оренбургская область	100	92,1	7,9	94,3	5,7
Кемеровская область	100	93,9	6,1	77,1	22,9
Республика Саха (Якутия)	100	18,6	81,4	40,5	59,5
Чукотский автономный округ	100	25,5	74,5	2,9	97,1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2008. 891 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

Анализ показывает существенные различия в организации данных отношений в различных регионах. В Республике Саха (Якутия) налог на прибыль в консолидированный бюджет сильно коррелирует с сальдированным финансовым результатом предприятий, который в основном зависит от результатов деятельности АК АЛРОСА. Наблюдается позитивная динамика налога на прибыль с сохранением положительного тренда.

В Ханты-Мансийском АО, Ямало-Ненецком АО и в Оренбургской области динамика поступлений налога на прибыль организаций в консолидированные бюджеты не имеет столь сильной корреляции с сальдированным финансовым результатом предприятий, как в Республике Саха (Якутия). Это может объясняться, в том числе, наличием коллизий в организации государственной статистики, фиксирующей финансовые результаты бюджетообразующих предприятий, и в организации налогообложения прибыли добывающих корпораций. Система отношений, регулирующих налогообложение корпораций в данных регионах, предполагает наличие существенных налоговых преференций для добывающих предприятий и централизацию прибыли в центрах, расположенных за пределами данных регионов.

При этом динамика поступлений налога на прибыль в консолидированные бюджеты отличается стабильным трендом, что может оказывать положительное воздействие на управление, регулирование экономики и на социально-экономическое развитие регионов. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии механизмов, нивелирующих колебания в макроэкономических системах и нестабильность мировых рынков минерально-сырьевых ресурсов.

По результатам проведенного анализа можно сделать выводы о наличии некоторых специфических характеристиках финансовой системы ресурсного региона.

1. Основным признаком ресурсной экономики на региональном уровне является большая доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП (более 30 %). Среди субъектов с такой долей добычи полезных ископаемых целесообразно выделять регионы

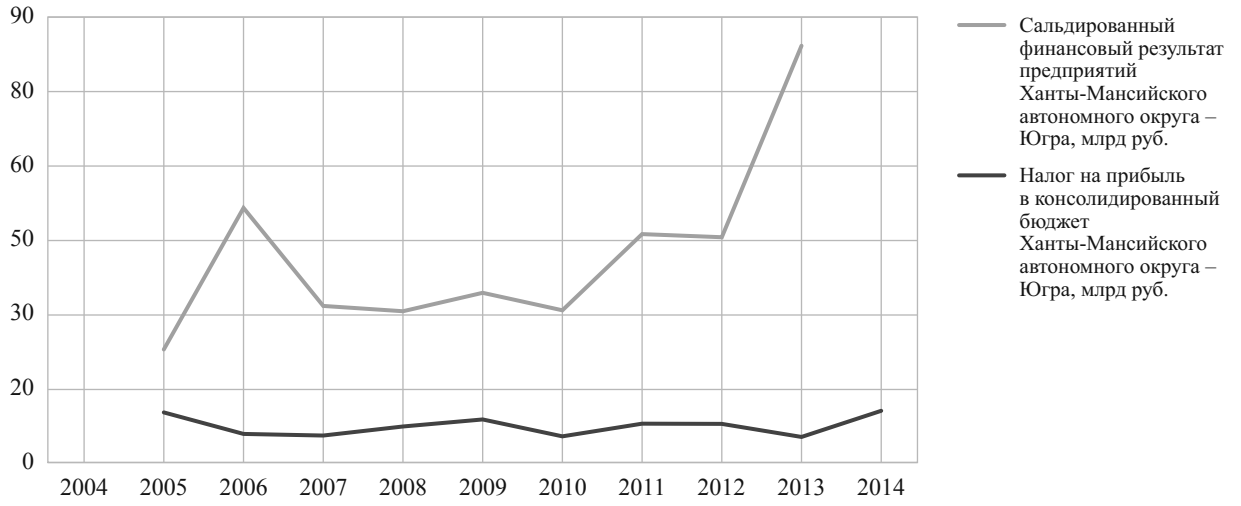

Рис. 3. **Отношение Сальдированный финансовый результат предприятий – налог на прибыль в консолидированный бюджет, Ханты-Мансийский АО**

со специализацией на добыче минерально-сырьевых ресурсов (ХМАО, ЯНОА, Оренбургская область), на территории которых зарегистрированы крупнейшие налогоплательщики России и формируется значительная часть национального дохода. Но при этом необходимо этом учитывать наличие и динамику развития отраслей переработки сырья в готовую продукцию в регионах, имеющих хорошую ресурсную базу и диверсифицированную экономику в таких регионах как Республика Татарстан, Томская область (финансы этих регионов в рамках данного исследования не анализировались). В данных регионах доля добычи полезных ископаемых в структуре ВРП имеет тенденцию к снижению с 30 % в 2005 г. до 20 % в 2013 г. в Республике Татарстан и с 35 % в 2005 г. до 29 % в 2013 г. в Томской области.

2. Преобладание добычи полезных ископаемых в составе ВРП определяет высокую долю стоимости основных производственных фондов (ОПФ) данной отрасли в структуре всех основных фондов

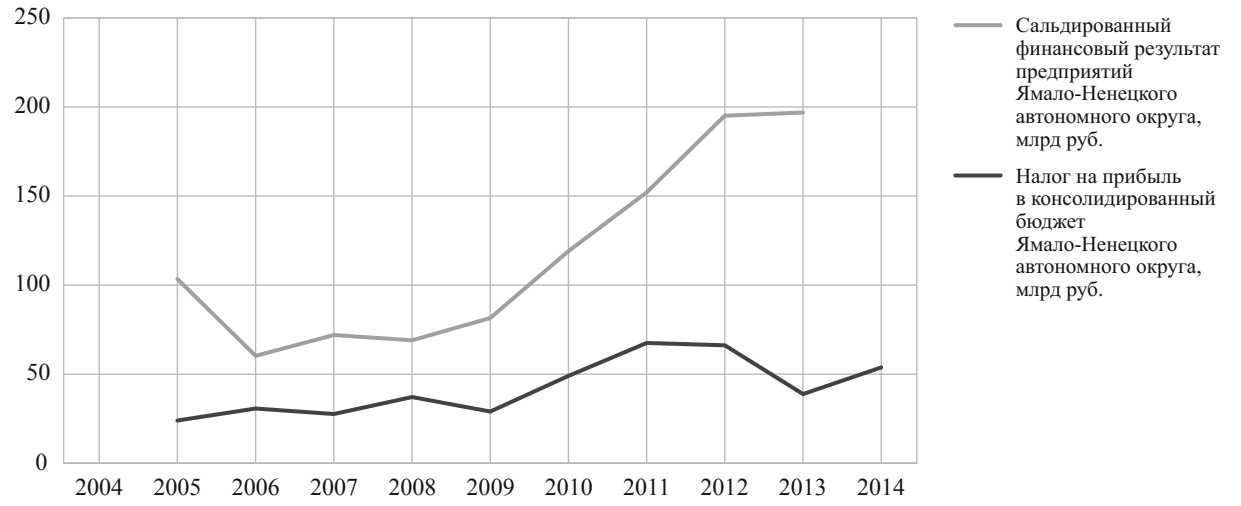

Рис. 4. **Отношение Сальдированный финансовый результат предприятий – налог на прибыль в консолидированный бюджет, Ямало-Ненецкий АО**

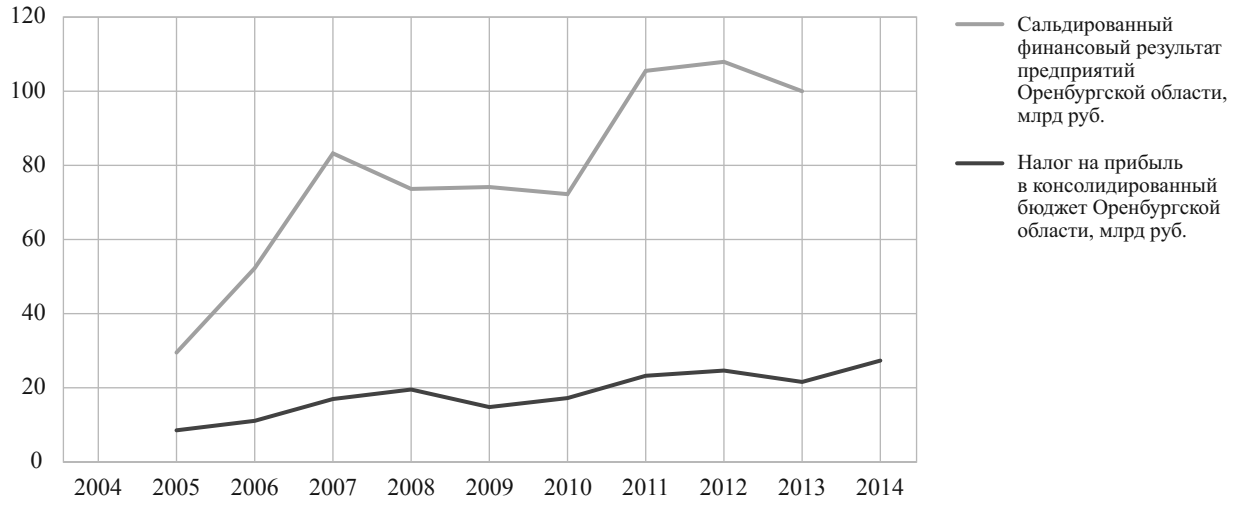

Рис. 5. **Отношение Сальдированный финансовый результат предприятий – налог на прибыль в консолидированный бюджет, Оренбургская область**

региональной экономики. Стоимость ОПФ добывающей отрасли во многом определяется амортизационной политикой государства в отношении добывающих компаний. Возможность применения ускоренной амортизации ОПФ в добыче полезных ископаемых влияет на декларируемые финансовые результаты компаний в сторону уменьшения в кратко- и среднесрочном периоде, что может уменьшать объем налога на прибыль, поступающего в консолидированный бюджет ресурсного региона. Последствия применения ускоренной амортизации основных фондов крупными добывающими компаниями на региональном уровне остаются малоизученными и требуют дополнительных исследований.

3. В составе исследованной группы ресурсных регионов (табл. 1) выделяется Чукотский АО с особыми условиями государственного регулирования экономики, сложившимися при участи крупной добывающей корпорации. На территории Чукотского АО де-факто была сформирована экономическая зона с условиями наибольшего благоприятствования для монополии крупной добывающей корпорации. В результате особенного (уникального) обустройства субфедеральной системы управления, обусловленного, в том числе особенными отношениями регион-корпорация, в данном регионе с 2001 года наблюдались чрезвычайно высокие темпы социально-экономического развития, в связи с чем, доходная часть консолидированного бюджета выросла в разы при практически неизменном производственном потенциале. Таким образом, возникает псевдоспециализация региона на добыче полезных ископаемых.

4. Анализ некоторых подушевых показателей, характеризующих финансы населения, показывает, что большие объемы ВРП на душу населения позволяют обеспечивать высокие среднедушевые доходы в ресурсных регионах по сравнению с другими субъектами РФ. При этом доля НДФЛ в структуре доходов бюджета ресурсных регионов в сравнении с другими субъектами РФ небольшая. Данное обстоятельство может объясняться спецификой ресурсной экономики, в которой используются технологии с низкой трудоемкостью производства и вахтовыми методами организации труда.

5. В числе факторов, влияющих на высокие потребительские расходы населения, целесообразно выделить низкие темпы развития инфраструктуры и как следствие: сложные транспортные схемы доставки грузов, значительный износ и аварийное состояние коммунальных систем, неразвитая инфраструктура товарных рынков. Усугублять действие факторов удорожания производства и потребления в долгосрочной перспективе может растущая мобильность основных производственных факторов (труд и капитал) в добыче полезных ископаемых.

6. Действие факторов удорожания компенсируется дотациями и субсидиями бюджета, основными налоговыми доходами которого являются: налог на прибыль, налог на доходы физических лиц и налог на добычу полезных ископаемых. Анализ структуры доходов консолидированных бюджетов ресурсных регионов показывает, что основная часть налоговых доходов формируется за счет поступлений от налога на прибыль. Немаловажное значение имеет налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), но в регионах, специализирующихся на нефтегазодобыче, НДПИ в виде

углеводородного сырья в консолидированных бюджетах субъектов незначителен. В рамках анализа структуры доходов, налогового потенциала, распределения налогов по уровням бюджетной системы можно выделить Республику Саха (Якутия), в консолидированный бюджет которой поступает 100 % НДПИ в виде алмазов.

Это обстоятельство следует учитывать при разработке проектов освоения месторождений, в программировании государственного регулирования региональной экономики, в стратегическом планировании и т.п.

7. В целях оптимизации систем управления региональными финансами в условиях ресурсной экономики следует учитывать, что преференции, в том числе налоговые, стимулирующие разработку месторождений на начальных этапах освоения, могут иметь обратный эффект. Исследования показывают, что реализация крупных нефтяных проектов в регионах в условиях льготного налогообложения на начальном этапе обеспечивает краткосрочный рост региональной бюджетной эффективности [5]. Увеличение бюджетного эффекта приводит к увеличению объема расходных обязательств регионального бюджета. Однако вслед за краткосрочным ростом бюджетной эффективности следует снижение налоговой отдачи, что негативно отражается на бюджетной обеспеченности увеличенного объема расходных обязательств региона.

Таким образом, исходя из результатов анализа специфики финансовой системы ресурсного региона, по мнению автора, целесообразно обратить внимание на необходимость совершенствования системы управления региональной экономикой по следующим направлениям:

- адаптация налоговой системы к современным условиям хозяйствования (в том числе, и особенно в Арктической зоне), в соответствии с интересами крупных корпораций и ресурсных регионов (прибыль – инфраструктура), в том числе совершенствование амортизационной политики с учетом растущей мобильности основных производственных факторов;
- учёт степени освоенности ресурсной базы региона с оценкой качества инфраструктуры при определении перспектив развития региональной экономики по ресурсному сценарию;
- оценка степени влияния деятельности крупных добывающих корпораций на бюджетный процесс региона;
- совершенствование законодательства, регламентирующего отношения корпорации – регион исходя из оценки степени присутствия на территории региона крупных сырьевых компаний;
- развитие конкурентной среды в добывающей отрасли, создание условий для эффективного функционирования малых и средних сервисных компаний в сфере добычи полезных ископаемых, включая производство оборудования и технологий.

Литература:

1. Белоусова С. В. Ресурсные регионы: экономические возможности и финансовая справедливость // ЭКО. 2015. №6. С. 40–48.
2. Ильина И. Н. Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. №2. С. 83–102.
3. Крюков В. А. Институциональные барьеры развития нефтегазового сектора России (на примере Восточной Сибири) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. №4. С. 151–157.
4. Крюков В. А., Селезнева О. А. Нефтегазовые ресурсы в меняющейся институциональной среде // Экономический журнал ВШЭ. 2013. №3. С. 407–428.
5. Нефёдкин В. И. Бюджетное проклятие ресурсных регионов // ЭКО. 2015. №6. С. 5–24.
6. Токарев А. Н. Как учесть интересы нефтяных регионов // ЭКО. 2015. №6. С. 25–39.
7. An industry for the future – Norway`s petroleum activities. Report to the Storing (white paper). Oslo: Norwegian Ministry of Petroleum and Energy, 2011. 173 p.
8. Canada`s Northern Strategy [электронный ресурс]. URL: http://www.northernstrategy.gs.ca/index-eng.asp (дата обращения 03.02.2015).

References:

1. Belousova S. V. Resource regions: economic opportunities and financial equity // EKO. 2015. №6. P. 40–48.
2. Ilyina I. N. Prospects for the development of the RF resource-based regions in strategic planning documents // Issues of state and municipal management. 2013. №2. P. 83–102.
3. Kryukov V. A. Institutional barriers to the Russian oil and gas sector development (exemplified by Eastern Siberia) // Journal of new economic Association. 2012. №4. P. 151–157.
4. Kryukov V. A., Selezneva O. A. Oil and gas resources in a changing institutional environment // HSE economic journal. 2013. №3. P. 407–428.
5. Nefedkin V. I. Budget curse of the resource-based regions // EKO. 2015. №6. P. 5–24.
6. Tokarev A. N. How to consider interests of the oil regions // EKO. 2015. №6. P. 25–39.
7. An industry for the future – Norway`s petroleum activities. Report to the Storing (white paper). Oslo: Norwegian Ministry of Petroleum and Energy, 2011. 173 p.
8. Canada`s Northern Strategy [e-resource]. URL: http://www.northernstrategy.gs.ca/index-eng.asp (date of reference 03.02.2015).

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ НА ОСНОВЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Аюрзанайн А. Б.

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории, мировой экономики, государственного и муниципального управления, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Россия), 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1, ayurza9@yandex.ru

Галданова Е. В.

аспирант кафедры экономической теории, мировой экономики, государственного и муниципального управления, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Россия), 670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1, sharlu@mail.ru

УДК 338.43:353
ББК 65.32-21

Цель. Исследование пространственного потенциала, разработка подходов к его измерению и механизмов его использования на примере Республики Бурятия

Методы. Методологической основой исследования является подход, согласно которому, экономическое пространство региона рассматривается как основа эффективного синергетического взаимодействия всех видов процессов, влияющая на экономическую структуру, определяющая социально-экономическую среду, воздействующую на жизнедеятельность и жизнеобеспечение территориального сообщества, при этом границы этого пространства характеризуются интенсивностью и насыщенностью связей региона, а не административно-территориальным делением.

Результаты. Практическая значимость исследования определяется прикладным характером результатов и выводов, направленных на повышение конкурентоспособности направлений сельского хозяйства региона. Основные результаты исследования используются в Министерстве экономики Республики Бурятия в части комплексной оценки деятельности АПК Республики Бурятия и формирования программ пространственного развития предприятий отраслей сельского хозяйства. Отдельные методические положения авторов, используются в учебном процессе, в частности по дисциплинам Экономика отрасли, Региональная экономика, Стратегия развития региона.

Научная новизна. В статье рассмотрены основные подходы к определению пространственного потенциала региона, предложен механизм его использования и проведен анализ пространственного потенциала отраслей сельского хозяйства на примере Республики Бурятия.

*Ключевые слова***:** пространственно-отраслевой потенциал, эффективность управления, сельское хозяйство, пространственный подход.

IMPROVING AGRICULTURAL MANAGEMENT EFFICIENCY ON THE BASIS OF SPATIAL POTENTIAL (EXEMPLIFIED BY THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Ayurzanain A. B.

Candidate of Economics, senior lecturer of Economics, World Economy, Public and Municipal Administration Department of the East-Siberian State University of Technology and Management (Russia), str. 1, 40B, Kluchevskaya Str., Ulan-Ude, Russia, 670013, ayurza9@yandex.ru

Galdanova E. V.

postgraduate student of Economics, World Economy, Public and Municipal Administration Department of the East-Siberian State University of Technology and Management (Russia), str. 1, 40B, Kluchevskaya Str., Ulan-Ude, Russia, 670013, sharlu@mail.ru

© Аюрзанайн А. Б., Галданова Е. В., 2016

Аюрзанайн А. Б., Галданова Е. В.

Purpose. To study the spatial potential, to develop approaches to its measurement and mechanisms for its use through the example of the Republic of Buryatia.

Methods. The methodological basis of the research is the approach according to which the economic space in the region is considered to be the basis for the effective synergy of all processes affecting economic structure, which forms the socio-economic environment, influencing life and livelihood of the territorial community, and with this, the space boundaries are characterized by the intensity of ties in the region, rather than the administrative-territorial division.

Results. The practical significance of the research is determined by the application-oriented character of the results and conclusions aimed at improving the competitiveness of the agricultural areas of the region. The key findings are used by the Ministry of Economy of the Republic of Buryatia in part of comprehensive evaluation of the agroindustrial complex of the Republic of Buryatia and designing programs of spatial development of agricultural enterprises. Certain authors' methodical aspects are applied in learning process, particularly in such disciplines as Industry Economics, Regional economy, Regional Development Strategy.

Scientific novelty. In the article the basic approaches to identify the spatial potential of the region are considered, the mechanism of its use is proposed and the spatial potential of agricultural sectors is analyzed using the Republic of Buryatia as an example.

Key words: spatial-industrial potential, management efficiency, agriculture, spatial approach.

Приоритетность развития первичного сектора является основополагающим фактором, определяющим качество жизни региона. Достигнутый определенный уровень развития первичного и вторичного секторов является гарантией благополучного существования региона, а соответствующее развитие третичного, четверичного и выделяемого в последнее время пятеричного сектора говорит о переходе их на качественно новый уровень. Региональное развитие экономики определяется развитием хозяйства на первичном и вторичном секторах и поэтому происходящее развитие производственных систем на этих уровнях напрямую характеризует эффективность и устойчивость потенциала социально-экономического пространства.

Развитие отраслей сельского хозяйства определяет уровень продовольственного обеспечения населения и характеризует состояние социально-экономического положения в стране. Сельское хозяйство является важнейшим фактором формирования системы сельского расселения в процессе пространственного развития региона.

Используемые подходы к регулированию развития отраслей в регионах имеют некоторые ограничения в области обеспечения взаимодействия независимо от административно-территориального деления, отраслевого подчинения и др. Учитывая вышеописанное, целесообразно более детальное изучение и внедрение пространственного подхода, открывающего новые возможности, призванные повысить эффективность, снизить все виды издержек взаимодействия различного рода структур, как в рамках отрасли, так и региона на основе рассмотрения определенных пространств.

В настоящее время механизмы пространственного развития отраслей сельского хозяйства региона недостаточно изучены, хотя отчетливо заметна тенденция повышения роли пространственно-территориального фактора в региональных экономических процессах. В связи с этим обоснование выбора наиболее перспективных направлений исследований в области совершенствования механизма хозяйствования отрасли на основе пространственного потенциала как целостного социально-экономического пространства, является очень значимым и необходимым.

Таким образом, совершенствование и идентификация форм развития организационно-экономического взаимодействия на основе пространственного потенциала отраслей сельского хозяйства региона является актуальным.

Пространственный потенциал является основой развития всех отраслей и в зависимости от потребностей развития отраслей, от специфики региона, его природно-климатических условий факторы пространственного потенциала могут быть востребованы в различной приоритетности или не востребованы вообще. Таким образом, авторы предлагают различать пространственный потенциал региона (любой другой территориальной единицы) и пространственный потенциал отрасли или пространственно-отраслевой потенциал. Пространственный потенциал региона дает представление о совокупном пространственном потенциале региона, который в этом случае не привязан в своей оценке к конкретной отрасли или сфере жизнедеятельности населения. В таком ракурсе подобная оценка целесообразна при планировании развития отраслевой структуры региона. Если же речь идет о пространственном потенциале отрасли или пространственно-отраслевом потенциале – это конкретно ориентированная оценка ресурсов и возможностей развития анализируемой отрасли. Учитывая то, что пространственный анализ, по определению, не опирается на

территориальное деление, оценка пространственного потенциала региона мало информативна.

Использование пространственно-отраслевого потенциала территории различными отраслями, развивающимися на этой территории и соответственно потребляющими ее ресурсы и потенциал, по видению авторов целесообразно разделять по видам пространств территории. То есть предлагается рассмотрение пространства региона как совокупности пространств ввиду их различного принципа формирования:

- географическое пространство, определяемое такими факторами как площадь территории и ее размещение, соседние регионы или страны и их возможности и ограничения, богатство природных ресурсов, плодородие почв, климатические условия, экологические ограничения (Байкальская территория) и др.
- социодемографическое пространство, определяемое составом и плотностью населения, его культурой, открытостью к мигрантам, укладом жизни и хозяйствования, отношением к труду, образовательный потенциал, миграционные процессы, уровень качества жизни и др.
- экономическое пространство, определяемое развитием экономики региона, его стратегией развития, структурой и уровнем развития отраслей, его специализацией, состоянием рыночной, производственной и социальной инфраструктур и др.

При этом географическое пространство любой территории является наименее мобильным элементом, мало подвластным изменениям, следовательно, задача общества, наполняющего и использующего его сохранить в том же качестве и количестве по возможности, поскольку его увеличение трудно представимо.

Социодемографическое пространство более подвержено изменениям, хотя они тоже имеют в основном эволюционный характер, увеличить потенциал этого элемента пространства возможно в процессе освоения и облагораживания территории, повышения качества жизни в этом пространстве.

Экономическое пространство является более изученным в плане его возможностей увеличения и имеет все шансы расти в результате развития технологий, инновационного подхода, основанного на рационализации используемых ресурсов и сохранения природного наследия и культуры территории.

Таким образом, первое пространство является основой развития территории, в преобладающей величине определено природой, второе и третье

Рис. 1. **Механизм использования пространственного потенциала территории (составлено авторами)**

пространства являются управляемыми и более подверженными инициативным изменениям.

Следовательно, в целях приращения потенциала пространства необходимо сохраняя первый элемент максимально рационально оптимизировать второй и третий элементы с помощью образовательного потенциала, инновационных технологий (см. рис. 1).

Рассматривая уровень основных составляющих пространственных категорий можно попытаться сориентироваться с величиной потенциала пространств для отраслей сельского хозяйства:

Оценить пространственно-отраслевой потенциал возможно на основе проведения комплексной оценки с выделением интегрального показателя, рассчитываемого как совокупность ряда следующих потенциалов в региональном разрезе: ресурсный потенциал, трудовой потенциал, интеллектуальный потенциал, инновационный потенциал, финансовый потенциал, инфраструктурный потенциал и потенциал интенсивности связей.

Отметим, что интегральный показатель пространственно-отраслевого потенциала отражающий его развитие в регионе, рассчитываются как средняя геометрическая из индексов изменения отдельных показателей состояния и развития пространственно-отраслевого потенциала по формуле:

$$I_{ПОП} = \sqrt[7]{I_{РП} \cdot I_{ТП} \cdot I_{ИП} \cdot I_{ИнП} \cdot I_{ФП} \cdot I_{ИнаП} \cdot I_{Пис}},$$

где $I_{ПОП}$ – интегральный показатель развития пространственно-отраслевого потенциала.

Таким образом, интегральный показатель развития пространственно-отраслевого потенциала определяется средней геометрической индексов частных потенциалов представленных в табл. 3.

При чем составляющие данного потенциала будут иметь различные приоритеты и уровень в зависимости от отрасли. Например, развитие отраслей сельского хозяйства региона обусловлено такими ключевыми

Табл. 1. **Методика расчета элементов пространственно-отраслевого потенциала на примере отрасли сельского хозяйства**

Вид потенциала	**Показатель**	**Расчет показателя**	**Весовой коэффициент (на примере отрасли сельского хозяйства)**
Ресурсный потенциал	$I_{РП}$ – индекс ресурсного потенциал;	Земельный фонд отрасли, наличие основных фондов	0,25
Трудовой потенциал	$I_{ТП}$ – индекс трудового потенциала;	Доля занятых в отрасли от общего числа трудоспособного населения, доля сельского населения в общей численности населения РБ	0,2
Интеллектуальный потенциал	$I_{ИП}$ – индекс интеллектуального потенциала;	Обеспеченность специалистами в отрасли, доля выпускников соответствующего профиля к общему числу выпускников вузов	0,05
Инновационный потенциал	$I_{Инп}$ – индекс инновационного потенциала;	Обеспеченность научными центрами на 10 тыс. чел населения региона, численность аспирантов и докторантов в соответствующей области к общему числу аспирантов и докторантов	0,1
Финансовый потенциал	$I_{ФП}$ – индекс финансового потенциала;	Доля расходов на развитие отрасли в общем объеме расходов консолидированного бюджета, финансовый результат отрасли к общему финансовому результату	0,1
Инфраструктурный потенциал	$I_{ИнфП}$ – индекс инфраструктурного потенциала;	Число хозяйствующих субъектов оптовой торговли в отрасли к общему числу организаций оптовой торговли, плотность путей сообщения (км путей на 1000 км^2 территории), доля объектов социальной инфраструктуры сельской местности к общему числу	0,1
Потенциал интенсивности связей	$I_{Пис}$ – индекс потенциала интенсивности связей.	Доля интегрированных образований в отрасли к общему числу хозяйствующих субъектов, количество договоров о сотрудничестве	0,2

*составлено автором

Табл. 2. **Пространственно-отраслевой потенциал сельского хозяйства РБ**

Вид потенциала	Весовой индекс	2010		2011		2012		2013	
		П.и.	В.п.и.	П.и.	В.п.и.	П.и.	В.п.и.	П.и.	В.п.и.
ресурсный потенциал	0,25	11,5	2,875	10,9	2,725	10,7	2,675	10,1	2,525
трудовой потенциал	0,2	14,35	2,87	14,15	2,83	13,11	2,622	12,8	2,56
интеллектуальный потенциал	0,05	4,54	0,227	5,54	0,277	4,35	0,217	4,64	0,232
инновационный потенциал	0,1	5,33	0,533	6,49	0,64	8,3	0,83	8,5	0,85
финансовый потенциал	0,1	3,75	0,375	3,04	0,304	2,8	0,28	2,91	0,291
инфраструктурный потенциал	0,1	13,36	1,336	12,45	1,245	14,69	1,469	14,84	1,484
потенциал интенсивности связей*	0,2	1,56	0,312	1,98	0,396	2,34	0,468	2,59	0,518
Итого/ср	**1,00**		**0,77**		**0,80**		**0,82**		**0,84**

*оценка произведена методом ранжирования
Составлено и рассчитано авторами

факторами, как транспортная инфраструктура, размещение населения с его демографическими и этническими особенностями, традиционными особенностями ведения сельского хозяйства, а также административно-территориальным статусом и многими другими аспектами.

Результаты расчета пространственно-отраслевого потенциала будут демонстрировать более яркую линию повышения уровня потенциала, что является искомым. Таким образом, можно сказать, что ранее выдвинутое предположение о слабой подверженности пространственно-отраслевого потенциала изменениям ошибочна, в связи с включением в его состав потенциала интенсивности связей, который будет содержать в себе самый приоритетный резерв управления развитием территории.

По статистическим данным Республики Бурятия и ранжированию по весовому индексу значимости вида потенциала для отрасли был произведен расчет пространственно-отраслевого потенциала и его составляющих. По результатам видно, по какому виду элемента пространственно-отраслевого потенциала отстает отрасль и в дальнейшем недостаточно эффективно его использует. Полученная динамика показателей характеризует рост большинства потенциалов за исключением ресурсного и трудового потенциалов. Данное обстоятельство объясняется постепенным выводом из пользования земель сельскохозяйственного назначения, обеднением почв и центростремительной тенденцией миграционных процессов среди молодежи и людей зрелого возраста. Кроме того, привлекательность рабочих мест в сельской местности, а особенно в отраслях сельского хозяйства остается низкой в силу различного рода причин.

Уровень пространственно-отраслевого потенциала по сельскому хозяйству Республики Бурятия незначительно меняется, что подтверждает ранее выдвинутое предположение о его низкой подверженности изменениям в короткий срок. Вес значимости в более высокой оценке был задан потенциалам: ресурсному с учетом специфики отрасли сельского хозяйства, трудовому по той же причине и потенциалу интенсивности связей в связи с сущностью определяемого пространственного потенциала для развития отрасли.

На основе интегрального показателя развития пространственно-отраслевого потенциала ($I_{ПОП}$) возможно провести дальнейшую оценку эффективности использования пространственно-отраслевого потенциала. Это можно сделать, используя следующую формулу:

$$Ef_{ИПОП} = \frac{I_{ПОП}}{\left(1 - I_{ПОП-1}\right)} \cdot \frac{\left(P_t - P_{t-1}\right)}{P_{t-1}} \cdot 100\%,$$

где P_t – объем продукции отрасли в млн. руб. в текущем периоде;

P_{t-1} – объем продукции отрасли в млн. руб. в предшествующем периоде;

$I_{ПОП}$ – интегральный показатель развития пространственно-отраслевого потенциала в текущем периоде;

$I_{ПОП-1}$ – интегральный показатель развития пространственно-отраслевого потенциала в предшествующем периоде.

Данная формула основана на методике расчета мультипликатора с использованием цепных темпов роста, что позволяет определить эффективность использования пространственно-отраслевого потенциала с учетом динамики изменений объема продукции отрасли и интегрального показателя развития пространственно-отраслевого потенциала ($I_{ПОП}$).

Табл. 3. **Эффективность использования пространственно-отраслевого потенциала сельского хозяйства Республики Бурятия**

Год	Интегральный показатель развития пространственно-отраслевого потенциала ($I_{поп}$)	Продукция сельского хозяйства в общем объеме, млн. руб.	Цепной темп роста	Эффективность использования пространственно-отраслевого потенциала, %
2010	0,77	10601,7	–	–
2011	0,80	13043,5	23,0	78,8
2012	0,82	14334,2	9,9	39,9
2013	0,84	14645,3	2,2	9,9

*составлено и рассчитано авторами

Рассчитаем показатель эффективность использования пространственно-отраслевого потенциала для отрасли сельского хозяйства Республики Бурятия.

Таким образом, на основе проведенных расчетов можно сказать, что эффективность использования пространственно-отраслевого потенциала сельского хозяйства Республики Бурятия снизилась на 68,9 % (с 78,8 % в 2011 году до 9,9 % в 2013 году).

Если уровень освоения пространственно-отраслевого потенциала сельского хозяйства незначительно снизился, то валовая продукция сельского хозяйства имеет тенденцию роста, соответственно повысилась эффективность использования пространственно-отраслевого потенциала сельского хозяйства Республики Бурятия. Такое соотношение показателей демонстрирует объективные процессы и их результативность в связи с целевыми отраслевыми программами по поддержке села и сельского хозяйства, некоторыми попытками интеграционных процессов и успешного взаимодействия сельхозпредприятий. Хотя нужно отметить, что большую часть производят личные хозяйства населения.

Рассматривая уровень основных составляющих пространственных категорий можно попытаться сориентироваться с величиной потенциала пространств для отраслей сельского хозяйства:

Проанализируем показатели использования экономического, социодемографического и географического пространства региона на рис. 2.

Результаты проведенного анализа по использованию элементов пространственного потенциала для развития отраслей сельского хозяйства теперь объединим в единой таблице (табл. 4).

Таким образом, использование предлагаемого состава регионального пространственного потенциала для развития конкретных отраслей будет различным образом выглядеть в данной матрице. В этом случае, говоря о развитии отраслей сельского хозяйства в районах Республики Бурятия, выявляется яркая дифференциация и неоднородность пространственного потенциала отрасли, в связи, с чем полученные показатели дают возможность классифицировать районы. А при дальнейшем исследовании

Табл. 4. **Группировка районов Республики Бурятия по уровням использования пространственного потенциала для развития отраслей сельского хозяйства**

Тип элемента пространства	Уровень использования потенциала		
	высокий	средний	низкий
Экономическое пространство	Иволгинский, Кабанский, Кижингинский, Бичурский, Джидинский, Хоринский,	Заиграевский, Прибайкальский, Тарбагатайский, Селенгинский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Закаменский, Еравнинский, Баргузинский	Баунтовский, Муйский, Окинский, Тункинский, Курумканский,
Социо-демографическое пространство	Мухоршибирский, Еравнинский, Кижингинский, Бичурский, Джидинский,	Заиграевский, Прибайкальский, Тарбагатайский, Селенгинский, Кяхтинский, Закаменский, Баргузинский Иволгинский, Кабанский, Хоринский, Курумканский, Окинский,	Муйский, Баунтовский, Тункинский
Географическое пространство	Мухоршибирский, Джидинский, Селенгинский, Тарбагатайский, Бичурский, Кяхтинский, Иволгинский	Заиграевский, Закаменский, Кабанский, Хоринский, Курумканский, Еравнинский, Кижингинский,	Муйском, Баунтовском, Окинском Прибайкальский, Баргузинский Тункинский

*составлено автором

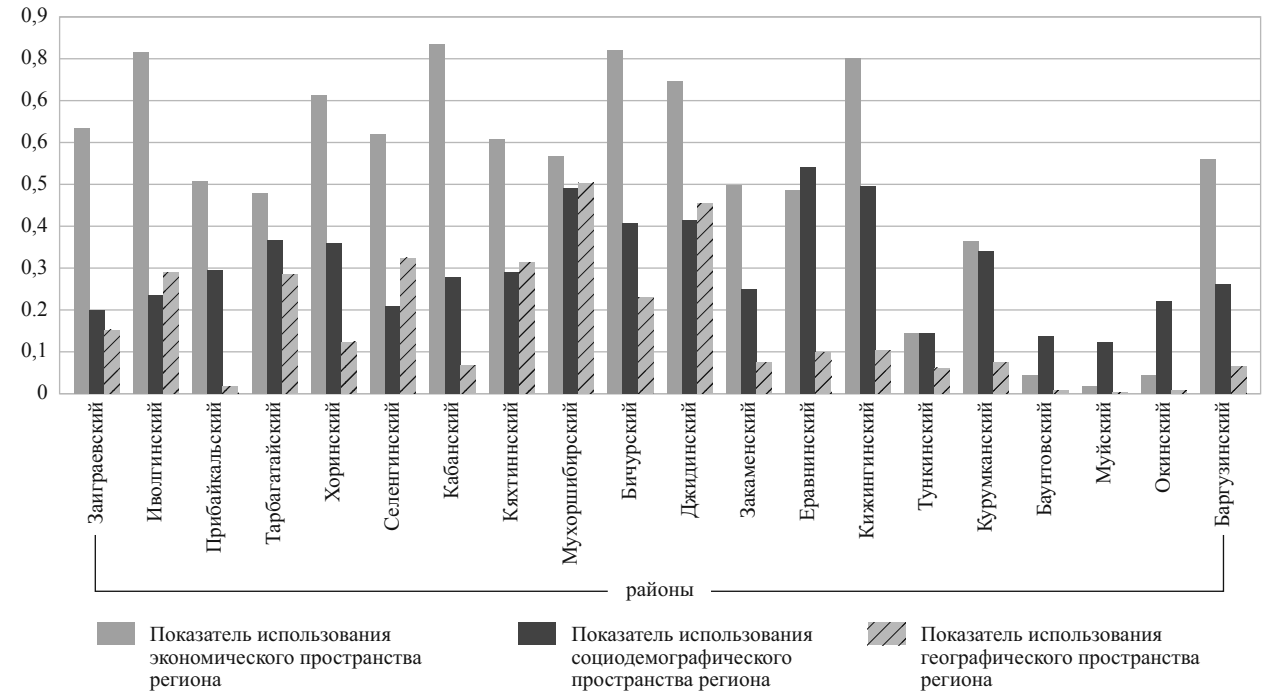

Рис. 2. **Показатель использования экономического, социодемографического и географического пространства региона по районам (составлено авторами)**

данный подход даст возможность выверить специализацию районов для более полного использования пространственного потенциала как фундамента развития всех отраслей. Районы, наиболее полно использующие все три (или два) элемента пространства региона для развития сельского хозяйства, демонстрируют четкую направленность на сельскохозяйственную специализацию и активно способствуют более полному использованию рассматриваемого потенциала – районы-активные пользователи. Районы, имеющие средние значения показателей, могут рассматриваться как стратегические (перспективные) производители сельхозпродукции при поддержке и более полном использовании пространственного потенциала – пассивные пользователи пространственного потенциала. И, наконец, районы, показавшие низкие значения показателей, могут быть связаны с заранее низким уровнем пространственного потенциала отраслей как в нашем примере: Муйский, Баунтовский районы или не способные его использовать в полной мере – районы – потребители.

В современных условиях к основным принципам формирования стратегии пространственного развития региона относятся:

1. Единая стратегия территориального развития, учитывающая интересы власти, бизнеса и населения.

2. Согласованность стратегических приоритетов территориального и отраслевого развития региона.

3. Множественность зон опережающего экономического развития в регионе, обладающих сетевым эффектом и способных максимально втянуть в свое развитие окружающую территорию.

4. Развитие различного рода партнерств на территории.

В процессе разработки средне- и долгосрочных стратегий развития разноуровневых хозяйствующих субъектов существование расхождений в управленческих параметрах приводит к искажению целевых ориентиров и к сдвигам векторов развития отраслей и территорий. В настоящее время, реализация стратегии на уровне мезоэкономических систем требует учета современных условий регионального развития: глобализации экономики и возникающей в этой связи потребности учета пространственных компонентов. В этой связи возникает необходимость в формировании такой системы регулирования развития территории, в основу которой будет положен пространственный подход, конкретизированный в стратегическом плане, важнейших целях, задачах и ориентирах развития.

Пересмотра потребует оценивание ресурсного потенциала территории. Введение пространственного потенциала приведет к раздельному рассмотрению

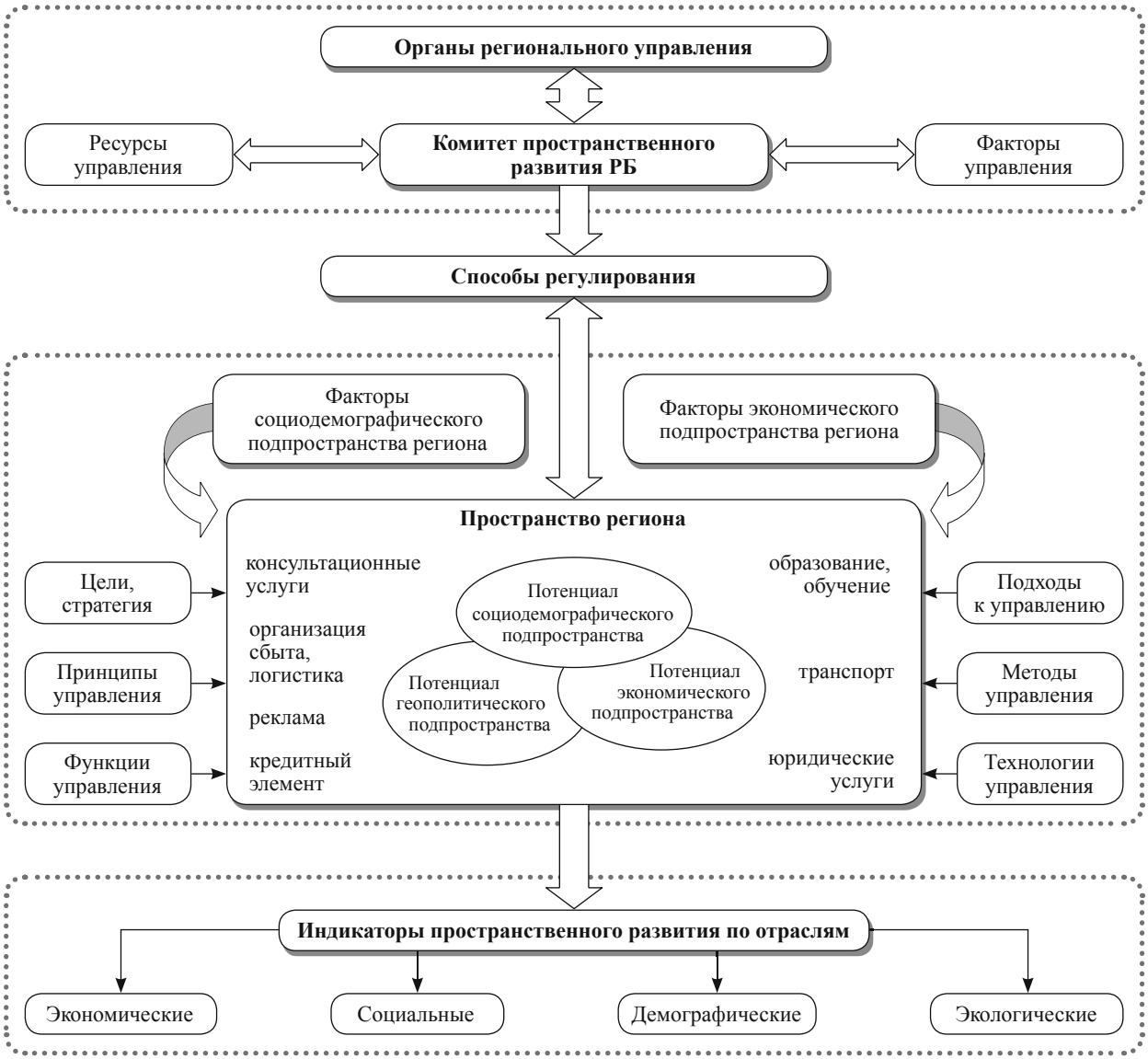

Рис. 3. **Организационно-экономический механизм регулирования пространственного развития региона (составлено авторами)**

потенциала района (региона) в различных областях пространства. Так, например, при оценивании потенциала для отраслей сельского хозяйства мы получили одну оценку, а для развития другой отрасли будет получен отличный от этого результат, то же самое необходимо будет провести отдельные оценки применительно к другим видам экономической деятельности.

Вследствие изменения подходов, где во главу угла будет ставиться пространственный аспект, имеет место использование всего потенциала в комплексе. Это потребует, прежде всего, перестройки системы управления на государственном уровне, постановки иных целей, методологии исследований, новых принципов управления.

В целом системный взгляд к пространственной структуре позволит:

• хозяйствующим субъектам рассматривать бизнес-структуры, население и структуры гражданского общества, инвестиционные проекты и процессы инновационного развития в их системном единстве. Всю хозяйственную деятельность предприятий, иные структуры не занятые производственной деятельностью необходимо рассматривать как единое экономическое пространство;

• расставить приоритеты в оценке потенциала пространства, в аспекте его инвестиционной привлекательности, в разработке инструментария государственного регулирования и управления системой всего пространства.

Развитие региона необходимо рассматривать как непрерывный процесс по совершенствованию системы управления по экономическому взаимодействию различных элементов пространства направленной на достижение стратегической цели повышения ее конкурентоспособности.

Авторами исследования предлагается организационно-экономический механизм регулирования пространственного развития региона (рис. 3).

Предлагаемый организационно-экономический механизм предусматривает взаимодействие отраслевого, территориального и пространственного подходов к регулированию развития отраслей региона.

Существующее административно-территориальное деление по своей сущности является олицетворением территориального подхода со всеми присущими ему недостатками. Такая ситуация тормозит пространственное развитие, которое предполагает ориентацию на развитие взаимосвязанных объектов управления независимо от того к какому подчинению они относятся. Внедрение пространственного подхода требует переосмысления и нового концептуального видения, а, следовательно, огромного объема работ. Данного рода разработки являются первыми шагами в этом процессе.

Таким образом, повышение эффективности управления сельским хозяйством на основе пространственного потенциала представляет актуальную задачу в области управления отраслью сельского хозяйства в современных условиях, а исследования в данной области способны значимо повлиять на определение стратегических приоритетов развития отрасли.

Литература:

1. Головков А. Н. Пространственное развитие как экономическая категория [Электронный ресурс]. URL: http://www.uecs.ru/teoriya-sistem/item/325-2011-03-25-11-33-26 (дата обращения 15.12.2015).
2. Кузнецова Ю. А., Шмакова М. В. Разработка стратегии развития региона на основе пространственного подхода // Проблемы современной экономики. 2012. №2. С. 267–270.
3. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. №2.
4. Штеменко К. С. Пространственный подход к формированию стратегий социально-экономического развития малых и средних городов // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. №22-1.

References:

1. Golovkov A. N. Spatial development as an economic category [e-resource]. URL: http://www.uecs.ru/teoriya-sistem/item/325-2011-03-25-11-33-26 (date of reference 15.12.2015).
2. Kuznetsova Yu. A., Shmakova N. V. Regional development strategy formation on the basis of spatial approach // Problems of modern Economics. 2012. №2. P. 267–270.
3. Minakir P. A., Demjanenko A. N. Spatial Economics: evolution of approaches and methodology // Spatial Economics. 2010. №2.
4. Shtemenko K. S. Spatial approach to the formation of strategies for socio-economic development of small and medium cities // Scientific sheets of BelSU. Series: History. Political science. Economy. Computer science. 2013. №22-1.

ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ В УПРАВЛЕНИИ ФОРМИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ

Молчанов И. Н.

доктор экономических наук, профессор кафедры Политической экономии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Россия), профессор кафедры Теория финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия), 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 9392940@gmail.com

Молчанова Н. П.

доктор экономических наук, профессор кафедры Теория финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия), 125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, д. 49, 2520641a@gmail.com

УДК 332.146
ББК 65.050.22-93

Цель. Анализ актуальных вопросов создания инновационных кластеров на региональном уровне управления в Российской Федерации.

Методы. Проанализированы возможные направления консолидации финансовых ресурсов для обеспечения сбалансированной работы кластерных структур на основе сопоставления значений показателей распределения средств субсидий между субъектами РФ, базирующихся на материалах Минэкономразвития. Определены организационные и экономические проблемы, препятствующие функционированию и развитию инновационных кластеров на региональном уровне.

Результаты. Сформулированы рекомендации по улучшению деятельности организаций-участников формирующихся территориальных кластеров.

Ключевые слова: территориальный кластер, инновационное развитие, источники финансирования, совокупный экономический потенциал, инвестиции.

THE FINANCIAL ASPECT IN MANAGING FORMATION AND DEVELOPMENT OF TERRITORIAL CLUSTERS

Molchanov I. N.

Doctor of Economics, Professor of Political Economy Department, Lomonosov Moscow State University (Russia), Professor of Theory of Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia), build. 46, 1 Leninskie Gory Str., Moscow, Russia, 119991, 9392940@gmail.com

Molchanova N. P.

Doctor of Economics, Professor of Theory of Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia), 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993, 2520641a@gmail.com

Purpose. Analysis of the current issues of innovation clusters development at the regional level of administration in the Russian Federation.

Methods. The possible areas of financial resources consolidation to ensure the balanced performance of cluster structures are analyzed through the comparison of indicator values of grant funds distribution among the RF subjects, based on the materials of the RF Ministry of Economic Development. Organizational and economic problems are identified hampering development and functioning of innovative clusters at regional level.

Results. Recommendations to improve the performance of organizations-participants of the emerging territorial clusters have been formulated.

Key words: territorial clusters, innovation development, sources of financing, total economic potential, investment.

© Молчанов И. Н., Молчанова Н. П., 2016

Молчанов И. Н., Молчанова Н. П.

Актуальность проблемы. Одним из приоритетных направлений развития экономики России является формирование совокупного экономического потенциала и его важнейшего элемента – инновационного потенциала – на региональном уровне управления. Реализация государственной инновационной политики в территориальном разрезе призвана способствовать более эффективному задействованию всех факторов производства: труда, капитала и природных ресурсов и, в конечном итоге, создаёт предпосылки для целенаправленного формирования и результативного использования элементов производственной и социальной инфраструктуры. Для повышения результативности инновационной деятельности необходимо практическое проведение комплекса мер, в числе которых – совершенствование инновационного законодательства, организационная и финансовая поддержка инновационно активных предприятий и организаций, модернизация производственных процессов, укрепление имиджа Российской Федерации в мировом сообществе.

Изучение отечественного и зарубежного опыта приводит к следующему выводу: в условиях обострения конкурентной борьбы между странами и регионами за привлечение инвестиций, объективно возрастает необходимость применения новых экономических и финансовых инструментов для поддержания и повышения конкурентоспособности административно-территориальных образований и входящих в их состав муниципалитетов, а также городских агломераций и сельских территорий. В существующих условиях приоритетное внимание следует уделять деятельности, направленной на содействие процессу образования и развития кластеров в отраслях и видах экономической деятельности, являющихся системообразующими для региональной экономики. Одно из устоявшихся определений следующее: под кластером принято понимать близкорасположенные и взаимодействующие компании, университеты, институты, объекты инфраструктуры, которые дополняют и усиливают конкурентные преимущества друг друга [1].

В Российской Федерации разработаны на период до 2020 года и реализуются Концепция долгосрочного социально-экономического развития [2], Стратегия инновационного развития [3] и ряд других общественно значимых стратегических документов. В этих и других правительственных и научных разработках в качестве одного из ключевых применяется термин кластер, а кластерная политика рассматривается как эффективная технология управления определёнными территориями в рамках административно-территориальных образований Российской Федерации. Внимание региональных органов власти и субъектов хозяйствования акцентируется на необходимости формирования новых центров экономического развития за счёт создания сети кластеров как производственной направленности, так и обслуживающих социальные потребности населения, что позволит более полно задействовать конкурентный потенциал городских и сельских территорий.

Различают промышленно-научные, технико-внедренческие, информационно-технологические, биотехнологические и другие разновидности кластеров. Ряд проектов по поддержке и развитию кластеров реализуется в России с 2005 года. В свете особенностей современного этапа и сформулированных Президентом и Правительством Российской Федерации целевых установок по импорт замещению и поддержке экспорта, в число ключевых задач предстоящего периода экономического развития закономерно входит проведение активной кластерной политики. Прежде всего, необходимо активизировать процесс формирования сельскохозяйственных и агропромышленных кластеров. В связи с высокой общественной значимостью вопросов по созданию на территории нашей страны разветвлённой сети мест для отдыха и туризма, приобретает актуальность процесс создания в субъектах Российской Федерации региональных и муниципальных туристских кластеров.

В соответствии с Государственной программой Российской Федерации [4] и Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года [5], формирование инновационных территориальных кластеров происходит в увязке с созданием технологических платформ и реализацией программ инновационного развития компаний с государственным участием. Реализуемый в данной сфере перечень действий отражает значимость не только организационно-экономических мер, но и финансовой политики на процесс образования инновационных территориальных кластеров. Более того, в свете новых тенденций в развитии международного сотрудничества, кластеризация становится одним из приоритетных направлений в системе мероприятий по инновационному обновлению технологического уровня производства и формированию качественно нового технологического уклада в экономике нашей страны.

Современное состояние объекта исследования. Анализ научных публикаций и накопленного опыта позволяет сделать заключение о том, что кластеры, как экономический феномен, представляют собой один из наиболее прогрессивных видов организации хозяйственной деятельности в регионе [см., например, 6, с. 38; 7, с. 54–56]. Целевые установки, лежащие в основе кластерной концепции, априори направлены на существенное улучшение экономических и социальных результатов хозяйственной деятельности. Так, предприятия, которые входят в состав формирующихся кластеров, во-первых, становятся привлекательными для внедрения частных инвестиций и предпринимательской инициативы в сферу научных исследований

и разработок; во-вторых, хозяйствующие субъекты смогут сохранить, а в дальнейшем и повысить свою конкурентоспособность не только внутреннем, но и на мировом рынке товаров и услуг; в-третьих, продуктивная экономическая деятельность будет способствовать возникновению синергетического эффекта и более оперативному решению целого спектра социальных проблем на региональном уровне управления.

Кластерная политика основывается на принципах согласованности, открытости, системности, эффективности, доступности, адресности, добровольности [17]. Изучение различных литературных источников позволяет сформулировать некоторые существенные преимущества, которые могут получить организации-участники кластеров. К ним, на наш взгляд, целесообразно отнести следующие.

Во-первых, работа в составе кластера обеспечивает условия для формирования и развития конкурентоспособных инновационных производств, результатом деятельности которых должно стать производство востребованных на внутреннем и внешнем рынках товаров и услуг.

Во-вторых, в процессе реализации мероприятий государственной организационной и финансовой поддержки предприятия и организации получают возможности для использования научного и прикладного инструментария не только для системного экономического анализа хозяйственно-финансовой деятельности, но и для разработки стратегических прогнозов и тактических действий собственного развития в увязке с другими участниками кластера в будущих периодах.

В-третьих, преимущества кластеризации обусловливают появление новых возможностей для координация деятельности и более тесного взаимодействия между органами исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, объединениями предпринимателей и институтами развития по реализации кластерной политики и кластерных программ.

В-четвёртых, создаются предпосылки по формированию коммуникационной сети для методической и информационно-консультационной поддержки кластерных инициатив, которые способствуют развитию высокотехнологичного малого и среднего бизнеса путём привлечения индивидуальных предпринимателей, малого и среднего бизнеса к участию в кластерных проектах.

Анализ приведенных выше преференций, которые получают организации-участники кластеров позволяет заключить, что в каждой из названных позиций велика роль финансовой составляющий. Действительно, для того, чтобы названные преимущества получили воплощение в практике экономической деятельности субъектов хозяйствования, необходимо в каждом конкретном случае проводить целенаправленную работу по изысканию источников финансовых ресурсов и в дальнейшем – по обеспечению их консолидации в рамках реализуемых кластерных проектов.

Повышенное внимание ученых и практиков к проблемам кластеризации экономики объясняется целым комплексом причин. Прежде всего, кластерный подход, представляет собой один из способов достижения базовых целей промышленной политики, к которым относятся обеспечение структурных сдвигов, повышение конкурентоспособности и инновационной направленности экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Кроме этого кластеры, как организационно-хозяйственный феномен, являются мощным инструментом задействования совокупного экономического потенциала страны для стимулирования регионального социально-экономического развития отдельных регионов. Соответственно, целенаправленное применение кластерного подхода способствует росту доходов хозяйствующих субъектов, заработной платы и занятости населения, отчислений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации и, в конечном итоге, повышению устойчивости и конкурентых преимуществ национальной экономики как в целом, так и в территориальном разрезе [15].

Следует выделить различия в научных позициях при формулировании расширенных, привязанных к конкретным видам экономической деятельности либо секторам экономики, определений термина кластер, которые встречаются в экономической литературе [см., например, 8, с. 28–30; 41–43; 9, с. 149–150]. Некоторые исследователи определяют кластер как форму экономической активности, ограниченную регионально, и осуществляемую внутри родственных секторов, обычно привязанную к каким-либо научным учреждениям (например, научно-исследовательским институтам, университетам). Ряд авторов рассматривают кластеры как вертикальные производственные цепочки, представляющие собой довольно узко определенные сектора, в которых смежные этапы производственного процесса образуют ядро кластера (например, цепочка поставщик – производитель – сбытовик – клиент). Встречаются и другие трактовки, согласно которым кластеры, в зависимости от состава входящих в них отраслей и производств, характеризуются либо высоким уровнем агрегации ряда отраслей и подотраслей промышленности (как, например, химический кластер), либо представляют собой совокупность различных отраслей и подотраслей экономики на еще более высоком уровне агрегации (как, например, агропромышленный кластер). Резюмируя изложенные выше позиции, территориальные кластеры, на наш взгляд, можно представить как группы географически соседствующих и взаимодействующих предприятий (организаций) по производству какой-либо однородной продукции (либо выполнению работ, оказанию услуг) и связанных с ними хозяйствующих субъектов, которые характеризуются общей направленностью

экономической деятельности на достижение конечного народнохозяйственного результата.

Как подтверждает хозяйственная практика, органам государственной власти отводится весомая роль по снятию барьеров, мешающих эволюционному развитию кластеров, прежде всего, посредством улучшения экономической среды бизнеса и укрепления взаимосвязей между хозяйствующими субъектами. Видное место в данной концепции принадлежит созданию такой организационно-технологической конструкции, в которой все входящие в состав кластера элементы, работающие на достижение общей, социально значимой цели, будут способны самостоятельно и продуктивно развиваться. В качестве ответственных компонентов, формирующих функцию государства в отношении стимулирования и поддержки кластерных инициатив, необходимо выделить некоторые основополагающие моменты. Прежде всего, нельзя умалять значимость организационного фактора (так называемого административного ресурса). Далее, безусловно сохраняет свою приоритетность экономический фактор, предусматривающий накопление методов и инструментов для проведения согласованных хозяйственных решений. И, наконец, вследствие высокой важности финансового обеспечения кластерных инициатив, центральное место принадлежит поиску источников финансирования инвестиционных проектов, особенно на стадии формирования кластерообразующего ядра и других элементов, формирующих структуру каждого конкретного регионального кластера, а также разработке финансового механизма для полноценной реализации принятых управленческих решений.

Таким образом, предприятия и организации, входящие в состав какого-либо кластера, характеризуются взаимодействием и тесными хозяйственными связями. Отличительной особенностью и одновременно преимуществом кластеров является то, что они объединяют в рамках определённого административно-территориального или муниципального образования, городской либо сельской территории производственный, научно-образовательный и инновационный потенциалы хозяйствующих субъектов, малого и среднего высокотехнологичного бизнеса, учебных заведений и научных организаций, объектов инновационной инфраструктуры, сервисных компаний. Результатом применения кластерного подхода становится максимальное использование как отраслевых, так и территориальных конкурентных преимуществ и, как следствие, общий рост конкурентоспособности национальной экономики.

Формирование отраслевых и территориальных кластеров создаёт условия для активизации внутри- и межрегиональной экономической интеграции. Этот процесс становится следствием ускоренного наращивания инфраструктурного и кадрового потенциала, развития сети конкурентоспособных поставщиков и сервисных организаций. Результатом подобного сотрудничества является адаптация механизмов территориального планирования к потребностям малого и среднего бизнеса. Развитие кластеров стимулирует, во-первых, рост производительности общественного труда; во-вторых, повышение занятости, создание новых компаний, фирм и, соответственно, новых рабочих мест; в-третьих, накопление инновационного потенциала территорий; в-четвёртых, выявление конкурентных региональных преимуществ, способствующих привлечению отечественных и иностранных инвестиций.

Анализ современного состояния и финансовой базы территориальных кластеров. Сравнительный анализ экономических и финансовых проблем формирования и развития кластеров на региональном уровне управления в российской и зарубежной практике приводит к следующим выводам. Необходимо отметить, что если в европейских странах упор делается на поддержку совместных проектов в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и кооперации, то в России финансирование направляется преимущественно на создание объектов инновационной инфраструктуры и организацию деятельности управляющих организаций кластеров. Субсидирование региональных кластеров началось в нашей стране в 2012 году. В обобщённом виде распределение средств субсидий, предоставленных в 2013 и 2014 годах из федерального бюджета бюджетам регионов на реализацию мероприятий в рамках программ развития пилотных инновационных территориальных кластеров, представлено в табл. 1.

Так, в Российской Федерации (по данным Минэкономразвития) в 2013 году из 1,3 млрд рублей федеральных субсидий, полученных 13-ю кластерами, на развитие инфраструктуры было направлено примерно 74 процента выделенных средств, и лишь около 26 процентов – на обеспечение деятельности специализированных организаций, осуществляющих методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития кластеров. В 2014 году субсидии в сумме 2,5 млрд рублей получили 25 кластеров. Основной объем выделенных субсидий также предусматривался на инфраструктурные проекты: среди финансируемых мероприятий можно выделить строительство дорог, канализационных коллекторов, очистных сооружений, сетей газо- и теплоснабжения, водопроводов, больниц, школ, спортивных комплексов и др.

Таким образом, финансовый аспект современной кластерной политики состоит из двух частей: первая (и бо́льшая) часть – это создание финансовой базы для тех мероприятий, которые в предстоящем плановом периоде необходимо профинансировать в обязательном порядке (например, объекты региональной и муниципальной инфраструктуры), вне зависимости от позиции

Табл. 1. **Распределение средств субсидий, предоставленных в 2013 и 2014 годах из федерального бюджета Российской Федерации бюджетам регионов на реализацию мероприятий программ развития пилотных инновационных территориальных кластеров**

Направления поддержки	**Объем субсидии, млн руб.**	
	2013 г.	**2014 г.**
Разработка и содействие реализации проектов развития кластера, выполняемых совместно двумя и более организациями-участниками	155,16	175,79
Оказание содействия организациям-участникам кластера в выводе на рынок новых продуктов (услуг), развитии кооперации организаций-участников в научно-технической сфере, в том числе с иностранными организациями	39,96	157,24
Профессиональная переподготовка, повышение квалификации и проведение стажировок работников организаций-участников кластера (в том числе за рубежом)	135,04	233,22
Проведение выставочно-ярмарочных мероприятий, а также участие представителей организаций-участников кластера в выставочно-ярмарочных и коммуникативных мероприятиях (форумы, конференции, семинары, круглые столы) в Российской Федерации и за рубежом	16,51	104,18
Развитие инновационной и образовательной инфраструктуры	923,67	1814,77
Развитие инженерной и социальной инфраструктуры	29,66	14,80
Итого	**1300**	**2500**

Источник: составлено на основе данных Министерства экономического развития Российской Федерации

бюджетной классификации; вторая (и меньшая) часть – это средства, направляемые на содержание управляющих организаций, работа которых содействует развитию территориальных кластеров. В этой связи, согласно сложившейся практике, сущностное содержание кластерной политики оценивается экспертами как посевной венчур. Такая характеристика объясняется следующим образом: поскольку финансирование кластерных проектов осуществляется одновременно в достаточно большом количестве регионов, соответственно, бюджетных средств в расчете на каждый из проектируемых кластеров направляется сравнительно немного.

В различных государственных федеральных и региональных программах предусматриваются бюджетные средства, которые могут быть использованы в качестве источников финансирования для поддержки кластерных инициатив. Финансовые ресурсы целесообразно формировать на основе перечня различных инструментов финансирования инвестиционных проектов, которые соответствуют по своей проблематике задачам кластерного развития. В целом, инвестиционная деятельность в субъектах Российской Федерации должна строиться на основе максимального учёта основных положений региональной инвестиционной политики, которая должна содержать нормативное правовое и методическое обеспечение, а также перечень источников инвестиционных ресурсов и направлений их наиболее рационального и результативного использования в интересах населения и хозяйства определённой территории. Кроме этого, целесообразно учитывать требования социально ориентированной региональной политики, а также особенности экономико-географического положения, природно-климатических, демографических условий и ряд других факторов, характерных для каждого административно-территориального образования [10, с. 233].

Однако, несмотря на существующие научные обоснования, в процессе реализации антикризисной программы Правительства в 2016 году, вследствие ограниченности финансовых ресурсов, необходимо активизировать инвестирование развития кластеров в форме адресной поддержки, путем предоставления целевых межбюджетных субсидий. Как полагают эксперты, развитие кластеров невозможно без участия федерального центра, поскольку на региональном и местном уровнях наблюдается дефицит бюджетных средств и превалирование краткосрочных финансовых обязательств [8, с. 21–24]. Сложившееся положение потенциально может привести к определённым негативным последствиям. Например, при расходовании финансовых ресурсов региональные органы власти и органы местного самоуправления в ряде случаев концентрируют свое внимание не на поддержке задач опережающего кластерного развития территорий, а на нивелировании текущих инфраструктурных и социальных проблем. При этом, вполне вероятно смещение приоритетов в направлении решения проблем муниципальных образований, уровень социально-экономического и инфраструктурного развития которых существенно отстает от накопленного потенциала функционирующих территориальных кластеров. Названные и некоторые другие моменты могут влиять в сторону снижения социально-экономической эффективности реализуемых кластерных проектов.

Таким образом, следует заключить, что финансирование кластерного развития, которое предусматривается в государственных и федеральных целевых программах, имеет многоаспектный характер. Одна из проблем состоит, однако, в том, что возможности комплексной поддержки формирующихся территориальных кластеров в определённой степени могут быть ограничены в связи с их отраслевой (продуктовой) направленностью. Финансовый аспект современной кластерной политики до настоящего времени не в полной мере ориентирован на учёт приоритетных направлений развития кластеров в рамках конкретных территорий – как правило, в пределах одного или нескольких муниципальных образований. Кроме того, в современных условиях при разработке финансовых прогнозов и планов на кратко- и среднесрочный периоды, следует учитывать достаточно жесткие бюджетные ограничения как на федеральном, так и на региональном уровнях управления.

Современные экономические проблемы, обуславливающие специфику формирования и развития территориальных кластеров. Результаты проведённых исследований свидетельствуют, что, как правило, имеют место различия в подходах к организационным и экономическим вопросам как у создаваемых (функционирующих), так и у потенциальных (проектируемых) кластеров. Поэтому при обосновании научных рекомендаций по улучшению экономической деятельности и выработке инструментария финансового регулирования для проведения государственной кластерной политики, необходимо продумать возможные направления решения ряда существующих проблем.

Первая группа проблем – недостаточная интенсивность научно-исследовательской деятельности и опытно-конструкторских работ по ключевым направлениям развития кластеров, в числе которых особо следует выделить инновационно ориентированные направления, остро востребованные в нашей стране: пищевая промышленность, туризм и рекреация. В первом из названных направлений в ряде случаев наблюдается низкая восприимчивость предприятий к инновациям, медленные темпы обновления ассортимента выпускаемой продукции, недостаточный уровень её конкурентоспособности. По двум другим направлениям нужна активизация работы всех заинтересованных сторон в связи с необходимостью решения насущной задачи – обеспечения условий для путешествий, полноценного отдыха и лечения различных категорий и групп населения, сгруппированных по различным основаниям (в зависимости от возраста, уровня доходов, личных предпочтений и др.) на территории Российской Федерации.

Вторая группа проблем – неподготовленность транспортной, социальной и инженерной инфраструктуры по ряду видов экономической деятельности в рамках определённых территорий, а также недостаточный уровень развития организационной структуры формирующихся кластеров, внутренних и внешних кооперационных связей и контрактных механизмов при производстве товаров (продукции, работ, услуг). В этой связи следует отметить, что располагаемое состояние инфраструктуры, а тем более инфраструктурный потенциал развития отдельных территорий существенно различаются и, следовательно, достижение нормативного уровня удельных показателей будущих затрат сопряжено с определёнными (и весьма различными) временны*ы*ми лагами. Одновременно, разработчикам следует глубоко продумывать структуру кластерообразующего ядра и перечень потенциальных организаций-участников, планирующихся для вхождения в состав проектируемого кластера.

Третья группа проблем – финансовые и иные барьеры (экономические и другие санкции, ограничения, связанные, например, с законодательством в сфере экспортного контроля и др.), затрудняющие кооперативные связи и приобретение дорогостоящего производственного оборудования, инновационных материалов и технологий, необходимых для полноценной организации технологических и производственных процессов внутри формирующихся кластеров. В этой связи следует подчеркнуть, что в сфере инвестиционной деятельности ряда субъектов Российской Федерации имеет место недоучёт потенциальных возможностей государственно-частного партнёрства; наблюдается недостаточная систематизации целевых ориентиров для принятия решений в отношении конкретных объектов инвестиций и их территориального размещения [11, с. 564–565]. Для решения этих сложных вопросов необходимо обеспечивать консолидацию финансовых ресурсов путём создания работоспособного финансового механизма, приемлемого для регионального уровня управления. Помимо бюджетных средств, финансирование кластерных проектов возможно за счёт привлечения средств бизнес-сообщества, то есть в рамках программ поддержки малого и среднего бизнеса. Не следует также недооценивать государственные отраслевые инвестиционные программы и программы инновационного развития государственных компаний.

Четвёртая группа проблем – несоответствие сложившегося в регионах России профессионального состава квалифицированных кадров потребностям хозяйствующих субъектов и организационных структур, входящих в состав формирующихся кластеров. Это обусловлено как общими, так и различными, характерными для каждого субъекта Российской Федерации, причинами. К общим – можно отнести незавершённость создаваемой в настоящее время системы непрерывного образования. К специфическим причинам следует отнести недостатки сформировавшейся структуры подготовки специалистов региональными учреждениями

профессионального образования, а также несоответствие содержания и качественных характеристик учебных программ образовательных учреждений потребностям региональной и муниципальной экономики.

Вместе с тем, при формулировании стратегических и тактических вопросов построения территориальных кластеров следует учитывать накопленный образовательный потенциал, который характеризует возможности национальной экономики решать проблемы обучения и воспитания молодого поколения, подготовки квалифицированных кадров, повышения уровня квалификации работников. Применение инноваций и степень их реализации в производстве в значительной мере определяются результатами, полученными в процессе обучения и уровнем эффективности использования образовательного потенциала [12, с. 407–408].

Следует особо отметить важность вопросов подготовки специалистов как для вновь образуемых, так и для функционирующих территориальных кластеров. Кадровые проблемы связаны с несовершенством законодательной базы, необходимостью расширения перечня возможных источников финансовых ресурсов для поддержания экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Особенно значимые модификации наблюдаются в подходах к финансовому обеспечению учреждений профессионального образования. Несмотря на то, что основным источником финансирования государственных средних профессиональных и высших учебных заведений остаются средства бюджета, коренным образом изменяется порядок их предоставления [13, с. 439–440]. Происходящие в финансировании образовательных учреждений новации обусловлены необходимостью повышения результативности процесса обучения и научных исследований, а также обеспечения высокого качества получаемых потребителями образовательных услуг.

Следует особо отметить важность вопросов подготовки специалистов как для вновь образуемых, так и для функционирующих территориальных кластеров. В ряде специальных научных работ глубоко исследуются кадровые проблемы по одному из востребованных направлений формирования кластеров, а именно – туристско-рекреационному обслуживанию [см., например, 14, с. 45–49]. Ввиду высокой народнохозяйственной значимости данного вопроса при разработке профессиональных образовательных стандартов особое внимание рекомендуется уделять специфическим особенностям туристской индустрии, разнообразию входящих в её состав видов экономической деятельности; в процессе реализации образовательных программ первоочередное значение следует придавать повышению качества обучения, а также открытию новых направлений и профилей подготовки квалифицированных специалистов.

Рекомендации по совершенствованию кластерной политики. Продуктивная реализация кластерной политики на региональном уровне управления, в рамках муниципальных образований, городских и сельских территорий, возможна только при согласовании и координации действий всех участников кластерного развития – бизнеса, учреждений профессионального образования, научных и конструкторских организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, институтов развития, участников инновационной деятельности, специализированных сервисных организаций.

Государственная поддержка предполагает определённые управленческие действия. В процессе создания кластеров органам государственной власти и местного самоуправления необходимо обеспечить принятие и реализацию целого ряда организационных мер, в числе которых:

- налаживание деятельности возникающих в России региональных (на уровне субъектов Российской Федерации) Центров кластерного развития;
- разработка стратегии и тактики, а также программы развития как документов, регламентирующих создание и последующее функционирование каждого из формирующихся кластеров;
- установление информационного взаимодействия, предполагающего обмен нормативной правовой и статистической информацией, а также регулярное проведение мониторинга, что позволит наладить согласованную работу и сотрудничество между всеми участниками как одного кластера, так и различных кластеров между собой;
- создание административных и финансово-экономических механизмов поддержки функционирующих кластеров, в том числе на основе их интеграции в национальную инновационную систему;
- содействие в выходе продукции организаций-участников кластера на внешний рынок, в том числе путём реализации инвестиционных проектов при участии федеральных и региональных институтов развития, иных заинтересованных организаций;
- оказание организационной и финансовой поддержки новым инновационным предприятиям в рамках территориальных кластеров, включая предоставление консультационной помощи на различных этапах их создания и последующего функционирования;
- сотрудничество всех заинтересованных организаций-участников кластеров по вопросам привлечения разрешённых законодательством источников бюджетного и внебюджетного финансирования.

На ликвидацию негативных последствий, которые могут быть вызваны недостаточно эффективным функционированием кластеров и их низким вкладом в ВРП субъектов Российской Федерации, следует ориентировать такие действия, как, например, использование проектного подхода и ориентацию на результат при предоставлении

финансовых ресурсов; проведение исследований по выявлению новых направлений кластерного развития; отказ от стандартизации кластеров, признание наличия различных их типов и необходимости применения элементов директивного подхода к их развитию и оценке; использование конкурсных и конкурентных механизмов при оказании мер государственной поддержки участников кластеров; привлечение средств федерального и региональных бюджетов, институтов развития, внебюджетного финансирования для реализации программ (стратегий) развития кластеров и кластерных проектов.

В качестве необходимого условия оказания государственной поддержки кластерным проектам и инициативам следует рассматривать такие меры, как: конкретизация и адаптация механизмов государственно-частного партнёрства; внедрение специальных образовательных программ; проведение обучающих тренингов, семинаров, сессий для участников кластеров по вопросам кластерной политики и финансовому механизму её реализации; эффективное использование лучшего зарубежного и российского опыта при применении кластерных технологий; организация информационных кампаний для участников кластеров в средствах массовой информации.

Деятельность по практическому осуществлению кластерной политики и укрепление её финансовой составляющей имеет межотраслевую направленность, а реализация предусматривает тесное взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления. В современных условиях целесообразно было бы провести комплекс мер, направленных на создание благоприятных правовых и финансово-экономических условий для формирования и развития кластеров на региональном уровне управления. В состав рекомендуемых для практического осуществления действий целесообразно было бы включить:

1) принятие согласованной и непротиворечивой нормативной правовой базы в субъектах Российской Федерации в сфере кластерного и инновационного развития, актуализация задач кластерной политики во взаимосвязи с основными положениями экономической политики и её важнейшими формами – инвестиционной политикой и финансовой политикой – применительно к существующим условиям хозяйствования;

2) организация мониторинга экономической деятельности и прогнозирование потребностей участников кластеров в квалифицированной рабочей силе, содействие в подготовке и переподготовке профессиональных кадров на базе региональных учреждений среднего профессионального и высшего образования;

3) развитие в субъектах Российской Федерации социальной, транспортной, энергетической инфраструктуры, а также объектов инновационной системы, в состав которой входят индустриальные и технологические парки, инвестиционные площадки, инновационные, инжиниринговые и иные внедренческие центры и научные организации;

4) снижение налогового бремени и налоговое стимулирование организаций – участников кластеров при осуществлении инвестиционных и инновационных программ, а также ликвидация административных барьеров при реализации инвестиционных и инновационных кластерных проектов.

Уполномоченные органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления муниципальных образований призваны осуществлять следующие функции: формировать реестр кластеров, кластерных проектов и инициатив совместно с привлеченными специализированными организациями; принимать участие в разработке и представлении на федеральном уровне программ (стратегий) развития кластеров (кластерных проектов), с целью получения финансовой поддержки как от государства, так и от сотрудничества с институтами развития. Эти средства необходимы для создания новых и модернизации или переоборудования существующих производственных мощностей предприятий, входящих в состав кластеров, а также для реализации соответствующих инфраструктурных проектов.

В этой связи представляется своевременным определение перечня структурных подразделений (рабочих групп, советов, комиссий), занимающихся кластерной проблематикой в региональных органах государственной власти и органах местного самоуправления. Следует назначать ответственных за развитие соответствующего направления кластерной политики с возложением на них функций по разработке планов действий и форм контроля за их выполнением, включая организацию и проведение мониторинга. Требуют совершенствования финансовые механизмы планирования инноваций для организаций-участников кластеров [16]. Приоритетным должно стать освоение новых технологий, повышение качественных характеристик предоставляемых услуг, а также учёт лучшего российского и мирового опыта, предложений отраслевых ассоциаций. При таком подходе в центре внимания будут находиться процессы, связанные с обеспечением поддержки деятельности организационных структур, отвечающих за внедрение технологических и организационных инноваций на отраслевом уровне; формированием соответствующих баз данных, созданием необходимых ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет с целью публичного обсуждения поставленных задач и результатов их исполнения.

Достижение положительных эффектов от создания региональных кластеров в городской или сельской местности обусловлено эффектом масштаба. Например, на производственной базе нескольких крупных хозяйствующих субъектов создаётся территориально

сконцентрированный спрос на однообразные комплектующие, рабочую силу соответствующей квалификации, сервисные работы и услуги определённой направленности, производители которых стремятся территориально локализоваться в рамках создаваемых кластеров. В результате все участники территориального кластера (как субподрядчики) получают возможности для развития своего бизнеса посредством удовлетворения возрастающего спроса со стороны базовых (якорных) предприятий, а также преференции за счёт экономии на сбытовых и транспортных издержках. В свою очередь, якорные предприятия и организации кластеров выигрывают за счёт создания конкурентной среды, которая складывается в обслуживающем секторе и сопровождается формированием инновационной экосистемы.

Основными ожидаемыми результатами развития кластеров в субъектах Российской Федерации, в муниципальных образованиях, в городской и сельской местности могут стать:

- активизация процесса образования кластеров в приоритетных отраслях национальной экономики с учётом географических особенностей, природно-климатических условий и актуализации территориальных преимуществ субъектов Российской Федерации;
- повышение конкурентоспособности субъектов хозяйствования за счёт роста объёмов производства, доли инновационной продукции в валовом региональном продукте и производительности труда на предприятиях-участниках кластеров;
- интенсификация развития субъектов инновационного бизнеса;
- повышение процента локализации производства конкурентоспособной продукции на территории региона либо муниципального образования и сокращение транзакционных издержек;
- совершенствование производственной, инновационной и сервисной инфраструктуры территорий;
- рост не сырьевого и высокотехнологичного экспорта товаров;
- развитие индивидуального предпринимательства, увеличение количества малых и средних предприятий; формирование эффективной системы подготовки и переподготовки профессиональных высококвалифицированных кадров для предприятий и организаций, работающих в составе региональных кластеров;
- рост привлекаемых в российские регионы прямых отечественных и иностранных инвестиций.

Заключение. Сущностное содержание кластерной политики Российской Федерации состоит в повышении конкурентоспособности национальной экономики, её отдельных отраслей и территорий за счет достижения синергетического эффекта от взаимодействия участников кластеров, связанного с их географически близким расположением. В границах кластеров создаются предпосылки для реализации совместных проектов и кластерных инициатив, расширяется доступ к современным технологиям, высококвалифицированным кадрам и услугам специализированных организаций, снижаются издержки производства и обращения, появляются возможности для консолидации финансовых ресурсов. Все названные компоненты обеспечивают сбалансированное функционирование хозяйствующих субъектов и получение синергетического эффекта в результате их согласованной экономической деятельности.

Развитие инициативности в реализации кластерных проектов на территориях административно-территориальных и муниципальных образований Российской Федерации призвано способствовать сосредоточению имеющихся и привлекаемых в регионы ресурсов на наиболее востребованных современным рыночным хозяйством направлениях развития, что позволит повысить эффективность предусматриваемых социально-экономических мероприятий.

Литература:

1. Сараев В. Затерянный кластер // Эксперт. 14.12.2014 [электронный ресурс]. URL: http://expert.ru/expert/2014/51/zateryannyij-klaster/ (дата обращения 15.12.2015).
2. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. №1662-р (в ред. От 08.08.2009) //Собрание законодательства РФ. 2008. №47. Ст. 5489. 2009. №33. Ст. 4127.
3. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 08 декабря 2011 г. №2227-р //Собрание законодательства РФ. 2012. №1. Ст. 216.
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации Экономическое развитие и инновационная экономика: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 марта 2013 г. №467-р [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
5. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. Утверждены Правительством РФ 31.01.2013 г. [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
6. Дронов С. Е. Проблемы активизации точек роста в регионах России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т.9. №9. С. 37–41.
7. Корж А. С., Короткова Г. К., Ткачук Л. Т. Кластерные инициативы в экономике: тенденции развития

и проблемы реализации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2015. №3. С. 52–62.
8. Кластерная политика: концентрация потенциала для достижения глобальной конкурентоспособности / Под ред. И. М. Бортника, Л. М. Гохберга, А. Н. Клепача, П. Б. Рудника, О. В. Фомичева, А. Е. Шадрина. СПб.: Corvus, 2015. 356 с.
9. Дырдонова А. Н. Методические основы оценки потенциала кластеризации региональных экономических систем // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. №1. С. 149–155.
10. Молчанова Н. П. Финансовые основы эффективной региональной инвестиционной политики //Аудит и финансовый анализ. 2014. №6. С. 232–238.
11. Молчанова Н. П. Регулирование инвестиционной деятельности как фактор управления региональным развитием //Вестник ДГТУ: теоретический и научно-практический журнал. 2011. Т. 11. №4 (55). С. 560–568.
12. Молчанов И. Н. Формирование и оценка потенциала сферы образования в современной России // Гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 406–410.
13. Молчанова Н. П., Молчанов И. Н. Концептуальные основы финансового механизма некоммерческих организаций сферы образования России // Аудит и финансовый анализ. 2015. №2. С. 437–444.
14. Молчанов И. Н. Кадровое обеспечение сферы туризма // Туризм в меняющемся мире / Под ред. Н. А. Восколович. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. С. 44–51.
15. Тургель И. Д. Формирование Открытого бюджета в Российской Федерации: долгосрочные планы и первые результаты // Вопросы управления. 2014. №3. С. 23–30.
16. Тургель И. Д. Местное самоуправление в России: десять лет в условиях реформирования //Муниципалитет: экономика и управление. 2012. №2 (3). С. 18–29.
17. Тургель И. Д. Российский опыт формирования открытого бюджета: проблемы и перспективы // Муниципалитет: экономика и управление. 2013. №2 (5). С. 24–32.

References:

1. Saraev V. The lost cluster // Ekspert. 12.14.2014 [e-resource]. URL: http://expert.ru/expert/2014/51/zateryannyij-klaster/ (date of reference 15.12.2015).
2. On the Concept of the Russian Federation long-term socio-economic development for the period up to 2020: Order of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 №1662-r (as amended on 08.08.2009.) // Collection of the RF legislation. 2008. №47. Art. 5489. 2009. №33. Art. 4127.
3. On the approval of the Innovative Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2020: Order of the Government of the Russian Federation of December 08, 2011 №2227-r // Collection of the RF legislation. 2012. №1. Art. 216.
4. On approval of the State Program of the Russian Federation Economic development and innovative economy: Order of the Government of the Russian Federation of March 29, 2013 №467-r [e-resource]. Access from ref.-legal system KonsultantPlus.
5. Main activities of the Government of the Russian Federation for the period up to 2018. Approved by the RF Government on 31.01.2013 [e-resource]. Access from ref.-legal system KonsultantPlus.
6. Dronov S. E. The problems of activating growth points in the regions of Russia // Socio-economic phenomena and processes. 2014. V.9. №9. P. 37–41.
7. Korzh A. S., Korotkova G. K., Tkachuk L. T. Cluster initiatives in economy: trends and problems of implementation // Scientific and technical Gazette of St. Petersburg state Polytechnic University. Economic science. 2015. №3. P. 52–62.
8. Cluster policy: concentrating the potential to achieve global competitiveness / Ed. by I. M. Bortnik, L. M. Gokhberg, A. N. Klepach, P. B. Rudnik, O. V. Fomichev, A. E. Shadrin. SPb.: Corvus, 2015. 356 p.
9. Dyrdonova A. N. Methodical bases of assessing the regional economic systems clustering potential // Business. Education. Right. Bulletin of Volgograd business Institute. 2014. №1. P. 149–155.
10. Molchanova N. P. Financial basics of efficient regional investment policy // Audit and financial analysis. 2014. №6. P. 232–238.
11. Molchanova N. P. Regulation of investment activity as a factor of regional development management // Vestnik of DSTU: theoretical and scientific-practical journal. 2011. V. 11. №4 (55). P. 560–568.
12. Molchanov I. N. Formation and assessment of the education sector potential in modern Russia // Humanities and social Sciences. 2014. №2. P. 406–410.
13. Molchanova N. P., Molchanov I. N. Conceptual framework of financial mechanism of non-profit organizations of education sector of Russia // Audit and financial analysis. 2015. №2. P. 437–444.
14. Molchanov I. N. Staffing of tourism sector // Tourism in changing world / Ed. by N. A. Voskolovich. M.: Economics Faculty of MSU named after M. V. Lomonosov, 2010. P. 44–51.
15. Turgel I. D. Open Budget formation in the Russian Federation: long-term plans and first results // Management issues. 2014. №3. P. 23–30.
16. Turgel I. D. Local government in Russia: ten years under reform // Municipality: economy and management. 2012. №2 (3). P. 18–29.
17. Turgel I. D. The Russian experience of the Open Budget formation: problems and prospects // Municipality: economy and management. 2013. №2 (5). P. 24–32.

УПРАВЛЕНИЕ СТРУКТУРНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Киселева Н. Н.

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Северо-Кавказского института – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 357528, Россия, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, д. 5, kiseleva-n-n@yandex.ru

Боровикова Н. В.

аспирант кафедры экономики и антимонопольного регулирования Северо-Кавказского института – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 357528, Россия, г. Пятигорск, ул. Дунаевского, д. 5, bor.n.v@yandex.ru

УДК 338.45:353(470.6)
ББК 65.30-21(2Рос-13)

Цель. Разработка на основе анализа структурных изменений в промышленности рекомендаций по формированию эффективной промышленной политики в регионах Северо-Кавказского федерального округа

Методы. На основе обширного массива эмпирических данных, сформированного с использованием материалов официальной статистики и иной информации открытых официальных источников, проведен анализ структурных изменений в промышленном производстве северокавказских регионов за последние десятилетия.

Результаты. В ходе анализа выявлена масштабная деиндустриализация экономики северокавказских регионов за последние десятилетия, во многом произошедшая вследствие сжатия спроса в отраслях, ранее ориентированных на нужды оборонного комплекса. Предложены и обоснованы приоритеты и механизмы структурных преобразований в промышленном комплексе северокавказских регионов.

Научная новизна. Раскрыты возможности структурных преобразований в промышленности северокавказских регионов за счет использования потенциала сетевых форм организации бизнеса.

Ключевые слова: промышленная политика, структурные изменения, северокавказские регионы, сетевые формы организации бизнеса.

MANAGING INDUSTRY STRUCTURAL CHANGES IN THE REGIONS OF THE NORTH CAUCASIAN FEDERAL DISTRICT

Kiseleva N. N.

Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the North-Caucasian Institute – branch, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 5, Dunayevsky Str., Pyatigorsk, Russia, 357528, kiseleva-n-n@yandex.ru

Borovikova N. V.

postgraduate student of Economics and Antitrust Regulation Department of the North-Caucasian Institute – branch , the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 5, Dunayevsky Str., Pyatigorsk, Russia, 357528, bor.n.v@yandex.ru

Purpose. On the basis of analysis of structural changes in the industry to work out recommendations for the development of efficient industrial policy in the regions of the North Caucasian Federal District.

Methods. Based on the wide range of empirical data generated through the use of the official statistics materials and other information from open official sources, the structural changes in industrial production of the North Caucasian regions in recent decades have been analyzed.

© Киселева Н. Н., Боровикова Н. В., 2016

Results. The analysis revealed large-scale de-industrialization of economy of the North Caucasian regions in recent decades, largely due to demand contraction in sectors focusing previously on the needs of the defense complex. Priorities and mechanisms of structural changes in industrial complex of the North Caucasian regions are proposed and justified.

Scientific novelty. The possibilities of structural changes in the industry of the North Caucasian regions through the use of the potential of the network forms of business organization are identified.

Key words: industrial policy, structural changes, North Caucasian regions, network form of business organization.

Регионы Северо-Кавказского федерального округа на протяжении последних десятилетий являются устойчиво проблемной территорией в экономическом пространстве России, демонстрирующей низкие объемы производимой валовой добавленной стоимости. Во многом это связано с тем, что их экономика специализируется на сельском хозяйстве и секторе услуг, финансируемых за счет средств федерального бюджета. Речь идет прежде всего о здравоохранении, образовании, государственной безопасности. Трансформация экономики России негативно отразилась на состоянии промышленности. Во многом это связано с тем, что промышленные предприятия северокавказских регионов ориентировались на государственный оборонный заказ. Сокращение или полное прекращение государственной поддержки привело к росту безработицы, снижению валового регионального продукта и увеличению объемов неиспользуемых промышленных мощностей.

Среди ученых нет единства по поводу определения сущности и содержания промышленной политики, несмотря на то, что эти вопросы находятся в центре внимания экономической науки с начала XX века. Данной проблематике посвящены работы Дж. Кейнса, О. Грэма, Д. Родрика, М. Портера, Д. Стиглица. Среди отечественных ученых вопросами государственного регулирования промышленного развития занимались С. Глазьев, Р. Гринберг, Л. Абалкин, С. Губанов, В. Завадников, А. Татаркин. Проблемам формирования и реализации эффективной региональной политики посвящены работы М. Бандмана, А. Гранберга, С. Суспицина, А. Новоселова, Ю. Колесникова, Н. Киселевой. В последние годы во многих развитых странах отмечается ренессанс промышленной политики, значение которой в формировании общественного продукта остается высоким, несмотря на рост удельного веса сферы услуг. Необходимо отметить, что предложить универсальный инструментарий промышленной политики достаточно сложно, что актуализирует исследования в области формирования эффективной промышленной политики в северокавказских регионах.

Доля обрабатывающих отраслей в валовом региональном продукте северокавказских регионов чрезвычайно низка: в Республике Ингушетия и Чеченской Республике – менее 3 процентов. Среднероссийский уровень индустриализации экономики не достигается ни в одном из регионов Северо-Кавказского федерального округа (рис. 1).

Республика Дагестан является одной из крупнейших экономик Северо-Кавказского федерального округа. Во второй половине XX века в результате активных действий государства в республике была осуществлена индустриализация. Созданная промышленность ориентировалась прежде всего на обеспечение нужд военно-промышленного комплекса СССР. В период трансформации российской экономики в 1990-е гг. большинство предприятий было закрыто, что обусловило рост безработицы и существенно снизило уровень социально-экономического развития республики.

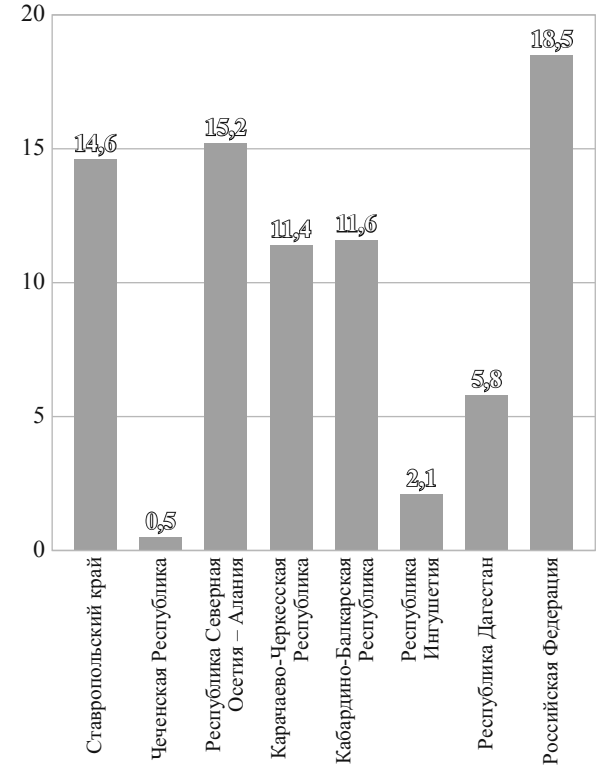

Рис. 1. **Доля обрабатывающих производств в структуре валового регионального продукта регионов Северо-Кавказского федерального округа [1]**

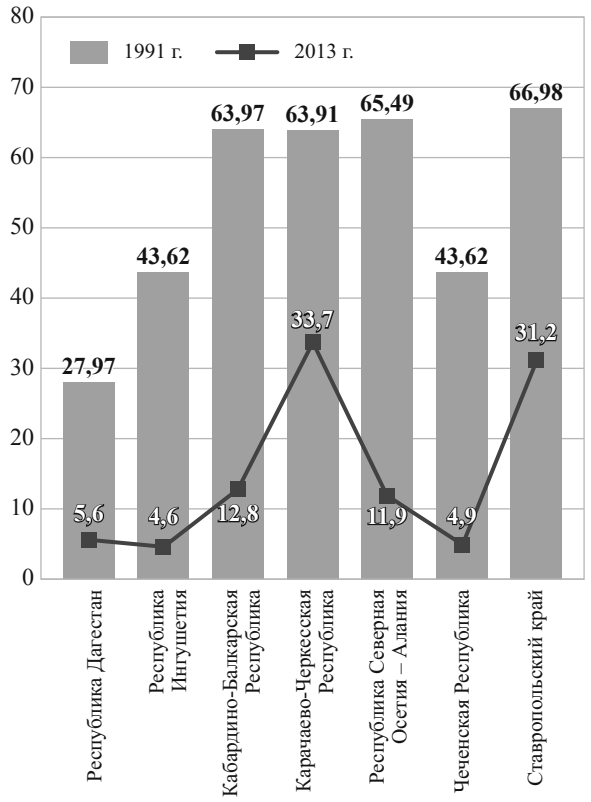

Рис. 2. **Сравнение объемов производства на душу населения в промышленности в 1991 и 2013 году, в процентах к среднему по стране уровню [1]**

Восстановление промышленного комплекса Республики Дагестан началось в течение последних 7–10 лет. В конце 2014 г. была утверждена государственная программа Республики Дагестан Развитие промышленности Республики Дагестан на 2015–2020 годы, в которой на весь период на достижение целей заложено 1997,48 млн. рублей. При этом акцент делается на восстановлении промышленного производства для нужд оборонного комплекса.

Проблемы промышленности Республики Дагестан в той или иной мере свойственны для всех северокавказских регионов. Трансформация российской экономики привела к упадку промышленного потенциала.

Данные рисунка наглядно иллюстрируют спад в промышленности северокавказских регионов за последние два десятилетия в период трансформации экономики России и в дальнейшем. Во многом это связано со сложившейся специализацией экономики в отраслях, не привлекательных для инвестиций частного капитала (рис. 2)

Крайне тревожной тенденцией, деструктивное действие которой может ощущаться еще долгое время, является снижение стоимости основных фондов в промышленности на душу населения (рис. 3). Этот показатель фактически свидетельствует о масштабах деиндустриализации экономики, произошедшей в условиях сжатия спроса на продукцию и низкой инвестиционной привлекательности промышленных отраслей.

Промышленный комплекс Республики Ингушетия активно развивается и приобретает свою характерную

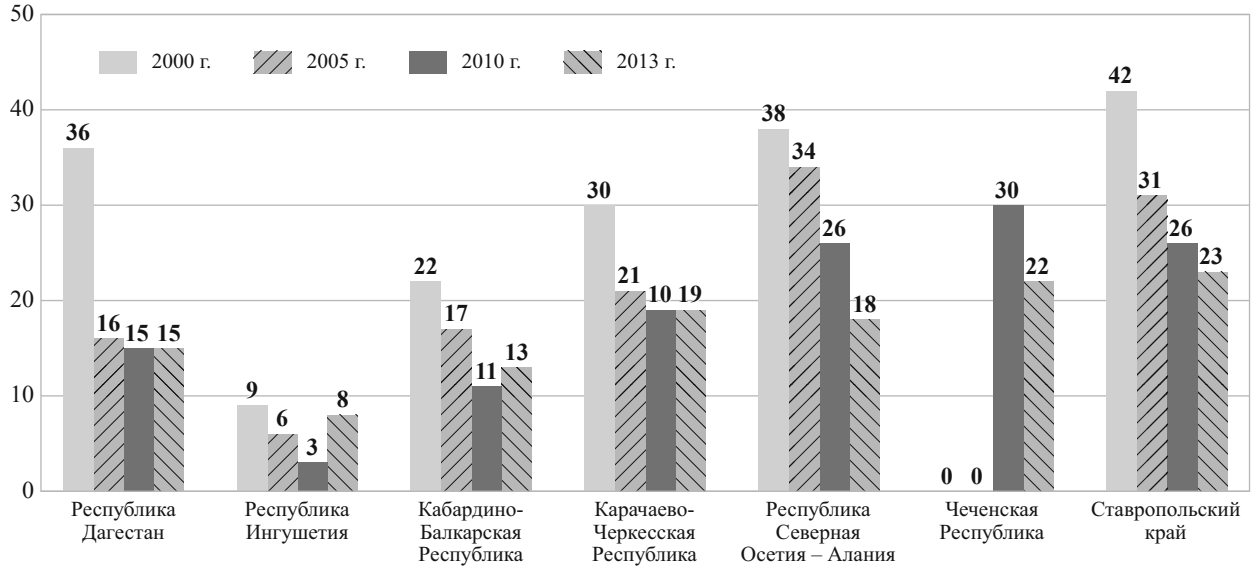

Рис. 3. **Динамика стоимости основных фондов в промышленности на душу населения регионов Северо-Кавказского федерального округа в 2000–2013 гг. [1]**

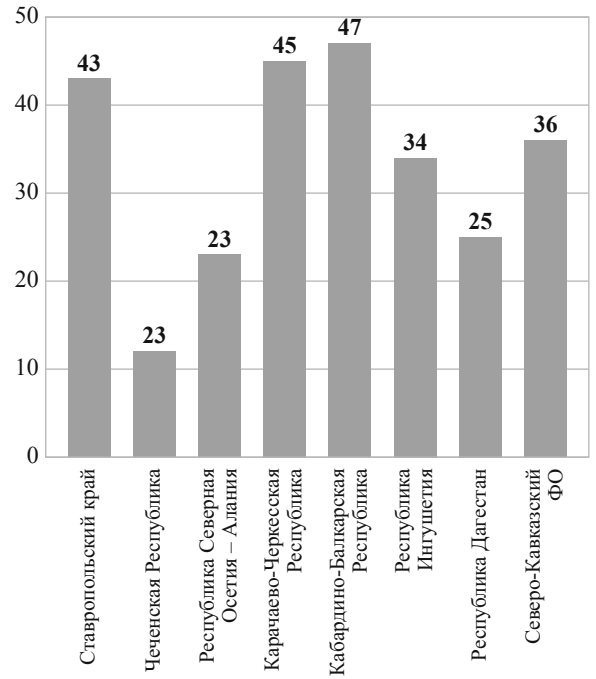

Рис. 4. **Производительность труда в промышленности в регионах Северо-Кавказского федерального округа в 2014 году, в % к средней по Российской Федерации [1]**

специализацию благодаря федеральным финансовым вливаниям. Ранее промышленность региона не была развита.

Накопленный промышленный потенциал Кабардино-Балкарской Республики сосредоточен преимущественно в г. Нальчик. Промышленная политика республики сосредоточена на мерах долгосрочного, стратегического характера, направленных на создание условий для продолжения, ускорения роста и придания ему устойчивого характера. Модернизацию промышленного комплекса Кабардино-Балкарской Республики решено осуществлять по двум направлениям: техническое обновление устаревшей материальной базы производства и увеличение удельного веса наукоемких и высокотехнологичных производств.

Промышленность является одной из основных отраслей экономики Карачаево-Черкесской Республики, формирующей доходы регионального бюджета. Отличительной чертой промышленной политики Карачаево-Черкесской Республики является тесное взаимодействие с вертикально-интегрированными структурами российской экономики. Помимо добычи и переработки полезных ископаемых в регионе удалось наладить производство автомобилей с привлечением иностранных инвесторов.

В промышленности Республики Северная Осетия-Алания развиты металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; производство транспортных средств и оборудования; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования. Промышленность республики значительно пострадала в ходе трансформации российской экономики из-за сокращения оборонных заказов. Ключевыми проблемами продолжают оставаться низкая рентабельность производства, избыточные производственные мощности и высокий износ основных фондов. При этом промышленная политика характеризуется многосубъектностью, что приводит к размыванию ответственности и слабой проработкой нормативно-правовой базы. В итоге складывается ситуация, в которой социально-экономическое положение региона со значительным промышленным потенциалом продолжает усугубляться.

Промышленность Чеченской Республики до кризисных событий 1990-х годов характеризовалась высоким уровнем развития и была достаточно диверсифицированной. В настоящее время предпринимаются усилия по возрождению промышленного производства. Особое внимание уделяется таким отраслям, как машиностроение и металлообработка, приборостроение и производство оборудования, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство медицинских инструментов, деревообрабатывающая промышленность, производство полиграфической продукции и легкая промышленность. Восстановление промышленного производства сталкивается не только с трудностями восстановления промышленных фондов, но и с дефицитом квалифицированных кадров.

Промышленность Ставропольского края также ощутимо пострадала в период трансформации экономики. Наиболее глубоко кризисные явления коснулись машиностроения, легкой промышленности. Конкурентоспособной в условиях рынка оказалась химическая промышленность, сосредоточенная в городах Невинномысск и Буденновск. В целом Ставропольский край является одним из самых индустриализированных регионов Северо-Кавказского федерального округа во многом благодаря усилиям региональных властей по созданию инфраструктуры для привлечения инвестиций.

Ключевым сдерживающим фактором развития промышленного производства в регионах Северо-Кавказского федерального округа является дефицит инвестиций вследствие низкой рентабельности производства и высокого уровня различных рисков. Учитывая трудоизбыточность северокавказских регионов, многие из функционирующих промышленных предприятий максимально замещают капитал трудом, что имеет свои пределы в рамках используемых технологий и снижает производительность труда и уровень жизни населения (рис. 4).

Все выявленные проблемы формирования промышленного потенциала северокавказских регионов непосредственно сказываются на темпах промышленного производства. В период с 2005 по 2013 год неоднократно отмечались отрицательные значения индекса промышленного производства. Особенно это касается Республики Дагестан и Чеченской Республики. В других регионах значения индекса промышленного производства отличались нестабильностью.

Обзор накопленных в развитии промышленности северокавказских регионов проблем подтверждает необходимость эффективной структурной политики в промышленности. При выборе стратегических приоритетов развития промышленности выбор всегда производится между необходимостью решения текущих проблем социально-экономического развития – созданием рабочих мест и пополнением бюджетной системы – и формированием фундамента экономического прорыва в будущем за счет перераспределения ресурсов в пользу отраслей, которые не вносят большого вклада в решение текущих проблем, но обладают высокой стратегической значимостью для региональной экономики.

При всей важности разрешения накопившихся в экономике северокавказских регионов проблем, обуславливающих их отставание по социально-экономическим показателям, часть ресурсов необходимо перераспределять в пользу отраслей, обладающих высокой стратегической значимостью для формирования конкурентных преимуществ и эффективной специализации региональной экономики в будущем.

Акцент на необходимость импортозамещения на внутреннем рынке России открывает новые перспективы перед промышленностью регионов Северо-Кавказского федерального округа.

При этом особую актуальность приобретает задача поиска эффективных механизмов обеспечения структурных преобразований в промышленности северокавказских регионов. Ключевой проблемой продолжает оставаться закрытость экономик, что затрудняет освоение новых рынков сбыта и привлечение внешних инвестиций (рис. 5).

В ряде стратегических документов и работах ученых обосновывается необходимость формирования кластерных структур в промышленности. Понятие кластера было впервые введено американским ученым М. Портером при исследовании проблем международной конкуренции. Под кластером основоположник данной теории понимал сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу [2, с. 256]. При этом в составе кластера выделяется так называемое ядро, состоящее из отраслей, определяющих специализацию кластера.

В условиях северокавказских регионов формирование эффективно функционирующих кластеров может быть затруднено вследствие трудностей определения предприятий, способных стать таким ядром. Кроме того, учитывая уровень предпринимательской активности, весьма сложно будет обеспечить конкуренцию среди участников кластерных отношений.

Объективная реальность приводит к мысли о необходимости поиска новых форм организации промышленного производства с учетом мировых тенденций, одной из которых является интенсивное развитие и распространение сетевой формы бизнеса.

По мнению экспертов, именно сетевая форма интеграции промышленных предприятий является наиболее прогрессивной, современной и перспективной формой

Табл. 1. **Определение приоритетов структурных преобразований в промышленности регионов Северо-Кавказского федерального округа**

Создание рабочих мест и налогооблагаемой базы бюджета		
• Текстильное и швейное производство • Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви • Пищевая промышленность • Промышленность строительных материалов	• Химическое и нефтехимическое производство • Производство машин и оборудования • Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий • Производство резиновых и пластмассовых изделий • Производство мебели	• Производство транспортных средств и оборудования • Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования • Фармацевтическая промышленность • Иные высокотехнологичные производства
		Стратегическая значимость для региональной экономики

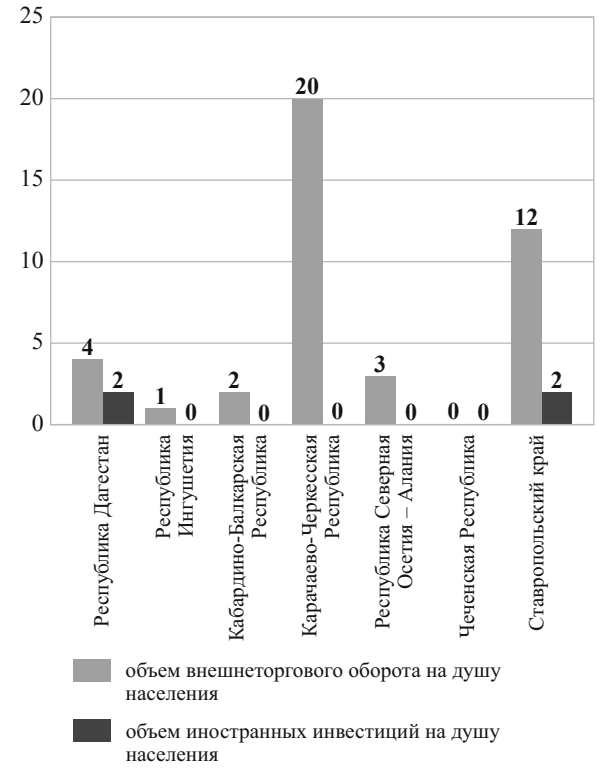

Рис. 5. **Показатели включенности северокавказских регионов в систему мирохозяйственных связей, в процентах к среднероссийскому уровню**

организации и развития объединений. Любые виды кооперативных, договорных, информационных, территориальных, правовых, финансовых и других взаимосвязей могут быть определены как сетевая форма интеграционного взаимодействия. Понятие сеть не ограничивается какой-либо организационной или правовой формой, оно, по сути, отражает современные тенденции к интеграции, происходящие в экономическом сообществе.

Сетевой подход реализует концепцию взаимодействия, которая опирается на ряд таких признаков, как [3, с. 101–102]:

- сходство целевых ориентиров реально функционирующих бизнес-субъектов;
- необходимость использования мер государственной поддержки;
- необходимость привлечения инвестиций в условиях развивающихся рынков;
- необходимость активизации инновационных возможностей;
- развитие информационно-коммуникационных технологий;
- стремление к получению синергического эффекта;
- развитие изучения и конструктивного использования опыта, накопленного лидерами бизнес-сферы;
- развитие идеологии и партнерства.

Проведенный анализ промышленной политики северокавказских регионов подтверждает, что наибольшего успеха в промышленном развитии добиваются те из них, кто уделяет внимание взаимодействию с крупными вертикально интегрированными структурами. Такое взаимодействие создаст условия для модернизации экономики и внедрения инноваций, а также для поиска новых рынков сбыта и партнеров за пределами регионов.

Литература:

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения 13.11.2015)
2. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005.
3. Асаул А. Н., Скуматов Е. Г., Локтева Г. Е. Предпринимательские сети в строительстве. СПб.: Гуманистика, 2005.

References:

1. The official website of the Federal Service of State Statistics [e-resource]. URL: http://www.gks.ru (date of reference 13.11.2015)
2. Porter M. Competition. M.: Wiliams, 2005.
3. Asaul A. N., Skumatov E. G., Lokteva G. E. Entrepreneurial network in construction. SPb.: Gumanistika 2005.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

Ковбасюк А. А.

преподаватель кафедры экономики предприятия и менеджмента, Университет управления и предпринимательства (Украина), 29001, Украина, г. Хмельницкий, ул. Вайсера, д. 79, кв. 19, kovbasiuk-alex@mail.ru

УДК 338.43:35
ББК 65.325.1-21

Цель. Исследование опыта передовых стран производителей и экспортеров зерна в сфере стимулирования развития зернопродуктового подкомплекса.

Методы. В качестве основного подхода используется системный и структурно-функциональный подходы, которые позволили определить основные инструменты государственного регулирования зернового производства передовых стран, выделить перспективные инструменты стимулирования развития отрасли в отечественной практике.

Результаты. Рассмотрены общие подходы к регулированию аграрного рынка и определены направления использования зарубежного опыта в зернопроизводстве. Исследован опыт передовых стран производителей и экспортеров зерна в сфере стимулирования развития зернопродуктового подкомплекса, в том числе через льготное налогообложение.

Научная новизна. Раскрыты положительные последствия реализации инструментов системы налогообложения для устойчивого развития сельского хозяйства. Обоснована специфика инструментальных методов государственной поддержки производства зерновых культур в зарубежных странах.

*Ключевые слова***:** зернопродуктовый подкомплекс, механизмы государственного регулирования, инструментальные методы государственной поддержки, налоговое стимулирование, ценовое регулирование.

FOREIGN EXPERIENCE OF THE STATE SUPPORT OF GRAIN CROP PRODUCTION

Kovbasyuk A. A.

Lecturer of Enterprise Economics and Management Department, University of Management and Entrepreneurship (Ukraine), fl .19, 79 Vaisera Str., Khmelnytsky, Ukraine, 29001, kovbasiuk-alex@mail.ru

Purpose. To research experience of advanced countries grain producers and exporters in the field of grain subcomplex development stimulation.

Methods. The main approach used is the system and structural-functional approaches enabling to identify the basic tools of the state regulation of grain production in advanced countries and perspective tools to stimulate the domestic industry development.

Results. General approaches to agricultural market regulation are considered and directions for foreign experience implementation in grain production are defined. The author researched the experience of advanced countries grain producers and exporters in the field of grain subcomplex development stimulation, also through preferential taxation.

Scientific novelty. Positive implications of the taxation tools implementation for the sustainable development of agriculture are revealed. The specifics of instrumental control of state support to grain production in foreign countries are substantiated.

Key words: grain production subcomplex, mechanisms of state regulation, instrumental control of state support, tax incentives, price regulation.

© Ковбасюк А. А., 2016

Ковбасюк А. А.

Постановка проблемы в общем виде. Обеспечение эффективного развития зернопроизводства как в отдельном регионе, так и в стране в целом, возможно при условии внедрения действенных механизмов государственной поддержки производства зерновой продукции. Учитывая, что на мировом рынке присутствуют мощные страны-конкуренты, возникает необходимость поиска эффективных механизмов государственного регулирования развития зернового подкомплекса, что в свою очередь, обусловливает актуальность исследования ведущего опыта в этой сфере.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросами исследования развития и функционирования рынков аграрной продукции занимались многие современные ученые, частности В. Г. Андрийчук, Н. Демьяненко, Н. И. Малик, П. Т. Саблук, А. Г. Шпикуляк, С. В. Кваша, Н. Г. Лобас, И. И. Червен и др. Однако, выявление основных аспектов государственной поддержки производства зерновых требует дальнейших исследований и обобщений.

Цель статьи. Целью этого исследования является изучение и обобщение международного опыта трансформации механизмов государственного управления развитием зернопродуктового подкомплекса, а также определение перспективных направлений совершенствования методов государственной поддержки аграрного сектора экономики.

Изложение основного материала. Развитые страны мира, как правило, направляют свою политику на поддержку постоянных объемов производства зерна и обеспечения собственной продовольственной безопасности и экономической независимости. Кроме того, большинство стран преследуют и протекционистские цели (защита внутреннего товаропроизводителя от внешних конкурентов и расширение объемов собственного производства с целью экспорта продукции на внешние рынки). Большинство ведущих стран-экспортеров зерна в качестве средств государственной поддержки используют экономические механизмы регулирования производства зерна [1].

Современные системы влияния государства на развитие сельского хозяйства в развитых странах традиционно включают два основных компонента: институциональный и инструментальный. Первый находит свое выражение в деятельности органов, занимающихся разработкой и проведением мероприятий по регулированию производства и рынков, второй представляет собой постановления, регламенты и программы, на основе которых регулирующие органы реализуют на практике основные положения аграрной политики с помощью различных методов и инструментов. Предлагаем сконцентрировать наше внимание на втором компоненте – инструментальном.

Традиционно систему инструментальных рычагов государственного регулирования разделяют на прямые и косвенные (рис. 1).

Так, к прямым методам государственной поддержки производства зерновых, по нашему мнению, следует отнести:

- регулирования цен на зерновом рынке, предусматривающее установление целевых, пороговых и залоговых цен, интервенции из резервных фондов для обеспечения баланса спроса и предложения на внутреннем рынке. Целью применения этого механизма является поддержание цен на рынке зерна внутри страны, стабилизация доходов сельскохозяйственных предприятий и сглаживания диспаритета цен в аграрной сфере;
- применения средств прямого государственного финансирования сельскохозяйственного производства, транспортировки, хранения и переработки зерна, в том числе в районах с неблагоприятными условиями производства зерновых путем предоставления субсидий и дотаций;
- разработка и реализация государственных и региональных целевых программ и долгосрочных проектов, направленных на стимулирование производства зерновых культур, развитие научно-технического прогресса в области разработки технологий выращивания зерна;
- средства протекционистской защиты внутреннего товаропроизводителя путем установления ввозной пошлины, квоты на ввоз зерновых и т.д.;
- поддержка экспортного потенциала зерновой отрасли через субсидирование экспорта зерна.

Кроме того, достаточно часто в развитых странах мира используют методы косвенной поддержки аграрного производства, к которым следует отнести:

- внедрение системы льготного кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей или предоставления кредитов под гарантии правительства;
- введение системы обязательного страхования урожаев зерновых культур;
- льготное налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей;
- стимулирование подготовки высококвалифицированных кадров в области аграрного образования из-за увеличения объемов государственного заказа;
- развитие социальной инфраструктуры в аграрных регионах с целью обеспечения достойных условий жизни для работников сельскохозяйственных предприятий и выравнивания уровня доходов работников аграрного сектора по сравнению с работниками промышленных предприятий.

Наиболее распространенным методом государственной поддержки зернопроизводства является регулирование ценообразования на продовольственных рынках. Анализ зарубежного опыта показывает, что

Рис. 1. **Система инструментальных методов государственной поддержки производства зерновых культур (составлено автором).**

регулирование цен осуществляется с использованием примерно одинаковых подходов, которые предусматривают установление верхней и нижней границы колебаний цен, определение целевых, закладных, и пороговых цен, которые используются на зерновом рынке.

Для расчетных операций и ориентировки на возмещение расходов устанавливают целевые цены на зерно. С целью таможенной защиты внутренних товаропроизводителей страны могут устанавливать пороговые цены. Верхний предел защиты внутренних цен на зерно определяют целевая и пороговые цены. Нижний порог гарантированных цен на зерно устанавливается с помощью залоговой цены, которая, в свою очередь, связана с ценами на мировом рынке.

Например, в странах ЕС, Еврокомиссия периодически регулирует цены по трем основным направлениям:

- рекомендованные цены (индикативные – для зерновых культур);
- минимальные цены импорта (для зерновых культур это предельные цены). Кроме того, защита от нежелательного импорта осуществляется путём накладывания дополнительного сбора, который рассчитывается как разница между ценами на внутреннем рынке и импортной ценой. Также имеет место стимулирование экспорта за счет экспортных субсидий;
- минимальные цены, которые имеют целью гарантирование сельхозпроизводителям получения прибыли и дифференциацию заготовительных цен в зависимости от регионов выращивания сырья [2, 3].

Система ценового регулирования зернового рынка используется также и в Китае. В частности, в КНР закреплена двухуровневая система цен, которая предусматривает государственные фиксированные цены и различные виды негосударственных цен. На рынке зерна цены определяются на основе спроса и предложения, однако контролируются со стороны государства с целью обеспечения минимальных цен продажи. Обеспечение баланса между спросом и предложением на рынке осуществляется также путем интервенций и формирования страховых резервов продовольствия. Эти резервные фонды используются для целей ценового регулирования, а также избегания циклических и сезонных колебаний на аграрном рынке [4]. Еще одним средством регулирования на внутреннем рынке является применение так называемых государственных закупок и товарных интервенций. Такой механизм чаще всего используют страны, ориентированные на защиту отечественного рынка от значительных колебаний цен на продовольствие.

Например, в России государственные закупки впервые были использованы осенью 2001 года. Это было связано со стремительным падением цен после сбора больших и рекордно высоких урожаев зерновых в стране. Средние объемы таких закупок ежегодно составляют около 8 % реализованной пшеницы [5, с. 64–66]. Такие меры позволяют сельхозпроизводителям получать необходимые после затратной уборочной кампании деньги для текущей хозяйственной

деятельности и получить прибыль. Товарные интервенции осуществляются, если на рынке складывается обратная ситуация, то есть возникает дефицит, или в случае чрезмерного роста цен. Российский опыт проведения интервенций показывает, что наличие интервенционного фонда осуществляет стабилизирующее влияние на зерновой рынок страны.

Регулирование зернового рынка путем проведения государственных зерновых закупочных и товарных интервенций достаточно часто используется в экономически развитых странах. Например, в Японии государство устанавливает цены, по которым ежегодно проводятся закупки в национальный резервный фонд. Закупка пшеницы и ячменя осуществляется по выгодным для фермерских хозяйств ценам в полном объеме производства. Торговые операции с зерном осуществляет Продовольственное агентство, которое жестко контролирует внутренний рынок риса, пшеницы и ячменя, а также их импорт.

Довольно часто в развитых странах мира предусматривается применение средств прямого финансирования производства отдельных видов продовольственной продукции путем субсидирования и дотирования. Практически во всех странах с высокоразвитым сельским хозяйством уровень прямого финансирования (субсидирования) сельхозпроизводства, несмотря на постоянные переговоры (в рамках ВТО) и попытки снижения уровня государственной поддержки аграрного сектора, остается крайне высоким. Так, сельхозпроизводители ЕС за счет цены получают только часть прибыли, а остальное платит государство. В подтверждение этого говорит тот факт, что бюджет Европейского Союза на 2013 г. с общими расходами 150 млрд. евро предусматривал около 60,3 млрд. евро (39,9 %) на поддержку агропромышленного комплекса, при условии, что в АПК ЕС производится всего 1,22 % его валовой продукции (тогда как в Украине за счет аграрного сектора генерируется 10 % ВВП, однако объемы его финансирования являются незначительными) [6].

В Канаде основным законодательным актом, регулирующим зерновые операции, является Закон о Стабилизации сельскохозяйственного производства, согласно которому закупка зерна по базовым ценам, осуществляется Канадским комитетом по пшенице. В случае, если средневзвешенная цена на определенную категорию зерна, реализованного конечному потребителю, формируется на уровне, превышающем базовую цену закупки, то эта разница за вычетом накладных расходов выплачивается фермерам. Закон предусматривает меры по регулированию и сглаживанию колебаний цен на зерно с целью компенсации затрат труда и инвестиций для его производства, обеспечения справедливого соотношения между доходами, получаемыми фермером, и теми затратами, которые он получает, покупая товары и услуги, связанные с ведением зернового хозяйства [7].

Ярким примером прямого финансирования производства зерновых является США. Так, сегодня около трети фермерских хозяйств США получают прямые субсидии от государства на сумму более 12 млрд. долл. При этом удельный вес государственной поддержки в себестоимости производства зерна составляет 38 %. С целью стимулирования развития крупных фермерских хозяйств в стране при расчете размера государственной субсидии учитывается стоимость произведенной товарной продукции и действует принцип: чем больше произведено продукции, тем больше сумма расходов, а следовательно и начисленных компенсационных платежей.

Практически для всех стран-экспортеров зерна характерные меры государственной поддержки экспорта. Так, в Канаде, где производство зерна традиционно носит экспортно-ориентированный характер, установлена государственная монополия на экспорт. В США особенностью государственной поддержки производства и экспорта зерна является ее интенсивный характер. На национальном уровне государства-члены Европейского союза поддерживают всех своих производителей и экспортеров зерна с целью стабилизации внутреннего рынка.

Распространенным методом государственной поддержки производителей продовольствия является разработка и финансирование соответствующих программ и проектов. Например, в США есть программа поддержки фермеров Стабилизация доходов фермеров (в состав которой входят следующие разделы: Государственная программа поддержки цен, Страхование урожая и Сельскохозяйственный кредит), на реализацию которой выделяется до 50 % всех аграрных бюджетных ассигнований [8].

Большинство сельхозпроизводителей при производстве зерна привлекают краткосрочные кредиты для формирования оборотных средств в достаточном объеме. По завершению цикла возникает потребность в реализации части зерна и выполнении своих обязательств перед работниками организации, государством, поставщиками и кредитными учреждениями. Однако не всегда сельхозпроизводители в результате значительных колебаний цен, неурожая и влияния других факторов оказываются платежеспособными. В таких случаях отдельные страны используют механизмы льготного кредитования. Так, в США производитель получает возможность, в случае низких цен на его продукцию, разместить часть своей продукции на соответствующих складах (сформировав таким образом залоговый фонд) и получить кредит по льготной процентной ставке. В дальнейшем фермер может

либо вернуть полученный кредит вместе с процентом за него и получить назад залог, или же после окончания срока кредитования рассчитаться за полученный кредит залоговым зерном, которое хранится на складе.

Еще одним из механизмов поддержки развития зернового рынка является страхования урожая сельскохозяйственных культур. Так, в США ежегодно в рамках государственных программ страхуется урожай на половине площади пашни. Программами страхования в Канаде охвачено до 70 % зерновых культур, на финансирование этих мероприятий из госбюджета выделяется около 450 млн. долл. В Германии при страховании урожая зерновых культур применяется система прямого возмещения государством убытков производителям зерна. При этом финансовая помощь достигает одной трети от суммы ущерба. Во Франции размер государственной компенсации ущерба, нанесенного посевам зерновых культур, составляет до 45 % от его величины. Правительство Испании субсидирует выплаты почти по полному пакету рисков страхования сельскохозяйственных урожаев зернобобовых и зерновых культур. Сумма возмещения рассчитывается как разница между 65 % размера ожидаемого урожая и фактически полученным.

По масштабам государственной помощи аграриям, Япония занимает первое место среди других стран мира. Основной закон о продовольствии, сельском хозяйстве и сельской местности определяет протекционистскую политику государства в аграрной сфере. Так, государством используются импортные квоты, тарифы и различные налоги на импортное зерно. Также государство способствует фермерам в лизинге высокомощных тракторов, рисопосадочных машин, техники для внесения пестицидов и т.д.

С целью защиты внутреннего рынка от конкурентно низких цен и стимулирования отечественного товаропроизводителя большинство стран вводит целую систему протекционистских мер (установление ввозной пошлины на импортируемый товар, квотирование импорта, его запрет и т.д.). Так, в Индии действует открытая генеральная лицензия на импорт кукурузы с нулевой ставкой пошлины. Но при массовом поступлении кукурузы на внутренний рынок страны по демпинговым ценам, правительство с целью защиты отечественных сельхозпроизводителей совершил разделение импортированного сырья на две категории: продовольственную кукурузу и кормовую. При этом было установлено импортную квоту на кормовые сорта в размере 350 тыс. тонн с установлением пошлины – 15 % от таможенной стоимости. В случае импорта кукурузы сверх квоты импортная пошлина повышается до 50 %. Такой алгоритм используется и в случае импорта овса и сорго. В Японии действует жесткая система лицензирования и ограничения импорта, осложненные процедуры оформления документации и установлены высокие ставки налогов.

Канада для защиты собственного рынка от поступления дешевой кукурузы из США в рамках установленных правил торгового соглашения ввела антидемпинговый тариф в размере 4 доллара США за каждую тонну кукурузы, которая ввозится в Канаду.

Традиционно значительное влияние на эффективность функционирования сельскохозяйственного производства имеет государственная политика в сфере налогообложения аграриев. В частности, речь идет о создании льготных условий функционирования по сравнению с другими отраслями экономики.

Снижение уровня налогообложения в странах с высокоразвитым сельским хозяйством достигается, как правило, путём использования двух моделей. В первом случае – это непосредственное снижение налоговых ставок, что приводит к существенному уменьшению налоговой нагрузки на прибыль хозяйствующих субъектов. Во втором случае, в комбинации с обычным уровнем налогообложения могут применяться налоговые льготы, а также методы ускоренной амортизации, применение которых обусловливается определенным использованием полученных хозяйствующими субъектами доходов [9].

Страны с развитой рыночной экономикой активно практикуют налоговое стимулирование сельхозпроизводителей. Это проявляется в особых методах оценки стоимости земли и зданий, снижении уровня налогообложения, исключении из налоговой базы стоимости машин и оборудования, предназначенных для обработки почвы, предоставление налоговых льгот, грантов для оплаты налоговых обязательств.

Для стимулирования инновационной активности аграриев, в налоговом законодательстве многих стран предусматриваются налоговые скидки на прирост инвестиций и инноваций, бюджетная компенсация налоговых выплат на эту сумму и тому подобное. Фермер может воспользоваться одним из льготных условий налогообложения, если осваивает инновации, которые вписываются в рамки государственных или региональных аграрных программ.

Так, в США фермерским хозяйствам разрешается инвестировать до 25 % налогооблагаемой прибыли в приоритетные направления производственного развития без уплаты налога на вложенный капитал. К таким направлениям относятся мероприятия, направленные на охрану земли и воды, модернизацию хозяйственных и производственных объектов [10; 11].

В Канаде фермеры не платят налоги на инвестиции по улучшению земель, облагаемые доходы уменьшаются на величину этих капиталовложений. В целом налоговая политика в области сельского хозяйства

Канады направлена на укрепление экономического положения фермерских хозяйств.

В Германии, Франции, Италии наиболее широкое применение получил нормативный режим налогообложения, которым охвачено от 60 до 80 % общего количества ферм. Во Франции расчет суммы дохода, подлежащего налогообложению, проводится по нормативному методу, исходя из данных земельного кадастра, средних показателей стоимости продукции, издержек производства, урожайности сельхозкультур и продуктивности скота.

Сравнение системы налогообложения в развитых странах позволяет выявить ряд общих черт, а также специфику в практике налогообложения (табл. 1).

В целом суммы налоговых платежей в развитых странах мира, несмотря на значительный перечень, составляют в среднем от 2,5 до 6,0 % всех расходов сельхозпроизводителей, из которых около половины приходится на два налога: на прибыль и на недвижимость. При исчислении налога на прибыль ставки налога существенно зависят от размера предприятий и их рентабельности. Дифференциация ставок очень высока: в Великобритании – от 5 до 40 % прибыли, в Италии – от 12 до 62 %, в Нидерландах – от 16 до 72 %.

Кроме того, в ряде развитых стран мира размер налогов достаточно часто зависит от масштабов деятельности хозяйствующего субъекта. Так, в США фермерские хозяйства с объемом годового дохода до 50 тыс. долларов платят 15 % налога на прибыль, сумма прибыли от 50 тыс. долларов облагается по ставке 28 %. Крупные корпорации при получении прибыли более 335 тыс. долларов облагают свои доходы по ставке – 33 %. В целом, в большинстве развитых стран мира стимулируют развитие мелких сельхозпроизводителей, создавая для них благоприятные налоговые условия.

Табл. 1. **Основные виды налогов в сельском хозяйстве зарубежных стран***

Виды налоговых платежей	Страна				
	США	Франция	Италия	Великобритания	Германия
Прямые налоги, в т.ч .:					
налог на доходы	+	+	+	+	+
налог на прибыль	+	+	+	+	+
налог на имущество	–	+	–	–	+
Непрямые налоги, в т.ч .:					
НДС	–	+	+	+	+
налог с объёма продаж	+	–	–	–	–
Местные налоги	+	+	+	+	–
Социальные налоги	+	+	+	+	+

* Составлено автором на основе источника [11].

Основными налоговыми льготами в сельском хозяйстве развитых стран являются:

- уменьшение налогооблагаемого дохода сельхозпроизводителей через ускоренную амортизацию машин и оборудования;
- льготы, освобождающие от налогообложения или снижающие налоговые суммы (налоговые кредиты, налоговые скидки на прибыль мелких товаропроизводителей и убыточных предприятий);
- система налоговых льгот при проведении инновационной и инвестиционной деятельности;
- налоговые льготы при формировании резервных и других фондов.

На основе проведенного исследования сформируем сравнительную таблицу для анализа средств государственной поддержки производства зерна в развитых странах (табл. 2).

Итак, вышеизложенное свидетельствует, что производство зерновых в большинстве стран мира является высокодотационной отраслью. Причем формы и методы государственной поддержки довольно разные и варьируются от непосредственно прямого финансирования деятельности сельхозпроизводителей до создания общих благоприятных условий для развития сельских территорий. Это не только создает возможности для нормального функционирования аграрных предприятий, но и обеспечивает получение ими стабильного дохода, который инвестируется в собственное развитие, и, в конечном итоге, обеспечивает стабильное функционирование сельскохозяйственного производства в стране.

Кроме того, главной функцией государства является надежное продовольственное обеспечение населения за счет собственного производства, основой которого является зернопроизводство. Государственное регулирование рынка зерна за границей – это сложный механизм, включающий инструменты влияния на прибыль фермеров, структуру сельскохозяйственного производства, продовольственный рынок, удовлетворение потребностей населения в продуктах питания по доступным ценам, сельское развитие.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Анализ механизмов государственной поддержки

Табл. 2. **Инструментальные методы государственной поддержки производства зерновых культур в зарубежных странах***

Методы	Страны			
	США	**Европейский союз**	**Китай**	**Канада**
Прямые				
Регулирование ценообразования на рынке зерна	+ (снижение цен поддержки на злаковые до 20 %)	+ (использование гарантированных и целевых цен, поддержка цен путём интервенционных закупок)	+	+ (использование гарантированных и целевых цен, поддержка цен путём интервенционных закупок)
Субсидии и дотации сельхозпроизводителям	+ (компенсация до 35 % доходов сельхозпроизводителей)	+ (компенсация сверх 35 % доходов сельхозпроизводителей)	+	+
Финансирование государственных целевых программ, направленных на стимулирование производства зерновых	+	+	+	+
Протекционизм в сфере производства зерновых	+ (ввозная пошлина на зерновые составляет до 30 %)	+ (ввозная пошлина на зерновые составляет до 30 %)	+ (ввозная пошлина на зерновые составляет до 15 %)	+
Субсидирование экспорту	+	+	–	+
Непрямые				
Развитие социальной инфраструктуры в аграрных регионах	+	+	+	+
Обязательное страхование сельскохозяйственного урожая	+	+	Данные отсутствуют	+
Льготное налогообложение сельскохозяйственных предприятий	+	+	+	+
Льготное кредитование сельхозпроизводителей	+	+	+	+

1. Условные обозначения: «+» – методы используются; «–» – методы не используются
2. Составлено автором на основе анализа источников [4, 12, 13, 14, 15]

производства зерновых, которые используют ведущие страны-производители и экспортеры зерна доказал, что аграрный сектор экономики этих стран является высокодотационной отраслью и предусматривает использование многих механизмов стимулирования его развития. Обеспечение эффективного развития зернопродуктового подкомплекса возможно при условии внедрения действенных механизмов государственной поддержки производства зерновой продукции. Основными современными проблемами функционирования этого продуктового подкомплекса является неустойчивая ценовая политика, дефицит информации о состоянии рынка, несовершенство государственного регулирования рыночных отношений в сельскохозяйственной отрасли.

Таким образом, сочетание эффективных форм и методов регулирования производства зерновых создает основу для успешного развития отрасли и наращивание экспортного потенциала страны-производителя. Использование лучших практик государственной поддержки аграрной отрасли создает почву к разработке стратегии, направленной на обеспечение устойчивого развития зернопродуктового комплекса как страны в целом, так и ее регионов.

Литература:

1. Быков Г. Е. Экономический механизм государственной поддержки и регулирования зернового производства в странах с развитой рыночной экономикой // Агропромышленное производство: опыт, проблемы и тенденции развития. 2004. № 1.
2. Шпаар Д., Беме К. Реформа Общей аграрной политики в Евросоюзе и ее последствия для ФРГ // АПК: экономика, управление. 2004. № 7.
3. The European Union's Common Agricultural Policy: Pressures for Change / United State Department of Agriculture. International agriculture and trade reports // WRS-99-2. 1999. October.
4. Коркунов И. Н. Цели и задачи обеспечения продовольственной безопасности в КНР // Продовольственная безопасность КНР и роль государственного регулирования. М.: РАН, Институт Дальнего Востока, 2002.
5. Евдокимова Н. Закупочные интервенции на зерновом рынке // АПК: экономика, управление. 2011. № 3.
6. УАК: Аграрний "мізер" Держбюджету-2013 // Українська аграрна конфедерація [электронный ресурс]. URL: http://agroua.net/news/news_41586.html (дата обращения 22.10.2015).
7. Стадник А. Т., Матвеев Д. М., Макарова Ю. Ю. Совершенствование государственного регулирования рынка зерна в России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. № 10 (108). 2013.
8. Кучуков Р. Ценообразование в АПК стран с развитой рыночной экономикой // АПК: экономика, управление. 1997. № 7.
9. Volk E. InvestitionsförderungenEuropäischenLändern. EinVergleich der Systeme in der BRD, Schweiz, Schweden und Österreich: dissertation zur Erlangung des Akademischen Grades eines Doktors der Sozial – und Wirtschaftswissenschaften. Wien, 1982.
10. Гасымов Н., Мамбеталиев Н., Алиев В. Налоги и сборы Азербайджанской Республики // Налоговый вестник. 2002. № 10.
11. Проблемы налоговой системы России : теория, опыт, реформа : в 2 т. Т. 2 / С. Синельников, А. Золотарева, Е. Шкребела и др.; под ред. М. Алексеева, С. Синельникова. М. : ИЭПП, 2000. 503 с.
12. Черняков Б. А. Законодательные и административные основы продовольственной безопасности США // США. Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 8.
13. Клименко І. В., Бугрій М. Г., Ус І. В. Спільна аграрна політика Європейського Союзу: можливості та виклики для України. Аналітична доповідь. К.: НІСД, 2011. 19 с.
14. Олійник В. О. Державне регулювання у сфері забезпечення продовольчої безпеки: зарубіжний досвід // Державне управління та місцеве самоврядування: зб. наук. пр. Вип. 1 (12). Дніпропетровськ : ДРІДУ НАДУ, 2012. С. 103–111.
15. Гриньков Д. М. ЭКАлогическая цепь // Бизнес. 2011. № 34 (971). С. 36.

References:

1. Buykov G. E. Economic mechanism of state support and regulation of grain production in the countries with developed market economies // Agricultural production: experience, problems and development trends. 2004. № 1.
2. Shpaar D., Bohme K. The reform of the Common Agricultural Policy in the European Union and its consequences for the FRG // AIC: Economics, management. 2004. № 7.
3. The European Union's Common Agricultural Policy: Pressures for Change / United State Department of Agriculture. International agriculture and trade reports // WRS-99-2. 1999. October.
4. Korkunov I. N. Goals and objectives of food security in China // Food security in China and the role of state regulation. M.: RAS, Institute of the Far East, 2002.
5. Evdokimova N. Purchasing interventions on grain market // AIC: Economics, management. 2011. № 3.
6. UAS: Agrarian minuscule of the State Budget 2013 // Ukrainian Agrarian Confederation [e-resource]. URL: http://agroua.net/news/news_41586.html (date of reference 22.10.2015).
7. Stadnik A. T., Matveev D. M., Makarov Yu. Yu. Improvement of state regulation of grain market in Russia // Bulletin of Altai state agrarian University. № 10 (108). 2013.
8. Kuchukov R. AIC pricing in countries with developed market economies // AIC: Economics, management. 1997. № 7.
9. Volk E. InvestitionsförderungenEuropäischenLändern. EinVergleich der Systeme in der BRD, Schweiz, Schweden und Österreich: dissertation zur Erlangung des Akademischen Grades einesDoktors der Sozial – und Wirtschaftswissenschaften. Wien, 1982.
10. Gasymov N., Mambetaliev N., Aliev V. Taxes and fees of the Azerbaijan Republic // Tax Bulletin. 2002. № 10.
11. Problems of tax system in Russia: theory, experience, reform: in 2 vol. V.2 / S. Sinelnikov, A. Zolotareva, E. Shkrebela et al; ed. by M. Alekseev, S. Sinelnikov. Moscow: IEPP, 2000. 503 p.
12. Chernyakov B. A. Legislative and administrative frameworks of the US food security. // USA, Canada: the economy, politics, culture. 2010. № 8.
13. Klimenko I. V., Bugrij M. G., Us I. V. Common Agricultural Policy of the European Union: opportunities and challenges for Ukraine. Analytical report. K.: NISS, 2011. 19 p.
14. Oliynik V. O. State regulation in the field of food security: foreign experience // Public administration and local government: coll. of scient. pr. Iss. 1 (12). Dnipropetrovsk: DRIDU NADU, 2012. P. 103–111.
15. Grinkov D. M. EKAlogical chain // Business. 2011. № 34 (971). P. 36.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ МЕНЕДЖЕРА

Богунов Л. А.

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, экономист, Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, (Республика Казахстан), 150004, Республика Казахстан, г. Петропавловск, ул. Ауэзова, д. 180, кв. 71, leonid.bogunov@mail.ru

УДК 338.24
ББК 65.291.2

Цель. Определение методов экономического мышления менеджера и опосредствовано методов подробное раскрытие содержания понятия экономического мышления менеджера.

Задачи. Необходимо конкретизировать понятие экономического мышления менеджера и, исходя из специфики управленческой деятельности, определить методы экономического мышления менеджера.

Методы и методология. Использовались методологию деятельностного подхода, а также методы анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования, обобщения и конкретизации, методы индуктивных и дедуктивных умозаключений, построение на этой основе причинно-следственных связей, а также метод движения от абстрактного к конкретному.

Результаты. Определены методы экономического мышления менеджера: анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, сравнение, классификация, обобщение, ограничение, категоризация, индукция, дедукция, аналогия и моделирования. Данные методы в процессе своей реализации по опредмечиванию и распредмечиванию экономических деятельностей субъектов хозяйствования приобретают необходимое социально-экономическое содержание. Представленные методы, в большей степени отражают именно операции с понятиями, суждениями и умозаключениями, а значит, отражают словесно-логическое экономическое мышление менеджера.

Научная новизна. Определено понятие экономического мышления менеджера как мыследеятельности субъекта управления по организации экономической деятельности субъектов хозяйствования опосредствованно активного отражения, опредмечивания и распредмечивания данной деятельности в понятиях, образах, действиях с целью оптимизации распределения ограниченных ресурсов в соответствующей социально-экономической системе управления. Данное понятие получает свое развернутое уточнение опосредствовано методов, которые являют собой необходимое социально-экономическое содержание и в своей совокупности целостно раскрывают содержание понятия экономического мышления менеджера.

*Ключевые слова***:** экономическое мышление, менеджер, методы, деятельность.

© Богунов Л. А., 2016

ADMINISTRATIVE METHODS OF ECONOMIC THINKING OF MANAGERS

Bogunov L. A.

Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor of Psychology Department, economist, M. Kozybaev North Kazakhstan State University, (Republic of Kazakhstan), fl. 71, 180, Auezov Str., Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan, 150004, leonid.bogunov@mail.ru

Богунов Л. А.

Purpose. Identification of methods of economic thinking of a manager and implicitly detailed disclosure of the contents of the concept of economic thinking of managers.

Tasks. It is necessary to specify the concept of economic thinking of a manager and proceeding from the specifics of management to identify the methods of economic thinking of managers.

Methods and methodology. The author used the methodology of activity approach, as well as methods of analysis and synthesis, comparison, abstraction, generalization and specification, methods of inductive and deductive reasoning, building on this basis of the cause-effect relations as well as the transfer method from the abstract to the particular.

Results. The following methods of economic thinking of a manager are identified: analysis, synthesis, abstraction, concretization, comparison, classification, generalization, limitation, categorization, induction, deduction, analogy and modeling. In the process of their implementation of objectification and disobjectification of economic activities of business entities these methods acquire the necessary socio-economic content. The provided methods in a greater degree reflect precisely the operations with concepts, judgments and conclusions, and thus, reflect the verbal-logical economic thinking of managers.

Scientific novelty. The article identifies the concept of economic thinking of a manager as mental activity of management entity in the organization of economic activity of business entities of implicitly active reflection, objectification and disobjectification of the given activity in concepts, images and actions with the aim to optimize the allocation of limited resources in the relevant socio-economic management system. This concept acquires its detailed specification due to methods, which are the necessary socio-economic content and taken together holistically disclose the content of the concept of economic thinking of a manager.

Key words: economic thinking, manager, methods, activities.

Введение

Каким должен быть эффективный управленец? Насколько востребовано эффективное управление в современных реалиях? Мы ограничим данные вопросы до уровня социально-экономических систем. Ответ на второй вопрос очевиден. В условиях роста конкуренции в макро и микро экономике, что последнее время особенно явственно коррелирует с ростом геополитической конкуренцией, спрос на эффективных управленцев, пожалуй, как никогда ранее, высок.

Но какими компетенциями должны обладать субъекты управления социально-экономическими системами? По нашему мнению такие компетенции могут быть определены с точки зрения качества экономического мышления управленца.

Для поддержания логики изложения материала, оттолкнемся от следующих общеизвестных положений. Как известно, экономика это наука о том, как общество распределяет ограниченные ресурсы для производства, распределения, обмена и потребления благ для удовлетворения безграничных человеческих потребностей. И в этой связи деятельность менеджера заключается в управлении распределением ресурсов. Так менеджер принимает решения об определенном варианте использовании ресурсов, вовлечения их в некотором порядке в процесс управления.

Логика использования ресурсов предполагает, что менеджер понимает логику тех потребностей, которые предстоит удовлетворять, логику системы деятельности экономического субъекта, направленную на удовлетворение некоторой конкретной потребности или группы потребностей. Это последнее обстоятельство предполагает, в свою очередь, определенное качество экономического мышления менеджера, которое может быть реализовано в соответствующих методах.

Целью настоящего исследования является определение методов экономического мышления менеджера и опосредствовано методов подробное раскрытие содержания понятия экономического мышления менеджера. В этой связи следующие **задачи** требуют своего решения: необходимо конкретизировать понятие экономического мышления менеджера и, исходя из специфики управленческой деятельности, определить методы экономического мышления менеджера.

Для достижения цели и решения поставленных задач мы будем использовать **методологию** деятельностного подхода, а также **методы** анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования, обобщения и конкретизации, методы индуктивных и дедуктивных умозаключений, построение на этой основе причинно-следственных связей, а также метод движения от абстрактного к конкретному.

Конкретизация понятия экономического мышления менеджера

Поскольку анализ понимания феномена экономического мышления имеющийся в современной экономической литературе представлен нами в более ранних работах [1]; [2], то мы не будет подробно останавливаться на этом вопросе, а лишь кратко напомним нижеследующее.

Впервые понятие экономическое мышление встречается у К. Маркса [3; с. 181] в связи с критикой идей Д. Милля и Дж. Р. Мак-Куллоха в главе Разложение рикардианской школы. Подробное исследование данного феномена находим у таких авторов, как Л. И. Абалкин [4], А. Ю. Архипов [5], Х. У. Астамиров [6], С. М. Белозеров [7], Л. С. Бляхман [8], В. И. Мирошников [9], В. Д. Попов [10], И. Б. Скоробогатов [11], К. А. Улыбин [12], И. П. Цимбалов, Г. М. Шевашкевич [13], а также из зарубежных П. Хейне, П. Боутке, Д. Причитко [14] и другие.

Более современные исследования феномена представлены в работах В. С. Борисова, Л. О. Оганесян, И. А. Гущиной [15], Ф. Г. Газизуллин, Н. Ф. Газизуллин [16], Е. Н. Калмычковой, И. Г. Чаплыгиной [17], А. Ф. Попова [18] Философско-социологический взгляд на природу экономического мышления представлен в работах Е. В. Путенихиной [19], М. В. Тишковой [20].

Таким образом, общее понимание экономического мышления может быть представлено так: это процесс и результат отражения экономической действительности; знания, умения и навыки теоретического и практического оперирования категориальным экономическим аппаратом, реализуемые при решении прикладных экономических задач. Процесс формирования экономического мышления предполагает сочетание экономической теории и практики в деятельности экономического субъекта.

Следует отметить, что если понятие мышление менеджера присутствует в многочисленной социально-экономической литературе, то вопросы развития именно экономического мышления кадров управления затрагиваются не часто. И даже в тех работах, где авторы касаются подобных вопросов [4, 11, 21, 22], наблюдается лишь актуализация проблематики. В то время, как решения, на наш взгляд, являются слабо представленными или не представленными вовсе. Полагаем, что это обусловлено не определенностью понятия экономического мышления менеджера. Именно как экономического!

Поэтому, прежде чем перейти к анализу аспектов развития экономического мышления менеджера, нам предстояло определиться с сами понятием. Основываясь на определенных нами ранее [23, 24] основных смысловых моментах содержания понятия экономического мышления менеджера и понятия мышления как деятельности, а также исходи из самой сути деятельности менеджера, осуществляющего функцию управления распределением ресурсов, принимающего решения об определенном варианте использовании ресурсов, вовлечения их в некотором порядке в процесс управления, а также основываясь на методологии деятельностного подхода, мы можем на данном этапе нашего изложения резюмировать, что экономическое мышление менеджера представляет собой мыследеятельность субъекта управления по организации экономической деятельности субъектов хозяйствования опосредствованно активного отражения, опредмечивания и распредмечивания данной деятельности в понятиях, образах, действиях с целью оптимизации распределения ограниченных ресурсов в соответствующей социально-экономической системе управления.

Основываясь на методологии деятельностного подхода [3, 25, 26, 27], исходя из известного понимания категорий распредмечивания и опредмечивания [25, с. 121], анализа деятельности менеджера (П. Друкер [28], Ф. Тейлор [29], А. Файоль [30], Г. Эмерсон [31], H. Gantt [32]), на основании работе (J. Boardman, B. Sauser [33], P. Chechland [34], G. Midgley [35], D. Sherwood [36], L. Wendell [37]), рассматривающих проблематику системного мышления и его роли в современном менеджменте, а также основываясь на результатах собственных более ранних исследований [1, 2, 23, 24] далее мы определим методы экономического мышления менеджера.

Определение методов экономического мышления менеджера

Анализ – это операция мышления, а также метод исследования, предполагающий разложение явлений, процессов на составные элементы.

Реализация данного метода в системе экономического мышления менеджера предполагает анализ системы деятельности экономического субъекта по удовлетворению определенной потребности, компонентов деятельности с целью понять логику данной потребности. Причем данный анализ учитывает не только разложение структуры деятельности на абстрактные формы компонентов, но и анализ конкретного содержания компонентов. Данная операция в большей степени соответствует процессу распредмечивания потребности.

Синтез – это операция мышления, а также метод исследования, предполагающий соединение некоторых элементов в нечто целое, причем не просто суммирование, а системное осмысленное соединение, учитывающее системы связей между элементами.

Реализация данного метода в системе экономического мышления менеджера предполагает синтез системы деятельности экономического субъекта по удовлетворению определенной потребности, синтез компонентов данной деятельности с целью сформировать определенную логику данной потребности. Вместе с тем, реализация данного метода предполагает также и синтез конкретного содержания компонентов. Данная операция в большей степени соответствует процессу опредмечивания потребности.

Надо понимать, что как операции анализа и синтеза при реализации мыслительной деятельности сосуществуют и являются сторонами одного целого, так и процессы опредмечивания и распредмечивания потребностей в деятельности менеджера должны представлять из себя, во-первых, сосуществующими процессами, а во-вторых, константными, то есть реализуемыми на постоянной основе.

Абстрагирование – это операция мышления, а также метод исследования, заключающийся в выделении, вычленении некоторых элементов определенного множества (множества свойств, предметов, процессов и пр.) и их отвлечение от остальных элементов данного множества. Абстрагирование заключается в выделение таких свойств объекта, которые независимо от объекта не существуют. Так элементы подсистем системы деятельности экономического субъекта, как то различные мотивы, цели, задачи, формы, методы, средства, действия, результаты, а также условия, нормы и принципы имеют значение только в контексте некоторой системы деятельности.

При этом особенностью метода абстрагирования является то, что выделение некоторой совокупности свойств позволяет зафиксировать данную совокупность посредством понятия.

Реализация данного метода в системе экономического мышления менеджера предполагает выделение структурного компонента деятельности субъекта по удовлетворению определенной потребности, например, мотива как предмета удовлетворения потребности и рассмотрение данного объекта отдельно от остальных структурных компонентов. Анализ свойств некоторого предмета позволит абстрагировать некоторую совокупность этих свойств и далее обозначить данную совокупность в понятии. Другую абстрагированную совокупность обозначить в ином понятии и т.д.

Таким образом, метод абстрагирования (разумеется, в совокупности с другими методами) способствует проникновению субъекта экономического мышления в глубину системы деятельности по удовлетворению некоторой потребности и, таким образом, оптимизации распределению ресурсов.

Так, абстрагирование позволяет, определяя совокупности абстрагированных свойств во множестве понятий, способствовать развития понятия, становлению его нового качества. И далее, распредметив потребность (опять-таки, при участии с другими методами, примененными также и к другим структурным компонентам деятельности), производить опредмечивание потребности в ее, возможно, новом варианте.

Конкретизация – это операция мышления, а также метод исследования являющийся противоположным абстрагированию и заключающийся в восстановлении, уточнении некоторой целостности из прежде абстрагированных элементов. Таким образом, конкретизация позволяет увидеть за общими, абстрактными моментами некоторой системы деятельности экономического субъекта известное конкретное явление. И, в свою очередь, данное конкретное явление увидеть как частное проявление некоторого общего основания, которое проявляется в этом частном моменте.

Диалектика определяет соответствующую логику движения познания: от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Когда познающий субъект прежде образует некоторые абстракции познаваемого объекта, а далее на основе этих абстракций конкретизирует нечто целостное, но уже на качественно ином уровне понимания.

Реализация данного метода в системе экономического мышления менеджера предполагает познавательное движение менеджера в процессе распредмечивания потребности. Так, от некоторого отчужденного от понимания, но конкретного, в смысле цельности, слитности процесса и результата удовлетворения потребности к абстрагированию особенных моментов структуры деятельности. Далее, в процессе опредмечивания потребности, от некоторой совокупности абстрактных моментов, то есть, другими словами, от абстрактного, к определенной целостности, но уже на качественно ином конкретном системном уровне.

Таким образом, наблюдается целенаправленное, не стихийное, не инерционное, но осознанное управление, построение деятельности удовлетворения потребности. Разумеется, опять-таки, при необходимом участии других методов.

Производя операции (реализуя методы) анализа и синтеза, абстрагирования и конкретизации субъект деятельности неизменно осуществляет такую операцию как сравнение.

Сравнение – это операция мышления, а также метод исследования, заключающийся в сравнение между собой объектов или свойств объектов с целью установить, что общего и различного у них имеется. В результате сравнения определяются количественные и качественные характеристики, на основе чего может быть построена некоторая классификация.

Реализация данного метода в системе экономического мышления менеджера заключается, во-первых, в сравнении между собой компонентов системы деятельности по удовлетворению соответствующей потребности с целью уточнения, конкретизации возможных связей и отношений между объектами. Например, такое сравнение может быть проведено между предметом удовлетворения потребности, определяемым в качестве мотива и целью, между целью и методами ее достижения, которые использует субъект, между методами и результатом, между результатом и целью и др.

В этом случае метод сравнения для определения актуальных и потенциальных связей и отношений

способствует раскрытию искомой логики потребности, под которой понимается не только сам предмет удовлетворения потребности, но и его связи и отношения с компонентами деятельности по удовлетворению данной потребности. Поскольку, как мы понимаем, разные субъекты могут использовать различные элементы подсистем форм, методов, средств и т.д. для достижения схожих целей.

Но эти элементы подсистем форм, методов, средства и пр. также являют собой суть предмета удовлетворения потребности. Например, один предпочитает потреблять пищу посредством ножа и вилки, а другой предпочитает обходиться только вилкой или, более того, привык удовлетворять данную потребность только руками. Соответственно, выбор метода определит качество результата, успешность достижения цели, удовлетворение этим результатом потребности. Удовлетворенность или неудовлетворенность потребности, степень удовлетворения, возможно, обусловит пересмотр методов, а также, возможно, пересмотр форм, средств или чего-нибудь еще. Так, что в результате такого распредмечивания, произойдет качественно новое опредмечивание потребности, то есть субъект получит новый предмет удовлетворения потребности.

Во-вторых, сравнение, как мы уже этого момента частично коснулись, может быть произведено между качественными разновидностями одного компонента структуры деятельности. Так в выше обозначенном примере между собой сравнивались различные методы.

Поэтому установление соответствующих связей и отношений для раскрытия логики потребности в процессе сравнения между собой компонентов деятельности, качественных разновидностей одного компонента деятельности для распредмечивания и дальнейшего опредмечивания потребности представляется весьма важным.

После необходимых манипуляций, представленных нами в предыдущем описании методов, менеджер может перейти к реализации метода классификации.

Классификация – это операция мышления, а также метод исследования, заключающийся в систематизации соподчиненных объектов определенной области исследования, деления объема понятия, определение совокупности делений (деление классов на виды, видов на подвиды) в целях установления связей между этими понятиями или классами объектов, упорядочивания явлений по каким-либо важным признакам.

Реализация данного метода в системе экономического мышления менеджера заключается в продолжение логики метода сравнения, а именно, в упорядочивании качественных разновидностей компонентов системы деятельности.

То есть в экономическом мышлении менеджера должно быть представлено, по возможности, наибольшее количество классов, разновидностей компонентов системы деятельности с тем, чтобы, во-первых, грамотно осуществить распредмечивание потребности того или иного субъекта экономических отношений, выявить необходимые детали логики потребности данного субъекта, не упустить чего-либо важного, учесть все возможные переменные его потребности. А это предполагает, прежде всего, знание соответствующих переменных, качественных разновидностей компонентов системы деятельности.

Во-вторых, максимизация представленности в экономическом мышлении менеджера классов, разновидностей компонентов системы деятельности позволит менеджеру экономически эффективнее распределять ресурсы при опредмечивании потребности, другими словами, при построении новой логики потребности субъекта экономических отношений.

Соответствующий подход к пониманию метода классификации в системе экономического мышления менеджера говорит о необходимости разносторонней межпредметной подготовки менеджера.

Обобщение – метод исследования, заключающийся в переходе мыслящего субъекта от понятия с меньшим объемом, но большим содержанием к понятию с большим объемом, но меньшим содержанием, от более частного понимания процесса, явления к более общему пониманию. Так в результате определения некоторых общих свойств у ряда объектов, эти общие свойства могут быть объединены некоторым общим понятием. Что позволяет в дальнейшем оперировать этим понятием, имея в виду все то многообразие объектов, которое подпадает под это понятие по причине наличия у объектов необходимых общих свойств.

В то же время, вместе с реализацией метода обобщения, менеджер должен осуществлять и метод ограничения.

Ограничение – это метод исследования, заключающийся в переходе мыслящего субъекта от понятия с большим объемом, но меньшим содержанием к понятию с меньшим объемом, но большим содержанием.

Реализация методов обобщения и ограничения в процессах распредмечивания и опредмечивания важна именно с точки зрения уточнения компонентов системы деятельности, определяющих логику потребности, определения признаков этих компонентов. Так, в процессе обобщения менеджер отстраняется от несущественных на его взгляд с точки зрения данной потребности признаков, а в процессе ограничения он, наоборот, вводит новые признаки, тем самым уменьшая объем понятия, но увеличивая содержание.

То есть, как мы видим, операции обобщения и ограничения позволяют субъекту экономического мышления максимизировать понимание содержания понятия системы деятельности экономического субъекта,

определив наибольшее число признаков того или иного объекта.

Важно, чтобы реализация методов обобщения и ограничения происходила как можно более постепенно. Переход от вида должен происходить к самому близкому роду и наоборот. По возможности, добавляя и убавляя по одному признаку. Возможно, это будет не существенный признак и он не сделает видовое понятие системы деятельности родовым или, наоборот, родовое понятие видовым. Но абстрагирование даже несущественных признаков поможет менеджеру глубже проникать в сущность актуальной потребности, системы деятельности по удовлетворению данной потребности.

Продвижение в процессе мыслительной деятельности от единичных понятий до философских категорий будет способствовать более полному познанию явлений, процессов, связей и отношений между ними. Будет способствовать не только более качественному, дифференцированному распредмечиванию потребностей, пониманию того, какими мотивами руководствуются и опосредствовано чего стремятся субъекты экономических отношений к своим целям.

Логически грамотное использование методов обобщения и ограничения (разумеется, на ряду с другими методами) предполагает более осмысленное, управляемое опредмечивание потребностей, максимально дискретное опредмечивание, включающее анализ всех возможных комбинаций переменных компонентов системы деятельности, связей и отношений между ними. Значит, менеджер сможет оптимизировать использование ограниченных ресурсов при проектировании вариантов опредмечивания потребностей. А это уже новое качество управленческой деятельности.

Категоризация – это метод исследования, заключающийся в отнесении единичного объекта, события, переживания к некоторому классу, в качестве которого могут выступать вербальные и невербальные значения, категории, выражающие существенные связи и отношений различных сторон действительности.

Реализация метода категоризации в процессах распредмечивания и опредмечивания потребности заключается в необходимости наиболее адекватного отражения, максимально приближенного к сути происходящего элементов системы деятельности по удовлетворению конкретной потребности.

Чем более грамотной будет категоризация менеджером познаваемых объектов, тем более эффективным будет распределение ресурсов в распредмечивании и опредмечивании потребности.

Адекватность производимой менеджером категоризации, зависит от понимания менеджером сущности данного метода, его функционального предназначения и взаимосвязи с другими методам. Здесь важным является осознание менеджером того факта, что вместе с интуитивными понятиями, иногда, возможно, и более привычными и ясными с точки зрения обыденного экономического мышления, более надежным и точным является использование строгой научной терминологии. А, следовательно, очевидна необходимость использования валидных категорий для интерпретации системы деятельности по удовлетворению потребности.

Методы индукции и дедукции являются неотъемлемой составной частью процессов распредмечивания и опредмечивания. Реализация мыследеятельности как движение мысли от частного к общему (индукция) и от общего к частному (дедукция) позволяет менеджеру строить умозаключения по поводу элементов и подсистем системы деятельности по удовлетворению потребности.

Анализируя функциональную систему деятельности менеджеру надо уметь использовать метод аналогии, заключающейся в построении умозаключений на основании рассмотрения какого-либо объекта, определения его свойств, признаков и перенесении данных признаков на другой менее изученный объект. Так вывод о наличии некоторых признаков у менее изученного оригинального объекта (прототипа) делается на основании фиксации сходства данного объекта по некоторым другим признакам с объектом более изученным – моделью, но в данному случае объектом, своего рода, вспомогательным. Данный объект-модель, выбирается либо конструируется с целью познания объекта-оригинала.

Таким образом, мы получаем следующий метод экономического мышления менеджера – моделирование.

Моделирование – это воспроизведение некоторых характеристик объекта-оригинала на объекте-моделе. Необходимость в моделировании обусловлена самой сутью необходимости отражения в экономическом мышлении процессов и явлений действительности.

Так объективная логика потребности некоторого субъекта экономических отношений менеджеру-наблюдателю может быть не ясна и, следовательно, приходиться моделировать его функциональную систему деятельности. Поскольку ограничится той или иной мотивировкой не представляется возможным по причине повышения в этой связи управленческих рисков.

В иной ситуации получение более объективных сведений о логики потребности некоторого субъекта, предполагающее применение дополнительно таких методов как, например, устный и письменный опрос или эксперимент представляется неоправданно дорогим или длительным. И хотя иногда включение в исследование большего количества методов дало бы на выходе более качественный результат, более полную модель. Тем ни менее, менеджер моделирует

некоторую функциональную систему деятельности субъекта (субъектов) экономических отношений, которая может считаться частичной моделью в отличие от потенциально возможной полной модели, и, исходя из этой модели, принимает управленческие решения.

Моделью для процессов распредмечивания и опредмечивания потребностей является структура деятельности. Причем с точки зрения системного и структурно-функционального подходов представляется необходимым расчленение целостной деятельности не только на структурные компоненты этой деятельности с определением их функций, но и расчленение самих компонентов как подсистем системы деятельности на элементы. С тем, чтобы в процессе распредмечивания данной конкретной деятельности рассмотреть каждый такой элемент как функциональную систему и таким образом понять логику, которой руководствуется субъект в удовлетворении некоторой конкретной потребности.

Поняв соответствующую логику, менеджер, во-первых, делается более компетентным, реализуя определенные управляющие воздействия в отношении данного субъекта, понимая индивидуальную специфику его мотивационного поля. Во-вторых, поняв логику соответствующей потребности, менеджер экономически эффективнее распределяет ресурсы, формируя модель опредмечивания потребности.

Реализация методов моделировании и аналогии в системе экономического мышления менеджера предопределяет глубокое изучение конкретной потребности, логики этой потребности, проникновение в сущность системы деятельности по удовлетворению данной потребности. Обобщение выявленных элементов в понятиях является основанием для моделирования новое логики потребности (опредмечивания) исходя из требования экономически эффективного распределения ресурсов.

Обратим внимание, что приобретение менеджерами навыков моделирования функциональной системы деятельности по удовлетворению потребностей создает предпосылки для компьютерного моделирования соответствующих систем и поиска алгоритмов принятия управленческих решений, нацеленных на удовлетворение (неограниченных) потребностей исходя из требования оптимизации использования (ограниченных) ресурсов.

Заключение

Представленный выше анализ методов экономического мышления менеджера нельзя считать исчерпывающим. Но рассмотренные методы, как то: анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, сравнение, классификация, обобщение, ограничение, категоризация, индукция, дедукция, аналогия и моделирования, имеют свой общий знаменатель.

Во-первых, поскольку методы исследования системы деятельности по удовлетворению некоторой потребности должны отражать суть движения мышления в логике наглядно-действенного наглядно-образного и словесно-логического мышления в той и другой последовательности.

Во-вторых, поскольку к тому моменту, когда мы можем говорить о соответствующем качестве экономического мышления менеджера, уровне его развитости необходимом для осуществления распредмечивания и опредмечивания, менеджеру приходиться иметь дело с некоторым вариантом уже опредмеченной потребности, скорее всего, опредмеченной стихийно. Это справедливо как в отношении самого менеджера, так и в отношении других экономических субъектов.

А также, в-третьих, поскольку для того, чтобы осуществлять распредмечивание и опредмечивание системы деятельности экономического субъекта, менеджеру нужно понимать объекты своей управленческой деятельности, а, следовательно, отражать их в понятиях, суждениях, умозаключениях.

Где понятие есть мысль, отражающая существенные свойства предметов, явлений, процессов и закрепленная в термине или в группе терминов как, например, понятие экономическое мышление менеджера. То есть в понятиях в обобщенном виде закрепляется опыт познания действительности и вместе с тем понятие выступает средством отражения и познания действительности.

Где, в суждениях происходит раскрытие содержания понятий и установления связей между понятиями. А в умозаключениях отражается такая связь между понятиями и суждениями, в результате которой субъект из нескольких суждений получаем новое суждение. Здесь можно сказать, что суждение отражает содержание понятия, а умозаключение производит новое содержание понятия.

Постольку представленные здесь методы, в качестве своего общего знаменателя, в большей степени отражают именно операции с понятиями, суждениями и умозаключениями, то есть отражают словесно-логическое экономическое мышление менеджера.

Литература:

1. Богунов Л. А. Свидетельство о государственной регистрации на объект авторского права под названием Субъектное экономическое мышление (СЭМ) // Сборник научных статей. №431 от 10.04.2012. Астана: Комитет по правам интеллектуальной собственности Министерства юстиции Республики Казахстан, 2012.

2. Богунов Л. А. Свидетельство о государственной регистрации прав на объект авторского права под названием Управленческое экономическое мышление (УЭМ) // Сборник научных статей. №1158 от 11.05.2015. Астана: Министерства юстиции Республики Казахстан, 2015.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26, ч. 3. М., 1956.
4. Абалкин Л. И. Новый тип экономического мышления. М.: Экономика 1987. 191 с.
5. Архипов А. Ю. Современное экономическое мышление: вопросы теории и практики развития: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Ростов-на-Дону, 1999. 341 с.
6. Экономическое мышление в XXI веке / Астамиров Х. У. и др.; под ред. М. А. Пивоваровой. М.: Моск. Гос. Ун-т печати, 2005. 91 с.
7. Белозеров С. М. Перестройка мышления хозяйственного руководителя: содержание, пути, перспективы. М.: АНХ СССР, 1988. 85 с.
8. Бляхман Л. С. Перестройка экономического мышления. М.: Политиздат, 1990. 270 с.
9. Мирошников В. И. Новое экономическое мышление: Вопросы методологии. Харьков: Выща школа, 1989. 183 с.
10. Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981.
11. Скоробогатов И. Б. Хозяйственный руководитель и новое экономическое мышление. М.: Знание, 1988. 62 с.
12. Улыбин К. А. Современное экономическое мышление. М.: Политиздат, 1986. 238 с.
13. Цимбалов И. П., Шевашкевич Г. М. Экономическое мышление и рыночное поведение: в 3 кн. Саратов: СГТУ, 1996.
14. Хейне П., Боутке П., Причитко Д. Экономический образ мышления, 10-е издание. М.: Вильямс, 2005. 544 с.
15. Борисов В. С., Оганесян Л. О., Гущина И. А. Формирование современного экономического мышления в условиях институциональных изменений // Теория и практика общественного развития. 2014. №6. С. 127–131.
16. Газизуллин Ф. Г., Газизуллин Н. Ф. Структурообразующие элементы формирования современного экономического мышления // Проблемы современной экономики. 2010. №4 (36). С. 40–42.
17. Калмычкова Е. Н., Чаплыгина И. Г. Экономическое мышление: философские предпосылки. М.: ИНФРА – М, 2009. 272 с.
18. Формирование навыков экономического мышления в сфере предпринимательского менеджмента: Учебное пособие / А. Ф. Попова и др. Челябинск: УралГУФК, 2005. 135 с.
19. Путенихина Е. В. Экономическое мышление как объект социологического исследования: содержание, типы, условия и факторы формирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Уфа, 2005. 21 с.
20. Тишкова М. В. Культура современного экономического мышления: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2004. 24 с.
21. Формирование нового типа экономического мышления хозяйственного руководителя: сб. науч. тр./ Под ред. А. И. Китова и др. М.: АНХ, 1985. 158 с.
22. Научно-методические основы формирования экономического мышления хозяйственных руководителей в условиях интенсификации экономики: сб. науч. тр. / Под ред. А. Н. Люсова и др. М.: АНХ, 1986. 186 с.
23. Богунов Л. А. Управленческое экономическое мышление как характеристика компетенций субъекта управления (менеджера) // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. №1. С. 126–131.
24. Богунов Л. А. Понятие экономического мышления менеджера // Кадровик. 2015. №5–6. С. 91–94.
25. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. Т. 42. М., 1956.
26. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: избр. Труды. М.: Наука, 1978. 400 с.
27. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
28. Друкер П. Ф. Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
29. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. М.: ЮНИТИ, 1991. 104 с.
30. Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Контроллинг, 1992. 111 с.
31. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности. М.: Экономика, 1992. 224 с.
32. Gantt H. L. Organizing for Work. New York: Harcourt, Brace and home, 1919. 120 c.
33. Boardman J., Sauser B. Systems Thinking Coping with 21st Century Problems. Boca Raton, London, New York: CRC Press Taylor & Francis Group, 2008. 240 p.
34. Chechland P. Systems Thinking, Systems Practice. Chichester: J. Wiley and Sons, 1981. 200 p.
35. Midgley G. Systemic intervention: philosophy, methodology, a practice. New York: Kluwer academic/ Plenum publ. Cop., 2000. 447 p.
36. Sherwood D., Seeing the Forest for the Trees. A Manager's Guide to Applying Systems Thinking. London: Nicholas Brealey Publishing, 2002. 265 p.
37. Wendell L. French Human Resources Management. Boston, Toronto, Geneva, Illinois, New Jersey: Houghton Mifflin Company, 1993. 642 p.

References:

1. Bogunov L. A. Certificate of state registration of the object of copyright under the name Subjective economic thinking (SET) // Collection of scientific articles. №431 of

10.04.2012. Astana: Committee on the Rights for Intellectual Property of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, 2012.
2. Bogunov L. A. Certificate of state registration of rights to the object of copyright under the name Administrative economic thinking (AET) // Collection of scientific articles. № 1158 of 05.11.2015. Astana: Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan, 2015.
3. K. Marx and F. Engels, Works. V. 26 part 3. M., 1956.
4. Abalkin L. I. New type of economic thinking. M.: Economics. 1987. 191 p.
5. Arkhipov A. Yu. Modern economic thinking: issues of theory and practice of development: dissertation for the degree of Doctor of Economics. Rostov-on-Don, 1999. 341 p.
6. Economic thinking in the XXI century / Astamirov H. U. et al; ed. by M. A. Pivovarova. M.: Mosk. gos. un-t pechati, 2005. 91 p.
7. Belozerov S. M. The restructuring of economic thinking of an administrative officer: content, ways, perspective. M.: ANH USSR, 1988. 85 p.
8. Blyakhman L. S. Economic thinking restructuring. M.: Politizdat, 1990. 270 p.
9. Miroshnikov V. I. New economic thinking: Voprosy metodologii. Kharkov: Vyshcha shkola, 1989. 183 p.
10. Popov V. D. Economic consciousness: essence, formation and role in socialist society. M., 1981.
11. Skorobogatov I. B. Administrative officer and new economic thinking. M.:Znanie, 1988. 62 p.
12. Ulibii K. A. Modern economic thinking. M.: Politizdat, 1986. 238p.
13. Tsimbalov I. P., Shevashkevich G. M. Economic thinking and market behavior: in 3 bk. Saratov: SGTU, 1996.
14. Heine P., Boutke P., Prichitko D. Economic way of thinking, the 10th edition. M.: Williams, 2005. 544 p.
15. Borisov V. S., Oganesyan L. O., Gushina I. A. The formation of modern economic thinking under institutional changes // Theory and practice of social development. 2014. № 6. P. 127–131.
16. Gazizullin F. G., Gazizullin N. F. Core elements of modern economic thinking formation // Problems of modern Economics. 2010. № 4 (36). P. 40–42.
17. Kalmychkova E. N., Chaplygina I. G. Economic thinking: philosophical prerequisites. M.: INFRA-M, 2009. 272 p.
18. Development of skills of economic thinking in the field of entrepreneurial management: Coursebook / A. F. Popova et al. Chelyabinsk. UralGUFK, 2005. 135 p.
19. Putenikhina E. V. Economic thinking as an object of sociological research: content, types, formation conditions and factors: abstract to thesis for a scientific degree of Candidate of Sociology. Ufa, 2005. 21 p.
20. Tishkova M. V. The culture of modern economic thinking: abstract to thesis for a scientific degree of Candidate of Philosophical Sciences. Rostov-on-Don, 2004. 24 p.
21. Formation of a new type of economic thinking of an administrative officer: Collection of scientific works / ed. by A. I. Kitov et al. M.: ANH, 1985. 158 p.
22. Scientific-methodical framework of formation of economic thinking of administrative officers in conditions of economy intensification: Collection of scientific works / ed. by A. N. Lyusov et al. M.: ANH, 1986. 186 p.
23. Bogunov L. A. Administrative economic thinking as characteristics of competencies of management entities (managers) // Management in Russia and abroad. 2015. № 1. P. 126–131.
24. Bogunov L. A. The concept of economic thinking // Kadrovik. 2015. № 5-6. P. 91–94.
25. Marx K., Engels F. Works. V. 42. M., 1956.
26. Anokhin P. K. Philosophical aspects of functional system theory: sel. works. M.: Nauka, 1978. 400 p.
27. Leontiev A. N. Activity, consciousness, personality. M.: Politizdat, 1975. 304 p.
28. Drucker P. F. Encyclopedia of management. M.: Williams, 2004. 432 p.
29. Taylor F. W. Principles of scientific management. M.: UNITI, 1991. 104 p.
30. Fayolle A. General and industrial management. M.: Controlling, 1992. 111 p.
31. Emerson G. Twelve principles of productivity. M.: Ekonomika, 1992. 224 p.
32. Gantt H. L. Organizing for Work. New York: Harcourt, Brace and home, 1919. 120 c.
33. Boardman J., Sauser B. Systems Thinking Coping with 21st Century Problems. Boca Raton, London, New York: CRC Press Taylor & Francis Group, 2008. 240 p.
34. Chechland P. Systems Thinking, Systems Practice. Chichester: J. Wiley and Sons, 1981. 200 p.
35. Midgley G. Systemic intervention: philosophy, methodology, a practice. New York: Kluwer academic/Plenum publ. Cop., 2000. 447 p.
36. Sherwood D., Seeing the Forest for the Trees. A Manager's Guide to Applying Systems Thinking. London: Nicholas Brealey Publishing, 2002. 265 p.
37. Wendell L. French Human Resources Management. Boston, Toronto, Geneva, Illinois, New Jersey: Houghton Mifflin Company, 1993. 642 p.

СЕТЕВОЙ МЕХАНИЗМ КОМПЕТЕНТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Старцев Ю. Н.

кандидат технических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Челябинский государственный университет (Россия), 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, uns47@mail.ru

Тараданов А. А.

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Челябинский государственный университет (Россия), 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, uns47@mail.ru

УДК 331.108
ББК 65.291.6-21

Цель. Исследование компетенций персонала в процессах повышения производительности и конкурентоспособности производственных предприятий, в частности, в угледобывающей промышленности.

Результаты. Рассмотрены возможности проявления профессиональных компетенций менеджера в сложных условиях технико-технологического перевооружения предприятия.

Научная новизна Предложена схема применения сетевых структур для угледобывающих предприятий в условиях технико-технологических перевооружений.

Ключевые слова: технико-технологическое перевооружение; квалификация и компетенция персонала; сетевая организация труда; плоские структуры управления.

NETWORK MECHANISM OF COMPETENT PERSONNEL MANAGEMENT

Startsev Yu. N.

Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor of State and Municipal Administration Department, Chelyabinsk State University (Russia), 129, Bratjev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Russia, 454001, uns47@mail.ru

Taradanov A. A.

Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociology Department, Chelyabinsk State University (Russia), 129, Bratjev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Russia, 454001, uns47@mail.ru

Purpose. Research of staff competences in the processes of increasing productivity and competitiveness of industrial enterprises, particularly in coal mining industry.

Results. The possibilities are considered to demonstrate professional management competencies in complex conditions of technical-technological re-equipment of an enterprise.

Scientific novelty. A scheme for networks application in coal mining companies under the conditions of technical-technological upgrade is also provided.

Key words: technical-technological re-equipment, staff qualification and competence, network organization of work, short structures of management.

Настоящая статья является продолжением серии работ Ю. Н. Старцева по разработке понимания и технологий использования такого относительно нового явления как компетенции персонала в процессах повышения производительности и конкурентоспособности производственных предприятий, в частности, в угледобывающей промышленности [1–5 и др.]. При этом было предпринята попытка использования при

© Старцев Ю. Н., Тараданов А. А., 2016

рассмотрении данных вопросов некоторых разработок А. А. Тараданова [6].

Последние десятилетия мирового промышленного развития показали, что квалификация персонала, которая до этого традиционно лежала в основе всех проектов развития предприятий, является слишком узкой категорией и потому не отражает всех особенностей процесса роста производительности. Квалификация персонала, определяемая как знания, понимание, умения и навыки является сутью его *компетентности*, то есть способности эффективно действовать в конкретной узкой предметной области [7]. Однако современная рыночная обстановка требует от производственного предприятия и, соответственно, его персонала выхода на качественно новый уровень ведения деятельности – инновационный путь развития, включающий развитие новых идей, конструкций, технологий, навыков, способностей, придания высоких темпов распространения всего нового среди заинтересованных лиц, ускоренное обновление ассортимента производимых товаров и услуг и т.д. При этом от персонала требуются некоторые новые качества, которые в настоящее время получили название *компетенций* [7]. Сейчас на проблемы компетенции персонала стали обращать серьёзное внимание и это нашло своё отражение в многочисленных публикациях различных авторов (например, см. [8–12] и др.).

Высокая потребность в компетенциях, особенно в компетенциях управленческого персонала обусловлена тем обстоятельством, что практически во всех сферах производства, в том числе, и в угледобывающей обострилась конкуренция производителей. Проблема повышения конкурентоспособности конкретного предприятия, как правило, решается путём его технико-технологического перевооружения. Однако данное решение порождает другую проблему – проблему своевременного освоения (запуск и эксплуатация) новых техники и технологий силами собственного персонала, который хоть и проходил специальную подготовку, как правило, в учебных центрах поставщика, тем не менее на новой технике и с новыми технологиями работает неуверенно, показывая низкую производительность. Суть проблемы, которая при этом возникает перед управленческим персоналом особенно среднего и низшего уровней – это выведение производительности вновь установленного оборудования и новых технологий на уровень 90–95 % от проектных значений, так как именно тогда только начинают решаться вопросы роста конкурентоспособности предприятия.

На рис. 1 и 2, где рассмотрены процессы экскавации и вывоза горной массы на угольном разрезе Тугнуйский (Республика Хакасия), продемонстрировано, что подобные процессы могут растягиваться на многие годы, существенно снижая экономический эффект от технико-технологического перевооружения. Это особенно ухудшает конкурентоспособность при частых реконструкциях и технико-технологических перевооружениях предприятий, что служит серьёзным препятствием их перехода на инновационный путь развития.

Из приведённых на рисунках диаграмм видно, как медленно – в течении шести лет нарастает удельная производительность современного дорогостоящего добычного экскаватора, достигая в итоге заветных 90–95 % от проектной производительности. Близкая картина наблюдается и с удельной производительностью также дорогостоящих карьерных автосамосвалов, специально подобранных по техническим характеристикам под конкретный экскаватор. При этом следует иметь в виду, что угольный разрез Тугнуйский в плане экономической эффективности является одним из наиболее передовых

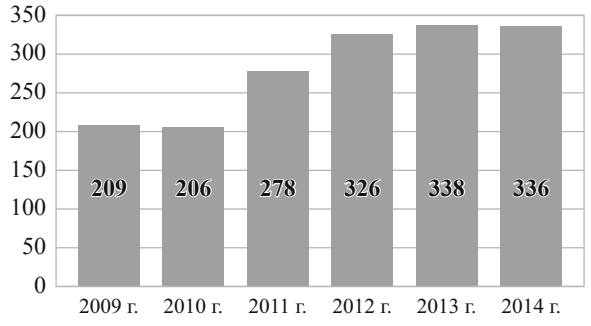

Рис. 1. **Динамика годовой удельной производительности добычного экскаватора (тыс. м^3 горной массы / м^3 ёмкости ковша в год) в ОАО Разрез Тугнуйский (составлено по данным В. Н. Кулецкого [13])**

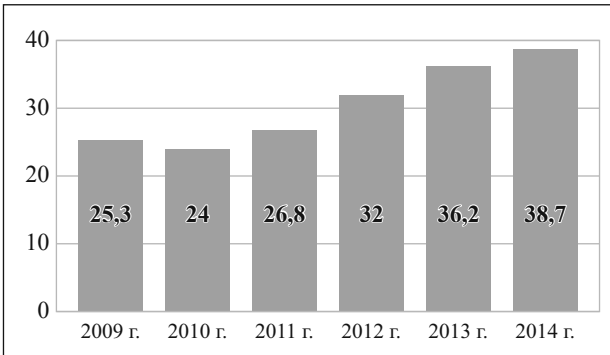

Рис. 2. **Динамика годовой удельной производительности карьерного автосамосвала (тыс. тоннокм / автотонна грузоподъёмности в год) в ОАО Разрез Тугнуйский (составлено по данным В. Н. Кулецкого [13])**

в сравнении с другими угольными разрезами России, так как среди них встречаются и такие, у которых этот период занимает 10–15 лет, что вполне соизмеримо со сроками полной амортизации нового оборудования. Впрочем, известны случаи, когда рост производительности останавливался на уровне 40–60 % и оставался таковым вплоть до списания оборудования в металлолом, и никакие административные меры (смена директора, главного инженера и т.д.) не помогали.

Описанная ситуация в какой-то степени проясняет истоки низкой производительности труда. В горной промышленности в России она в среднем в 3–5 раз ниже, чем на лучших угледобывающих предприятиях за рубежом, использующих аналогичные технику и технологии от одних и тех же поставщиков. Описанная ситуация свидетельствует о кризисе квалификационного подхода и необходимости подготовки управленческого и операционного персонала, опираясь на развитие их компетенций. При этом, если компетенции операторов касаются их конкретного рабочего места, на котором они управляют определённой группой производственных процессов и соответствующего оборудования (в дальнейшем будем подобные компетенции называть техническими компетенциями), то компетенции руководителей касаются обеспечения и организации непротиворечивой деятельности операторов, занятых непосредственно в производственных процессах (в дальнейшем будем называть подобные компетенции сетевыми компетенциями). Только в таком случае удаётся снизить до минимума или совсем избавиться от неэффективной и даже деструктивной работы в рабочих зонах предприятий.

В связи с тем, что понятие компетенций управленческого персонала является в настоящее время неустоявшимся и имеется довольно много его трактовок (например, см. работы Х. З. Ксенофонтовой [8] и др.), приведём данной определение по Л. В. Лабунскому [12, с. 5], которое, по нашему мнению, является наиболее очевидным и структурированным:

компетенция руководителя – это сочетание его функционала, то есть того, что ему надо выполнять, чтобы достичь поставленных перед ним целей, с полномочиями по использованию предоставленных ресурсов на базе его квалификации, то есть знаний, понимания, умений и навыков.

Поскольку в данном конкретном случае наибольший интерес представляют компетенции управленческого персонала, связанные с организацией непротиворечивой деятельности операционного персонала, то дадим также авторское определение, являющееся расширением и обощением приведённого выше определения Л. В. Лабунского:

сетевые компетенции руководителя – это его способность встраивать потенциалы отдельных операторов в производственные сети, создающие ценности.

Вопросы встраивания потенциалов отдельных операторов подразумевают наличие двух направлений в деятельности управленческого персонала:

- формальное или прямое (ручное) управление с помощью устных и письменных распоряжений и/или письменных инструкций и регламентов:
- неформальное или косвенное управление с помощью мотивации и стимулирования исполнителей.

Формальные методы управления, которые обычно реализуются на предприятиях в виде линейных и линейно-функциональных структур управления, основаны на фиксировании операторов и руководителей на чётко определённых рабочих местах, распределённых в пространстве по горизонтали и по вертикали и соединённых чёткими связями. Подобные структуры управления обладают рядом весомых преимуществ: единоначалие и единоответственность; быстрота выполнения распоряжений, приходящих сверху; персональная ответственность руководителей за отданные распоряжения, а исполнителей – за правильность их исполнения. К недостаткам подобных структур относятся: безынициативность исполнителей (нет приказа – нет исполнения) и, самое главное, большое время прохождения распорядительной информации от руководителей к исполнителям и отчётной информации от исполнителей к руководителям. Причём иногда, особенно в периоды активности нестационарных процессов, к каковым относятся процессы технико-технологического перевооружения, когда объёмы распорядительной и отчётной информации возрастают на порядки, подобные задержки приобретают катастрофический характер, что в интегральном виде отражено на рис. 1 и 2 как запаздывание выхода производительности на проектные режимы функционирования.

Неформальные методы управления, которые обычно реализуются в виде матричных, а более всего в виде сетевых структур (авторы считает матричные структуры одной из частных форм сетевых структур), основаны на достаточно свободном перемещении операторов вместе со своими рабочими местами в физическом пространстве и со своими функциями в функциональном пространстве. Руководители в подобных перемещениях участвуют только при изменениях структуры предприятия. Поэтому подобные структуры обладают определёнными преимуществами, суть которых проявляется, главным образом, при технико-технологических перевооружениях, когда все процессы имеют нестационарный характер, а способность структуры подстраиваться под сложившуюся ситуацию, используя внутренние возможности самоорганизации, является определяющей в вопросах роста эффективности производства. Если вновь обратиться к рис. 1 и 2, то подобная

самоорганизация означает выход удельной производительности агрегатов на проектные режимы в 2–3 и более раз быстрее. По мнению авторов, подобная самоорганизация является результатом того, что в этом случае большой объём управленческих (распорядительных) функций передаётся на более низкие уровни вплоть до уровня операторов – появляются плоские структуры управления, то есть сеть, в которой определяющую роль начинают играть горизонтальные связи.

Согласно Ч. Сэведжу (цитировано по [14]), переход от формальных методов управления к неформальным означает переход от основной управленческой концепции работа как выполнение распоряжений к концепции работа как диалог исполнителей. Данный вывод не нов. Его глубинная сущность вытекает из вывода, данного ещё К. Марксом в известном предисловии к Критике политической экономии [15, с. 5–9], где он говорит о высокой эффективности непосредственного труда людей на общественное благо. Появление между трудом и общественным благом иерархических производственных структур представляет собой одну из форм опосредования труда путём введения товарно-денежных отношений. Это однозначно приводит к ослаблению итоговой эффективности труда из-за исчезновения из его состава таких мотивирующих компонентов как независимость и свобода действий, креативность и возможность пользования конечными результатами.

В советский дорыночный период описанные тенденции, то есть работу как диалог можно было наблюдать при бригадных формах организации и оплаты труда. Однако наступившие в 1990-х годах приватизация и дикий рынок уничтожили все позитивные движения в данном направлении. Между тем усиление конкуренции неизбежно толкает отдельных собственников и бизнес в целом на сокращение издержек и объективно выводит их на принятие непосредственно общественного труда. Сетевая организация труда, которая может реализовываться в различных формах (комплексные бригады, кооперативы и др.), является очевидным шагом в данном направлении, так как при этом выводятся за скобки все потери, связанные с товарно-денежными отношениями и с иерархическими формами управления персоналом.

Таким образом обращение к сетевым структурам организации производства, при которых у персонала формируются добровольные устойчивые горизонтальные связи, являющиеся одной из форм снижения опосредованности труда и, соответственно, роли товарно-денежных отношений или, как стали говорить в последнее время, монетарного фактора. В результате происходит сближение формальных и неформальных отношений управленческого и операционного персонала, что в целом благоприятно отражается на эффективности коллективного труда. Итогом этого является повышенное взаимопонимание всего персонала при освоении новых техники и технологий, которое приводит к ускоренному выводу их на проектную производительность.

В реальности, когда на предприятии после состоявшегося технико-технологического перевооружения прошёл достаточно большой срок (на рис. 1 и 2 – это шесть лет), практически для каждой группы процессов уже прописаны инструкции и регламенты, большой разницы между формальным и неформальным управлением, как правило, не наблюдается потому, что и управленческий, и операционный персонал знает всю последовательность действия и обладает уже достаточными умениями и навыками для решения практически всех стоящих перед ним задач.

Однако все отрасли промышленности, включая угледобывающую, работают в условиях плохо прогнозируемых изменений. Для угледобывающих предприятий – это в первую очередь непредсказуемые изменения горно-геологических условий, скачки рыночной конъюнктуры на энергоносители и научно-технический прогресс в сфере техники и технологий добычи угля. Подобные обстоятельства требуют от угледобывающих предприятий наличия немалых внутренних резервов, обеспечивающих их собственную конкурентоспособность. Таким образом, угледобывающие предприятия просто обречены на перманентные технико-технологические перевооружения. При этом для реализации подобных преимуществ предприятиям придётся развивать и усиливать роль сетевых структур в своём составе.

Литература:

1. Старцев Ю. Н. Сети: состояние и возможности: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 304 с.
2. Старцев Ю. Н. Мотивационный разогрев персонала при технико-технологическом перевооружении предприятия // Вестник ЧелГУ. Экономика. 2014. № 15. С. 142–146.
3. Старцев Ю. Н. Конкурентоспособность предприятия как сфера противоречия между техникой и персоналом / Сборник статей международной н.-практ. Конференции Мир в эпоху модернизации и глобализации: политические, экономические и социокультурные аспекты. Пенза: Приволжский дом знаний, 2014. С. 112–114.
4. Старцев Ю. Н. Современные подходы к развитию профессиональных компетенций управленческого персонала // Вопросы управления. 2015. № 2(33).
5. Старцев Ю. Н. Компетенции персонала как фактор роста реальной производительности оборудования // Экономика и предпринимательство. 2015. № 7. С. 784–787.

6. Тараданов А. А. Диалектика непосредственного и опосредованного в общественной форме труда: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Свердловск: Уральский госуниверситет, 1990. 154 с.
7. Ксенофонтова Х. З. Механизм развития компетенций управленческого персонала предприятий корпоративного типа // Российское предпринимательство. 2010. № 6. С. 91–96.
8. Чернятин С. Модель компетенций для профессионального развития менеджеров вертикально интегрированной компании // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2011. № 11.
9. Бояцис Р. Компетентный менеджер. Модель эффективной работы. М.: ГИППО, 2008. 352 с.
10. Спенсер Л. М. Компетенции на работе: Модели максимальной эффективности работы. М.: ГИППО, 2005. 371 с.
11. Лабунский Л. В. Развитие компетенций персонала горнодобывающего предприятия. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 232 с.
12. Кулецкий В. Н. Создание на разрезе Тугнуйский организационно-технологических условий для высокопроизводительной работы экскаваторов Bucyrus 495HD // Уголь. 2012. Декабрь. С. 4–9.
13. Копылов Г. Сеть как организационный принцип: Рецензия на книгу Charls M. Savage. 5th generation management: integrating enterprises through human networking. Digital press, 1990. 262 p. // Кентавр. 1992. № 3.
14. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т.13. М.: Политиздат, 1959. С. 5–9.

References:

1. Startsev Yu. N. Networks: state and opportunities: monograph. Chelyabinsk: Encyclopedia, 2011. 304 p.
2. Startsev Yu. N. Motivational warming up of staff with technical-technological upgrade of enterprises // Bulletin Of The CSU. Economy.. 2014. № 15. P. 142–146.
3. Startsev Yu. N. Competitiveness of enterprises as the scope of contradictions of equipment and personnel / Collection of articles of international scient.-pract. conference The World in the epoch of modernization and globalization: political, economic and socio-cultural aspects. Penza: Priolgskij dom znanij, 2014. P. 112–114.
4. Startsev Yu. N. Modern approaches to the development of professional competencies of managerial staff // Management issues. 2015. № 2 (33).
5. Startsev Yu. N. Personnel competences as a factor of growth of the real equipment capacity // Economics and entrepreneurship. 2015. № 7. P. 784–787.
6. Taradanov A. A. Dialectics of unmediate and mediate in the social form of labor: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Sverdlovsk: Uralskii gosuniversitet, 1990. 154 p.
7. Ksenofontova H. Z. The mechanism of the managerial staff competencies development in enterprises of corporate type // Journal of Russian entrepreneurship. 2010. № 6. P. 91–96.
8. Chernyatin S. Competency framework for the professional development of managers of a vertically integrated company // Kadrovik. Human resource management. 2011. № 11.
9. Boyatsis R. A competent manager. Model of efficient performance. M.: GIPPO, 2008. 352 p.
10. Spencer L. M. Competence at work: Models of maximum work efficiency. M.: GIPPO, 2005. 371 p.
11. Labunskiy L. V. The personnel competence development of mining enterprise. Ekaterinburg, UrO RAN, 2003. 232 p.
12. Kuletskii V. N. Creation on Tugnuisky surface coal mine of organizational-technological conditions for high-performance operation of “Bucyrus 495HD” excavators // Ugol. 2012. December. P. 4–9.
13. Kopylov G. Network as organizational principle: Review for the book “Charls M. Savage. 5th generation management: integrating enterprises through human networking. Digital press, 1990. 262 p.” // Kentavr. 1992. № 3.
14. Marx K. On critique of political economy. Preface / K. Marx, F. Engels. Works. Ed. 2. V.13. M.: Politizdat, 1959. P. 5–9.

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: УПРАВЛЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

Бутко Г. П.

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и внешнеэкономической деятельности предприятия, Уральский государственный лесотехнический университет (Россия), 620038, Россия, г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, д. 37, gpbutko@mail.ru

Поротников П. А.

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры стратегического и производственного менеджмента, Уральский государственный горный университет (Россия), 620000, Россия, г. Екатеринбург, переулок Университетский, д. 7, pekin-auto@mail.ru

УДК 339.138
ББК 65.291.3

Цель. Выделить маркетинговые методы, используемые в практике российской конкурентной борьбы.

Методы. Проведен анализ отечественного и зарубежного опыта по управлению конкурентоспособностью предприятий и теоретически обоснован подход к обеспечению конкурентоспособности предприятий лесопромышленного комплекса, основанный на оценке маркетинговых средств, как элемента конкурентоспособности.

Результаты. Выделены основные тенденции формирования механизма управления конкурентоспособностью, разработана структура управления конкурентоспособностью, позволяющая давать и учитывать оценку маркетинговых средств. Также в статье представлен авторский взгляд на управление конкурентоспособностью предприятий лесопромышленного комплекса с позиций маркетингового подхода, основанный на построении долгосрочных, взаимовыгодных отношений с ключевыми партнерами.

Научная новизна. Представлено обоснование системы управления конкурентоспособностью предприятий лесопромышленного комплекса за счет эффективной маркетинговой деятельности и использования её потенциала, а также рационального использования лесосырьевых ресурсов.

Ключевые слова: конкурентоспособность, структура управления, механизм управления, конкуренция, модели конкуренции, эффективность.

MARKETING RESEARCH: CORPORATE COMPETITIVENESS MANAGEMENT

Butko G. P.

Doctor of Economics, Professor of Management and Foreign Economic Activity of Enterprises Department, Ural State Forestry University (Russia), 37, Sibirskii trakt, Ekaterinburg, Russia, 620038, gpbutko@mail.ru

Porotnikov P. A.

Candidate of Economics, senior lecturer of Strategic and Production Management Department, Ural State Mining University (Russia), 7, Universitetskii per., Ekaterinburg, Russia, 620000, pekin-auto@mail.ru

Purpose. To identify marketing methods used in the practice of the Russian competitive battle.

Methods. The domestic and foreign experience in corporate competitiveness management is analyzed and the approach to ensuring competitiveness of forestry sector enterprises based on assessment of marketing tools as competitiveness element is theoretically substantiated.

Results. Basic trends of competitiveness management mechanism development are revealed, competitiveness control system is developed, which allows giving and considering the assessment of marketing means. Also, the article provides the author's view on managing competitiveness of forestry enterprises from the standpoint of marketing approach, which is based on developing long-term, mutually beneficial relationships with key partners.

© Бутко Г. П., Поротников П. А., 2016

Scientific novelty. The research substantiates the competitiveness management system of forestry sector enterprises through the effective marketing activities and the use of its potential, as well as through rational use of forest raw material resources.

Key words: competitiveness, management structure, management mechanism, competition, competition models, efficiency.

В России ведущие экономические вузы осуществляют собственные разработки методов регулирования конкурентных отношений. Весь мировой опыт находится в распоряжении российских ученых. В таких условиях, особой задачей наших ученых стоит выделение наиболее ценного в теории и практике, и внедрение таких приемов и методов конкуренции, которые бы отвечали особенностям развития конкретного бизнеса и рыночной ситуации в России.

С позиции маркетинга по возможной реакции выделяют четыре группы конкурентов:

- Неторопливый конкурент. Он отличается замедленной реакцией или вообще игнорирует предпринимаемые соперником шаги. Причин такому поведению может быть несколько: надежда на лояльность клиентов, непонимание тактики своих конкурентов, отсутствие средств на адекватный ответ. В любом случае компании стоит попробовать узнать истинные причины поведения неторопливого конкурента.
- Разборчивый конкурент. Для него характерны реакции на определенный вид конкурентной борьбы, например, на снижение цен, в то время как на диверсификацию производства или изменение рекламного бюджета он не обратит внимания.
- Конкурент-тигр. Готов в любую минуту отстаивать свои интересы, реакция проявляется при любом покушении конкурентов на его территорию.
- Непредсказуемый конкурент. Как правило, он не придерживается какой-то одной модели поведения. Иногда он может ответить ударом на удар, иногда – проигнорировать точно такое же воздействие. Его поведение не прогнозируемо по экономическим данным, его истории или каким-либо другим факторам. К данной группе конкурентов часто относятся небольшие компании, их поведение непредсказуемо, они могут провести встречную акцию, когда на это есть средства, а могу не реагировать на действия конкурентов, когда понимают, что это будет дорого стоить.

Компаниям стоит заботиться об эффективных способах поиска информации о конкурентах. Однако, если конкурентов в отрасли слишком много, то для уменьшения трудоемкости задачи сбора информации, стоит выделить приоритетных конкурентов. При этом следует руководствоваться правилом, что лидер собирает информацию о других лидерах и некоторых претендентах, претенденты – о других претендентах и некоторых лидерах, компании, занявшие определенную нишу рынка, – о конкурентах в данной нише.

Анализ различных сторон конкурентов позволяет определить с какими из них конкурентная борьба возможна, а с какими неперспективна, а также предоставляет информацию для определения эффективных стратегий деятельности фирмы.

За счет различия причин, с помощью которых удается обойти конкурента, различают ценовую и неценовую конкуренцию. Ценовая конкуренция основана на установлении минимально возможной цены, а, следовательно, и себестоимости товарной продукции или услуг. Чаще всего к ней прибегают крупные компании, которые ориентируются на массовый спрос, а так же те, кто не чувствует сил в сфере неценовой конкуренции. Такая тактика может применяться и при укреплении позиций, когда внезапно появляется проблема сбыта продукции.

В настоящее время сложно говорить о полностью сформировавшейся теории конкуренции, но наука располагает общими представлениями о сущности конкуренции и движущих ей силах, которые можно выразить в четырех классических моделях: совершенной (чистой) конкуренции, монополистической, олигополистической конкуренции и чистой монополии, которые и сегодня составляют основу исследований конкуренции и конкурентных преимуществ.

Модель совершенной (чистой) конкуренции предполагает наличие на рынке множества мелких фирм, выпускающих однородную продукцию. Вход и выход фирм из отрасли абсолютно свободен, доступ к информации свободный. Доля рынка каждой отдельной фирмы настолько мала, что изменение ею цены никак не отразится на рыночной цене, таким образом, рыночная цена задается для фирмы извне.

Характерной чертой для совершенной конкуренции служит равенство предельного дохода и цены. Скачки прибылей и убытков отдельных фирм проявляются в краткосрочный период, в долгосрочной же перспективе экономическая прибыль привлекает новые фирмы, расширяющих предложение отрасли, и тем самым снижающих рыночную цену.

Характер реакций на изменение спроса быстр и гибок, автоматическая реакция рынка чистой конкуренции заключается в расширении или свертывании производства. Таким образом, чистая конкуренция является наиболее эффективной из всех имеющихся рыночных структур.

Следующие три модели – модель монополистической конкуренции, модель олигополистической

конкуренции и модель чистой монополии – относятся к разновидностям несовершенной конкуренции, при которой каждая фирма в разной степени располагает рыночной властью, позволяющей ей устанавливать цену больше, чем предельный доход, и тем самым получать экономическую прибыль (сверхприбыль).

Модель монополистической конкуренции наиболее близка к совершенной конкуренции и характеризуется отсутствием широко известных лидеров, производящих дифференцированную продукцию и оказывающих явное влияние на формирование условий и тенденций развития отрасли. Существенных препятствий для организации бизнеса не существует.

Некоторые рынки с преобладанием монополистической конкуренции консолидируются в процессе развития. Жесткая борьба уничтожает слабые и заставляет концентрировать производство в крупных и сильных компаниях. Однако, так ситуация развивается не всегда. По разным данным около 75 % всех компаний участвуют в рыночной конкуренции, где сбытовая система функционирует в рамках монополистической конкуренции.

Модели олигополистической конкуренции свойственны: небольшое количество конкурентов из-за высоких входных барьеров; номенклатура производимой продукции может ограничиваться одним товаром (например, нефть). Возможна ситуация, когда продукция может быть довольно обширна (автомобильная, химическая промышленность); для эффективной работы компаниям необходимо занимать большую долю совокупного рынка (суммарная доля пяти-девяти наиболее значимых компаний олигополистического рынка часто бывает выше 60 % от всего объема данной продукции на рынке); преобладает неценовая конкуренция; конкуренты зависимы друг от друга; компаниям выгодно увеличение бизнеса за счет конкурентов.

Действия фирм-конкурентов являются дополнительными ограничениями, которые необходимо учитывать компаниям при установке оптимальных цен и определении объема производства. Таким образом, кроме издержек и спроса, ещё и ответная реакция конкурентов влияет на принятие решений. Теоретически, олигополист может достичь успеха за счет ослабления конкурентов и ожесточенной борьбы, однако, на практике чаще прослеживается другая тенденция – предприятия стремятся к картелю – соглашению относительно уровня цен, разграничения рынков, использования единых каналов дистрибьюции и т.п. В итоге, предприятия – олигополисты фактически функционируют как чистая монополия.

Наконец, четвертая модель – модель чистой монополии – является крайним проявлением несовершенной конкуренции. Эту модель отличает наличие одной компании, реализующей эксклюзивную продукцию, для которой отсутствуют эффективные заменители, в результате такого положения компания может диктовать свои условия потребителям, в том числе ценовые.

Кривая спроса монополиста равняется кривой совокупного спроса всего рынка. Как следствие, монополист может выбрать оптимальную комбинацию цена-количество, максимизирующую прибыль. Именно поэтому все отрасли естественной монополии регулируются государством.

Опыт разных стран показывает, что в вопросе развития конкурентных отношений функцию координатора должно выполнять государство. В Российской Федерации реализуются программы направленные на демонополизацию экономики, сформированы требования к конкурентному товарному рынку, создаются механизмы государственного регулирования для выравнивания условий функционирования различных предприятий (Закон РСФСР О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках, Методические рекомендации по определению доминирующего положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке, нормативные положения Федеральной антимонопольной службы). Цель антимонопольной деятельности состоит не столько в борьбе с монополией, сколько в поддержании эффективной конкуренции для стимулирования экономической эффективности отраслей экономики.

С точки зрения структуры рынка, конкуренция представляет собой ряд условий, которые заставят фирму принять цену. В этом смысле конкурентный рынок противостоит монопольной структуре. Если же понимать конкуренцию, как соперничество, то она может быть определена как тип поведения фирм-соперников на рынке. Тогда олигополия – это соперничество среди нескольких, а монопольная конкуренция – соперничество среди многих фирм путем дифференциации продукта.

В условиях развития глобальной экономики возрастает роль управления конкурентоспособностью (КСП). Выделим основные тенденции формирования механизма управления конкурентоспособностью, связанные с дифференциацией транспортных тарифов, ускорение социальных процессов жизнедеятельности людей; интенсификация мировых экономических процессов. Особую значимость сегодня представляют мировые интеграционные процессы; формирование комплексного международного маркетинга продвижения лесных товаров.

По нашему мнению, структура управления конкурентоспособностью может быть представлена в виде следующей схемы (рис. 1).

На основе теории систем организация рассматривается как целеориентированная структура, имеющая

показатели входа и выхода, являющиеся информационной базой для принятия решений.

Руководствуясь системным подходом, субъекту управления необходимо обеспечить высокое качество выхода данной системы (имея высокое качество ее входа), который в свою очередь является входом ещё одной системы – потребителя лесной продукции. Оценку маркетинговых средств имеет смысл рассматривать отдельно на внутреннем и внешнем рынке.

На рис. 1 представлена пирамида конкурентоспособности лесопромышленного предприятия, в основании которой находится интегральный показатель конкурентоспособности $I_{КСП}$, а сама пирамида состоит из четырех блоков факторов. Первый блок – производственные факторы конкурентоспособности, которые в большей степени определяют конкурентоспособность предприятия, его объемы производства, качество продукции, состояние основных фондов. Второй блок – регуляторы производства, объединяют в себе факторы, без которых невозможно обеспечение высокого уровня конкурентоспособности и развития предприятия, к ним относятся: инвестиционная активность, государственная поддержка, инновации, экспортная ориентация. Третий блок – экологические факторы, отражающие степень применения ресурсосберегающих, рекуперативных технологий, полноту использования сырьевых ресурсов, сохранение окружающей среды. Четвертый блок – социально-экономические факторы, объединяющие общую результативность предприятия, его социальную политику, обеспеченность кадрами, привлекательность для потенциальных сотрудников.

Связи входа-выхода могут рассматриваться с различных позиций:

- как разность стоимостных величин, выражаемых показателями выручки и издержек, т.е. как прибыль;
- как соотношение, т.е. с позиции относительной прибыли;
- ресурсов входа и выхода.

Так, с позиции входа можно выделить цели, связанные:

- с затратами на приобретение ресурсов, на производство;
- с показателями состояния ресурсов и средств производства, информации и т.д.;
- со стремлением к обеспечению конкурентоспособности и безопасности организации.

Цели можно детализировать с позиции ликвидности: стремление в любой момент поддерживать положительную разность между поступлениями и выплатами (которая характеризует уже не прибыль, а платежеспособность организации) является монетарной целью.

Цели могут быть индивидуальными и групповыми, кратко- и долгосрочными и т. д.

Сделанные выводы необходимо дополнить с позиции теории принятия решений, центральное место в которой занимает планирование и связанные с ним процессы контроля и стимулирования.

К одним из компонентов (функций) механизма управления конкурентоспособностью (МУК), можно отнести отдел маркетинга, который предопределяет нормативы конкурентоспособности перспективного товара, разрабатываемого в будущем

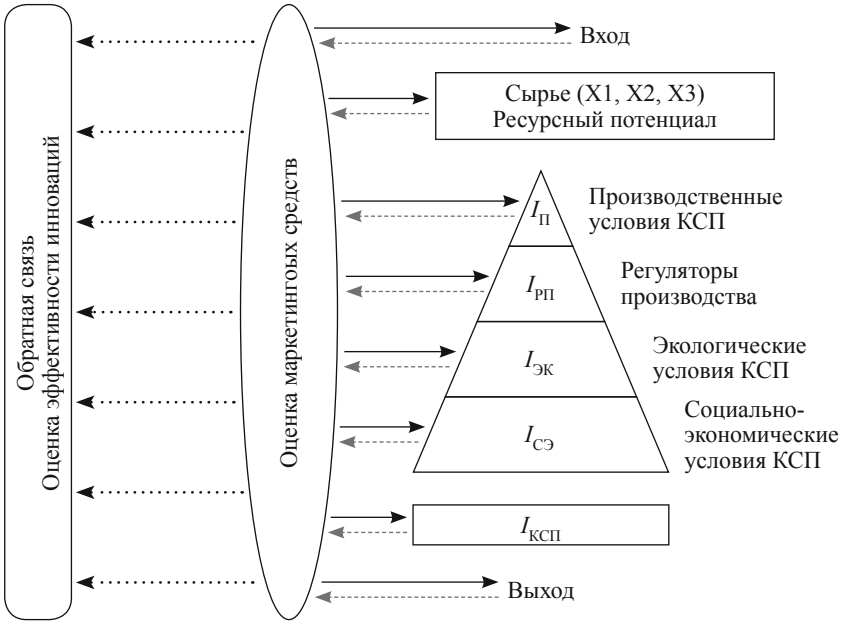

Рис. 1. **Структура управления конкурентоспособностью**

научно-исследовательской организацией (НИО) и конструкторским бюро (КБ). Эти нормативы являются выходом системы маркетинга и одновременно входом следующей по ходу системы – НИО, обеспечивающей научное подтверждение технических решений или возможности достижения нормативов конкурентоспособности объекта. Выход системы НИО является входом системы КБ и т.д.

В социально-экономическом и производственном планах приоритетной должна стать стратегия повышения качества лесных товаров (услуг) и экономии ресурсов с позиции потребителей. Логическая цепочка экономии следующая: повышение качества *стратегического маркетинга* – обеспечение конкурентоспособности выпускаемых лесных товаров – снижение совокупных затрат за жизненный цикл объектов на единицу их полезного эффекта – повышение качества жизни. Отсюда вывод: для повышения качества выхода системы необходимо сначала повышать качество стратегического маркетинга, обоснованность нормативов конкурентоспособности, а затем – качество процесса в системе.

К компонентам обратной связи механизма управления конкурентоспособностью относятся: дополнительные требования на стадии НИОКР к нормативам конкурентоспособности объектов; рекламации потребителей; новая информация по инновациям и т.п. Службы НИОКР, изготовители и потребители товаров могут иметь обратную связь как со службой маркетинга (отдел в организации, либо самостоятельный НИИ), так и с компонентами входа МУК и, прежде всего, с владельцами информации для маркетинговых исследований.

Наличие связей внутри системы свидетельствует о том, что выполнение любого компонента управляемой подсистемы (например, стратегического маркетинга, инновационного менеджмента и т. д.) требует применения или выполнения операций всех компонентов подсистемы научного сопровождения, обеспечивающей и управляющей подсистемами МУК.

К внешней среде механизма управления конкурентоспособностью (МУК), например организации, относятся макросреда, инфраструктура региона (лесного поселка, города), микросреда организации. К сфере макросреды относятся международные, политические, правовые, экологические, природно-климатические, научно-технические, культурные факторы страны в целом. К инфраструктуре региона (лесного поселка, города) мы относим рыночную инфраструктуру, мониторинг окружающей среды, здравоохранение, науку и образование, культуру, торговлю, общественное питание, транспорт и связь, сельское хозяйство, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание населения, промышленность.

Регион лесопромышленного комплекса заинтересован в увеличении удельного веса конкурентоспособной продукции и, соответственно, в увеличении массы прибыли и, как обязательное условие, повышение социально-экономической значимости, как организации, так и субъекта Федерации. От качества работы во всех отраслях инфраструктуры региона во многом зависит устойчивость и эффективность работы каждой организации. Поэтому регион как глобальная система по отношению к организации должен оказывать всяческую помощь своим компонентам (подсистемам). Эффективность деятельности Департамента лесного хозяйства как глобальной системы будет возрастать при совершенствовании связей в системе.

Рассмотренные факторы макросреды страны и инфраструктуры лесопромышленного региона оказывают влияние на устойчивость и эффективность функционирования организации косвенно, так как управлять ими организации сложно.

К факторам микросреды (или ближнего, непосредственного окружения) организации отнесем ее непосредственных конкурентов по выпускаемым лесным товарам, всех конкурентов поставщиков (входа системы), маркетинговых посредников по входу и выходу системы, контактные аудитории (общество потребителей, контролирующие органы, профсоюзы, пресса и т. п.). Чем выше будет сила состязания по входу и выходу системы, тем выше будет конкурентоспособность лесных товаров и, безусловно, качество жизни.

В целях повышения конкурентоспособности структурных объектов лесопромышленного комплекса необходимо осуществить отбор наиболее важных показателей и факторов макросреды, инфраструктуры региона и микросреды лесного поселка, осуществлять регулярный учет и анализ этих параметров. Главная задача анализа – выявить пропорциональность состояния компонентов внешней среды механизма управления конкурентоспособностью исследуемого объекта, разработать и внедрить мероприятия по повышению качества компонентов и обеспечению их пропорциональности. В настоящее время этой работой занимаются бессистемно и эпизодически.

Как показывают конъюнктурные исследования инвестиционной привлекательности промышленных предприятий на начало столетия, средний возраст активной части основных фондов в промышленности достиг возраста 25–30 лет. Показатели конкурентоспособности продукции в разрезе отраслей также отличаются существенной дифференциацией в оценках конкурентоспособности (табл. 1). Проблема замены оборудования и повышения качества и конкурентоспособности продукции может быть решена в результате роста инвестиционно-инновационной активности промышленного сектора экономики. В 2000–2013 гг. в промышленности наблюдался рост инвестиций, несмотря на спад экономической активности в 2008–2009 годах.

Табл. 1. **Оценка конкурентоспособности продукции предприятий различных отраслей промышленности на внутреннем рынке (на начало XXI столетия)**

Отрасли промышленности	Оценка конкурентоспособности продукции (в % от общего числа опрошенных)				
	Высокая	Средняя	Низкая	Неконкурентоспособная	Затрудняюсь ответить
Топливная промышленность	32–64	12–31	–	–	Не более 7
Черная металлургия	10–83	90–14	18–3	–	–
Цветная металлургия	66–79	33–21	20–30	–	–
Химическая и нефтеперерабатывающая промышленность	29–32	49–65	4–2	0	–
Машиностроение и металлообработка	28–38	64–55	До 6	До 2	–
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	19–12	71–79	9–4	До 2	До 3
Промышленность стройматериалов	8–14	71–73	15–10	До 3	–
Легкая промышленность	21–24	66–57	5–12	До 4	До 3
Пищевая промышленность	24–26	67–64	До 5	До 2	До 1

Ключевым фактором, ограничивающим рост конкурентоспособности лесопромышленной продукции, является по-прежнему нестабильное финансовое состояние, затрудняющее освоение инноваций. Удельный вес инновационно-активных предприятий растет крайне медленно в течении 2004–2013 гг.. В последние годы позитивный вклад вносят созданные инновационные инкубаторы под эгидой Правительства Свердловской области и работа в рамках выставочной деятельности Иннопрома, однако их влияние недостаточно.

Основой современного рынка является конкурентная среда. Однако, низкий уровень конкуренции в металлургической, химической промышленности, машиностроении и других отраслях, говорит об отсутствии сформированной конкурентной среды в промышленности России, в том числе и в лесопромышленном комплексе [6, 7].

По оценкам экспертов Союза промышленников и предпринимателей, в России существуют сегменты рынка, где конкуренция достаточно высокая. Усиление конкуренции вызвано недостаточным притоком инвестиций в экономику, а также низкой платежеспособностью населения.

В современных условиях не все отрасли лесопромышленного комплекса Российской Федерации имеют высокий конкурентный потенциал и конкурентный статус. Наиболее успешными в этом плане являются целлюлозно-бумажное производство и производство фанеры и ДСП. Даже такая экспортно-ориентированная отрасль лесного сектора, как лесопильно-деревообрабатывающая промышленность, имеет лишь иногда небольшие конкурентные преимущества по сравнению с иностранными контрагентами, но и это достигается чаще всего за счет человеческих ресурсов (дешевой рабочей силы) и сырьевого потенциала (низкие цены леса на корню). Надо сказать, что и эти преимущества с каждым годом становятся всё менее значимыми.

Слабое техническое оснащение, изношенность производственных фондов, несовершенство технологий и, как следствие, низкая производительность труда приводят к тому, что производители вынуждены продавать продукцию на мировом рынке по заниженным ценам при колоссальных затратах.

Мебельное производство и производство листовых плитных материалов настолько неконкурентоспособны, что на мировом рынке не принимаются в расчет.

Однако, с учетом географического положения нашей страны и области в частности, её богатства лесами высокой сортности, необходимо с большим энтузиазмом и настойчивостью искать варианты выхода из кризиса отдельных видов производств лесопромышленного комплекса, повышать конкурентоспособность продукции и конкурентный статус предприятий, выходить на достойные позиции в мировом экспорте лесопродукции.

Базой для разработки системы управления конкурентоспособностью, как элемента лесной политики, могут быть следующие направления:

- повышение конкурентоспособности (минимизация издержек, усиление позиций на рынке, выход на новые и внешние рынки);
- привлечение инвестиций;
- активная разработка и внедрение инноваций;
- сохранение кадрового потенциала, создание благоприятных условий для привлечения молодых специалистов;

• социальная политика.

Оценка маркетинговых средств ведется по следующим направлениям:

• анализ потенциальных возможностей предприятия;

• оценка внутренних сильных и слабых сторон производственной, коммерческой, социальной деятельности предприятия;

• анализ внешней среды и реакций предприятия на внешние факторы;

• оценка альтернатив;

• формирование долгосрочных программ развития.

Как говорилось выше, среди источников формирования конкурентных преимуществ находятся квалификация сотрудников и ресурсы предприятия.

Несмотря на важную роль государства в процессе развития лесопромышленного комплекса, основной движущей силой прогресса и развития являются сами предприятия, стремящиеся повысить свою рентабельность и прибыль, как ключевую цель функционирования, а для этого им жизненно необходимо иметь высокий уровень конкурентоспособности и занимать достойные позиции на товарном рынке. Предложенные в исследовании маркетинговые средства обеспечения конкурентных преимуществ могут являться эффективным инструментом в вопросах оценки и управления конкурентоспособностью.

Стратегия развития любой системы, в том числе и управления конкурентоспособностью, подразумевает комплекс управленческих решений. Предложенный подход к управлению конкурентоспособностью предприятий лесопромышленного комплекса на основе системы маркетинговых средств обозначает ориентиры и критерии развития, показывает допустимые и недопустимые отклонения, потенциал и эффективность управления в процессе конкурентной борьбы.

Главной задачей в области управления конкурентоспособностью, по нашему мнению, следует считать оптимизацию инвестиционного процесса с целью оптимального использования ресурсного потенциала в широком смысле (трудового, сырьевого, финансового и пр.). В частности необходимо минимизировать потери, возможные в результате дискретности производства продукции, оценить и оптимизировать доступный объем инвестиций (внешних или за счет чистой прибыли), стремиться к максимуму показателя чистого дисконтированного дохода, определить логистические компоненты (снабжение, сбыт), определить рыночные структуры (спрос, доля рынка и т.д.)

Литература:

1. Стратегия развития лесного сектора УРФО до 2020 года. Екатеринбург, 2011.
2. Бутко Г. П. Конкуренция: теория, методология, практика.. Екатеринбург: УИПЦ, 2012. 342 с.
3. Козлова Т. В. Создание конкурентных преимуществ. М.: Экономика, 2011. 370 с.
4. Клейнкофф А. Э., Клейнкофф И. А. Стратегия управления фирмой М.: МГУЛ, 2011. 370 с.
5. Криворотов В. В. Методология формирования механизма управления конкурентоспособностью предприятия: монография. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007.238 с.
6. Криворотов В. В. Повышение конкурентоспособности современных российских территориально-производственных комплексов. Екатеринбург: УрФУ, 2013. 261 с.
7. Кожемяко Н. П. Управления стратегическим развитием лесного сектора Российской Федерации на принципах частно-государственного партнерств. М.: ФГУП ГНЦ ЛПК, 2011. 160 с.
8. Кожемяко Н. П. Управление развитием предприятий лесопромышленного комплекса на основе реструктуризации. М.: ФГУП ГНЦ ЛПК, 2010. 156 с.

References:

1. The development strategy of the URFO forest sector up to 2020. Ekaterinburg, 2011.
2. Butko G. P. Competition: theory, methodology, practice. Ekaterinburg UIPC, 2012. 342 p.
3. Kozlova T. V. Creating competitive advantages. M.: Ekonomika, 2011. 370 p.
4. Kleinkoff A. E., Kleinkoff I. A. Company management strategy M.: MGUL, 2011. 370 p.
5. Krivorotov V. V. Methodology of developing competitiveness management mechanism: monograph. Ekaterinburg: UGTU-UPI, 2007. 238 p.
6. Krivorotov V. V. Improving the competitiveness of the modern Russian territorial-industrial clusters. Ekaterinburg: UGTU-UPI, 2013. 261 p.
7. Kozhemyako N. P. Managing strategic development of the forest sector of the Russian Federation through the principles of public-private partnerships. M.: FGUP “GNC LPK”, 2011. 160 p.
8. Kozhemyako N. P. Management of forestry enterprises development on the basis of the restructuring. M.: FGUP “GNC LPK”, 2010. 156 p.

РОЛЬ КСО В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Витик С. В.

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Россия), 455000, Россия, г.Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38, Svita12@rambler.ru

Риттер И. В.

старший преподаватель, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Россия), 455000, Россия, г.Магнитогорск, пр. Ленина 38, д. 8, irritter@mail.ru

УДК 316.334.2
ББК 60.561.23

Цель. Изучение влияния деятельности КСО во внутренней и внешней среде организации на состояние трудовых ресурсов и социально-экономические результаты деятельности предприятия.

Методы. Проведено социологическое исследование методом анкетирования, использованы методы экономического анализа, а именно: группировки, сравнения, опроса и т.д.

Результаты. Исходя из анализа моделей КСО имеющихся в мировой практике, сделана собственная оценка Российской модели КСО особенности которой продиктованы наследием нашей страны со времен административно-командной системы управления и стихийно-складывающейся рыночной практикой 1990-х гг.. В результате анализа проведенного социологического исследования делаются выводы о приоритетности направленности программ КСО на внутренние проблемы и интересы предприятия, а также взаимосвязь экономических и социальных функций предприятия направленных на достижение эффективного труда персонала по содержанию, условиям и результату.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании влияния программ КСО во внутренней и внешней среде организации на значимость и результативность внедренных программ для определенных групп стейкхолдеров.

Ключевые слова: **к**орпоративная социальная ответственность, социальная отчетность, эффективность социальных программ.

THE ROLE OF CSR IN THE FORMATION OF SOCIAL-LABOR RELATIONS IN MODERN ORGANIZATIONS

Vitik S. V.

Candidate of Economics, Assistant Professor of Public and Municipal Administration and Personnel Management Department, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia), 38, Lenina prosp., Magnitogorsk, Russia, 455000, Svita12@rambler.ru

Ritter I. V.

senior lecturer, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia), 38, Lenina prosp., Magnitogorsk, Russia, 455000, irritter@mail.ru

Purpose. To study the impact of CSR activities in the internal and external environment of organizations on the state of corporate labor resources and socio-economic performance.

Methods. A social questionnaire survey is conducted and methods of economic analysis are used, namely: grouping, comparison, survey, etc.

Results. Proceeding from the analysis of globally existing CSR models the authors provide their own assessment of the Russian CSR model specifics which are justified by our country's heritage since the times of the administrative-command

© Витик С. В., Риттер И. В., 2016

system of management and spontaneously-evolving market practice in the 1990-s. Having analyzed the sociological survey the authors draw the conclusion of the priority directions of CSR programs towards internal issues and corporate interests and also the interrelations of economic and social functions of an enterprise to achieve the efficient work of the personnel in terms of content, conditions and results.

Scientific novelty. The scientific novelty lies in researching the impact of CSR programs in the internal and external environment of the organization on significance and efficiency of the implemented programs for the specific groups of stakeholders.

Key words: corporate social responsibility, social accountability, efficiency of social programs.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) – это концепция социальной ответственности бизнеса, в соответствии с которой организации возлагают на себя добровольную ответственность за качество жизни работников и их семей, местного сообщества, а также ответственность за влияние их деятельности на клиентов, поставщиков, акционеров и т.д.

Таким образом, КСО позволяет рассматривать компанию не только как генератора прибыли, но и как источник социальной ответственности. Направления деятельности КСО распространяются как в области внешней, так и внутренней среды организации [1, с. 23].

Внешняя среда КСО предполагает контактные взаимодействия с государственными структурами и общественными организациями, а также взаимодействие с заинтересованными сторонами в виде: потребителей, поставщиков, инвесторов, акционеров, средства массовой информации. Внутренняя среда КСО распространяется на собственных работников и руководителей, вопросы здоровья и безопасности на рабочем месте.

Вложения компаний в социальную сферу с одной стороны уменьшают текущую прибыль предприятия, но с другой стороны позволяют выстроить правильные взаимоотношения с социальным окружением, влиять на общественное мнение, что является необходимой базой для долгосрочного, благоприятного функционирования предприятия. Наиболее часто в исследованиях отмечают ряд положительных эффектов от социально ответственных инвестиций: это улучшение репутации предприятия, возможность привлечения более высококвалифицированных кадров, дополнительная инвестиционная привлекательность, увеличение производительности труда, создание и поддержание бренда [2, с. 388].

Кроме перечисленных преимуществ следует отметить еще ряд достоинств репутационного и экономического содержания: дополнительное PR-обеспечение, увеличивающее бесплатную рекламную поддержку предприятия; формирование доверия целевой аудитории потребителей; расширение круга клиентов; увеличение лояльности потенциальных поставщиков и партнеров при заключении контрактов; получение льготных условий при взаимодействии с органами власти, сокращение доли материальных затрат при заключении договоров (трансакционных издержек); сокращение затрат при найме и отборе персонала; увеличение производительности труда и следовательно прочих экономических показателей деятельности предприятия; планомерное развитие бизнеса [3, с. 43].

Мировая практика имеет устоявшееся представление о корпоративной социальной ответственности. Однако существуют различные модели КСО. Согласно Европейской модели государство занимается контролем и осуществлением наиболее значимых социальных проектов, реализация которых возможна благодаря высоким налоговым поступлениям. Американская модель демонстрирует противоположный подход при минимальном вмешательстве государства и максимальной свободе остальных участников социальных процессов. При этом государство стимулирует наиболее актуальные для общества направления с помощью механизмов налогового регулирования. Модель КСО сложившаяся в Великобритании содержит элементы моделей КСО представленных в Америке и Европе. Модель КСО распространенная в Японии более сконцентрирована на внутренних социальных вопросах компании с учетом производственных необходимостей фирмы [4, с. 112].

Российская модель КСО имеет свои особенности продиктованные, с одной стороны, наследием нашей страны со времен административно-командной системы управления, а с другой стороны стихийно-складывающейся рыночной практикой 1990-х гг..

В странах с развитыми реальными механизмами, воздействующими на бизнес, главными силами двигающими развитие КСО выступают некоммерческие организации, они формируют и общественное мнение. В России заинтересованной стороной во внедрении КСО прежде всего является государство, поскольку в этом случае оно перекладывает часть своей ответственности на плечи бизнеса. Отсюда и разница в подходах построения взаимоотношений с различными представителями стейкхолдеров. Российский бизнес в большей степени учитывает интересы близкого окружения компании: местных органов власти, акционеров, сотрудников, а западный бизнес более ориентирован на

работу с потребителями, некоммерческими организациями и т.д.

Однако, внедрение системы КСО в Российское гражданское общество приводит к объективной необходимости унификации в этой области деятельности, а также к оценки ее эффективности. Мировой практикой разработаны международные стандарты и формы социальной отчетности в области КСО. Социальной отчетностью является информационная база оценки социальной ответственности бизнеса.

Основным направлением нефинансовой отчетности является:

- достижение доверия со стороны стейкходеров;
- информирование стейкхолдеров о социальной деятельности компании.

Среди наиболее известных, получивших мировой признание, используемых стандартных форм отчетности можно выделить Стандарт АА 1000, который затрагивает положительные аспекты деятельности компании в экономической, социальной и экологических сферах. Его структура представляет собой набор критериев, благодаря которым возможно осуществить социальный и этический аудит деятельности предприятия.

С акцентом на улучшение условий труда работников создан стандарт SU8000.

С акцентом на вопросах улучшения экологических требований и условий на производстве создан стандарт ISO 14000.

Результатом использования стандартов социальной отчетности является ряд преимуществ перед прочими компаниями: независимая проверка их социальной ответственности, а следовательно независимое подтверждение своей репутации в социальной сфере.

Высокий рейтинг деловой репутации является нематериальным активом компании. Компании, заинтересованные в независимой оценки и признании социальной отчетности проводят верификацию органами аудита с выдачей сертификата соответствия. Для дальнейшего подтверждения системы менеджмента в соответствии с международными стандартами проводятся регулярные надзорные аудиты. Данная система сертификации социальной отчетности построена подобно системе сертификации на соответствие стандартам ИСО.

Одним из самых используемых индексов, в системе сертификации является индекс KLD [Kinder, Lydenberg, and Domini]. По нему анализируются: корпоративное развитие, отношения с работниками, развитие местного сообщества, окружающая среда, управление, права человека, отрицательные эффекты. Каждому направлению присваивается определенный вес, и сумма всех весов имеющих отрицательное значение вычитается из суммы весов имеющих положительное значение, что в итоге дает индекс социальной ответственности компании.

Оценивая финансовые показатели по методики DEA становится возможным в комплексе с показателем KLD оценить взаимосвязь между показателями социальной ответственности компаний и экономической эффективностью.

Методики оценки экономических аспектов эффективности деятельности предприятия достаточно изучены и общеизвестны, в это время оценка социальной составляющей эффективности менее изучена и остается предметом исследований социально-экономических наук.

Оценить результативность воздействия социальных программ в рамках системы КСО достаточно сложно, однако существует множество работ посвященных оценки социальной эффектитвности: Д. Эмерсона, К. Кларка, А. Линган и С. Олсен и др. [6]

Часть исследователей считают, что категория эффективности не совсем применима по отношению к деятельности в социальной сфере, так как достаточно сложно ее оценить в количественном выражении [7, с. 260]

Другие исследователи считают, что социальная составляющая эффективности должна изучаться и оцениваться, несмотря на очевидную сложность ее определения. Социальная эффективность является соответствием результатов экономической деятельности предприятия социальным целям общества [7, с. 84]. Исходя из этого, социальную эффективность следует рассматривать как процесс удовлетворения разнообразных потребностей работников в организации, обществе в целом.

Исследователи изучающие социальную эффективность считают, что прежде всего социальный эффект от деятельности состоит в обеспечении и удовлетворении потребностей граждан общества в социальных благах, которыми являются охрана здоровья, образование и культура населения и прочее [8, с. 93].

Иногда понятие социальной эффективности связывают с понятием качества жизни. Понятия качества жизни может включать в себя и жилищные условия населения, и условия труда работников, и экологическую обстановку и многое другое. Основными показателями социальной эффективности, связанными с работой персонала в изучаемой литературе чаще всего встречаются: текучесть персонала, показатели средней заработной платы на одного работника, темп роста средней заработной платы, показатели уровня квалификации персонала, уровень дисциплины трудящихся, процент нарушений трудовой дисциплины, соотношение групп служащих, рабочих и руководителей, планомерность загрузки персонала, структура персонала, надежность персонала, накладные расходы персонала, осуществление плана социального развития, психологический климат в коллективе, показатели качества работы персонала.

Данные показатели многосторонне отражают социальную эффективность труда работников предприятия, а потому чаще всего для их иллюстрации требуется сбор информации на основе конкретных социологических исследований.

Экономическая и социальная эффективность влияют друг на друга и находятся во взаимосвязи. Некоторые специалисты отмечают, что экономическая эффективность создает предпосылки для более полного достижения социальной эффективности. В то же время, последняя оказывает влияние на экономическую эффективность [9, с. 89]. Оценивая социальный эффект следует иметь в виду, что количественно оценить даже экономический эффект не всегда возможно.

Возможно выделить, что эффект от применения социальных программ на предприятии может проявиться через воспроизводство высококвалифицированной рабочей силы, поддержание здоровья работников, увеличение их интеллектуального потенциала, что отражается в результате на уровне социально-экономического развития общества, росте ВВП, росте национального дохода, национального богатства [9, с. 94].

При оценке эффекта от воздействия социальных программ следует иметь в виду, что он может проявиться не одномоментно, а в течение определенного промежутка времени и отразиться на будущих показателях. А отсутствие некоторых социальных программ принесет для предприятия определенный ущерб, если они не будут функционировать совсем.

Эффект от внедрения социальных программ возможно определить как отношения эффекта от внедрения данных программ, ко всем затратам предприятия на формирование человеческого капитала работников предприятия и детей работников. Методы оценки социального эффекта сводятся к выделению затрат на социальные программы и разнообразных эффектов от них.

Методы оценки эффективности возможно условно разделить на две группы: показатели учитывающие фактор влияния времени (динамические), показатели учитывающие состояние на данный момент времени (статистические). Учитывая данную классификацию, следует социальную эффективность рассматривать с точки зрения динамических показателей, так как часть эффектов от нее является отсроченной во времени, а часть является осуществимой в ближайшее время.

Анализируя затраты, осуществляемые предприятием на данный момент времени на социальные программы, следует учитывать временную ценность денежных средств в данном периоде, что связано с инфляционными процессами и с возрастанием во времени стоимости квалифицированного персонала.

Таким образом, эффект от социальных программ может проявиться во времени и в разнообразном виде. Это могут быть социальные и экономические, натуральные и стоимостные, прямые и косвенные результаты. В общем виде это многообразие можно представить [10, с. 171]:

- рост экономической результативности деятельности организации;
- прирост объемных показателей результативности;
- прирост качества выпускаемого продукта;
- рост эффективности социальных взаимосвязей;
- повышение качества трудовых ресурсов, вступающих в трудовую деятельность;
- рост конкурентоспособности предприятия;
- повышение социальной устойчивости.

Для выявления значимости и результативности внедренных программ на предприятии нами было проведено анкетирование трех групп стейкхолдеров: служащие на предприятии, руководители и акционеры. Данные группы были выбраны поскольку: данные респонденты обладают знаниями о данных программах, пользовались ими и могут влиять на социальную политику предприятия.

Исследование было проведено с помощью почтового опроса. Всего было опрошено 112 человек. По результатам опроса было выявлено, что наиболее значимыми программами являются выполнение функций связанных с обслуживанием клиентов, выполнением обязательств (вес 0,34), соблюдением интересов материнства и детства (0,27), охрана труда и экология (0,17), отношения с местными сообществами (0,13). В меньшей степени значимость представляют программы направленные на внешние направления: поддержка разработки новых экологически безопасных ресурсов (0,035), военные контракты (0,01).

Таким образом, результатом проведенного анализа является очевидная заинтересованность всех групп опрашиваемых в программах направленных на внутренние проблемы и интересы предприятия, а также взаимосвязь экономических и социальных функций предприятия направленных на повышение эффективности деятельности предприятия в целом и персонала в частности.

Литература:

1. Друкер П. Ф. Эффективное управление. М.: ГРАНД, 2001, 312 с.
2. Heal G. Corporate social responsibility: An economic and financial framework // Geneva Papers on Risk and Insurance: Issues and Practice. 2005. №30 (3). Pp. 387–409.
3. Глущенко Е. В., Захарова Е. В., Тихонравов Ю. В. Теория управления. М.: Вестник, 1996.
4. Bird R., Casavecchia L., Reggiani F. Corporate social responsibility and corporate performance: Where to begin? Milan: Working Paper, 2006.

5. Kang K. H., Lee S., Huh C. Impacts of positive and negative corporate social responsibility activities on company performance in the hospitality industry // International Journal of Hospitality Management. 2010. №29 (1). Pp. 72–82.
6. Emerson J. The blended value proposition: Integrating social and financial returns // California Management Review. 2003. №45 (4). Pp. 35–51.
7. Экономика и социология труда / Под ред. А. Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2009, 584 с.
8. Юрьева Т. В. Социальная рыночная экономика. М.: Русская Деловая Литература, 1999, 416 с.
9. Витик С. В. Стимулирование репродуктивного труда на российских предприятиях механизм и оценка эффективности: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Екатеринбург, 2012.
10. Балынская Н. Р. Управление персоналом предприятия на основе механизмов стимулирования репродуктивного труда / Н. Р. Балынская, С. В. Витик, С. В. Коптякова, И. В. Риттер. Санкт-Петербург, 2014.

References:

1. Drucker P. F. Efficient management. M.: GRAND 2001, 312 p.
2. Heal G. Corporate social responsibility: An economic and financial framework // Geneva Papers on Risk and Insurance: Issues and Practice. 2005. №30 (3). Pp. 387–409.
3. Glushchenko E. V., Zakharova E. V., Tikhonravov Yu. V. Management theory. M.: Vestnik, 1996.
4. Bird R., Casavecchia L., Reggiani F. Corporate social responsibility and corporate performance: Where to begin? Milan: Working Paper, 2006.
5. Kang K. H., Lee S., Huh C. Impacts of positive and negative corporate social responsibility activities on company performance in the hospitality industry // International Journal of Hospitality Management. 2010. №29 (1). Pp. 72–82.
6. Emerson J. The blended value proposition: Integrating social and financial returns // California Management Review. 2003. №45 (4). Pp. 35–51.
7. Labor economics and sociology / Ed. by A. Ya. Kibanov. M.: INFRA-M, 2009, 584 p.
8. Yuryeva T. V. Social market economy. M.: Russkaya Delovaya Literatura, 1999, 416 p.
9. Vitik S. V. Encouraging reproductive labor at Russian enterprises mechanism and performance evaluation: dissertation for the degree of Candidate of Economics. Ekaterinburg, 2012.
10. Balynskaya N. R. Managing personnel of the enterprise on the basis of reproductive labor encouragement mechanisms / N. R. Balynskaya, S. V. Vitik, S. V. Koptyakova, I. V. Ritter. St. Petersburg, 2014.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)

Костко Н. А.

доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет (Россия), 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, kostkonir@yandex.ru

Ковригина Т. А.

соискатель, Тюменский государственный нефтегазовый университет (Россия), 625016, Россия, г. Тюмень, ул. Николая Зелинского, д.1/1, а. 135, kostkonir@yandex.ru

УДК 338.45:662.7
ББК 65.305.143

Цель. Изучение корпоративной социальной ответственности российских и иностранных нефтегазовых компаний на территории Арктической зоны РФ (на примере ЯНАО).

Методы. Проведен анализ корпоративной социальной ответственности отечественных и зарубежных компаний нефтегазовой отрасли, который включал мониторинг официальных сайтов компаний. Были выделены 14 основных направлений, по которым была проведена оценка качества корпоративной социальной ответственности, масштаб воздействия на социальную сферу региона. Анализ готовился исключительно на основе публичной информации, представленной на официальных сайтах компаний.

Результаты. Были определены пробелы в направлении корпоративной социальной ответственности российских и иностранных нефтегазовых компаний на территории ЯНАО по 14 направлениям.

Научная новизна. Научная новизна заключается в проведении анализа, позволившего получить информацию об уровне развития корпоративной социальной ответственности компаний в сфере нефти и газа, масштабе воздействия их деятельности на социальную среду региона. Подготовка анализа станет толчком для развития взаимодействия с местными сообществами и обеспечит открытость при обсуждении будущих программ, а в конечном итоге, будет стимулировать компании совершенствовать свою социальную политику.

Ключевые слова: Арктическая зона, нефть и газ, социальная ответственность, социальные программы, ЯНАО.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY OF RUSSIAN AND FOREIGN OIL AND GAS COMPANIES IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION (EXEMPLIFIED BY THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG)

Kostko N. A.

Doctor of Sociology, Professor, Tyumen State Oil and Gas University (Russia), 38, Volodarsky Str., Tyumen, Russia, 625000, gulayat@yandex.ru

Kovrigina T. A.

applicant, Tyumen State Oil and Gas University (Russia), fl. 135, 1/1, Nicholai Zelinsky Str., Tyumen, Russia, 625016, gulayat@yandex.ru

© Костко Н. А., Ковригина Т. А., 2016

Костко Н. А., Ковригина Т. А.

Purpose. To study corporate social responsibility of the Russian and foreign oil and gas companies on the territory of the Arctic zone of the Russian Federation (exemplified by YaNAO).

Methods. Corporate social responsibility of domestic and foreign oil and gas companies including companies' official websites monitoring is analyzed. The quality of corporate social responsibility and the scale of impact on social sphere of the region were assessed in 14 major directions. The analysis was based exclusively on public information provided on the official websites of the companies.

Results. Gaps in 14 directions were identified in corporate social responsibility of the Russian and foreign oil and gas companies in YaNAO.

Scientific novelty. The scientific novelty lies in conducting the analysis, which allowed providing information about the level of corporate social responsibility of companies in oil and gas sector, about the scale of impact of their activities on social environment of the region. The analysis will become the impulse for the cooperation development with local communities and will ensure openness in discussing future programs, and ultimately, will encourage companies to improve their social policies.

Key words: Arctic zone, oil and gas, social responsibility, social programs, YaNAO.

Нефтегазовая отрасль Российской Федерации в долгосрочной перспективе является основой отечественной экономики, что означает необходимость усилий бизнеса по увеличению ее социальной ответственности. Практика многих компаний данной отрасли демонстрирует, что социальная защищенность персонала и качество социальной сферы в регионе, где проводятся работы, становятся фактором обеспечения стабильности деятельности и роста производительности труда.

В основе деятельности любых компаний лежит экономическая цель, а именно, получение прибыли, однако социальные функции организаций не должны ограничиваться обеспечением работы для персонала и достижением максимальной прибыли для акционеров. Очевидно, что на сегодняшний день понимание ответственности компаний перед общественностью начинает постепенно выходить за рамки интересов инвесторов. Такая ответственность предполагает реализацию социальных проектов в направлении охраны здоровья, экологической деятельности, защиты интересов местного сообщества, благотворительности, культурны.

В европейских странах действуют различные системы поощрения социальной деятельности компаний, для привлечения бизнеса в сферу решения социальных проблем используются такие меры, как отнесение средств, истраченных на благотворительность к расходам, не облагаемым налогами, льготная система налогообложения для социально-ответственных предприятий и другое. В Российской Федерации подобная система тоже существует, но нуждается в коррективах. В некоторых случаях поддержка социально ответственных компаний по-прежнему носит лишь характер одобрения и освещения благотворительных акций в СМИ [1, с. 23–29]. С другой стороны, зачастую сама социальная деятельность некоторых нефтегазовых компаний носит популистский характер, социальные проекты часто направлены лишь на создание положительного общественного образа организации.

Именно то, в какой степени российские нефтегазовые компании воспримут принципы ответственности перед обществом, будет определять, удастся ли им стать составной частью совершенствующейся социально-экономической системы и быть одним из факторов позитивных перемен в социально важных сферах общества, создавать и совершенствовать благоприятные условия трудовой деятельности и жизни в регионах присутствия.

Особенно процессы социальной ответственности приобретают значимость в Арктической зоне Российской Федерации, как территории с особыми условиями жизни и труда. Социальная ответственность компаний в арктических регионах должна подразумевать определенный уровень развития социальной политики, добровольный отклик на различные социальные проблемы арктического общества [2, с. 166–178], поскольку главной направленностью социальной ответственности является повышения уровня жизни местного населения и создание благоприятных условий его работы.

Корпоративная социальная ответственность нефтегазовых компаний предполагает наличие различных социальных проектов и программ, которые позволяют персоналу и населению региона в целом получать различные социальные услуги на льготных условиях. В свою очередь, социальные программы представляют собой комплекс мероприятий, реализация которых способствует более быстрому и эффективному решению социальных проблем в регионе присутствия компаний [3, с. 57]. Сбалансированная политика в социальном направлении помогает компаниям нефтегазового сектора достигать устойчивого роста, вызывает доверие со стороны государства и общественности, тем самым

повышая уровень значимости компаний и делая их более конкурентоспособными.

На сегодняшний день в Российской Федерации разработка единых стандартов социальной ответственности в нефтегазовой отрасли находится на стадии своего развития. В данный момент нет мониторинга, позволяющего получать информацию об уровне развития корпоративной социальной ответственности компаний в сфере нефти и газа, масштабе воздействия их деятельности на социальную среду. Подготовка подобного анализа станет толчком для развития взаимодействия с местными сообществами и обеспечит открытость при обсуждении программ, а в конечном итоге, будет стимулировать компании совершенствовать свою социальную политику.

В связи с актуальностью данного вопроса назрела необходимость исследования российского и иностранного опыта в области корпоративной социальной ответственности нефтегазовых компаний. Изучению подлежали социальные программы для местного населения и сотрудников компании, благотворительные, спортивные и культурные проекты, разностороннее взаимодействие с территориями и другие аспекты. В список включены российские и иностранные компании, ведущие работы на территории ЯНАО, как региона Арктической зоны Российской Федерации с лидирующими показателями в направлении добычи полезных ископаемых и объемов сервиса в данной сфере. К таким компаниям относятся: Газпром, Газпром нефть, НОВАТЭК, Роснефть, Транснефть. Иностранные компании, вошедшие в список и имеющие свое присутствие в этом регионе: Baker Hughes, Halliburton, Schlumberger, Statoil, Total, Weatherford. Такие компании самостоятельно и в сотрудничестве с органами власти региона и муниципальных образований, местными сообществами и некоммерческими организациями реализуют комплекс социальных проектов. Компании оценивались по наличию проектов и программ, их качеству и разнообразию, масштабу воздействия на социальную сферу региона. Анализ готовился на основе исключительно публичной информации, представленной на официальных сайтах компаний.

Среди российских нефтегазовых компаний отмечается полиструктурный характер социальной ответственности с многообразием форм реализации социальных программ, которые служат инструментом социального обеспечения, поддержки и развития населения и работников в ЯНАО. Тем самым реализуются принципы коммерческого финансирования социальных услуг, которые способствуют удовлетворению разноуровневых социальных потребностей населения. Однако присутствуют направления, которые остаются практически вне поля зрения компаний: борьба с дискриминацией, защита прав человека, региональные научные исследования и опросы местного населения, профилактика опасных заболеваний (табл. 1).

Газпром усиливает влияние через проекты, которые направлены на социальную поддержку населения,

Табл. 1. **Результаты контент-анализа официальных сайтов российских нефтегазовых компаний, имеющих присутствие на территории ЯНАО**

	Газпром	**Газпром нефть**	**ЛУКОЙЛ**	**НОВАТЭК**	**Роснефть**	**Транснефть**
Благотворительность	+	+	+	+	+	+
Борьба с дискриминацией						
Защита прав человека					+	
Культурные проекты	+	+	+	+	+	+
Медицинское обслуживание	+	+	+		+	+
Научные исследования, опросы населения	+				+	
Пенсионное обеспечение	+		+		+	+
Поддержка местного сообщества, малочисленных народов	+	+	+	+	+	+
Профилактика заболеваний						
Развитие образования и обучения	+	+	+	+	+	+
Спортивные программы	+	+	+	+	+	+
Строительство инфраструктурных объектов	+	+	+	+	+	+
Улучшение жилищных условий	+	+	+		+	+
Экологические программы	+	+	+		+	

создавая рабочие места в основном регионе присутствия, оказывая помощь ветеранам, военнослужащим и людям с ограниченными возможностями, вкладывая средства в строительство объектов социальной инфраструктуры, реализуя программы поддержки народов Севера. Ежегодно компания выделяет средства на строительство социальных объектов. Благодаря крупнейшей социальной программе компании Газпром – детям в ЯНАО построены и реконструированы оздоровительные комплексы, стадионы, игровые площадки. При поддержке Газпрома присуждается ежегодная международная премия Глобальная энергия за открытия, изобретения, разработки в области энергетики. В целях решения жилищных вопросов персонала реализуется программа жилищного обеспечения. Для повышения качества жизни и труда сотрудников при освоении месторождений и строительстве газопроводов в арктических районах разработана система медикоэкологического и социально-гигиенического мониторинга, жизнеобеспечения работников. В вахтовых поселках для повышения оперативности и доступности высококачественного медицинского обслуживания создана уникальная корпоративная телемедицинская сеть [4].

Газпром нефть также последовательно внедряет принципы социальной политики в стратегию бизнеса в ЯНАО. Основными механизмами реализации социальной политики Газпром нефти являются социально-экономические соглашения с органами региональной и муниципальной власти, благотворительные пожертвования, волонтерские акции и грантовые конкурсы социальных инициатив. В компании реализуется программа Родные города, направленная на развитие городской и социальной среды, повышение качества жизни в малых городах, расширение доступа жителей к качественным услугам, образованию, культуре. Например, программа Равенство возможностей осуществляется в целях, чтобы дети, живущие в небольшом северном городе, имели не меньше возможностей, чем дети, проживающие в столице [5]. Компанией также реализуются программы, направленные на сотрудничество с народами Севера, интеграцию их в современность при сохранении обычаев предков.

ЛУКОЙЛ разрабатывает в ЯНАО несколько месторождений, в том числе Находкинское, которое расположено на Гыданском полуострове недалеко от поселка Находка на берегу Тазовской губы. Компания направляет средства на социально-экономическое развитие ЯНАО, строительство объектов социальной инфраструктуры, домов для представителей коренных народов, благоустройство поселков Пуровского района, сотрудничает с Фондом инновационного развития Ямало-Ненецкого автономного о круга, Ассоциацией «Ямал – потомкам!». Для решения экологических задач в компании функционирует Система управления промышленной безопасностью, охраной труда и окружающей среды. Компания ставит в регионе задачи по увеличению коэффициента полезного использования попутного нефтяного газа, применению принципа нулевого сброса в разработке шельфовых месторождений, эффективному управлению выбросами парниковых газов. ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь первой удостоена звания Лучшая промышленная компания Российской Федерации по работе с коренным населением. Компания активно содействует развитию инфраструктуры Арктической зоны, оказывает помощь в решении вопросов социальной политики ЯНАО, реализует программы по возрождению народных промыслов, помощь народам Крайнего Севера. В регионе построены жилые дома, школа-интернат, социальные объекты в поселке Находка, бытовой комплекс в совхозе Пуровском, храм в поселке Тазовском, котельная и хлебопекарня в поселке Самбург. В рамках Соглашения с ЯНАО компания содействует социально-экономическому развитию городов, некоммерческих организаций, благоустройству национальных посёлков, способствует закупке оборудования, горюче-смазочных материалов и других ресурсов, в которых нуждаются рыбаки и оленеводы региона [6].

НОВАТЭК уделяет большое внимание реализации проектов в поддержку культуры, сохранения и возрождения национальных ценностей и духовного наследия в ЯНАО. При поддержке НОВАТЭКа прошли выставки Арктика (в рамках фестиваля Дни Арктики в Москве). Компания заключила соглашения с администрацией ЯНАО и реализует в регионе программы по повышению уровня жизни населения, сохранению самобытности народов Севера. НОВАТЭК оказывает материальную поддержку Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Ямал – потомкам, ее районным отделениям, а также коренному населению, в том числе путем финансирования закупки оборудования, необходимого для их работы. Компанией профинансированы поставки горюче-смазочных материалов для выполнения авиаперевозок по доставке населения, ведущего кочевой образ жизни, и продуктов питания в труднодоступные районы. В частности, компанией была оказана помощь Надымскому району для приобретения судна на воздушной подушке, используемого для перевозки людей в период межсезонья. В Тазовском районе НОВАТЭК профинансировала строительство дороги для доставки продукции из села Гыда до берега реки Юнтосе. Ямальскому району оказана помощь в отношении представителей коренных малочисленных народов Севера, оказавшихся в различных трудных жизненных ситуациях. НОВАТЭК несколько лет развивает проекты непрерывного образования, целью которых является подготовка молодежи из районов, где ведет работы компания. Также реализуются программы

Табл. 2. **Результаты контент-анализа официальных сайтов иностранных нефтегазовых компаний, ведущих работы на территории ЯНАО**

	Baker Hughes	**Halliburton**	**Schlumberger**	**Statoil**	**Total**	**Weatherford**
Благотворительность	+	+			+	
Борьба с дискриминацией	+					+
Защита прав человека	+			+	+	+
Культурные проекты						
Медицинское обслуживание	+	+	+	+	+	+
Научные исследования, опросы населения	+			+	+	
Пенсионное обеспечение		+			+	
Поддержка местного сообщества, малочисленных народов	+	+	+	+	+	
Профилактика заболеваний			+		+	
Развитие образования и обучения	+	+	+			+
Спортивные программы						
Строительство инфраструктурных объектов				+		
Улучшение жилищных условий						
Экологические программы			+	+	+	+

Гранты для учителей и школьников, проживающих в Пуровском районе ЯНАО [7].

Роснефть организует в регионе ряд благотворительных и социальных проектов, которые направлены на обеспечение безопасных условий труда, улучшение качества жизни сотрудников, социальное развитие региона. Основные направления социальной политики компании созвучны национальным проектам – Доступное жилье, Здоровье, Образование. Позиция Роснефти в отношении организации трудовой деятельности, промышленной и экологической безопасности, поддержки местного сообщества в ЯНАО является неотъемлемой частью корпоративной стратегии компании, направленной на создание целого комплекса условий для устойчивого развития. Компания на протяжении всей деятельности выстраивает отношения с народами Севера на основе уважения, исполняет в рамках соглашений обязательства перед этими народами. В области экологии компания внедряет современные ресурсосберегающие технологии, реализует программу по увеличению уровня использования попутного нефтяного газа [8].

Большое значение в деятельности компании Транснефть занимает благотворительная деятельность, проведение различных акций в поддержку культуры, образования, спорта, популяризации здорового образа жизни. Большое внимание уделяется содействию укрепления роли семьи в обществе, защите материнства, детства и отцовства. Компания активно участвует в строительстве социальной инфраструктуры в ЯНАО, где проходят трассы трубопроводов, выделяет средства на строительство школ, детских садов, поликлиник. Транснефть-Сибирь профинансировала завершение строительства нового храма в поселке Коротчаево, в котором также предусмотрена программа строительства объектов социальной сферы, жилых домов, детского сада, спортивного комплекса, инженерных сетей. Помимо этого компания проводит жилищное строительство на отдельных территориях ЯНАО с неразвитой социальной инфраструктурой [9].

В то же время, как показал анализ, социальная политика уверенно присутствует и в практике зарубежных нефтегазовых компаний (табл. 2). Многие из них не рассматривают социальную политику только как благотворительную деятельность. Их социальная политика является одним из инструментов, позволяющих решать глобальные проблемы, повышать стоимость компании, эффективно управлять рисками, устанавливать прочные отношения со всеми группами влияния – государством, сотрудниками, местными сообществами. Имеет место развивающаяся тенденция иностранных компаний считать социальную политику самостоятельным, стратегически выгодным и необходимым направлением своей деятельности. Компании понимают, что для них социальная политика может стать важным конкурентным преимуществом.

В последние годы государство стало проявлять увеличивающуюся заинтересованность в освоении новых районов, перспективных с точки зрения добычи

нефти и газа, прежде всего на арктическом шельфе. Разработка и освоение шельфовых месторождений часто возможно только в партнерстве с иностранными компаниями, имеющими необходимые технологические ресурсы.

Baker Hughes придерживается принципов развития культуры, этнического и социокультурного многообразия. В своей деятельности Baker Hughes неуклонно следует программе Полного соответствия стандартам, имеет Кодекс деловой этики, придерживается политики равных возможностей в карьерном развитии (присутствуют региональные группы для женщин), привлекая и продвигая по службе самых квалифицированных сотрудников. Компания определяет содержание национального развития ключевой мерой успеха работы, поддерживает развитие коренного населения и бизнеса, стремится увеличивать состав сотрудников местными гражданами. Baker Hughes признает, что потребности в закупках являются двигателем для экономического роста региона и создания рабочих мест. Baker Hughes способствует развитию национальных связей через социальные взносы, которые в основном ориентированы на образование. В этом направлении компания помогает укрепить потенциал местного населения. На сайте Baker Hughes отмечено, что быть хорошим соседом означает уметь быстро реагировать на социальные потребности общества. В регионах, где живут и работают сотрудники, компанией исследуются возможности для социальных программ [10].

Halliburton предлагает сотрудникам широкие возможности для образования. В рамках программы поддержки образования компания полностью или частично покрывает затраты на обучающие курсы, а также другие программы, направленные на повышение эффективности деятельности сотрудников. В регионах, где Halliburton осуществляет свою деятельность, имеет репутацию заботливого соседа. Такая репутация достигнута благодаря участию в местных благотворительных программах, которые реализуются в школах и других социальных организациях. Компания также стремится вовлекать в работу, в первую очередь, местных специалистов, реализуя различные программы обучения и найма [11].

Непоколебимой приверженностью компании Schlumberger в регионах присутствия являются самые высокие стандарты здоровья и безопасности работников, заказчиков и подрядчиков, а также защиты окружающей среды в сообществах, в которых живут и работают сотрудники. Schlumberger внимательно относится к повышению уровня информированности в борьбе с ВИЧ/СПИДом. Он-лайн обучение компании базируется на глобальных стандартах здравоохранения и содержит сведения о происхождении болезни, симптомах, путях передачи и мерах профилактики. Кроме того, компания инициирует семинары для молодежи, проводимые обученными волонтерами [12].

На сайте компании Statoil указано, что компания ведет генерирование устойчивых социальных, экономических и экологических выгод для местных общин. Посредством общественных обсуждений, опросов, интервью, определяется мнение местного сообщества для понимания путей сотрудничества и создания положительного и долговременного воздействия. Проекты компании направлены на создание местной инфраструктуры, доходов и рабочих мест. Компания следует риск-ориентированному подходу, для того, чтобы избежать неблагоприятного воздействия на близлежащие населенные пункты, которые потенциально затрагивает деятельность. Соблюдение прав человека является центральным элементом новой стратегии устойчивого развития компании. В Statoil предлагается подготовка по правам человека для ряда сотрудников и подрядчиков в процессе закупок, технической безопасности. Компания ведет взаимодействие с коренными народами и местным населением, чтобы получать обратную связь, что позволяет включать соответствующие социальные аспекты в бизнес-решения и создает возможности для развития коренных народов. Ни один из проектов компании не включает вынужденного переселения людей [13].

В 2011 году французская компания Total приобрела пакет в масштабном газовом проекте – освоении Южно-Тамбейского месторождения и строительстве завода по производству сжиженного природного газа – Ямал СПГ, в составе которого три линии сжижения газа. С участием компании строится также уникальный арктический морской порт, который рассчитан на круглогодичную навигацию. Социальная политика Total направлена на такие ценности как многообразие, равные возможности, мобильность и развитие навыков. Компания осуществляет политику в области борьбы с дискриминацией, предпринимает шаги для продвижения гендерного равенства на рабочем месте, проводит различные курсы, которые помогают женщинам продвигаться по карьерной лестнице. Реализуется множество мер по поддержке найма людей с ограниченными возможностями, в этом направлении компанией было подписано Соглашение-содействие трудоустройству инвалидов. При взаимодействии с местными сообществами Total стремится защищать окружающую среду и помогает местным сообществам в решении основных социальных вопросов. Total стремится к повышению уровня здоровья сотрудников, их семей, принимает участие в крупных программах поощрения личного и общественного здоровья и реализации инициатив в ряде регионов, где отсутствует достойная инфраструктура в области здравоохранения. Целью компании является пропаганда здорового образа

жизни, главные мероприятия направлены на профилактику инфекционных заболеваний (таких как ВИЧ/СПИД, грипп), злоупотребления некоторыми веществами (алкоголь, табак, в некоторых случаях даже проводятся меры поддержки, помогающие людям бросить курить), предотвращение ожирения и сердечно-сосудистых заболеваний. Компанией поддерживаются достижения в области медицинских исследований, был создан Международный медицинский факультет Total, чтобы все сотрудники имели оперативную, качественную медицинскую помощь, независимо от того, где они находятся. Важной задачей компании является профилактика здоровья на рабочих местах – как общей, так и тех провайдеров, которые работают на производственных площадках, на каждой из которых назначается Координатор по здоровью и гигиене. Также проводятся ежегодные опросы сотрудников на предмет профессиональных заболеваний. Компания стремится к наращиванию местного потенциала в этих областях во всех принимающих района, развивает долгосрочные партнерские отношения с частными и государственными заинтересованными сторонами. [14].

Weatherford предоставляет широкие возможности для развития сотрудников, располагает собственными учебными центрами и программами обучения. Деятельность по привлечению талантливых кадров начинается со студентов университетов. По итогам прохождения производственной практики в компании готовы предлагать трудоустройство после защиты дипломного проекта. Компания реализует программу для студентов ведущих нефтегазовых ВУЗов страны, проводит ярмарки вакансий. Сотрудники компании обязаны соблюдать все законы и международно-признанные права человека, включая основополагающие принципы, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека. Weatherford имеет нулевую терпимость к взяточничеству и коррупции, в связи с этим разработаны высокие стандарты, процедуры и механизмы контроля для снижения коррупционных рисков и выявления противоправного поведения. Компания не терпит ответных мер в отношении сотрудников или третьих сторон, которые поднимают озабоченность по поводу расследования предполагаемых правонарушений. Для дальнейшего расширения взаимодействия в области охраны окружающей среды в рамках всей компании создаются новые экологические дипломные программы. Weatherford реализует проект по снижению выбросов углерода, отслеживает использование энергии, воды, топлива и отходов. Компания заключила союз с поставщиками высокоавтоматизированных мобильных систем очистки воды для включения повторного использования в бурении и другой деятельности. Простые технологии для уменьшения электрического потребления обеспечивают в среднем до 25 % экономии расходов на электроэнергию. Компания выступает спонсором Международной студенческой научно-практической конференции нефтегазовые горизонты, ежегодного мероприятия для талантливой молодежи из разных стран, которое укрепляет научное сотрудничество и деловое общение между российскими и зарубежными молодыми экспертами [15].

Таким образом, исследование структуры социальной ответственности ведущих нефтегазовых компаний, имеющих присутствие на территории ЯНАО, позволило определить основные пробелы в реализации различных социальных проектов.

Российские нефтегазовые компании в реализации корпоративной социальной ответственности в большей степени уделяют внимание благотворительным, культурным, спортивным и образовательным проектам, а также строительству объектов социальной инфраструктуры, поддержке коренных малочисленных народов, жилищным программам в регионе. Такой определяющей для российской экономики отрасли, как нефтегазовая, по-прежнему необходимо наличие определенных стратегий социальной ответственности, которые позволят комплексно решить проблемы реализации социальной ответственности, такие, как: обеспечение стабильного благополучия местного общества, защита общественных интересов, внимательное отношение к обычаям, традициям и культурным особенностям общества, недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, слабая финансовая поддержка научных проектов.

Для иностранных компаний в ЯНАО приоритетными остаются глобальные вопросы: борьба с опасными заболеваниями, защита прав человека, устранение дискриминации во всех ее проявлениях. В таких компаниях развитие образовательного потенциала персонала, обучение выходят на первый план. Иностранные нефтегазовые компании используют в работе более прогрессивные технологии в области экологических проектов, создания безопасных и комфортных условий для работы персонала. Стоит отметить, что зарубежные компании по-прежнему имеют более привлекательный для сотрудников и качественно разнообразный компенсационный пакет. По сравнению с российскими нефтегазовыми компаниями, их западные коллеги акцентируют свое внимание на бережливом и экологичном отношении к регионам, где осуществляется деятельность, выделяют значительные средства на проведение целевых мероприятий.

Уже сейчас можно отметить, что итогами реализации социальной ответственности нефтегазовых компаний в Арктической зоне становится повышение уровня жизни персонала и местных жителей, установление стабильных и взаимовыгодных отношений с обществом, привлечение наиболее способных работников

[15]. Основными факторами воздействия социальной ответственности нефтегазовых компаний на общество на сегодняшний день являются: обеспечение труда с достойным уровнем социальных гарантий; соблюдение прав человека; повышение социального потенциала регионов, пропаганда здорового образа жизни; благотворительная поддержка нуждающегося населения, инициатив местного сообщества; вклад в поддержание традиционного образа жизни народов Севера в регионах присутствия компаний.

Анализ показал, что нефтегазовым компаниям на арктических территориях необходимо придерживаться проблемно-ориентированного подхода в разработке своих социальных программ. Осознанная социальная ответственность в Арктической зоне должна стать обязательным элементом всех нефтегазовых социально ориентированных компаний, целью которых является достижение устойчивого развития. Базовым принципом реализации социальной ответственности должно являться социальное партнерство как конструктивный диалог персонала и работодателей по регулированию социальных и трудовых отношений. Также для успешного комплексного определения роли корпоративной социальной ответственности в Арктической зоне нужна открытая дискуссия между компаниями и социумом, которая должна определить значимость проблемы и помочь осознать силу воздействия на бизнес-сообщество. Необходима оценка общественных ожиданий в направлении социальной ответственности нефтегазовых компаний в Арктической зоне Российской Федерации. В данном случае должны учитываться не только мнения постоянных жителей региона, но также проблемы вахтовых работников и их семей. Важным представляется изучение различных аспектов удовлетворенности ими своей жизнедеятельностью, по результатам которого должна вестись подготовка различных нормативных документов.

Таким образом, в долгосрочной перспективе достижение высоких социальных результатов возможно только на основе соблюдения баланса интересов государства, акционеров нефтегазовых компаний, сотрудников, потребителей и общественных институтов. Российские и иностранные компании в Арктической зоне должны как можно скорее прийти к выводу, что благодаря сбалансированной и эффективной социальной политике снижаются риски бизнеса, повышается эффективность работы персонала и лояльность со стороны потребителей, растет репутация компании в целом. Важнейшее условие социального благополучия Арктической зоны Российской Федерации – формирование сбалансированной ответственности государства и нефтегазового бизнеса, в основе которой лежит соблюдение прав человека, равенство возможностей, приоритет закона.

Литература:

1. Письман Л. Д. Мост, который построил НИКС // Социальное партнерство. 2003. №2. С. 23–29.
2. Братющенко С. В. Социальная ответственность предпринимательства // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. 2005. С. 166–178
3. Чиркова А. Е. Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики: региональная проекция. 2007.
4. Социальная ответственность // Газпром в вопросах и ответах [электронный ресурс]. URL: http://www.gazpromquestions.ru/social (дата обращения 26.07.2015).
5. Компания и регионы: стратегическое партнерство в социальной сфере [электронный ресурс]. URL: http://csr2013.gazprom-neft.ru/regional_policy/company_and_regions/ (дата обращения 02.09.2015).
6. Соглашение о сотрудничестве [электронный ресурс]. URL: http://www.lukoil-zs.ru/responsibility/agreement/ (дата обращения 10.08.2015).
7. Взаимодействие с обществом [электронный ресурс]. URL: http://www.novatek.ru/ru/development/responsibility/ (дата обращения 04.09.2015).
8. Устойчивое развитие [электронный ресурс]. URL: http://www.rosneft.ru/Development/ (дата обращения 07.09.2015).
9. Уренгойское УМН – о возведении социальных объектов в рамках проекта Заполярье-Пурпе [электронный ресурс]. URL: http://sibnefteprovod.transneft.ru/press/news/?id=16841 (дата обращения 11.08.2015).
10. Corporate Social Responsibility [электронный ресурс]. URL: http://www.bakerhughes.com/company/corporate-social-responsibility (дата обращения 03.09.2015).
11. ОТ, ТБ и ООС [электронный ресурс]. URL: http://www.halliburton.ru/about/safety/ (дата обращения 10.09.2015).
12. Охрана труда, безопасность и защита окружающей среды [электронный ресурс]. URL: http://www.slb.ru/page.php?code=10 (дата обращения 05.09.2015).
13. Create local opportunities [электронный ресурс]. URL:http://www.statoil.com/en/EnvironmentSociety/Sustainability/Pages/LocalValue.aspx (дата обращения 10.09.2015).
14. Ямал СПГ – новое слово в развитии арктических проектов [электронный ресурс]. URL: http://ru.total.com/ru/total-v-rossii/nashi-proekty-kak-my-delaem-energiyu-luchshe-v-rossii/yamal-spg-novoe-slovo-v-razvitii-arkticheskih-proektov (дата обращения 02.09.2015).
15. Компенсации и льготы [электронный ресурс]. URL: http://www.weatherford.ru/ru/Career/compensation_and_benefits (дата обращения 08.09.2015).

16. Зарецкий А. Д., Иванова Т. Е. Корпоративная социальная ответственность: мировая и отечественная практика. Краснодар: Издательство КСЭИ, 2012.

References:

1. Pisman L. D. The bridge built by NIKS // Socialnoe partnerstvo. 2003. №2. P. 23–29.
2. Bratyushchenko S. V. Social responsibility of entrepreneurship // Current problems of socio-economic development: a view of young scientists. 2005. P. 166–178
3. Chirkova A. E. The interaction between government and business in the social policy implementation: a regional projection. 2007.
4. Social Responsibility // Gazprom in questions and answers [e-resource]. URL: http://www.gazpromquestions.ru/social (date of reference 26.07.2015).
5. Company and regions: strategic partnership in the social sphere [e-resource]. URL: http://csr2013.gazprom-neft.ru/regional_policy/company_and_regions/ (date of reference 02.09.2015).
6. Agreement on Cooperation [e-resource]. URL: http://www.lukoil-zs.ru/responsibility/agreement/ (date of reference 10.08.2015).
7. Interaction with society [e-resource]. URL: http://www.novatek.ru/ru/development/responsibility/ (date of reference 04.09.2015).
8. Sustainable development [e-resource]. URL: http://www.rosneft.ru/Development/ (date of reference 07.09.2015).
9. Urengoi TPM – on construction of social facilities in the framework of the Arctic-Purpe project [e-resource]. URL: http://sibnefteprovod.transneft.ru/press/news/?id=16841 (date of reference 11.08.2015).
10. Corporate Social Responsibility. [e-resource]. URL: http://www.bakerhughes.com/company/corporate-social-responsibility (date of reference 03.09.2015).
11. HSE [e-resource]. URL: http://www.halliburton.ru/about/safety/ (date of reference 10.09.2015).
12. Health, Safety and Environmental Protection [e-resource]. URL: http://www.slb.ru/page.php?code=10 (date of reference 05.09.2015).
13. Create local opportunities. [e-resource]. URL:http://www.statoil.com/en/EnvironmentSociety/Sustainability/Pages/LocalValue.aspx (date of reference 10.09.2015).
14. Yamal LNG – a new word in Arctic projects development [e-resource]. URL: http://ru.total.com/ru/total-v-rossii/nashi-proekty-kak-my-delaem-energiyu-luchshe-v-rossii/yamal-spg-novoe-slovo-v-razvitii-arkticheskih-proektov
15. Compensation and benefits. [e-resource]. URL: http://www.weatherford.ru/ru/Career/compensation_and_benefits (date of reference 08.09.2015) (date of reference 02.09.2015).
16. Zaretskiy A. D., Ivanova T. E. Corporate Social Responsibility: global and national practice. Krasnodar: KSEI Publishing, 2012.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ РАБОЧЕГО МЕСТА В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Воронина Л. П.

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, каб. 510, lidiya.voronina@uapa.ru

Алексеева К. С.

главный специалист отдела бухгалтерского учета и отчетности, Областной информационно-расчётный центр (Россия), 620144, Россия, г.Екатеринбург, ул. Большакова, д. 105, оф. 505, ks_aleks92@mail.ru

УДК 331.41
ББК 65.242.1

Цель. Обобщить опыт Территориального отраслевого исполнительного органа государственной власти Свердловской области – Управления социальной политики по Октябрьскому району г. Екатеринбурга по организации рабочих мест и установить особенности управления качеством рабочего места в органах государственной власти.

Методология и методы. Исследование выполнено на основе контент-анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, государственных и международных стандартов, литературных источников, содержащих результаты исследования в области управления и организации рабочих мест.

Результаты и научная новизна. Проведен сравнительный анализ категории рабочее место; определены преимущества и недостатки системы организации рабочих мест; проанализирована особенность организации рабочего места в органах государственной власти; разработаны мероприятия по модернизации рабочего места с использованием нотации IDEF0 в среде BPWIN.

Ключевые слова: рабочее место, системы планирования рабочего места, SWOT – анализ организации рабочих мест, контекстная диаграмма бизнес процесса Модернизация бухгалтерии и кабинета главного бухгалтера.

SPECIFIC FEATURES OF WORKSPACE QUALITY MANAGEMENT IN PUBLIC BODIES

Voronina L. P.

Candidate of Economics, Associate Professor, Assistant Professor of Economics and Management Department of the Ural Institute of Administration – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), of. 510, 66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, Russia, 620990, lidiya.voronina@uapa.ru

Alekseeva K. S.

Chief Specialist of Accounting and Reporting Department, Regional Information-Computing Center (Russia), of. 505, 105, Bolshakova Str., Ekaterinburg, Russia, 620144, ks_aleks92@mail.ru

Purpose. To summarize the experience of the territorial sectoral branch of the executive body of the Sverdlovsk region – Social Administration of Oktyabrskyi district in Ekaterinburg on workplace organization and to reveal the specifics of work space quality management in public bodies.

Methodology and methods. The research was based on content analysis of regulatory legal acts of the Russian Federation and the Russian Federation constituent entities, national and international standards, literature references containing research results in the field of management and workplace organization.

Results and scientific novelty. A comparative analysis of the work space category is carried out; advantages and disadvantages of the work space organization system are identified; the specifics of the work space in public authorities are analyzed; measures to modernize the work space using IDEF0 notation in BPWIN environment are developed.

© Воронина Л. П., Алексеева К. С., 2016

Key words: work space, work space planning systems, SWOT – analysis of work space organization, Modernization of accounting department and chief accountant's office contextual business process diagram.

На эффективную работу персонала влияет много факторов, одним из них является правильная организация рабочего места. Рациональное размещение персонала позволяет сократить время, затрачиваемое на выполнение операций, сократить действия, связанные с перемещением сотрудников, организовать более комфортные и эргономичные условия и снизить психологическую и социопсихологическую нагрузку у персонала, оптимизировать пространство и повысить производительность труда. Значение рациональной организации труда обусловлено несколькими факторами: во-первых, произведенный общественный продукт государства складываются из совокупности финансово-экономических результатов, полученных на отдельных рабочих местах; во-вторых, количественные и качественные характеристики рабочих мест определяют спрос и предложение на рынках рабочих мест и рабочей силы; в-третьих, структура, оснащенность, функционально-технологические и другие характеристики рабочих мест формируют требования к персоналу и определяют его количественные и качественные параметры; в-четвертых, управление организацией и персоналом осуществляется через управление рабочими местами.

Исследованию проблем организации рабочего места посвящены многие работы отечественных и зарубежных авторов. Различные аспекты в области организации рабочего места бухгалтера и надлежащих условий труда изложены в трудах В. Г. Адамчука, В. П. Пашуто, А. И. Рофе, П. В. Ревенко и других.

В литературе сущность категории «рабочее место» рассматривается с разных точек зрения. В трудовом праве «рабочее место» определялось как участок производственной площади, оснащенный оборудованием, приспособлениями и инструментами, с помощью которых работник выполняет свою трудовую функцию. При этом рабочее место не могло устанавливаться трудовым договором, так как не являлось предметом волеизъявления его сторон, а определялось исключительно работодателем. Определение рабочего места через производственный фактор занятости, который был доминирующим в настоящее время оставляет без «рабочего места» работников сферы обслуживания, финансовых и управленческих учреждений. Современная редакция Трудового кодекса дает следующее определение рабочего места «место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя» [1, ст. 209].

ГОСТ 19605-74 подразумевает под данной категорией «зону, оснащенную необходимыми технологическими средствами, в которой совершается трудовая деятельность исполнителя или группы исполнителей, совместно выполняющих одну работу или операцию» [2]. Это более широкое определение не связанное только с трудовым договором. По документам Госкомстата (в настоящее время Росстат) под рабочим

Табл. 1. **Системы планировки помещений**

Наименование системы	**Описание системы**	**Преимущества**	**Недостатки**
Кабинетная	структурные подразделения размещаются на отдельных этажах здания, а отделы и службы в отдельных комнатах (от 4 до 30 чел.)	создание творческой обстановки и комфортных условий для малых групп сотрудников	увеличение затрат на отопление и освещение, удлинение маршрутов документопотоков.
Зальная	структурные подразделения и производства размещаются в больших залах (на этажах) здания с количеством сотрудников более 100.	снижение затрат на строительство и эксплуатацию помещений, уменьшение площадей на 1 служащего, обеспечение рациональной технологии управления	невозможность создания уединенной обстановки, особенно для ученых и руководителей, избыточный шум в зале
Ячеистая	в большом зале размещаются сотрудники подразделения, а помещения для руководителей отделов и служб формируются с помощью специальных передвижных перегородок из рифленого стекла высотой 1,5–2,0 м	Применение перегородок создает благоприятную обстановку для сотрудников отдела, у которых своя «ячейка». Руководитель подразделения может свободно наблюдать за работой отделов и служб, дисциплиной труда.	Постоянный контроль

местом понимается «совокупность производственно-технологических условий, обеспечивающих занятость работника» [3].

По мнению В. П. Пашуто «рабочее место» – это первичное звено производственно-технологической структуры предприятия (организации), той элементарной ячейки, в которой осуществляются процесс производства, его обслуживание и управление. Именно здесь происходит соединение трех основных элементов этого процесса и достигается его главная цель – производство предметов труда, оказание услуг либо технико-экономическое обеспечение и управление этими процессами [4, с. 136].

В организации рабочего места важное значение имеют планировка, дизайн, мебель и оборудование рабочего места, так как это влияет на производительность труда, настроение и здоровье сотрудника.

Авторы проанализированы три основные системы планировки помещений, определили их преимущества и недостатки (табл. 1).

Для категории управленческого персонала мы можем определить следующие нормы:

- для руководителя – 25–55 м^2;
- заместителя руководителя – 12–35 м^2;
- руководителя большого структурного подразделения – 12–35 м^2;
- руководителя отдела, его заместителя, главного специалиста – 8–24 м^2;
- специалиста – 4–8 м^2;
- младшего делопроизводителя – 3–4 м^2.

Выделяют две основные схемы построения помещений: кабинеты и коридоры меж ними (классическая схема), открытое офисное пространство (американская схема). Классическая схема предполагает разбивку на группы, бюро и отделы, двери кабинетов оснащены табличками, указывающими на закрепление помещений за сотрудниками. Американская схема обладает несколькими преимуществами: значительная экономия пространства (нет внутренних стен); демократичность (рабочие места отделяют лишь тонкие перегородки при полном отсутствии внутренних дверей); легкость внесения любых функциональных изменений. Такая планировка облегчает вопросы коммуникации и линейной координации.

Большинство офисов России предпочтение отдают смешанной схеме с элементами открытого и классического офисов.

При организации рабочих мест особое внимание уделяется цветовому решению офисов. Также важнейший фактор, который влияет на работоспособность и здоровье человека, – это освещение. Свет регулирует все функции человеческого организма и влияет на психологическое состояние и настроение, обмен веществ, гормональный фон и умственную активность. Самым здоровым считается естественный дневной свет. Для его использования глубина офисных помещений не должна превышать 6 м.

Оптимальным вариантом искусственного освещения является комбинированная система, которая сочетает прямой и рассеянный свет. Поскольку свет имеет такую особенность, как теплоотдача, которая приводит к повышению температуры в помещении, необходимо выбрать правильный тип лампы для каждого отдельного случая.

Проведенные исследования показали, что при температуре 25 ^{0}С количество ошибок, допущенные сотрудниками, увеличивается примерно на 10 %. Снижение температуры до 20^{0}С сокращает скорость печати примерно в два раза, а количество ошибок возрастает до 25 %. Поэтому система климатического контроля должна быть отрегулирована на определенном комфортном уровне.

Основными принципами эргономичной организации рабочего места являются комфорт и минимизация нагрузок, сократить которые помогают разного рода надстройки, лотки, подставки, прочие функциональные аксессуары, например, навесные полки или тумбочки на колесах, которые помогут организовать рабочее место по принципу «все под рукой». Важное значение имеет оснащение рабочего места, представляющее собой все находящиеся на столе оборудование, инструменты технической документации, средств связи и сигнализации, средств охраны труда.

Средства оснащения рабочих мест для обеспечения необходимого порядка классифицируются на предметы постоянного и временного пользования.

К первой группе относится все то, что является необходимым элементом рабочего процесса на регулярной основе, в независимости от характера работы (оборудование, компьютерная техника; вспомогательные материалы и инструменты по уходу за оборудованием; инвентарь постоянного пользования и т.д.)

Вторая группа представлена предметами, необходимо для выполнении конкретной операции (рабочие и мерительные инструменты).

К каждой разновидности элементов оснащения рабочих мест предъявляются определенные требования, например, при выборе основного оборудования главными требованиями являются свобода движения, удобство и комфортность, нетравматичность, легкость управления оборудованием и т.д. Это позволит исключить ненужные затраты энергии и направить все силы на выполнение своих обязанностей. Доказано, что благодаря соблюдению норм эргономики экономится до 30 % рабочего времени и настолько же увеличивается производительность труда.

Авторами на основе нормативно-правовых актов Российской Федерации и субъектов Российской

Табл. 2. **SWOT – анализ организации рабочих мест сотрудников бухгалтерии Управления социальной политики по Октябрьскому району г. Екатеринбурга**

Сильные стороны	**Слабые стороны**
1. Высокая квалификация специалистов; 2. Оснащенность компьютерной и оргтехникой; 3. Установлено современное программное обеспечение; 4. Изучение новых программных продуктов.	1. Недостаточное бюджетное финансирование; 2. Небольшая площадь кабинета; 3. Низкая освещенность, не отвечающая требованиям; 4. Частый уход сотрудников на больничный; 5. Физический и моральный износ техники и мебели.
Возможности:	**Угрозы:**
1. Переоборудование кабинета; 2. Расширение должностных обязанностей; 3. Повышение квалификации сотрудников.	1. Централизация бухгалтерии Управления; 2. Сокращение сотрудников; 3. Истечение срока использования компьютерной и оргтехники.

Федерации, государственными и международными стандартами проанализирована особенность организации рабочего места в органах государственной власти на примере Территориального отраслевого исполнительного органа государственной власти Свердловской области – Управления социальной политики по Октябрьскому району г. Екатеринбурга.

В государственных учреждениях с 1 января 2014 г. введена специальная оценка условий труда [5]. По ее результатам устанавливаются классы (подклассы) условий труда на рабочих местах (условия труда по степени вредности и (или) опасности подразделяются на четыре класса – оптимальные, допустимые, вредные и опасные условия труда) [5, ст.14]. В зависимости от результатов специальной оценки условий труда, класса условий труда, подкласса условий труда введены дополнительные тарифы страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации от 2 до 8 процентов [6,ст.58.3 пп. 2.1].

Неотъемлемым атрибутом рабочего места сотрудника в органах государственной власти является обязательное наличие персональной электронно-вычислительной машины (ПЭВМ). Поэтому такие рабочие места должны соответствовать требованиям, установленным Главным государственным санитарным врачом. Расстояние между рабочими столами с видеомониторами (в направлении тыла поверхности одного видеомонитора и экрана другого видеомонитора) должно быть не менее 2, 0 м, а расстояние между боковыми поверхностями видеомониторов – не менее 1, 2 м.; рабочие места с ПЭВМ в помещениях с источниками вредных производственных факторов должны размещаться в изолированных кабинах с организованным воздухообменом; при выполнении творческой работы, требующей значительного умственного напряжения или высокой концентрации внимания, рекомендуется изолировать друг от друга перегородками высотой 1,5–2,0 м.; экран видеомонитора должен находиться от глаз пользователя на расстоянии 600–700 мм, но не ближе 500 мм с учетом размеров алфавитно-цифровых знаков и символов; конструкция рабочего стола должна обеспечивать оптимальное размещение на рабочей поверхности используемого оборудования с учетом его количества и конструктивных особенностей, характера выполняемой работы. При этом допускается использование рабочих столов различных конструкций, отвечающих современным требованиям эргономики. Поверхность рабочего стола должна иметь коэффициент отражения 0,5–0,7; конструкция рабочего стула (кресла) должна обеспечивать поддержание рациональной рабочей позы при работе на ПЭВМ, позволять изменять позу с целью снижения статического напряжения мышц шейно-плечевой области и спины для предупреждения развития утомления. Тип рабочего стула (кресла) выбирается с учетом роста пользователя, характера и продолжительности работы с ПЭВМ. Рабочий стул (кресло) должен быть подъемно-поворотным, регулируемым по высоте и углам наклона сиденья и спинки, при этом регулировка каждого параметра должна быть независимой, легко осуществляемой и иметь надежную фиксацию; поверхность сиденья, спинки и других элементов стула (кресла) должна быть полумягкой, с нескользящим, слабо электризующимся и воздухопроницаемым покрытием, обеспечивающим легкую очистку от загрязнений [7].

Авторами проведен SWOT – анализ и определено соответствие установленным требованиям на примере бухгалтерии Управления социальной политики по Октябрьскому району г. Екатеринбурга (табл. 2).

На основе анализа установлено, что только половина рабочих места по отношению к световым проемам соответствуют требованиям, то есть естественный свет падает сбоку, преимущественно слева. На двух рабочих местах расстояние между мониторами соответствует установленному расстоянию. Конструкция

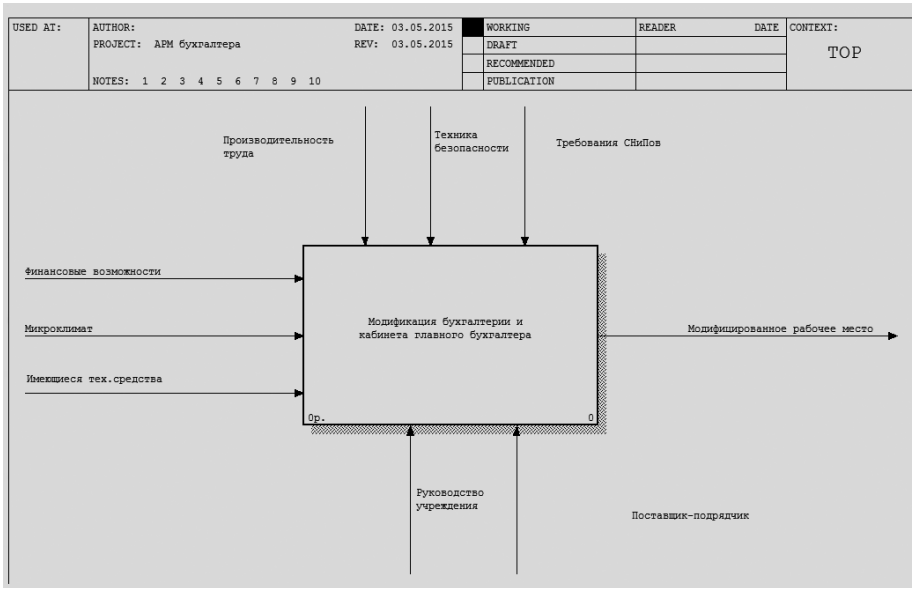

Рис. 1. **Контекстная диаграмма бизнес процесса «Модернизация бухгалтерии и кабинета главного бухгалтера»**

рабочих столов, обеспечивающих поддержание рациональной рабочей позы при работе на ПЭВМ, отвечает требованиям:

- высота рабочей поверхности стола регулируется в пределах 680–800 мм;
- рабочий стол имеет пространство для ног высотой не менее 600 мм, глубиной на уровне колен не менее 450 мм и на уровне вытянутых ног не менее 650 мм.

Отсутствует подставка для ног, которая должна отвечать следующим требованиям – ширина не менее 300 мм; глубина не менее 400 мм; регулировка по высоте в пределах до 150 мм и по углу наклона опорной поверхности подставки до 20 градусов; поверхность подставки должна быть рифленой и иметь по переднему краю бортик высотой 10 мм.

Требования к расстоянию от глаз до видеомониторов соответствует на всех рабочих местах, кроме рабочего места специалиста первой категории. У 57 % кресел отсутствует независимая регулировка и нет надежной фиксации.

Освещение в кабинете бухгалтерского учета и отчетности не соответствует нормам, заявленным в «Строительных нормах и правилах» СанПин 23-05-95, вместо освещенности 200 люксов фактически

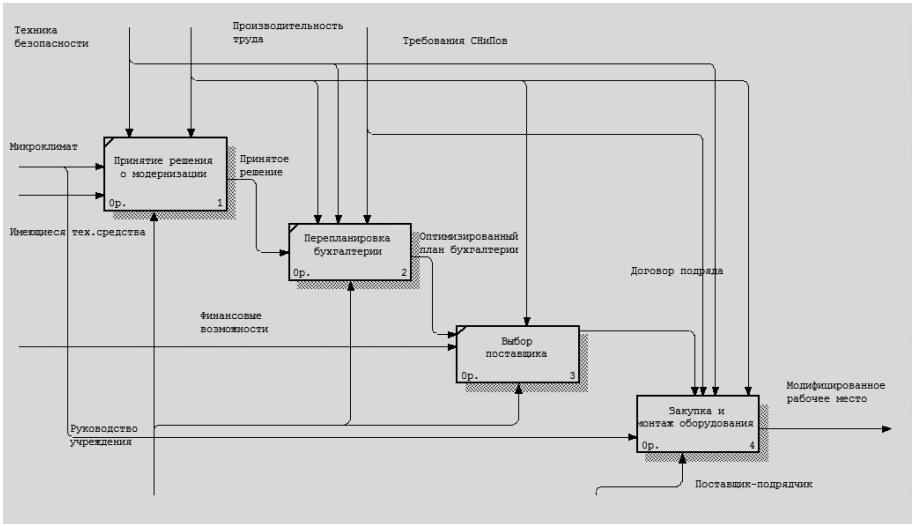

Рис. 2. **Декомпозиция основного бизнес процесса «Модернизация бухгалтерии и кабинета главного бухгалтера»**

Табл. 3. **Смета расходов по проведению мероприятий по переоборудованию рабочего места бухгалтера**

Статья расходов	**Цена, руб.**	**Кол-во**	**Стоимость, руб.**
Приобретение принтеров CANON i-SENSYS LBP6030B	4070	2 шт.	8140
Сканер – принтер – копир Xerox WorkCentre 3315DN	14520	1 шт	14520
Светильники настенные ЭРА L1-T4G5-840-12W	920	6 шт.	5520
Светильники потолочные ЭРА L1-T4G8-840-12W	995	17 шт.	16915
Подвесные потолки «Грильято GL-24»	1315	33 м^2	43395
Работы по установке и монтажу подвесных потолков и потолочных светильников	603,10	50 м^2	30155
Сплит – системы Hitachi RAS-10JH4/RAC-10JH4	34391,67	3 шт.	103175
Установка сплит систем Hitachi RAS-10JH4/RAC-10JH4	7800	3 шт.	23400
Итого			**245220**

180 люксов. Отсутствует система кондиционирования кабинета. Влажная уборка делается в кабинете два раза в неделю, при требовании СанПиН 2.2.2.542-96.8.1.14, в помещениях должна проводится ежедневно.

Авторы предлагают для улучшения условий труда и повышения работоспособности специалистов отдела бухгалтерского учета и отчетности провести следующие мероприятия: изменить расположение рабочих мест по отношению к световым проемам; раздвинуть рабочие столы ведущего специалиста 2 и ведущего специалиста 3, соблюдая допустимое расстояние; приобрести подставки для ног и рабочие стулья (кресла) отвечающие требованиям; ежедневно проводить влажные уборки; приобрести дополнительно ксероксы и сканеры; заменить шкафы – картотеки, по соответствующим параметрам; оборудовать помещение регулируемой системой кондиционирования.

Авторами разработана контекстная диаграмма бизнес процесса «Модернизация бухгалтерии и кабинета главного бухгалтера» с использованием нотации IDEF0 в среде BPWIN (рис. 1).

Предложены основные этапы модернизации бухгалтерии и кабинета главного бухгалтера с использованием нотации IDEF0 в среде BPWIN представлены (рис. 2).

При проведении организационных мероприятий авторами предлагается новый план расположения рабочих мест и их оснащение.

Пространство вокруг рабочего места не должно быть ярким, потому что кричащие элементы отвлекают внимание сотрудников. Серые и темные цвета также нежелательны. Для выполнения функций бухгалтеру необходимо достаточное пространство, при котором он чувствует себя свободно и имеет быстрый и легкий доступ к документам. Стол бухгалтера должен быть большой, обеспечивать пространство не только для оргтехники, но и рабочую область, на которой работник сможет работать, писать и выполнять другие операции связанные с работой. В бухгалтерии должен быть сейф для документов, представляющих особую значимость для организации.

В результате перестановки главному бухгалтеру предоставляется отдельный кабинет, а шесть сотрудников бухгалтерии работают в одном кабинете (рис. 3).

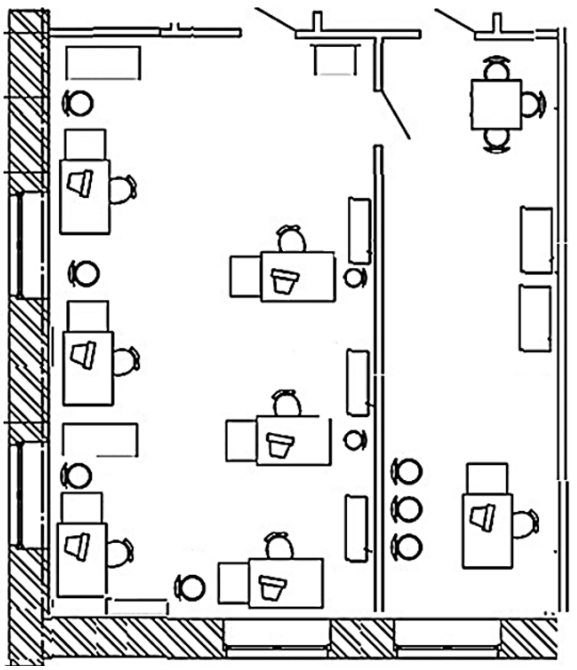

Рис. 3. **План размещения рабочих мест в бухгалтерии по результатам внедрения предложенных мероприятий**

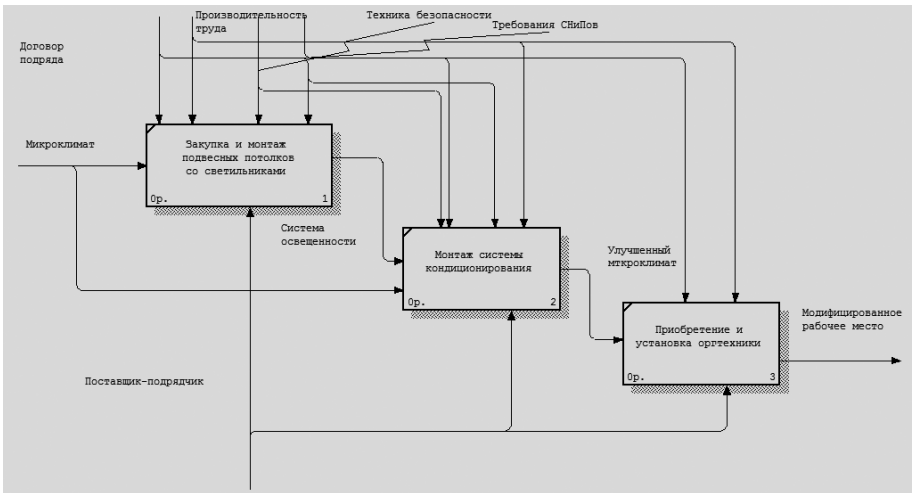

Рис. 4. **Декомпозиция бизнес-процесса «Закупка и монтаж оборудования»**

Каждое рабочее место оснащено лампой дневного света, закрепленной на стеллаже или стене с левой стороны от бухгалтера. Потолок в бухгалтерии подвесной также оборудован лампами дневного света. Авторы считают, что необходимо использовать подвесной потолок с поточными светильниками, которые для административных помещений учреждений являются оптимальным решением для организации качественного освещения, так как именно они позволяют создать равномерно насыщенный световой поток на всей площади помещения, отличаются удобством монтажа и эксплуатации, элегантным внешним видом.

Авторами предлагается установка трех кондиционеров одной модели Hitachi RAS-10JH4/RAC-10JH4.

Блок «Закупка и монтаж оборудования» декомпозируется на три бизнес-функции, его декомпозиция с использованием нотации IDEF0 в среде BPWIN приведена на рис. 4.

Исследователи рассчитали смету расходов на модернизацию рабочего места бухгалтера (табл. 3).

Источником финансирования расходов по проведению мероприятий по переоборудованию рабочего места бухгалтера являются бюджетные ассигнования.

Предложенный комплекс мероприятий улучшит условия труда сотрудников бухгалтерии, снизит общую утомляемость бухгалтеров, заболеваемость, повысит их работоспособность и производительность труда. Дополнительно установленные принтеры и ксерокс позволят сократить непроизводственные потери рабочего времени.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (ред.13.07.2015) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
2. ГОСТ 19605-74. Государственный стандарт Союза ССР. Организация труда. Основные понятия. Термины и определения: Утв. И введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 20 марта 1974 №636 [электронный ресурс]. URL: http://www.znaytovar.ru/gost/2/GOST_1960574_Organizaciya_trud.html (дата обращения 18.09.2015).
3. Об утверждении инструкции по заполнению унифицированных форм федерального государственного статистического наблюдения: Постановление Госкомстата РФ от 17 ноября 1997 г. №76 (ред. От 25.05.98). Документ утратил силу [электронный ресурс]. URL: http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=10527 (дата обращения 18.09.2015).
4. Пашуто В. П. Организация, нормирование и оплата труда на предприятии ред. М., 2009.
5. О специальной оценке условий труда: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. №426-ФЗ [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
6. О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, фонд Социального страхования Российской федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования: Федеральный закон от 29 июля 2009 г. №212-ФЗ (ред. От 13.07.2015) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
7. О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил и нормативов САНПиН 2.2.2/2.4.1340-03: Постановление главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 3 июня 2003 г. №118 (ред. От 03.10.2010) [электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

References:

1. The RF Labour Code: Federal Law of December 30, 2001 № 197-FL (as amended on 13.07.2015) [e-resource]. Access from ref.-legal system KonsultantPlus.
2. GOST 19605-74. State Standard of the USSR. Organization of work. Basic concepts. Terms and definitions: Approved and passed by the Resolution of the State Standard of the USSR on March 20, 1974 № 636 [e-resource]. URL: http://www.znaytovar.ru/gost/2/GOST_1960574_Organizaciya_trud.html (date of reference 18.09.2015).
3. On approval of instructions for completing the unified forms of federal statistical observation: Resolution of the RF State Statistics Committee of November 17, 1997 № 76 (as amended on 25.05.98.). The document is no longer valid [e-resource]. URL: http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=10527 (date of reference 18.09.2015).
4. Pashuto V. P. Organization, rationing and pay at enterprises ed. M., 2009.
5. On special assessment of working conditions: Federal Law of December 28, 2013 № 426-FL [e-resource]. Access from ref.-legal system KonsultantPlus.
6. On Insurance Contributions to the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, Federal Compulsory Medical Insurance Fund: Federal Law of July 29, 2009 № 212-FL (as amended on 13.07.2015.) [e-resource]. Access from ref.-legal system KonsultantPlus.
7. On Implementation of the sanitary-epidemiological rules and norms SanPiN 2.2.2 / 2.4.1340-03: Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of June 3, 2003. № 118 (as amended on 03.10.2010.) [e-resource]. Access from ref.-legal system KonsultantPlus.

МЕНЕДЖЕРЫ И СОБСТВЕННИКИ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ ОБ ОРИЕНТАЦИЯХ СТУДЕНТОВ БАШКОРТОСТАНА НА ТРУД В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Костина Н. Б.

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, natalya.kostyna@uapa.ru

Елагина Р. Х.

аспирант кафедры теории и истории социологии, Башкирский государственный университет (Россия), 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, reginabzh@bk.ru

УДК 316.344
ББК 60.543.172-26

Цель. Изучение представлений работодателей – владельцев, менеджеров малых и средних предприятий – о трудовых ориентациях современных студентов.

Методы. При сборе первичной информации использовались экспериментальные методы, анализ документов, в основу анализа положены как первичные, так и вторичные данные.

Результаты. Данное исследование, с одной стороны, позволило обобщить представления о мнениях представителей малого и среднего предпринимательства об ориентациях студенчества на труд, с другой стороны, сформулировать рекомендации по направлениям взаимодействия вузов, бизнеса и государства для стимулирования развития у молодежи компетенций, необходимых для их ориентации на работу в предприятиях малого и среднего бизнеса. Выявлено, что при всей привлекательности образа предпринимателя, ориентированного на вертикальную мобильность, самодостаточность, материальное благосостояние и многие другие характеристики, формирование и развитие малого и среднего предпринимательства в качестве потенциального работодателя становится непривлекательным для будущей трудовой молодежи. Студенты вузов не рассматривают частный бизнес как гарантированное место работы.

Научная новизна. Раскрыты представления работодателей об ориентированности выпускников вузов на работу в малых и средних предприятиях. Выявлена специфика влияния факторов требований работодателей и ожиданий студентов. Обоснована необходимость поиска направлений взаимодействия вузов и бизнеса.

Ключевые слова: менеджер, работодатели, требования и ожидания, взаимодействие, трудовые ориентации студентов.

MANAGERS AND OWNERS OF BUSINESS-ORGANIZATIONS ABOUT THE ORIENTATION OF THE BASHKORTOSTAN STUDENTS TO WORK IN THE FIELD OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS

Kostina N. B.

Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of Theory and Sociology of Management Department of the Ural Institute of Administration – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66, 8 Marta Str., Ekaterinburg, Russia, 620990, natalya.kostyna@uapa.ru

Elagina R. H.

postgraduate student of Theory and History of Sociology Department, Bashkir State University (Russia), 32, Zaki Validi Str., Ufa, Russia, 450076, reginabzh@bk.ru

© Костина Н. Б., Елагина Р. Х., 2016

Purpose. To study the perceptions of employers – owners and managers of small and medium-sized enterprises – on labor orientations of modern students.

Methods. Experimental methods, documents analysis were used for collecting primary information and the analysis is based on both primary and secondary data.

Results. The research, on the one hand, allowed for generalizing the perceptions of the views of representatives of small and medium-sized businesses on the orientations of students towards work, on the other hand, for formulating recommendations on the ways of interaction of universities, businesses and government to encourage the development of competencies necessary for young people for their orientation to work in small and medium-sized businesses. The research revealed that in spite of the attractiveness of the entrepreneur's image, based on vertical mobility, self-sufficiency, material well-being and many other features the formation and development of small and medium entrepreneurship as a potential employer becomes unattractive for to-be young employees. University students do not consider private business as a guaranteed job.

Scientific novelty. The employers' perceptions of the university graduates' orientation to work in small and medium enterprises are disclosed. The specifics of the impact of employers' requirements factors and students' expectations are revealed. The need for finding ways of interaction between universities and businesses is justified.

Key words: manager, employers, requirements and expectations, interaction, work orientation of students.

Переход к рыночным отношениям в сфере труда привел к изменению социально-трудовых отношений и их ориентациям на трудовую деятельность. С одной стороны, подобная ситуация позволила значительно расширить границы возможностей для самореализации студенческой молодежи в сфере труда, с другой, ослабление роли государства в ценностно-этическом ядре молодежи, выборе форм деятельности этой социальной группы, как правило, приводит к несоответствию получаемой в вузе специальности. В подобной ситуации очевидно, что предприятия малого и среднего предпринимательства способны адекватнее и быстрее ответить на изменившиеся ориентации студенчества на труд.

Вместе с тем исследования состояния малого и среднего бизнеса в России показывают, что проблема нехватки высококвалифицированных рабочих кадров, занятых в малом и среднем бизнесе вышла на первое место, обогнав такие проблемы, как коррупция и административные барьеры [1, с. 30]. Налицо несоответствие между потребностями развития малого и среднего бизнеса (инновационного, социально-ориентированного) и профориентационными представлениями студенческой молодежи о данной сфере. Решение этой проблемы может лежать в плоскости поисков путей, направлений взаимодействия бизнеса и образовательных структур, в рамках которого будет осуществляться подготовка специалистов для сферы малого и среднего бизнеса, что способствует формированию ориентаций студенчества на труд в малых и средних предприятиях.

В 2015 году автором было проведено фокус-групповое исследование с участием работодателей города Уфа – владельцев, менеджеров малых и средних предприятий. Основной профиль предприятий, привлеченных к участию в фокус-группе – сфера услуг, как наиболее крупная в Башкортостане. Возрастной интервал колеблется от 26 до 49 лет, что говорит о наличии, как молодых менеджеров, так и об опытных руководителях, занимающихся подбором персонала для своих организаций (предприятий).

Анализ информации, собранной в ходе фокус-групп, показал, что большинство работодателей рассматривают стремление студентов работать на предприятиях малого и среднего бизнеса скорее пессимистично, чем оптимистично. Практически все респонденты согласились с тем, что большая часть студентов ориентируются на работу в крупных компаниях, с престижным брендом, поэтому и опыт работы со студентами у большинства респондентов небогатый. Работу же в малых предприятиях студенты рассматривают как временную, стартовую площадку и не хотят задерживаться надолго. По мнению респондентов, это те студенты, которые понимают, что образование в вузе дает больше теоретических знаний. Для успешного же трудоустройства необходимы практические знания и опыт работы в профильной области.

Обращаясь к оценкам студентов, согласно данным опроса Башинформ, соискатели оценивают компанию как привлекательного работодателя по следующим критериям: высокое заработное предложение и хороший социальный пакет; известность компании на рынке; низкая текучесть кадров; близость работы к дому [2]. Результаты нашего исследования также подтверждают приоритетность данных факторов при формировании ориентаций студентов на работу на предприятии.

Владельцы малого и среднего бизнеса единогласно подтвердили, что студенты ориентированы на уровень заработной платы, которую им могут предложить. Более того, материальные ожидания современных студентов значительно завышены. Однако, сопоставление мнений респондентов с результатами

исследования ориентаций студентов [3, с. 174] показывают прямо противоположную направленность выпускников вузов. Очевидно, подобное несоответствие свидетельствует о желании работать по специальности после окончания вуза, что напрямую связано с высокой оценкой качества получаемого в вузе образования и теми условиями, которые предлагаются вузом для саморазвития. Анализируя критерий соответствия будущей работы специальности, которой обучается студент, было выявлено, что на этапе выбора предприятия данный аспект не является приоритетным. Как правило, студенты вспоминают о своей квалификации спустя два-три года работы в организациях, которые были выбраны по обещаемой зарплате (Сначала их привлекает рынок заработной платы, потом они через какое-то время вспоминают, чем им было интересно и хочется им дальше в этом развиваться, – ФГ: Наталья). Предполагается, что выпускник будет обладать всеми компетенциями, необходимыми для минимизации срока внедрения в организацию как полноценного сотрудника. Однако профессиональный уровень выпускников оценивается работодателями как низкий. В этом проявляется фактор несоответствия требований работодателей и ожиданий студентов от будущей работы.

Одно из ключевых требований работодателей к выпускникам – наличие опыта, который студенты нарабатывают, совмещая с учебой. На вопрос: Согласны ли вы с утверждением, что молодые специалисты являются достаточно недорогим ресурсом, они объективно стоят гораздо дешевле, чем специалисты-профессионалы? – суждения респондентов по данному вопросу концентрировались вокруг необходимости дополнительного обучения студентов. Для студентов важны возможности для профессионального роста и развития сотрудников. Эксперты признают, что на старте студенты соглашаются на невысокую заработную плату, в процессе работы с ними затрачиваются трудовые и материальные ресурсы для подготовки их к полноценной профессиональной деятельности, что на выходе делает студента даже более дорогим ресурсом, чем готовый специалист с имеющимся профильным опытом. Подобная ситуация приводит к увеличению количества занятых в период обучения в вузе и, следовательно, более раннему вхождению студенчества в трудовую жизнь [4, с. 89].

Студенты при выборе места приложения трудовых усилий, по мнению, участников фокус группы, ориентированы на предлагаемые условия труда, такие как график работы, возможности совмещения, получения практических навыков и знаний на этой работе, что является достаточно весомым фактором после уровня заработной платы. На третьем месте – престиж, бренд работодателя. Респонденты отмечают, что для большинства студентов важно наличие совокупности обозначенных факторов, редко – приоритетными становятся лишь пара из них. Компании, заботящиеся о сотрудниках, предоставляющие социальные льготы, оплату отпусков и больничных в соответствии с трудовым законодательством, обеспечивающие комфортные и безопасные условия труда, пользуются тоже большим успехом среди соискателей.

В рамках фокус-группы участников попросили описать конкурентоспособного студента. Проанализировав полученные ответы, был выявлен список приоритетных качеств, которыми должен обладать выпускник для успешного трудоустройства. Мнения работодателей оказались согласованными и сводятся к тому, что хороший молодой специалист должен, в первую очередь, иметь желание работать, во-вторых, он должен быть потенциален по своим личностным качествам и компетенциям, в третьих – иметь хорошую профессиональную подготовку.

В стабильно работающих компаниях, заинтересованных в подготовке кадровых резервов, участие сотрудников в специальных обучающих программах является традиционным. Кадровая политика некоторых малых и средних предприятий строится на найме специалистов с опытом, тех же, кто не справляется, увольняют. Поэтому для студентов вариант один – развиваться профессионально в рамках одной компании. В этом плане студентов должны привлекать небольшие быстро развивающиеся организации, ставящие перед своими сотрудниками более масштабные задачи, позволяющие профессионально расти и развиваться. С осторожностью следует относиться к предприятиям, пренебрегающим необходимостью повышения квалификации персонала. Однако, согласно нашему опросу, данный фактор характеризовал непривлекательность студентов в представлениях владельцев малого и среднего бизнеса как потенциальных работников. Также среди недостатков выпускников, можно увидеть высокую степень согласованности взглядов работодателей. В основном нежелательные стороны затрагивают трудовые и моральные качества, некоторые из которых также можно отнести к компетенциям. Несмотря на несерьезный портрет современного работающего студента по описанию работодателей, ряд респондентов отмечают привлекательность сотрудничества с ними. Фиксируя данное несоответствие в суждениях респондентов, необходимо отметить, что в большинстве случаев оно проявляется при описании двух типов студентов, выявленных нами в исследовании мнений студенчества, – это тип исполнителя и тип предпринимателя [5, с. 702].

Исполнительская трудовая деятельность характеризуется респондентами такими суждениями, как все равно какого размера компания и какой у нее бренд – лишь бы работать с 9 до 18 в чистеньком офисе, желательно без особого напряга, суббота

и воскресенье – выходные плюс зарплата вовремя (ФГ: Ирина), их больше интересуют не сама профессия, а их статус и материальное благополучие (ФГ: Рина). Инициативность, инновационная жилка представляется работодателями в качестве приоритетных качеств потенциального сотрудника. Предпринимателями движет мотивация, связанная с поиском более широкого круга возможностей. Малые и средние предприятия они рассматривают в качестве стартовой площадки (ФГ: Ирина), они амбициозны, при этом ответственны, стремятся к развитию, новым знаниям. При выборе крупных предприятий они ориентированы на профессиональный рост и содержание труда. По мнению работодателей, принявших участие в опросе, для карьерного роста, при наличии профильного образования, выпускнику необходимо наличие трех основных составляющих: нацеленность на результат, опыт работы и желание развиваться.

Работодатели требуют от студентов, а значит, и от их альма-матер – максимальную адаптированность к реалиям современного рынка, владение высокотехнологичным оборудованием, готовность к управлению и пониманию бизнес-процессов. Фактор несоответствия требований работодателей и ожиданий студентов актуализирует рассматриваемую нами проблематику. Общий выбор предприятий студентами определяется прагматичными мотивами, более конкретный связан с имиджем организации и карьерными возможностями. По нашему мнению, при наличии совокупности факторов малые и средние предприятия будут перспективными и привлекательными для студенчества.

В ходе нашего интервью, респонденты подчеркивали, что необходимо искать новые подходы к повышению ответственности студенчества к работе, к формированию ориентиров (Прежние подходы к мотивации уже не работают. Для поколения “Y” нужны новые к вовлечению в процессы, к нацеливанию на результат, – ФГ: Анастасия). Большинство работодателей в решение видят в адаптации учебных курсов к рыночным реалиям, привлечении специалистов-практиков в качестве лекторов, а также улучшении содержания и качества учебных и производственных практик. Использование передовых методов оценки, привлечение дополнительных инструментов для поддержания интереса соискателя, профессиональные маневры и креативный подход к решению задач – все это становится повседневной практикой менеджеров по управлению персоналом. Делая ставку на молодежь, используя при этом конкурентные свои преимущества, компании способны заполучить самый прогрессивный сегмент кадрового рынка, – отмечают авторы доклада Вузы и работодатели о выпускниках и реформе высшей школы [6]. И трендом на текущий момент является использование инструментов событийного маркетинга, совокурность которых позволяет малым предприятиям с минимальными затратами решать не только рекрутинговые задачи, но и имиджевые на кадровом рынке. Стажировка, практика – самая популярная в ответах респондентов форма взаимодействия малых и средних предприятий со студентами.

Участники фокус-группы едины во мнении, что для формирования ориентаций на трудовую деятельность студентов бизнес должен тесно сотрудничать с вузами. Только такой подход позволит ориентировать трудовые ценности в представлениях студентов на работу в малых и средних организациях. Подготовка к будущей профессии – это не только теоретические знания, но и практические навыки и опыт. К сожалению, современное образование не предоставляет возможности накопления практических знаний.

Безусловно, признавая важность контакта с вузами в целях формирования ориентаций на предприятия малого и среднего бизнеса, участники фокус-группы отмечали, что, к сожалению, подобная работа на их предприятиях почти не ведется. Встречи со студентами происходят, но носят разовый характер. При этом работодатели подчеркивали, что необходимо наладить систематическую работу. Для этого требуется изменение самой структуры профессионального образования, которая должна строиться на выявлении бизнес-ориентированных студентов еще на начальном этапе, при поступлении в вуз. Целью образования должно стать популяризация малого бизнеса как эффективной жизненной стратегии в молодежной среде.

Для привлечения будущих специалистов в сферу бизнеса большое внимание должно отводиться созданию профессионального имиджа специалиста, работающего на малом или среднем предприятии. Участники фокус-групп отмечают, что компании занимаются формированием своего имиджа в среде студентов в расчете на то, что в будущем эта работа положительно скажется на образе организации. Среди основных факторов, влияющих на формирование привлекательного профессионального имиджа малого и среднего предприятия респонденты назвали возраст организации, престижность бренда, стабильность (репутация на рынке), возможности для реализации профессиональных компетенций, условия труда и социальная ответственность.

В ходе интервью участники фокус-группы отмечали, что руководители, желающие работать со студентами должны скорее сами меняться. Если они хотят, чтобы эта работа была стабильной, а не на короткое время, то нужно подстраивать бизнес-процессы (ФГ: Ильдар).

К сожалению не все привлекательные работодатели учитывают пожелания соискателей. Кроме этого многие компании не учитывают простую формулу сарафанного радио – самого эффективного средства рекламы: если положительная информация о компании

будет пересказана 2–4 раза и плохо запомнится, то отрицательная информация будет повторена от 7 до 11 раз и запомнится во всех деталях. Поэтому руководителю компании и менеджеру по персоналу стоит критически посмотреть на свою компанию в качестве работодателя, чтобы обнаружить ее основные типовые ошибки при формировании имиджа на рынке труда. Все, с кем мы разговариваем, сначала мониторят рынок, спрашивают у знакомых, приходят по рекомендациям, узнают о компании предварительно. Это конечно же, о МСП. Если крупное предприятие, то студенты уже знают, куда они идут, т.к. крупные и так всегда на слуху. С МСП они же тоже понимают, что могут ошибиться, их могут обмануть, использовать, ничему не научить или сама атмосфера в компании не очень благоприятна. Поэтому вот эти вещи они всегда узнают, спрашивают заранее у своих друзей, знакомых (ФГ: Рина).

Следует отметить, что для подготовки будущих специалистов одним из условий является формирование образа бизнеса в коммуникациях вуза. В современном обществе необходима ориентация на новые программы создания имиджа и вуза, и бизнеса. Вуз считается основной платформой для пополнения профессиональной структуры общества, а также бизнеса. Поэтому при наборе студентов, для каждой специальности должны быть предложены программы, которые помогут успешному устройству студентов на работу. [7, с. 8572]

Данное исследование, с одной стороны, позволило обобщить представления о мнениях представителей малого и среднего предпринимательства об ориентациях студенчества на труд, с другой стороны, сформулировать рекомендации по направлениям взаимодействия вузов, бизнеса и государства для стимулирования развития у молодежи компетенций, необходимых для их ориентации на работу в предприятиях малого и среднего бизнеса.

Литература:

1. О состоянии делового климата в России в 2010–2013 гг. М.: Российский союз промышленников и предпринимателей, 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://media.rspp.ru/document/1/0/5/052e120269d00aa294ee8c2aa1c311df.pdf (дата обращения 31.07.2015).
2. Уфа – первая в ПФО по количеству резюме [Электронный ресурс]. URL: http://www.bashinform.ru/news/583773/?sphrase_id=384426. (дата обращения 16.01.2014).
3. Костина Н. Б., Елагина Р. Х. Ориентации студентов Башкортостана на труд в сфере малого и среднего предпринимательства // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. №2. С. 170–176.
4. Гимадрисламова Р. М., Хазиева Э. Р. Экономическая жизнь студентов: результаты социологического исследования в БашГУ // XVII заочная научная конференция Research Journal of International Studies. Екатеринбург. 2013. С. 89–90.
5. Елагина Р. Х., Шайхисламов Р. Б., Шайхутдинов А. А. Организация-работодатель в представлениях выпускников вузов // Вестник Башкирского университета. 2012. Т.17. №1 (1). С. 699–702.
6. Шмаров А., Глинкин И., Андреенкова А. Вузы и работодатели о выпускниках и реформе высшей школы: доклад. М. 2005. 49 с.
7. Елагина Р. Х. Проблемы формирования коммуникативной стратегии региональных вузов // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. М.: РОС, 2012. С. 8567–8572.

References:

1. On the state of business climate in Russia in 2010–2013. M.: Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, 2014. [e-resource]. URL: http://media.rspp.ru/document/1/0/5/052e120269d00aa294ee8c2aa1c311df.pdf (date of reference 31.07.2015).
2. Ufa – the first in the Volga Federal District in the number of CVs [e-resource]. URL: http://www.bashinform.ru/news/583773/?sphrase_id=384426 (date of reference 16.01.2014).
3. Kostina N. B., Elagina R. H. Orientation of Bashkortostan students to work in small and medium enterprises // Bulletin of the Surgut state pedagogical University. 2015. №2. P. 170–176.
4. Gimadrislamova R. M., Khaziyeva E. R. The economic life of students: the results of sociological research in BashGU // XVII correspondence scientific conference Research Journal of International Studies. Ekaterinburg. 2013. P. 89–90.
5. Elagina R. H., Shaikhislamov R. B., Shaikhutdinov A. A. Organization-employer in graduates' perceptions // Bulletin of the Bashkir University. 2012. V.17. №1 (1). P. 699–702.
6. Shmarov A., Glinkin I., Andreenkova A. Universities and employers on graduates and the high school reform: report. M. 2005. 49 p.
7. Elagina R. H. Problems of formation of communicative strategy of regional universities // Proceedings from the IV Regular All-Russian Sociological Congress Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development. M.: ROS, 2012. P. 8567–8572.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

1. Статьи должны быть написаны на актуальную тематику по направлениям (политология, экономика, социология, право), но в содержательном отношении обязательно связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи по иным направлениям науки, помимо перечисленных (например, по истории, психологии, проблемам высшей школы).

2. Автор представляет статью в электронном варианте (на дискете (CD диске) в формате .doc или по электронной почте по адресу nvestnik@uapa.ru). Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

3. Требования к структуре статьи:
   - постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
   - анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
   - выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
   - формулировка целей статьи (постановка задания);
   - изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
   - выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

4. Объем статьи должен составлять не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, **шрифт Times New Roman 14 кегль, 1,5 интервала, поле со всех сторон 20 мм, текст должен быть отформатирован по ширине, без переносов, с абзацным отступом 1,25 см)**

5. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4.

6. Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка предоставляется в отдельном файле. **Оформление таблиц – шрифт Times New Roman 12 кегль через одинарный интервал.**

7. Название статьи указывается первой строкой, выравнивание по ширине (жирным 14 шрифтом, только первая буква в названии статьи прописная, остальные строчными. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия (имя и отчество автора – инициалы), место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются).

8. Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Как правило, список литературы должен содержать не менее 8–10 источников.

9. **Пристатейный библиографический список** – обязательный элемент статьи, он входит в общее количество страниц. Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать требованиям библиографического описания ISBD (International Standard Bibliographic Description), установленные на февраль 2013 года. Например:
   - Агафонова Н. Н. Гражданское право: учеб. пособие для вузов / под. общ. ред. А. Г. Калпина. М-во общ. и проф. образования РФ, Моск. гос. юрид. акад. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 542 с.
   - Гонтмахер Е. Судьба российского государства зависит от того, способен ли будет новый президент обновить российскую политическую элиту [электронный ресурс]. URL: http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636 (дата обращения 23.01.2008).
   - Орехов С. И. Гипертекстовый способ организации виртуальной реальности [электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2006 [сайт]. URL: http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf (дата обращения 10.01.2007)
   - Абрамов А. М. Молчание профессионалов // Независимая газета. 2010. 27 мая.
   - О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненецкого автономного округа от

Примеры структурированных аннотаций:

1 Мороз П. А. Анализ противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса

Цель. Изучение причин возникновения кризисных явлений в странах-участниках ЕС и противоречий бюджетной и денежно-кредитной политик в преодолении последствий современного кризиса.

Методы. Проанализирована динамика экономического развития Еврозоны на основе сопоставления макроэкономических показателей Греции, Кипра и других стран ЕС, а именно, объемов номинального валового внутреннего продукта, валового государственного долга, динамики инвестиций в экономику, уровня безработицы, индекса потребительских цен и т. д.; определены «зоны риска» для тех стран, экономика которых наиболее поражена кризисом.

Результаты. Исходя из динамики базовых макроэкономических индикаторов, на основе научно обоснованных подходов и экспертных оценок, а также собственных выводов, исследована взаимосвязь между целями бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в современных кризисных условиях развития экономики Еврозоны. Сравнивая последствия финансиализации современной экономики с последствиями перепроизводства в реальном секторе развитых экономик во времена Великой депрессии (30-е гг. XX в.), делается вывод относительно наличия противоречий в реализации бюджетной и денежно-кредитной политик ЕС в преодолении последствий современного кризиса.

Научная новизна. Научная новизна заключается в исследовании взаимосвязи между бюджетной и денежно-кредитной политиками, когда использование различных инструментов и имплементация механизмов обеих политик подчиняются единой цели – преодолению последствий современного кризиса и обеспечению устойчивого экономического роста стран-членов ЕС в дальнейшем.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // Accounting, Auditing and Accountability Journal. Vol. 16. № 1.

Цель: исследование направлено на анализ развития документооборота в рамках финансовой отчетности в двух больницах, финансируемых государством, в Новом Южном Уэльсе за период с 1857 году после 1975 году.

Методология и методы: ретроспективный анализ основан на технологических и концептуальных изменениях финансовой отчетности в указанный период. В качестве основного подхода используется теория «заинтересованных сторон», в основу анализа положены как первичные, так и вторичные данные.

Результаты и область применения: в данном исследовании приводится исторический контекст последних разработок отчетности и подотчетности в государственном секторе Австралии. В частности, подробно рассматривается вопрос ведения учета по методу начисления, что дает представление о природе трансформации бухгалтерского учета в организации государственного сектора, что может быть экстраполировано на организации иных форм подведомственности и собственности.

Научная новизна: выявлены закономерности изменений (и стабилизации) финансовой отчетности в больнице, связанные с социальным и политическим контекстом.

3 Курицева Ю. Е. Долгосрочные последствия реструктуризации градообразующих угледобывающих предприятий (на примере муниципальных районов Пермского края)

Цель. Выявление и оценка интенсивности долгосрочных последствий реструктуризации угледобывающих регионов, проводимой в условиях рыночной трансформации.

Методы. Исследование базируется на методах теории функциональной специализации поселений и теории реструктуризации. Для проведения расчетов использовались методы экономико-статистического анализа.

Результаты и практическая значимость. Выявлены тенденции социально-экономического развития муниципальных районов Пермского края угледобывающего профиляв условиях реструктуризации. Обоснованы факторы, усиливающие негативное влияние программ реструктуризации на территориальное развитие. Выявлены территории, в наибольшей степени пострадавшие в результате проведения реструктуризации, и ключевые недостатки реализованных программ территориального развития.

Научная новизна. Раскрыты долгосрочные негативные последствия реализации программ реструктуризации при отсутствии четко обоснованных механизмов территориального развития. Обоснована специфика влияния программ реструктуризации градообразующих предприятий на различные элементы сложных пространственных систем расселения.

Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации!

19 мая 2006 года №721-ОЗ // Собрание депутатов Ненецкого автономного округа. 2008. 24 мая.
- Россия и мир: гуманитар. проблемы : межвуз. сб. науч. тр. / С.-Петерб. гос. ун-т вод. коммуникаций. 2004. Вып. 8. С. 64–81.
- Фенухин И. В. этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2002. 178 с.
- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. №1-ФКЗ (в ред. от 12 июля 2006 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. №18. Ст. 1589.
- Шпер В. Л. Снова о качестве, определениях и сопутствующих материях // Методы менеджмента качества. 2002. №1. С. 43–47.
- О введение надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [электронный ресурс]: указание Министерства социальной защиты Российской Федерации от 14 июня 1992 г. №1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографические сведения указывают в описании в том виде, в каком они даны в источнике информации.

10. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

11. **Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора **с переводом на английский язык**. Аннотация должна соответствовать требованиям ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования» (см. «Примеры структурированных аннотаций»). Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы. Последовательность пунктов аннотации может быть изменена. Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов исключительно общепринятой терминологии. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи.

б) ключевые слова и словосочетания (не более пяти) **с переводом на английский язык**;

в) пристатейный библиографический список **с переводом на английский язык**.

г) сведения об авторе в следующей последовательности: ФИО (полностью), место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, рабочий телефон, адрес электронной почты **с переводом на английский язык**.

Дополнительные сведенья к статье оформляются шрифтом Times New Roman 14 кегль, через 1 интервал, выравнивание по ширине.

12. Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

13. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами Уральского института-филиала РАНХиГС или других ВУЗов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора/кандидата наук соответствующего профиля. Решения о публикации, направленных в журнал материалов, принимает редакционная коллегия. Основанием для отказа в публикации материалов могут служить:

а) несоответствие представляемого в редакцию материала тематике журнала

б) несоответствие представляемого в редакцию материала требованиям, установленным редакцией журнала к публикации

Автор информируется об отклонении материалов, не соответствующих требованиям, установленным редакцией журнала.

Авторам бесплатно высылается один авторский экземпляр журнала. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается. Дополнительные экземпляры можно приобрести, сделав соответствующий заказ в редакции.

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, к. 25,
тел. (343) 257-27-68, (343) 251-78-63
e-mail.: nvestnik@uapa.ru

REQUIREMENTS TO PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL

1. Articles should be written on actual subjects indicated in the title of the journal in the areas of eg (political science, economy, sociology and law), but must be connected with an administrative subject (management of political, social, economic processes, legal regulation of various spheres of society and the state, current problems of state policy of modern Russia and corporate management). The editorial board reserves the right to publish articles in other areas of research besides those listed (for example, on philosophy, history, psychology and problems of higher education).

2. The Author should submit the article in an electronic form (on a diskette or CD disk or by E-mail *nvestnik@uapa.ru*) and on paper (1 copy). Other means of submission are not accepted. The editors do not return manuscripts, CD's and diskettes.

3. Requirements for the structure of the article:
   - formulation of the problem in general and its connection to important scientific and practical tasks;
   - analysis of recent research and publications, which laid the foundation for solving this problem;
   - selection of the unsolved parts of the problem which the article is devoted to;
   - formulation of purposes of the article (problem definition);
   - basic material of research with full justification of scientific results;
   - conclusions of this study and the prospects for further development in this direction.

4. The length of the article should be no more than 1 printed page (40,000 characters including spaces, **font Times New Roman size 14, spacing 1.5, 20 mm margins, the text should be justified without hyphens, with paragraph indentation 1, 25 cm).**

5. Illustrative materials (figures, drawings, schedules, diagrams, schemes) must be submitted in electronic format. All figures should have consecutive numeration.

6. Figures should be presented in the form of a table. Tables should not be large. Each table should have a serial number and a title. Numbering of tables should be consecutive. Abbreviations are not per-mitted except for units of measure. The electronic version of each table and figure should be submitted as a separate file. **Making tables – font Times New Roman 12 pt single-spaced.**

7. The title of the article should be centered and underlined in bold, font size 14. Only the first letter of the title should be capitalized, the others lower case. In the top right corner above the title, the full name of the author should be written in full. This should be followed by the author's institutional affiliation, position, degrees if appropriate.

8. Footnotes should be placed in square brackets at the bottom of each page, with the number that corresponds to the number of the source in the bibliography, together with a page reference, the bibliographic list and page or article reference, for example: [8, p. 16], [8, article 16]). Usually the list of references must be at least 8–10 sources.

9. **A bibliography** is essential and is included in the total number of pages. The bibliography must be placed at the end of article in their order of appearance in the text, (not alphabetically and nor hierarchy of sources). Do not duplicate names, do not specify with the same number several sources or sources of literature used. Making the bibliography must meet the requirements of bibliographic description ISBD (International Standard Bibliographic Description), established by February 2013. For example:
   - Agafonov N. N. Civil law: a textbook for high schools / Under the editorship of Kalpin A. G. The Ministry of Education of the Russian Federation, Moscow State Law Academy. Second edition, revised and enlarged. M.: Jurist, 202. 542 p.
   - Gonthmaher E. The fate of the Russian state depends on will the new presiden be able to update the Russian political elite [E-resource]. URL: http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=636 (date of access 23.01.2008).
   - Orekhov S. I. Hypertext way of organizing virtual reality [E-resource] // Vestnik of Omsk State Pedagogical University: electronic scientific journal. 2006 [website]. URL: http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-21.pdf (date of access 10.01.2007).
   - Abramov A. M. Silence of professionals // Nezavisimaya gazeta. 2010. May 27.
   - On Amending Article 30 of the Law of the Nenets Autonomous District "On State Service of the Nenets Autonomous District ": the law of the Nenets Autonomous District from May 19, 2006 № 721-RL // Assembly of Deputies of the Nenets Autonomous District. 2008. May 24.
   - Russia and the World: the humanitarian problems: Interuniversity collection of scientific papers / St. Petersburg State University of Water Communications. 2004. Issue 8. P. 64–81.
   - Fenuhin I. V. Ethno-political conflicts in modern Russia: the example of the North Caucasus region: the dissertation for the degree of candidate of political sciences. M., 2002. 178 p.

Examples of structured abstracts:

1 Moroz P. P. Analysis of the contradictions of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis

Purpose. Study of the causes of the crisis in the EU member countries and contradictions of fiscal and monetary policies in overcoming the consequences of the present crisis.

Methods. Analyzed the dynamics of the euro area economic development based on a comparison of macroeconomic indicators in Greece, Cyprus and other EU countries, namely, the volume of nominal gross domestic product, gross public debt, dynamics of investment in the economy, the unemployment rate, consumer price index, etc., "risk zone" for those countries whose economies most affected by the crisis are defined.

Results. Based on the dynamics of basic macroeconomic indicators, based on evidence-based approaches and expertise, as well as own conclusions, investigated the relationship between the objectives of fiscal and monetary policies of the EU in the current crisis conditions of economic development in the Eurozone. Comparing the effects of financialization of the modern economy with the consequences of overproduction in the real sector of developed economies during the Great Depression (30-ies. Twentieth century.) author concludes the existence of contradictions in the implementation of fiscal and monetary policies of the EU to overcome the consequences of the present crisis.

Scientific novelty. Scientific novelty consists in studying the relationship between fiscal and monetary policy, where the use of various tools and mechanisms for implementation of both policies are subject to a common goal – to overcome the consequences of the present crisis and sustainable economic growth in the EU in the future.

2 Julie E. M. Scott, Jill L. McKinnon and Graeme L. Harrison. Cash to accrual and cash to accrual: a case study of financial reporting in two NSW hospitals 1857 to post-1975 // Accounting, Auditing and Accountability Journal. Vol. 16. № 1.

Purpose: study aims to analyze the development of workflow within the financial reports in two hospitals, financed by the state, in New South Wales for the period from 1857, after 1975.

Methodology and Methods: A retrospective analysis based on technological and conceptual changes in the financial statements during the period. As a basic approach uses the theory of "stakeholders", analysis is based on both primary and secondary data.

Results and Applications: This study provides the historical context of the latest developments of reporting and accountability in the public sector in Australia. In particular, discussed in detail the issue of accounting on an accrual basis, which gives an idea about the nature of the transformation of accounting in public sector organizations, which can be extrapolated to other forms of jurisdiction and property.

Scientific novelty: the regularities of changes (and stabilization) of the financial statements in the hospital associated with the social and political context are identified.

3 Kuritseva Yu. E. Long-term effects of restructuring city-mining enterprises (on example of municipal districts of Perm region)

Purpose. Identification and evaluation of the intensity of the long-term impacts of restructuring the coal-mining regions, carried out in the conditions of market transformation.

Methods. The study is based on the methods of the theory of functional specialization of settlements and the theory of restructuring. For the calculation methods were used economic and statistical analysis.

Results and practical significance. The tendencies of socio-economic development of coal profile municipalities of Perm region under restructuring are identified. Justified factors that increase the negative impact of structural adjustment programs on territorial development. Identified areas most affected by restructuring, and the key disadvantages of territorial development programs implemented.

Scientific novelty. Disclosed a long-term negative consequences of the implementation of restructuring programs in the absence of clearly justified mechanisms of territorial development. Substantiated specifics influence programs of enterprise restructuring on various elements of complex spatial systems of settlement.

Author's abstract designed to serve as an independent source of information!

- Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education / W. Edwards Deming. 1900. 367 p.
- On Arbitration Courts in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 28 April 1995 № 1-FCL (as amended on July 12, 2006) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1995. № 18. Art. 1589.
- Shper V. L. Again about the quality, definitions and related matters // Methods of Quality Management. 2002. № 1. P. 43–47.
- On the introduction of allowances for complexity, intensity and quality of the work [E-resource]: designation of the Ministry of Social Protection of the Russian Federation dated June 14, 1992 № 1-49-D. The document has not been published. Access of legal reference system "ConsultantPlus".

The numbered order of references in the text should be the same in the Bibliography.

10. For statutory acts in the list, both original and most recently amended version should be included.

11. **In addition to the text of the article, the author should submit in a separate electronic file the following information in Russian:**

a) abstract must indicate the title of article, surname and initials of the author **with an English translation**. The abstract must meet the requirements The state standard 7.9-95 «Summary and abstract. General requirements». Abstract includes the following aspects of the content of the article: the subject, the purpose of work, method or methodology of work, results, the field of application of results, conclusions. The sequence of abstract can be changed. Volume of abstract should be between 200 to 300 words of accepted terminology only. Abstract text should not repeat the title and text of the article.

b) Keywords and word combinations (no more than five) **with an English translation;**

c) Bibliography **with an English translation;**

d) Author details – full name, position and institutional affiliation and, contact information (postal address, e-mail address, and phone contact) – **with an English translation.**

Additional information to the article are made in font Times New Roman size 14, spacing 1, width adjustment.

12. The author is responsible for the authenticity of information.

Articles directed to the editor without the requirements of these terms of publication, are not accepted

13. Articles are subject to external review and by members of the editorial board and Ural institute brunch of RANEPA experts in corresponding subject areas. Article sent for review without name and other data to identify the author. The author have the right to familiarize with performed review. The author may submit a certified review of scientific adviser, Doctor / Candidate of Sciences of corresponding profile. Decision to publish the article takes the editorial board. 12. Decision on the publication of the materials submitted is taken by the editorial board. Reasons for a decision against publication may include:

a) a discrepancy between the subject of the article and the fields covered by the journal

b) a discrepancy between the article and the publication specifications of the journal

In case of rejection, the author will be informed in due course by the editorial of the reasons for non-publication.

The author will receive one copy of the journal free of charge. Additional copies are available if the author places an order with the editorial board.

Address of the editorial board: 620990, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66, room № 25.
Tel. 343 2517 825; 343 2517 863.
E-mail.: nvestnik@uapa.ru

Журнал выходит 6 раз в год
Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Адрес редакции:
620990, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.
Телефоны:
(343) 251-78-25, (343) 251-78-63.
e-mail: nvestnik@uapa.ru
http://www.uapa.ru

*Статьи рецензируются. Редакция не несет ответственности
за позицию и точку зрения авторов*

При перепечатке ссылки
на журнал «ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ» обязательны.

Дизайн-макет
А. А. Панов

Компьютерная верстка
Е. В. Чернавская

В работе над журналом принимали участие сотрудники библиотеки
Е. В. Макеева и *О. Ю. Ефимова*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 49260 от 02.04.2012 г.)

Подписано в печать 25.02.2016
Формат 60 × 84/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 12. Тираж 999.
Отпечатано РИО Уральского Института управления – филиала РАНХиГС.
Заказ № 139